

Словесница Искусств

ТАЙНЫ РЕМЕСЕЛ

Словесница Искусств

№ 16
2005

Журнал Хабаровского краевого
благотворительного
общественного фонда культуры
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Свидетельство Дальневосточного
территориального управления МПТР ПИ
№ 15-0009 от 29 мая 2000 г.

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре,
проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом
Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции»
(2004)

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корреспондент	Светлана ФУРЦОВА
Выпускающий редактор	Наталья ЗУБКОВА

Общественный совет	П. ГОНТМАХЕР Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА В. КАТЕРИНИЧ А. ЛЕПЕТУХИН Т. МЕЛЬНИКОВА Н. ХОЛОДОК С. ЧЕРЕПАНОВА
--------------------	--

Фотографии	Е. ГЛЕБОВОЙ В. КОРКИНА А. МАРТЫНЦА Т. МЕЛЬНИКОВОЙ Г. ПЕРШИНОЙ В. СПИДЛЕНА И. ШЕВНИНА А. ХРАМЦОВА
------------	---

Номер создан при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17
Тел. (4212) 32-73-42, факс 32-73-85
E-mail: haki@mail.redcom.ru
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
Заказ № Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки:
Людмила Рязанова. **Украинские писанки**. В центре – «Берегиня».
Копия с археологической находки X в. (Киев).
Роспись. Яйцо, акриловые краски
Фото Алексея Мартынца

Перепечатка без разрешения редакции запрещена
При использовании материалов ссылка обязательна

Философия ремесла

«Мыслью стать» смогли многие произведения мастеров, живущих на Дальнем Востоке долгие столетия, они принесли в XXI век образцы своей эстетики, свое понимание красоты человеком, его умение сочувствовать ближнему. Это глубокое, протяженное во времени и пространстве сочувствие вносит оттенок мудрости и человечности в ремесло, которое и сегодня, в начале XXI века, служит нам, приамурцам, помогая в жизни увидеть главное, самое значительное, что является ее доминантой, и отсеять второстепенное, почти как в произведениях графиков и живописцев. Возможно, в этом и есть суть и предназначение ремесла: учить целые поколения толерантности, мудрости и красоте, стать той светлой мыслью, которая передает его философию через века».

Петр ГОНТМАХЕР

Стр. 2

Україно моя, кольорова...

«Особое место в народном творчестве Украины занимают писанки. Обычай создания писанок берет начало в глубокой древности, когда человек придавал большое значение культу солнца, дающего жизнь и тепло. Писанка - это своеобразная миниатюрная живопись на яйце. По технике исполнения различают несколько видов писанок: «крашанки» - яйца, покрашенные в один цвет, «крапанки» - покрытые цветными пятнами на фоне другого цвета, «дряпанки» или «скробанки» - с выцарапанным при помощи металлического стержня рисунком, «малеванки» - с орнаментом, нанесенным кисточкой от руки, и, наконец, «писанки» - украшенные геометрическими и растительными орнаментами, а также изображениями животных, птиц, рыб».

Людмила РЯЗАНОВА

Стр. 6

Духовный мир амурских этносов в традиционной вышивке

«Не в столь далёкие времена каждая нанайская женщина владела искусством вышивания. Эти навыки были им необходимы по этнической традиции декорировать всё, во что одевается человек, чем он пользуется в быту, на промысле, из чего ест и пьёт, на чём ездит. Разумеется, как и у любого народа, талантлива была не каждая женщина. Но с детских лет матери, бабушки, сёстры обучали девочек умению шить и вышивать, так что к 11-12 годам у них уже вырабатывались достаточно твёрдые навыки. За свою жизнь женщина успевала сшить немало прекрасно декорированных изделий для каждого члена семьи, для дома».

Антонина КИЛЕ

Стр. 46

Дар «рыбьекожих варваров»

«В китайских летописях аборигенов Амура и Маньчжурии называли «юй-пидацзы» – «рыбьекожие варвары».

Еще в середине XIX века основным материалом для пошива одежды приамурских народов, живших в бассейне Амура от Хинганских хребтов до устья, была кожа рыбы и зверей. В 1855 году Р. К. Маак поражаюсь, как нанайские, ульчские женщины относились к результатам своих трудов – одежде из кожи рыбы. «Нельзя не подивиться, как оне мало ценят свой труд! За небольшой кусок ситцу оне охотно отдавали свои одежды, тщательно и очень искусно вышитые выкрашенной рыбьей кожей», - писал он. Подобное отношение нанайцев и ульчей к одежде из кожи рыбы и повышенный интерес к ткани свидетельствуют об ее «обычности», господстве и, соответственно, о редкости одежды из ткани».

Татьяна МЕЛЬНИКОВА

Стр. 54

«Бысть чрево твое святая трапеза...»

«Увидеть старинную икону Богоматери «Бысть чрево твое святая трапеза» – редкая удача для коллекционера и исследователя. Далеко не каждый музей может похвастаться, что в его собрании присутствует этот редкий сюжет. Достоверно известно, что подобный образ, созданный неизвестным автором XVIII столетия, хранится в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии. Мне посчастливилось встретить такую икону в частной коллекции одного из жителей Хабаровска. Это икона первой половины XIX века, написанная на деревянной доске темперными красками по старинной технологии».

Галина ЕГОШИНА

Стр. 76

Борис Бабенко. Партитура жизни

«Кажется, все, к чему прикасались руки этого человека, будь то графика, поэтические строчки, фотография, путешествия, разведение цветов, становилось музыкой. Слово личность дирижера отбрасывала свой отблеск на окружающую жизнь и по мановению волшебной палочки изменяла ее до неузнаваемости. Да и сам облик Бориса Бабенко, когда он стоял за дирижерским пультом, напоминал летящий силуэт, устремленный вслед за музыкой»

Светлана ФУРЦОВА

Стр. 120

Чеховский театр с острова Сахалин

«Сахалин называют островом Чехова, и это не случайно. Все здесь пронизано энергетикой русского писателя: крупнейшая библиотека Сахалинской области названа его именем, создан музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», в свет выходят уникальные издания, связанные с ним. Но вот театр стал жить под звездой Антона Павловича лишь с 1954-го, хотя к этому времени ему уже минуло 24 года».

Елена ГЛЕБОВА

Стр. 128

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Елена ГЛЕБОВА. *Оберегающие знаки живых ремесел* 2

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Петр ГОНТМАХЕР. *Философия ремесла* 2
Елена ГЛЕБОВА. *Начало всех начал* 4
Мария БУРИЛОВА. *Женское умение прясть и ткать: немного истории* 14
Наталья СОБОЛЕВСКАЯ. *Традиции крестьянского строительного ремесла на Дальнем Востоке России* 17
Иван ШЕВНИН. *Печных ремёсел мастера, или Секреты древнерусской печки* 25
Наталья СОБОЛЕВСКАЯ. *Традиционная игрушка Дальнего Востока: рождение, одушевление, «оживление»* 38
Татьяна МЕЛЬНИКОВА. *Дар «рыбьекожих варваров» Лодки, раздвигающие реки...* 54

ЭТНОС

Марина ТЭМИНА. *Душа медведя на пути к своему хозяину* 63
Игорь МЕРКУШЕВ. *Скатерть-самобранка сурового Лана* 73

УРОКИ РЕМЕСЛА

Людмила РЯЗАНОВА. *Україно моя, кольорова...* 6
Елена ГЛЕБОВА. *Птица счастья. Мастер-класс Юрия Ефименкова* 31
Антонина КИЛЕ. *Духовный мир амурских этносов в традиционной вышивке* 46
Петр ГОНТМАХЕР. *Покорение бересты Медвежьи ковши мастера* 52
Светлана МЕЗЕНЦЕВА. *Погремушки из рыбьей кожи* 67

ПЕРСОНА

Елена ГЛЕБОВА. *Берега Юрия Ефименкова* 29
Глеб ШИЛИН. *Жизнь рождает искусство* 32
Светлана ФУРЦОВА. *Судьбы моей простое полотно* 34
Ольга ПРИВАЛОВА. *Райский сад Михаила Беликова* 90
Светлана ФУРЦОВА. *Твой образ милый* 92

КОЛЛЕКЦИЯ

Елена ГЛЕБОВА. *Потешные истории в кукольном доме* 36

ПАМЯТЬ

Елена ГЛЕБОВА. *Итэн Росугбу – человек из легенды* 71
Наталья ГРЕБЕНЮКОВА. *Жизнь и творческая судьба Лидии Хаиндровой* 109

РАРИТЕТЫ

Галина ЕГОШИНА. *«Бысть чрево твое святая трапеза...»* 76

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Елена ГЛЕБОВА. *Образ креста* 80
Татьяна КУБАНОВА. *Сысой из рода Бугач* 85
Светлана ФУРЦОВА. *Сибирский отшельник* 88
Виктория АНДРЕЕВА. *Сим победиши* 96

АРТ-ДВ

Елена ГЛЕБОВА. *Мистический узел бесконечной красоты* 83

ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

Валентина ЖДАНОВА. *Фантичная фантазия* 94

ВЗГЛЯД

Валентина КАТЕРИНИЧ. *Третий Федотов, Алексей Алексеевич* 100

ЛИТЕРАТУРА

Сергей КРАСНОШТАНОВ. *А. С. Пушкин и Дальний Восток* 103
Клара ЗИЛОВА. *Трагический шарм Даниила Хармса* 106

РЕЦЕНЗИИ

Алексей Филимонов. *Энциклопедия нивхского искусства* 53

АРХИВ

Лидия ВАРАКСИНА. *Письма Петру Комарову* 112
Мария БУРИЛОВА. *Дневник княгини Варвары Духовской* 136

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Виктория АНДРЕЕВА. *«Тишину, как голубя, я из рук кормлю...»* 118

МУЗЫКА

Светлана ФУРЦОВА. *Борис Бабенко. Партитура жизни* 120

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Сергей КРАСНОШТАНОВ. *Текст должен принадлежать автору* 124

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ

Светлана ФУРЦОВА. *Солнечный дом в половинке тыквы* 126

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Елена ГЛЕБОВА. *Чеховский театр с острова Сахалин* 128
Наталья ЛЕПЕТУХИНА. *Ощущение Белого театра* 130

КОПИЛКА ПАМЯТИ

Тамара КАЛИБЕРОВА. *Семейный альбом Владивостока* 132
Ирина НИКИФОРОВА. *Монологи при свечах* 150

МИР ДЕТСТВА

Глеб МОРДОВЦЕВ. *«Хотелось бы все до конца изменить...»* 160

Оберегающие знаки живых ремёсел

В моей семье хранится домотканая дорожка, сделанная руками прабабушки Евдокии. Когда я смотрю на бежевое полотно с черно-красными полосами по краям, то не перестаю удивляться: каким чудом оно сохранилось, пережив почти сто лет? Ведь ткала эту дорожку Евдокия еще на Украине, а потом, когда в 1930-е годы пришлось покинуть родные места, взяла ее с собой на Дальний Восток. И много разного было потом в жизни, радостного и горького, и бабушки моей давно уже нет на этом свете, а на ветхом льняном полотне все также яркие краски. Да, в силу объективных причин эта ремесленная ниточка для меня оборвалась, но осталась память.

Ремесло — своего рода шифр к пониманию мира наших предков. Рукотворные вещи из семейных коллекций или музейных экспозиций это то, что связывает нас с ушедшими поколениями и через особые символы хотя бы немного позволяет понять их жизнь, простую и сложную одновременно.

Как рассказывают славянские легенды, ремеслам людей научил Бог, чтобы облегчить им земное существование. Развивая их, человек, с одной стороны, делал жизнь более комфортной, а с другой — создавал некое защитное поле вокруг своего дома, своей семьи. Оно складывалось из символов, зашифрованных в вышивках и росписях, в особых приемах при строительстве жилища. Эти знаки встречали человека в момент его рождения, сопровождали всю жизнь и провожали в последний путь. На той же Украине гроб с покойным опускали на вышитых рушниках и на крест тоже повязывали рушник. А на Пасху на могилки приносили писанки — пасхальные яйца, раскрашенные особыми узорами и красками.

Дальний Восток уникален тем, что здесь встретились ремесла славян и северных этносов. Это два самостоятельных и значительных пласта нашей культуры, которые не пересекаются, но существуют в гармонии. Как и в славянских, в ремеслах коренных малочисленных народов Севера есть защитное поле. К примеру, нанайские девушки, заранее готовя для себя свадебный халат, вышивали и, по сути, собственную судьбу: спинку покрывали «чешуйками», которые охраняли от злых духов, а на ветки родового Древа «усаживали» души своих будущих детей. Когда истекал земной срок и женщина уходила к предкам, ей обязательно давали с собой вышивальные принадлежности — важный атрибут ремесла в обоих мирах.

У ремесел много тайн. Далеко не все из них дано нам раскрыть, что-то оказалось утраченным навсегда. И тем не менее живой интерес к народному искусству и реальные шаги к его возрождению в северных национальных школах, в творческих центрах и студиях дает надежду на то, что ремесло так и останется для нас важным оберегающим знаком. Потому что его мир — живой и реальный.

Елена ГЛЕБОВА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Философия ремесла

Само слово «ремесло» напоено какой-то особой чистотой, поэтичностью, открытостью и свободой творчества. Ремесло способно вбирать в себя и эстетическое, и этническое, и художественное, и ритуально-каноническое начало из духовной культуры любого этноса: большого или совсем малочисленного.

Петр ГОНТМАХЕР,
профессор

Эти начала обретают силу и сущность лишь в их органическом единстве и переплетении. Так, у мастера русского ремесла своя система художественного стиля, своя светоносность, свой осмысленный в веках цветолод и цветоритм, свое понимание композиции, линии и тоновых отношений. Русский мастер допускает яркость в произведениях ремесла, но в его творчестве нет ее агрессивных цветовых проявлений. В целом изделия русского ремесла выполнены в мягких, спокойных тонах, с тонко продуманными цветовыми нюансами. Видимо, здесь кроется тайна того особого цветолода, той особой палитры русского Мастера, умеющего сочетать в своих изделиях яркие, сочные, спокойные и чистые, как ключевая вода, тона и жесткие линии. (Концептуальная содержательность и подробнейшая характеристика славянского и, в частности, русского ремесла дана в предыдущем номере журнала «Словесница Искусств», главная тема которого — «Дальний Восток: славянская линия жизни». Самые общие сведения о русском, украинском и белорусском ремеслах, проводимые в нашем общем обзоре, опираются на конкретные этнографические и культурологические факты в статьях журнала «Словесница Искусств», № 15, с. 2 — 142).

Украинское ремесло имеет свою неповторимую самобытность. Украинскую вышивку не спутаешь ни с какой другой. Она свободна по композиции, узор расположен таким образом, что образуется много свободного пространства, которое хорошо работает на общее содержание вышивки. В произведениях украинских вышивальщиц четкость линии удачно сочетается с яркостью цвета, его свободным выражением. Интересно отметить, что ремесло русского и украинского мастеров при всей оригинальности каждого из них имеет и некоторые объединяющие их черты и в цвете, и в тоне, и в линии.

Своеобразие белорусского мастера уже многие столетия радует всех богатством своего внутреннего содержания и внешней формы, прежде всего в трактовках орнаментации. Не вдаваясь в подробности эстетических традиций белорусов (которые весьма богаты и требуют

специального рассмотрения), отмечу, что для ремесла этого этноса характерна попытка в сложных линиях формы и узора рассказать о природе и человеке, о его устремлениях, умении через цвет и линию передать сокровенные мысли и мечты о будущем.

Ремесло белорусского мастера близко по духу и художественному стилю к русскому и украинскому, хотя, безусловно, оно богато своими оригинальными эстетическими традициями и новаторскими чертами.

Неповторимостью цвета и орнамента отличается ремесло каждого народа, представители которого переселялись на Дальний Восток в течение нескольких последних веков. Но к тому времени Дальний Восток уже был заселен различными этническими группами. Даже самая малая из них имела свое миропонимание человека, природы и социума, равно как и свою манеру отражать увиденное в окружающем мире. Восемь коренных народов проживают на юге Дальнего Востока, и каждый богат своим ремеслом. Так для изделий нивхского мастера характерен свободный круглый спирально-ленточный орнамент, в художественном ремесле нанайцев следует отметить проработку мастером самых мелких мотивов орнамента и яркий сочный цвет. У нивхов цвет более сдержан и мягок. Удэгейский мастер за долгие века проживания на Дальнем Востоке выработал особую теплую цветовую гамму узоров. Эвенки и эвены склонны к мелким бисерным композициям в тепло-холодных тонах. Орочи и ороки проявляют свое художественное дарование в ремеслах, преимущественно связанных с хозяйственно-трудовой деятельностью. В них простота, цветовая скромность, незамысловатость орнаментальных композиций.

Следует хотя бы в краткой форме остановиться на орнаменте малочисленных этносов Приамурья. Они придавали фиксации орнаментальных знаков весьма серьезное значение. Орнамент для нанайцев, нивхов, ульчей, удэгейцев, негидальцев и других этносов был не только эстетическим украшением, но и своеобразной знаковой системой. Композиции орнамента не случайны. В данном случае орнамент следует рассматривать как особый тип коммуникации, своеобразное сообщение, высказанное по определенному поводу, и даже возможно, что в далеком прошлом существовал орнаментальный способ записи небольших по объему легенд и преданий на бересте и рыбьей коже, когда орнамент выступал в роли текста.

В исторической эволюции традиционного искусства коренных народов можно выделить два этапа художественного бытия произведения в его пространственно-временном контексте. На первом этапе формирования этнических традиций произведение служит лишь поводом для создания широкого синкретического действия и существует только в его целостности.

Здесь художественно-эстетическая ценность произведения не самодовлеющая, и определяется ценностью синкретического единства. Например, орнамент на одежде шамана имеет ценность лишь в процессе самого камлания, являясь своеобразным знаком его статуса. Эстетические достоинства знака здесь менее существенны, чем строгое следование их магическому канону. На втором этапе, в основном формирующимся под воздействием эстетики ремесла, произведение становится самоценным. Именно здесь может реализоваться обратная связь: приобретаемая самостоятельность произведения декоративного искусства тем самым обнаруживает способность влиять на другие жанры и виды искусства.

Отмечу интересный факт: за достаточно долгое время общения с русскими мореходами, путешественниками, участниками различных экспедиций (в частности, под руководством Г.И. Невельского и Л.И. Шренка) в основе художественного ремесла на юге Дальнего Востока появилось много интересных сюжетов, орнаментальных композиций, цветовых соотношений, имеющих общую эстетическую канву. В русское ремесло проникали сюжеты и технические приемы от мастеров Приамурья, в свою очередь, от русских художников в ремесло ульчей, нивхов, эвенов, эвенков и других органично входили элементы их многовекового эстетического опыта. Но все это заметно лишь при очень внимательном и глубоком анализе. Также определенное влияние на ремесло малочисленных этносов оказали Китай и в меньшей степени Япония и Вьетнам.

Говоря о художественном творчестве, заметим, что каноны красоты у аборигенов Приамурья тесно связаны с представлением о природном здоровье. Это обстоятельство явственно прочитывается в их языке. Так, нивхское слово «пандурдь» (быть красивым) восходит к двум корням пандь (родиться, расти) и урдь (быть здоровым). Позднее слово «урдь» приобрело еще и этическое содержание: быть хорошим, быть положительным.

Также и в нанайском языке есть слово «маси», что в переводе означает «крепкий, мужественный, сильный». Другое нанайское слово «ая» переводится как «здоровый, красивый». Нанайские слова «аяди», «балдиру» одновременно переводятся «живи здоровым», «благополучия тебе». В ульчской «Песне рыбаков» есть такие слова: «Батури агасал пунямди нгэнэлмэ...» (красивые, стройные, сильные и ловкие братья-рыбаки едут). В эвенкийском, ороцком и других языках народов Севера тоже есть слова, обозначающие силу, ловкость, мужество, гармонию и красоту одновременно. Следовательно, языковые материалы подтверждают, что понятия физического здоровья, эстетического и этического тесно переплетаются в миропонимании человека, живущего на Дальнем Востоке.

Таким образом, ремесло каждого из народов, проживающих на юге Дальнего Востока, — это оформление повседневности, оформление бытия человека, в нем он обнаруживает свое целостное «я». Через ремесло человек утверждает миропонимание соплеменников, их достоинство, мудрость, благородство, соратничество и сотворчество разных этносов: больших и малых. В руках большого художника простое дерево, береста, рыбья кожа, кость, говоря словами поэта, могут «мыслью стать», передавая менталитет этноса от поколения к поколению и обогащаясь новыми традициями более поздних времен.

«Мыслью стать» смогли многие произведения мастеров, живущих на Дальнем Востоке долгие столетия, они принесли в XXI век образцы своей эстетики, свое понимание красоты человеком, его умение сочувствовать ближнему. Это глубокое, протяженное во времени и пространстве сочувствие вносит оттенок мудрости и человечности в ремесло, которое и сегодня, в начале XXI века, служит нам, приамурцам, помогая в жизни увидеть главное, самое значительное, что является ее доминантой, и отсесть второстепенное, почти как в произведениях графиков и живописцев. Возможно, в этом и есть суть и предназначение ремесла: учить целые поколения толерантности, мудрости и красоте, стать той светлой мыслью, которая передает его философию через века.

Наталья Романенко, руководитель украинского хора «Криница»

Начало всех начал

Елена ГЛЕБОВА

Подлинность народной песни, ее истинный смысл, несомненно, определит лишь знаток. Но есть в ней какие-то особые черты, которые воспринимаются на уровне души даже самым неискушенным слушателем. Мне не раз приходилось видеть, как преображались лица людей на концертах хабаровского хора «Криница». Потому что в сплетении напевов и чистых, открытых голосов рождались старинные предания, истории о любви и отеческом долге, радость и грусть, забавные шутки и невыплаканные слезы. Рождался образ Украины – родной и прекрасной.

«Криница» в переводе с украинского «исток», «родник», «начало». Хор, история которого насчитывает уже 12 лет, послужил началом для создания пять лет назад краевого Центра украинской культуры, объединившего выходцев из Украины и их потомков, которые любят и бережно хранят все, что связано с землей

их предков. Язык и песня, искусство ткачества и вышивки, привезенные в конце XIX – начале XX столетий на восточную окраину России, удивительным образом сохранились, не стерлись в памяти. В общей переселенческой картине Дальнего Востока наибольший процент пришелся именно на украинцев. Неутомимые труженики, они осваивали суровые чужие земли, и при этом прилагали все силы, чтобы в их маленьком мире преобладали звуки и краски покинутой Украины. И расцветали пышные розы на праздничных рушниках, окрашивались солнечными бликами дотканые ковры, украшались орнаментами-оберегами рубахи.

В 2005 году в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры был осуществлен творческий проект центра «Криница» – выставка «Украина моя, кольорова». Автор экспозиции, художник-оформитель Людмила Рязанова, соединив рукотворные предметы декоративно-прикладного искусства в общую философскую концепцию, сотворила небольшую модель Украины. И в этом обрамлении негромко звучали истинные украинские песни – настоящие музыкальные сокровища.

Статус городского коллектива «Криница» получила лишь в 2005 году, но еще задолго до официального признания в жизни хора происходили яркие события. Конечно же, главным творческим началом всегда была Наталья Романенко – талантливая, артистичная, тонко чувствующая красоту народного искусства. Правда, вначале выпускница Хабаровского государственного института искусств и культуры, кафедры хорового дирижирования, имеющая, кстате, украинские корни, пела только по-русски. Но в 1996 году ей посчастливилось поехать в Киев на курсы повышения квалификации при Киевской государственной академии культуры и некоторое время заниматься в государственном академическом украинском хоре имени Григория Веревки. Там и открылась Наталье украинская песня во всей красоте и сложности. Потому что и подходы здесь требуются иные, и звук иначе извлекается. Позднее были и другие поездки на украинскую землю, и всякий раз Наталья Романенко привозила фольклорные жемчужины.

Руководителя «Криницы» (она же и председатель правления Центра украинской культуры) нередко спрашивают: почему в репертуаре хора нет популярных песен вроде «Вареничков» и «Ты ж мене пидманула»? И как порой нелегко объ-

яснять Наталье Романенко, что украинская песенная культура — не только эти, признаться, порядком надоевшие и утратившие свои народные корни песенки, а бездонный музыкальный пласт. Именно поэтому она сознательно не включает в репертуар «Варенички», предлагая слушателям только подлинные вещи. И костюмы, к слову, у «Криницы» тоже подлинные, рукотворные. Любая деталь, будь то головной убор, богато расшитый передник или крупные красные бусы, работает на фольклорные образы.

Наталья Романенко, человек православный, старается, чтобы эта важная духовная нить пронизывала все ее программы. Потому что украинское музыкальное искусство наполнено христианскими мотивами, народной мудростью. В итоге кропотливой работы рождаются серьезные тематические концерты, посвященные традиционным народным праздникам Украины и их значению, роли матери в семье и т.д.

Дважды «Криница» участвовала в международных фестивалях украинской диаспоры, в 1999 и 2001 годах, и дважды удостоивалась звания лауреата. Причем там, в Киеве, удивлялись, что дальневосточный хор исполняет песни, которые даже в Украине сегодня практически неизвестны. И чистому украинскому языку дальневосточников тоже удивлялись.

Была и еще одна знаковая встреча. В 2001 году на фестивале «Криницу» разыскала дочь известнейшего собирателя фольклора Данилы Демуцкого. Она до глубины души была растрогана, что хабаровчане поют такие редкие и мало кому известные украинские песни, одна из которых оказалась из собрания ее отца.

Украинской диаспорой учреждена награда — почетный знак «Украина-Свит», который дается тем, кто прилагает усилия к сохранению национальной украинской культуры. Во всем мире таких знаков насчитывается всего 160, и 143-й — у Наталья Романенко.

Мне кажется, что Наталья помимо дара музыканта и исполнителя обладает еще одним очень важным качеством — умением разглядеть в людях талант, способностью объединять и наполнять их жизнь ощущением праздника. Уже больше десяти лет коллектив хора работает практически в одном и том же составе, и каждый участник — по-своему незаменим, важен и дорог для его руководителя. Анастасия Безматерных, Галина Вандышева, Александр Сержанюк, Ростислав Чайка, Светлана Кутузова, На-

дежда Горобец... Все имена невозможно перечислить.

Здесь, на Дальнем Востоке, «Криница» тесно сотрудничает с украинскими организациями Сахалина и Приморья. Она стала инициатором и организатором I Дальневосточного фестиваля украинской культуры «Наша дума — наша песня», состоявшегося в Хабаровске три года назад. «Криница» стала желанной гостьей в соседнем Приморье, где участвовала в фестивалях, выступала вместе с приморским украинским хором «Горлиця». К слову, его руководитель, заслуженный работник культуры РФ Анатолий Крыль, к сожалению, не так давно трагически погибший, написал для «Криницы» песню.

А песня — она такая бездонная. Наталья говорит, что когда начинается работа над новым материалом, происходит погружение в ту атмосферу, угадываются характеры героев и «картинка», в которой они действуют. Украинская песня уникальна, и Наталья Романенко знает это как никто. Сколько бы раз не звучали напевы, всегда открываются новые краски.

10-летний юбилей хора. На сцене Хабаровского театра драмы

Совместный конкурс с украинским Приморским народным хором «Горлиця». Владивосток. Художественный руководитель — заслуженный работник культуры РФ Анатолий Крыль

Людмила РЯЗАНОВА

УРОКИ РЕМЕСЛА

УКРАЇНО МОЯ, КОЛЬОРОВА...

РЯЗАНОВА Людмила Михайловна. Предки по линии матери из Черниговщины. Закончила Павлодарское училище декоративно-прикладного мастерства и художественной графики. В прошлом – педагог. Мастер 6-го разряда по художественному вязанию на спицах. В разное время в Хабаровске проходили выставки Л. М. Рязановой, где были представлены ее акварели, работы по флористике, писанки и придуманные картины в пластилиновой технике. 30 лет увлекается писанками (роспись яиц). Провела ряд мастер-классов по росписи писанок и работе с пластилином. С удовольствием помогает клубу «Волшебница» при городском Доме ветеранов в организации и оформлении выставок. Постоянная участница традиционных городских выставок цветов и огородной продукции. Заядлый рыбак. Любит удочку и озеро недалеко от своей дачи. Любит петь, сочинять стихи, вязать. И еще любит замечательный коллектив хора «Криниця», где она выполняет роль художника-оформителя сцены, а также выставок народного мастерства своего коллектива.

Украинские земли с давних времен славятся самобытным народным декоративно-прикладным мастерством. Это керамика, ткачество, вышивка и замечательные писанки. В марте 2005 года Хабаровский краевой центр украинской культуры «Криниця» организовал выставку декоративно-прикладного искусства «Україно моя, кольорова». То есть красочная, разноцветная. Экспозиция представила национальные костюмы, традиционные вышивки, предметы ткачества, писанки, выполненные современными мастерицами, а также старинные вещи, которые мы бережно храним в память о наших предках. И в каждой из них – душа украинского народа.

Фрагмент экспозиции в Арт-подвальчике. Фото Виктора Коркина

Символ благословення життя

Рушник, он как символ Украины. И каждый из них, словно песня, удивляет своей неповторимостью. Какое разнообразие орнаментов, цветов, деревьев, птиц, вазонов изображено на них! Хочется поклониться тем мастерицам, которые вложили в эти рушники свою душу и сердце.

У меня в доме хранится старинный рушник моей прабабки Гаши (Агафьи). Домотканное льняное полотно, вышитое незатейливыми цветами красно-черного цвета, а на концах пришито кружево и кисти. Бабка сама его себе на свадьбу сделала аж в 1867 году!

Вышитый рушник в Украине занимает особое место, и каждый наделен образно-символическим значением. Рушник — атрибут многих обрядов и украшение быта. Одни служат оберегами, другие имеют заклинательные символы или ритуальное значение. К примеру, в моей деревне во время похорон покойного опускали в могилу на рушниках и на кресты завязывали вышитые рушники. Многие символы дошли до нас из язычества и связаны с мифологией.

Рушник сопровождал человека на протяжении всей его жизни — от рождения до смерти, в радости и в горе. Он всегда служил символом радушия — на нем традиционно подносили хлеб-соль. Хлеб никогда не лежал на «голом», не покрытом рушником столе. Рушником покрывают и пасхи, которые несут святить в храм.

В различных жизненных ситуациях рушник служил как оберег: на входе в новую хату, проводах в дальнюю дорогу, при встрече дорогих гостей, на крестинах и свадьбах.

Рушники на свадьбу вывешивали на жердь, протянутую через всю комнату, и ходили всем селом смотреть, каково же молодкино тканье и вышивка. Это был праздник, новая жизнь начиналась...

В старое время, бабушка рассказывала, обычно в чем венчали, в том и хоронили, а рушники свадебные берегли до самой смерти. И лишь по большим праздникам доставали

ли их из сундуков и украшали избу. Один рушник перед смертью обязательно «завечали» обычно крестнице или крестнику. Они должны были нести на похоронах икону на этом рушнике, надетом на шею. Рушник становился их собственностью.

Повязывать рушником руки молодоженов — это тоже символ священнодействия, благословление на счастье в семейной жизни.

Та поможи, Боже,
На рушничок стати,
Рученьки звязати,
Тоді не розлучить ні батько,
ні мати,
Тільки розлучить заступ
та лопата...

Вышивание рушников — это процесс высокого творения с магическими заклинаниями. Мастерицы в те давние времена прославляли силы природы, Солнца, великой богини Березины. Очень много красного и черного в этих орнаментах. Например, дерево-цветок в народе ассоциируется с подземным царством, земным, небесным. Дерево жизни — символ матери-природы, а вышитый виноград — радость семейного счастья.

УРОКИ РЕМЕСЛА

Из поколения в поколение передаются традиции изготовления рушников. Хотя, к сожалению, что-то уже безвозвратно утеряно. Замечательно, что мы бережем очень древние магические знаки, символы красного и черного цветов в рушниках Украины. Но прочитать и расшифровать старинные орнаменты и знаки сейчас уже почти невозможно.

Современные рушники, конечно же, отличаются от старинных. Сейчас и ткани другие, и огромный выбор ниток для вышивания, большая гамма цвета. Вышивают рушники крестом, гладью, различными видами мережки и настила. Существует специальный рушниковый шов, совершенствуются приемы выполнения узора, обогащается колорит, расширяется круг мотивов, вводятся новые образы с сюжетными решениями композиции, где часто звучит и современная тематика.

А родом я из красивого села с дорогим моему сердцу названием — Омутское (это на Алтае). Мой прадед Клементий Изотович был переселенцем с Черниговщины. Пешком пришли они с молодой женой да с годовалой дочкой Ариной осваивать новые земли Сибири. И традиции родной Украины осели на новом месте. Ярко и красочно было в домах моего села.

В моем детстве в доме у нас долгой холодной зимой всегда стоял в большой комнате ткацкий станок. Так мы и жили под стук кросен. Ловкими руками моя бабушка Арина Клементьевна прихлопывала бердами вновь положенные в уток нити, уплотняя узор. Какой это тяжелый и утомительный труд! Помните, бабушка не пользовалась никакими чертежами и схемами. Узор, видимо, хранился в ее памяти. Ах, какими нарядными были ее милые половички да коврики (по-украински — постилки да килимі).

Не все умели выбирать узоры на ткани. Здесь необходимы особая внимательность и острота зрения. Ткать рано начинали учить. Из бабушкиных рассказов я слышала, что, мол, сначала посадят пояса затыкать, потом — за холсты. И только как все это освоишь, узоры брать учат...

«До середины узор берешь, вардушки за ниченки ставишь, а после середины отбирать будешь; узор сам пойдет — считать не надо, только дощечки вынимай да бердами прихлопывай... А чтобы края не стягивало, ставь дощечку-разлучку, она края во время тканья натягивает и держит», — учила нас,

внучек, бабка Арина.

Часто ворчала: «Чтобы узоры брать, голова светлая нужна. Вам, молодым, этим бы заниматься, а вы вон к учебе тянетесь, руками делать ничего не хотите...»

Заколдованные цветы на тканых коврах

Искусство ткачества замечательно богатством орнаментальных композиций и изобразительных средств. Традиции народной художественной культуры, уходящие вглубь веков, — это живительный родник, который питает народную фантазию и в наше время.

Взять, к примеру, буковинские ковры и половички. Красивые узоры, орнаменты с не менее красивыми названиями: «Водограй», «Кульбаби», «Жоржини», «Смерічка», «Веселка», «Гачки», «Дністрові хвилі», «Метелікі», «Сніжок» и т. д. Кстати, подобные названия орнамента встречаются и в рушниках, и в писанках.

Если в буковинских коврах строгая симметрия орнаментов, то в центральной части Украины — изобилие цветов. Дешевые безворсовые ковры служили для убранства крестьянской хаты, так же, как и рушники, насундучники, настольники, покрывала на кровать, половики и дорожки. А более дорогие ковры — плотные и пушистые — на пол и стены, и ткались они в основном на продажу городскому населению. Были еще махровые санные ковры.

В зависимости от назначения ковра менялось и его художественное оформление. Например, санные ковры отличались рисунком ярким, броским, хорошо видимым на большом расстоянии. Фон настенных ковров почти всегда был черным. На нем четко выступал рисунок, подчеркивалась его цветовая насыщенность. А кайма представляла собой цветочную гирлянду.

Цветы в узоре вполне реальны, узнаваемы, и в то же время условны. Пышные красные розы вызывают в моей памяти образы заколдованных цветов из народных сказок. Колорит ковров яркий, сочный. Он построен на сочетании чистых цветов: красного, черного, синего, желтого, фиолетового, зеленого, белого, а также их мягких оттенков.

Изделия, выполненные в технике многонитового (ремизного) ткачества, пользуются большой популярностью у деревенских жителей и сегодня. Особенно интересны льняные скатерти и рушники с узором «У вакенци» («У оконца»). Он представляет собой ритмическое чередование вертикальных и горизонтальных полос, которые при соединении создают формы, действительно похо-

жие на окна крестьянских хат.

Такой простой элемент, как линия, создает довольно богатую систему геометрического орнамента в виде малых и больших квадратов, клеток в шахматном порядке, прямоугольников, которые легко сочетаются в горизонтальном и вертикальном направлениях. Для получения орнамента «У вакенци» используются четыре нити (ремизками). Это придает орнаменту неповторимое национальное звучание и красоту. Разнообразие рисунка, его сложность, колорит достигаются увеличением количества цветных нитей. Мастерницы заправляют кросна в 4, иногда в 8, 12 или даже в 16 нитей.

Орнамент, полученный в многонито-

вой технике ткачества, довольно многообразен. Хотя он и состоит из ограниченного числа элементов, но разные по величине квадратики и прямоугольники — это разнообразные комбинации и вариации. Каждый из них имеет свой рисунок, ритмично заполняющий все изделие. Создается порой эффект мерцания, ряби в глазах и пульсирующего движения. Трудно сосредоточить взгляд на той или иной детали узора. А иногда орнамент воспринимается объемно. Скорее всего, именно поэтому в народе закрепились такие названия узоров, как «имгліці» (мгла), «моргухи» (от слова «моргать», когда «рябит в глазах»), «кружки», «зорки», «маланки», «дымки».

Большое искусство ткачих проявляется в оформлении ковров, «перебиранок». На широких кроснах, заправленных в две нити, но с использованием дощечки и «матухов» (шнуров), ткуются самые сложные композиции. Заглянешь в дом такой мастерицы, увешанный коврами, рушниками, вышивками, постилками, и кажется, что попал на какой-то волшебный луг. Войдешь в дом с сильного мороза или дождя, после работы, уставший, и такое ощущение, что вернулся в май. На душе становится тепло, светло,

спокойно.

Христианские мотивы украинских писанок

Особое место в народном творчестве Украины занимают писанки. Обычай создания писанок берет начало в глубокой древности, когда человек придавал большое значение культу солнца, дающего жизнь и тепло. Жаль, нет возможности любоваться этими произведениями искусства в нашем городе Хабаровске. А ведь многие экспонаты ничуть бы не уступали перед знаменитыми китайскими и японскими миниатюрами.

Писанка — это своеобразная миниатюрная живопись на яйце. По технике исполнения различают несколько видов писанок: «крашанки» — яйца, покрашенные в один цвет, «крапанки» — покрытые цветными пятнами на фоне другого цвета, «дряпанки» или «скробанки» — с выцарапанным при помощи металлического стержня рисунком, «малеванки» — с орнаментом, нанесенным кисточкой от руки, и, наконец, «писанки» — украшенные геометрическими и растительными орнаментами, а также изображениями животных, птиц, рыб.

С тех далеких времен до наших дней дошел лишь один «зразок», как его называют в Украине. Был он изготовлен в X столетии! Еще тысячу лет назад в Киеве существовал ремесленный цех, где делали писанки, расписывали их и даже экспортировали в другие края.

Экспонат, что хранится в Киевском историческом музее, носит символическое название — «Берегиня». В дохристианские времена наши предки-славяне верили в Великую Богиню-Берегиню. Это символический образ — стилизованная женская фигура с поднятыми вверх руками, со временем перешедший в образ Матери Божьей. В советское время под видом антирелигиозной борьбы замахнулись и на религиозное мастерство. Но даже и тогда ходили тайком в церковь, пекли куличи, делали творожные пасхи, красили и расписывали яйца. Теперь, слава Богу, нет нужды прятать свои чувства. Конечно, Пасха — это настоящий праздник, светлый и радостный, очень старинный, традиционный, праздник в душе и в доме. Пасха — праздник праздников и торжество из торжеств, потому и богослужение в этот день отличается необычайным величием.

К Пасхе яйца красили и красят практически все. Писанка издавна является символом весны, плодородия, новой жизни. Приемы нанесения орнамента на поверхность яйца особые. В горшок, на тлеющий уголь, кладут «кулешник» — маленькую чашку с воском. Макая «писак» — железную трубочку с деревянной ручкой в растопленный воск, наносится орнамент на яйцо, непрерывно враща-

емое в соответствии с характером рисунка. Сначала наносят детали орнамента, которые должны остаться белыми. Затем яйца окунают в самую светлую краску, например, розовую или желтую. Потом по светлому фону пишут воском отдельные элементы задуманной росписи, которые должны быть светлыми. Опускают в более темную краску, например, красную. Затем на красном фоне рисуют элементы орнамента, которым предстоит остаться красными, и так далее. В конце работы закрашивают наиболее интенсивным цветом — темной краской, черной или коричневой. Все! Роспись закончена.

Снимаем теперь уже ненужный воск с яйца, слегка подогрев его, обтираем суконкой, потом растительным маслом, и перед нами предстает играющая яркими, чистыми красками писанка.

Писанки расписывали женщины. Помогать матери могла старшая дочь да девочки, которые замуж собирались. Воду для красок набирали до восхода солнца, чтоб «була не почата», чистая родниковая или из снега талого. Прочитав молитву-заговор, садились непременно на вывернутый кожух и начинали расписывать яйца. Нужно было знать целую систему формул и знаков, «щоб надати витворові чарівної сили».

Современные мастера используют анилиновые красители на спирту, но в основном применяют натуральные природные. Нас долго уверяли, что только луковая шелуха безвредна. Вот и стали наши пасхальные яйца красно-оранжевого цвета, коричневые или слегка пятнистые. А вот наши предки умели красить яйца чуть ли не во все цвета радуги! Почему бы и нам не воспользоваться их старыми добрыми советами и не сделать в очередную Пасху фейерверк?

Из ольхи изготавливали красную краску, из бобов — зеленую, из неспелой ржи, шелухи лука, коры дикой яблони — желтую. Зеленый цвет получится, если сварите яйцо вместе с молодой зеленью озимых всходов. Или другой вариант: добавьте в кастрюлю с яйцами немного листьев шпината (его можно заморозить с осени). Отвар из цветов ольхи (запаситесь весной) окрасит яйца в фиолетовый цвет. Если сварить их вместе со свеклой или корой вишни, то получатся самые разные оттенки красного цвета — от розового до темно-бордового. Яйца получатся золотыми, если при варке использовать шафран или

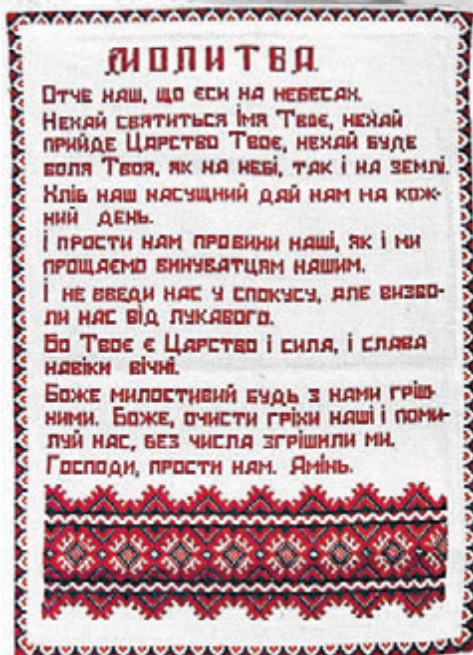
желтую резеду (естественно, заготовленную впрок). Кора дуба сделает яйца бронзовыми.

Сейчас очень много расписных яиц из гипса, пластмассы, дерева, но как приятно подарить оберег, сделанный своими руками.

На выставке в Арт-подвальчике была представлена коллекция яиц, расписанных акриловыми красками. Я трудилась над ними всю зиму. Прodelывала с обеих сторон яйца маленькие отверстия, выдувала содержимое (это для омлета или яичницы), а пустое яйцо тщательно мыла, обезжиривала поверхность, убирала клеймо уксусом, протирала салфеткой и наносила рисунок карандашом на белую поверхность яйца. Затем последовательно делала роспись акриловыми красками, которые очень быстро сохнут и не пачкают руки. Можно расписать яйцо и гуашью, и акварелью, но потом обязательно покрыть лаком для волос или акриловым лаком.

В моих писанках присутствуют христианская символика, геометрические, растительные и животные символы, знаки солн-

ца, мифических богов. Наши пращуры считали, что чем больше цветов на писанке, тем больше в ней магической силы и скорее можно приворожить лучшую долю. А вы не задумывались, почему именно яйцо еще в дохристианское время стало элементом веры? Да потому, что яйцо — это символ зарождения жизни. Желток похож на солнце, а люди всег- да уважали это небесное

светило, преклонялись перед ним, как перед божеством. Солнце — это бог Ярилы. Легенда гласит: птицы были любимыми творениями бога Солнца, и только они могли приблизиться к нему на близкое расстояние. Птиц боготворили, не смели ловить. Зато могли взять их яйца, которые, по убеждению предков, обладали магической силой Ярилы. Кроме того, из «мертвого», казалось бы, яйца, может народиться петух (пивень), как посланец Солнца. Предки верили, что только петух может спозаранку разбудить Ярилу. С принятием христианства яйцо включили в обряды новой веры.

А сколько легенд связано с писанками и крашанками! Одну красивую легенду поведала мне в детстве бабушка Арина, мать моей мамы (а маме идет уже девятый десяток!). Бабушки давно нет, а легенда живет. И я рассказываю ее своим внукам... Вот она: «Когда Иисуса распяли на кресте, из его ран точилась кровь. Каждая капля, падая

на землю, превращалась в крашанки. А под крестом стояла Мать Божья. Она молилась и горько плакала. И те красные крашанки, на которые попадали слезы ее, вдруг превратились в яркие, расписные писанки. Богородица собрала все писанки и крашанки в хустину (платок) и пошла к Понтию Пилату просить дозволения, чтобы Сына похоронить. Путь был длинным, по дороге она дарила прохожим и детям писанки и наказывала им жить в мире, добре и согласии. А когда, наконец, дошла она до дворца Пилата, сомлела от усталости, а писанки из хустины раскатились по всему белому свету. С того самого времени расписывают люди писанки и дарят их друг другу с пожеланиями добра, силы и здоровья, щедрого урожая, счастливой доли».

Элементы символов за многие века мало изменились. Таких символов в моей коллекции порядка ста из многих уголков России, Украины, Белоруссии. Возможно, со временем изменились пожелания, которые мы говорим друг другу. По-новому они сейчас интерпретируются.

У славянских народов очень популярны мотивы цветов, растительности — это символы урожая богатого, чтобы все, что посеяли, выросло, дозрело. Иголки ели, сосны — это символы вечной жизни и юности, чтобы рос ребенок здоровым и красивым. Виноград — доброта, братство, верная любовь. Орнамент с изображением яблони или сливы — мудрость, любовь и здоровье. Звери, птицы, рыбы — символы богатства, хорошего и крепкого хозяйства. Паук — символ непоколебимости, терпеливости, мужества, успех в художественном ремесле.

Из геометрических символов популярен мотив «сорок клинцев». На самом деле это сорок восемь треугольничков, каждый из которых — это одно пожелание или одно исполнение желаний, а также символ сорока дней поста, сорока мучеников, сорока дней пребывания Иисуса Христа в пустыне.

Решето — символ победы добра над злом. Рушничок — символ материнства и знания. Дорожка — символ вечности. Бесконечник не имеет ни конца ни начала и является символом пожелания того, чтобы были богаты и счастливы, чтобы зло никогда не посетило ваш дом. Крапинки на яйцах — «Зозулины яйца» (кукушкины) — символ весны, зорьки на небе, символ слез Матери Божьей. Трилистник — символ земли, неба и огня. Крест — четыре стороны света, символ Бога Отца, Бога сына и Духа Святого. Ну и самый древний знак — Богиня Берегиня — символ всего живого на земле, рождение новой жизни. Ее изображали в виде женщины с поднятыми вверх руками и стоящей непременно во весь рост.

Вот каким может стать яйцо — обыкно-

венное белое яйцо. Проявите терпеливость, вложите в роспись часть своей души, и появится на свет великолепная писанка!

Треба вміти написати,
Треба дати належні фарби — краски,
Треба писати тоді, коли положено це робити.
Треба вміти пп «замолити»
І дати, кому належить.

Так говорила моя бабка. А украинская поэтесса Вера Ворскла написала замечательные стихи по этому поводу:

Ой, писали писанку,
Писанку-колисанку,
Різними розводами —
Символи знаходили.
Ой, писали писанку,
Мов мережку, вишивку —
До Богів розмову сяйну,
кольорову.
Писанки з мережками
Стали обережками.
В них чаклунь записана,
Зло вбиває списами...

Славяне часто рисовали на яйцах Полихана или Полехана. Божество это имело отношение к солнцу, а имя его, вероятно, произошло от слова «полахать», то есть ярко гореть. Ведь не зря на груди этого получеловека-полуконя по традиции рисуют солнечный знак. А в более южных районах России Полихана называют проще — Полкан. Полулюди-полузвери и двухголовые чудо-твари — не просто чересчур богатая фантазия мастеров. Эти, на первый взгляд, странные рисунки отражают мироощущение древних людей, память о единстве человека с природой. В те далекие времена человек относился к животным с уважением и почтением и считал их себе равными. Ведь недаром слово «тварь» происходит от «сотворить».

Не установлено, когда появились первые писанки, но известно, что они были символическими. Как свидетельствуют археологические раскопки X столетия, их писали на крупных журавлиных яйцах, утиных или гусиных, а также на яйцах аиста. Эти перелетные птицы селились вблизи людских поселений и из года в год возвращались к своим гнездам.

А с возвращением птиц наступала весна, а с нею тепло. Люди считали, что птицы на крыльях несут весну. Через какое-то время в гнезде появлялись птенчики. Из обыкновенного мертвого на вид яйца вдруг появлялась жизнь, живой пушистый комочек! Люди решили, что яйцо знает тайну природы, и стали разными знаками, которые считали магическими, прославлять своих богов, писать на них просьбы о помощи и пожелания здоровья, добра, мира. Писанки со

знаками стали традицией славянских народов.

Уже много веков передаются они от поколения к поколению. У многих писанок сохранились названия, а многие за долгое время утратили свое значение и название. Только 48 композиционных вариантов существует на мотив дубового и вишневого листа. Существуют и философские знаки, такие, как «Всесвет», «жизнь», «смерть».

Символом победы жизни над смертью было дерево. Оно умирало зимой и оживало весной. Видимо, это считалось большим дивом для наших предков. И они поклонялись деревьям, как богам. С дубом обособляли Перуна — бога солнечной и человеческой энергии. Калина — знак святого Коляды. Вишня — святого прабога Сварога. Иногда рисовали только гребень петуха (пивня) или куриную лапку (курячью). Такое яйцо было талисманом. Считалось, что им человек мог умиловить добрые силы, приворожить их до себя, а зло и лихо отворачивал от себя. С любовью вообще связаны только яркие цвета писанок. Если в росписи использовано 4 цвета или 5—6 сразу — такой оберег на счастье, мир и любовь дарил.

В моей семье писанки лежали со дня Пасхи и до Вознесения на столе или лавке на рушнике, в красивой посуде. И только потом убирались к образам на видное место, чтобы всегда были под рукой для ритуальных потреб.

Желток со временем в писанках высыхает и гремит, как погремушка. Ведь писанки всегда расписывали в сыром виде. А вот крашанки — это яйца вареные. Ими христосовались, разговлялись на Пасху, обменивались и «бились». У кого крепче окажется скорлупа, тот забирал разбитое яйцо себе. Это так мы в детстве забавлялись.

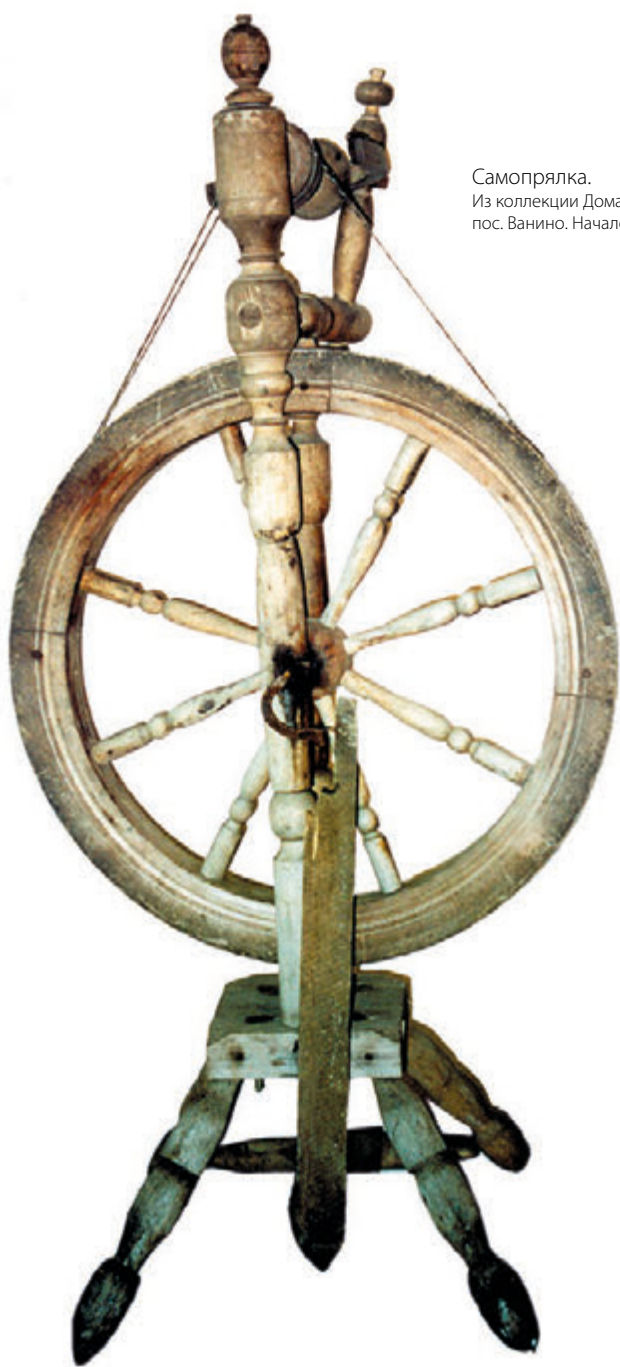
Яйцо-писанка — мое большое увлечение. Этой темой я занимаюсь давно и знаю о яйцах все. Или почти все. На нашей выставке в Арт-подвальчике было приятно видеть интерес многих людей к п и -

ЖЕНСКОЕ УМЕНИЕ ПРЯСТЬ И ТКАТЬ: немного истории

Мария БУРИЛОВА,
заведующая историческим отделом Музея истории
города Хабаровска

Самопрялка.
Из коллекции Дома искусств.
пос. Ванино. Начало XX в.

Ткацкий стан в рабочем состоянии.
ГМДВ им. Н.И.Гродекова. 1997

В конце XIX в. домашнее ткачество в Хабаровске, как и во всем Приамурском крае, встречалось довольно редко, так как в России к середине XIX в. производство фабричных тканей было уже хорошо развито и они использовались в качестве основного материала для крестьянской одежды. Но переселенцы еще долгое время продолжали использовать домотканое полотно. Сказывались трудности переселения, удаленность от центра, семейный достаток, а также традиция многие предметы одежды изготавливать своими руками.

Первейшей обязанностью каждой женщины, помимо приготовления пищи, было уметь прясть и ткать. И потому вплоть до 20-х гг. XX в. ткацкие станы каждую зиму устанавливали в крестьянских домах.

За многие годы проведения историко-бытовых экспедиций научные сотрудники Хабаровского краеведческого музея собрали довольно большую коллекцию домашнего прядильного и ткацкого производства: гребни, чесала, трепала, вальки, веретена, прялки и два ткацких стана. Это ремесло почти заглохло. Домашнее прядение и ткачество если и сохраняется кое-где в приморских селах, то имеет уже второстепенное значение. Ткут в основном половички. Старые мастерицы уходят из жизни, а их непростое художественное ремесло порой и некому передать. В 1991 году мы устанавливали ткацкий стан в экспозицию музея, помучились не одну неделю. Изучение научной литературы по данному вопросу мало нам помогало. Нужен был практический опыт. Мастерицу домашнего ткачества, Якутину Анну Петровну,

нашли с трудом в с. Бычиха Хабаровского района. Она помогла собрать и заправить нитями ткацкий стан, привезенный из с. Любитовка Красноармейского района от крестьянки Луцук Степановны Максимовны, затем соткала примерно полметра узорного полотна. Этот образец ткани до сих пор экспонируется в славянском зале краеведческого музея.

Процесс приготовления пряжи и ткани — настолько длительная, кропотливая и трудоемкая работа, что нельзя не удивляться выдержке, терпению, работоспособности, которые проявляли при этом исключительно женщины.

К работе приступали с осени, после окончания уборки урожая, и старались завершить ее к весне. Ученые пишут, что наши прабабушки трудились буквально не разгибая спины: например, для того чтобы в одиночку соткать за 6 месяцев три холста по 50 м длиной, нужно проводить за ткацким станком по 12–15 часов в день. А чтобы спрясть нитки из одного пуда (16,3 кг) волокна, требовалось ни много ни мало 955 часов (почти 40 дней) усердной работы. Конечно, хозяйка дома физически не могла справиться со всем этим без помощи невесток и дочерей. Воспитание девочек было направлено на то, чтобы вырастить из них «тонкопрях». Даже пуповину новорожденной девочки старались перерезать на веретене, чтобы уже с первых минут жизни магически привязать ее к будущему занятию.

«Непряха», «неткаха» — это были крайне обидные прозвища для девочек-подростков. Старшие женщины обучали девочек женской магии и ремеслу, в том числе прядению и ткачеству. Слова «магия» и «ремесло» стоят рядом по праву. Ведь прядильщица или ткачиха (как кузнец, гончар, строитель...) создает форму (нить) из бесформенного (комков волокна). И то, что для нас судьба была вполне вещественной «нитью», свидетельствует до сих пор бытующее выражение «связать свою судьбу» с кем-то или чем-то.

Прялка была неразлучной спутницей женщины, и они умудрялись пряхать даже ... на ходу, например в дороге или присматривая за скотиной. А когда осенними и зимними вечерами молодежь собиралась на посиделки, игры и танцы обыкновенно начинались лишь после того, как иссякала принесенная из дому кудель, которую следовало спрясть. На посиделках парни и девушки приглядывались друг к другу, завязывали знакомства. «Непряхе» здесь не на что было надеяться, будь она хоть первой красавицей. Начать веселье, не завершив «дела», считалось немислимим. Случалось, что парень, желая скорее заполучить свою избранницу для танцев, пытался поджигать кудель на ее прялке. А если были причины надеяться на взаимность — мог вовсе отнять прялку и не возвращать, пока девушка его не поцелует.

А из чего же славянские женщины пряли нити и ткали материи? «Полотном» славяне называли далеко не всякую ткань. Это слово обозначало только льняную материю. Никакая рубаха не могла сравниться с льняной, и удивляться тут нечему. Зимой льняная ткань хорошо согревает, летом дает телу прохладу. Знатоки народной медицины утверждают, что льняная одежда охраняет человеческое здоровье.

Лен, как и хлеб, сеяли исключительно мужчины. Если лето оказывалось чрезмерно сырым, лен зарастал сорняками и требовалась прополка. С нее-то и начиналась женская забота о льне. Когда у растений бурели головки, что говорило о созревании семян, их выдерживали с корнем. Чтобы отделить семена (из них делали пищевое масло) от волокнистого стебля, еще в начале XX в. в разных местах России коробочки отрывали руками, либо топтали ногами, либо молотили теми же орудиями, что и хлеб: дубинками, цепями, вальками. Далее требовалось освободить волокна от склеивающих веществ, которые придают живому стеблю упругость и прочность. Этого достигали одним из двух способов. В южных землях России лен «стлали» — рас-

кладывали тонким слоем на влажном лугу и выдерживали в течение 15–20 дней. Делалось это в сентябре или октябре: на юге в это время еще достаточно тепло и часто выпадает роса, благоприятствующая расслаиванию волокон. В районах с более суровым климатом лен чаще «мочили» — опускали связками в пруд или специальную яму, вырытую в низине. Использовалась только стоячая вода. Затем лен сушили, мяли, отделяя волокно от «кострики» — посторонних тканей стебля. Чтобы окончательно вышелушить кострику, а также отделить тонкое нежное волокно от более короткого и жесткого (оно шло на пряжу для изготовления мешковины), лен трепали. Подсчитано, что вес чистого волокна составляет всего лишь пятую часть веса стеблей.

И, наконец, чтобы хорошо рассортировать волокно и разгладить его в одном направлении для удобства прядения, лен чесали. Делали это с помощью больших и малых гребней. После каждого прочесывания гребень извлекал грубые волокна, а тонкие высокосортные — кудель — оставались. Готовую кудель можно было прикреплять к прялке — и пряхать нить. Легко сказать! Но если задуматься, какой кропотливый каждодневный труд стоял за этими строчками.

Ткань изготовляли и из другого растительного материала, который легко расчленился на волокна, — конопля, крапива, липовое лыко (для плетения лаптей, веревок, рыболовных сетей). Ткань «рогожа», сделанная из волокон рогоза, что растет по берегам болот и озер, использовалась в основном для хозяйственных целей. Одежда из такой ткани означала последнюю степень бедности, до которой мог докатиться человек. «В рогожу одеться, от людей отречься», предупреждает пословица, записанная В.И.Далем в XIX в. Единственным допустимым видом рогожной одежды был плащ от дождя. Крестьянин, застигнутый в поле дож-

Интерьер крестьянской избы.
ГМДВ им. Н.И.Гродекова

Давыдов Сергей Степанович передает научным сотрудникам ГМДВ им. Н.И. Гродекова ткацкий стан, на котором ткала его жена Анна. с. Бичева. 1997

дем, укрывался рогожной накидкой, сшитой углом. Много веков служила людям рогожа, но появились новые материалы — и мы забыли, что это такое.

Многие ученые полагают, что шерстяные ткани у славян появились гораздо раньше льняных. Человечество, пишут они, сперва научилось обрабатывать шкуры, добытые на охоте, затем древесную кору и лишь позже познакомилось с волокнистыми растениями. Так что самая первая на свете нить, скорее всего, была шерстяной. Шерсть в славянском хозяйстве была в основном овечья. Наши предки стригли овец пружинными ножницами, которые не особенно отличаются от современных, предназначенных для этой же цели. Чтобы очистить шерсть от мусора, перед прядением ее «били» специальными приспособлениями на деревянных решетках, разбирали руками или чесали гребнями — железными и деревянными. Кроме распространенной овечьей использовали козью шерсть (особенно ценили козий пух), коровью и собачью. Коровья шерсть шла на изготовление поясов и одеял. А вот собачью шерсть и по сей день считают целебной, с ее помощью можно избавиться от ревматизма.

Прежде чем подготовленное волокно превращалось в настоящую нить, годную, чтобы вставить ее в ушко иглки или заправить в ткацкий станок, нужно было выдернуть из кудели длинную прядь, скрутить ее покрепче, чтобы не расползалась при малейшем усилии, намотать. Простейший способ скрутить вытянутую прядь — это прокатать ее между ладонями или на колене. Полученная таким образом нить называлась у прабабушек «верчь» или «сучанина» (от слова «сучить»).

Нынешние сельские хозяева, возродившие домашнее прядение (в основном из шерсти домашних животных), пользуются так называемыми самопрялками разных конструкций с ручным, ножным и электрическим приводом: они скручивают нить вращением колеса. А в основном сейчас самопрялку можно увидеть в музеях. Специалисты указывают, что она вошла в обиход на Западе около 1480 г. Когда в Россию попала самопрялка, точно не известно, не позже XVII в.

А древние славяне пряли иным способом — на веретене. Именно веретено, а не всем знакомая и известная прялка, являлось главным инструментом в прядении. Веретена изготавливали из сухого дерева (из березы), возможно, на токарном станке. Один или оба конца его заострялись. На верхнем конце иногда устраивалась «бородка» для завязывания петли. На низ веретена надевали пряслице — глиняный или каменный просверленный грузик. Эта деталь была необыкновенно важна для технологического процесса.

Корень русского слова «веретено» означает «нечто вращающееся». Действительно, при прядении веретено усердно вращалось, скручивая нить, причем так, что в руках опытной пряжи, по стихам А.С.Пушкина, даже «жужжало». Пряслице служило маховичком, помогавшим разогнанному веретену кружиться долго и быстро, что было необходимо для равномерного скручивания пряди волокон, вытянутых из кудели. Казалось бы, от маховичка-пряслица, надетого на веретено, оставался всего один шаг до маховика-колеса самопрялки, приводимого в движение усилием ноги. На самом деле для этого потребовались века.

Ученые пишут: прежде чем освоить настоящее ткачество, люди, по-видимому, освоили разного рода плетение. Тканье — технически сложный процесс, подразумевающий, во-первых, разделение нитей на основу и уток (уток — нить, пропускаемая под прямым углом к нитям основы), а во-вторых, разделение самих нитей основы на две или более групп (самое простое — пополам, на четные и нечетные), которые можно разводить под углом друг к другу. Этот угол называется «зев» и служит для прорывания утка.

Простые и древние виды плетения начинались с элементарной «косички». Затем гениальные мастера изобрели приспособления для тканья узких полос — поясов, тесемок и лент (тканье на дощечках, «на бердечке», «живой стан»). Исследователи пишут, что последний способ требовал участия не менее десяти женщин и большой дисциплины. Десять женщин надевали на пальцы петли основы и по команде меняли зев, а одиннадцатая протаскивала уток. И наконец, были изобретены ткацкие станы — вертикальные, а потом и горизонтальные. Его преимущество состоит в том, что ткачиха работает сидя, перемещая нити ногами, стоящими на подножках. Изобретению вертикального ткацкого стана ученые придают не меньше значения, чем появлению металлического оружия и морских кораблей.

Литература:

1. Лебедева, Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX вв. / Н. И. Лебедева // Восточнославянский сборник. — М., 1956. — (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; т. 31).
2. Семенова, М. Прядение и ткачество / М. Семенова // Мы — славяне. — СПб., 1997.

Традиции крестьянского строительного ремесла на Дальнем Востоке России

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ, кандидат исторических наук
Фото автора

После открытия русскими землепроходцами в XVII в. и присоединения юга Дальнего Востока к России в середине XIX века на территории края стала формироваться своеобразная пограничная русско-украинско-белорусская культура. В формировании этой восточнославянской культуры на юге Дальнего Востока выделяют несколько этапов. Первый большой период охватывает время с середины XVII в. до середины XIX в. – от похода Е. Хабарова до экспедиции Н.Н. Муравьева-Амурского; второй период, отличающийся наибольшей интенсивностью крестьянской колонизации, – со второй половины XIX до начала XX вв.; третий – отражал черты советской эпохи.

Крестьянская колонизация Дальнего Востока началась в 60-е годы XIX века движением через Сибирь, масса переселенцев осела в Приамурье, и лишь незначительная часть – в Южно-Уссурийском крае. Основной процент переселенцев дали Тобольская, Томская, Астраханская, Самарская, Тамбовская, Воронежская губернии. Они получали стодесятинный надел на одну семью, орудия для обработки земли, освобождались от государственных сборов, имели ряд других льгот. Было основано 334 крестьянских селения и 70 казачьих станиц.

В 1906 – 1917 гг. на Дальний Восток хлынул поток безземельных и малоземельных крестьян – «новосёлов» (как результат аграрного кризиса, столыпинской реформы). Этому способствовало и строительство Сибирской железнодорожной магистрали. Освоение Дальнего Востока в этот период шло преимущественно за счет Украины, Сибири, затем Центральной России (в основном Воронежская и Курская губернии), Белоруссии, Литвы. Таким образом, характерной чертой механизма формирования славянского населения юга Дальнего Востока конца XIX – начала XX веков было взаимодействие разнородных групп русских, украинских, белорусских переселенцев, их культурных и производственных традиций.

В советский период наиболее значительные переселенческие потоки отмечались в 1939–1941 гг. Переселенческая политика 1950-х и особенно 60–70-х годов не была успешной. Переселенцы обычно либо возвращались обратно, либо перебирались в город. В 60-х – первой половине 80-х годов XX века, несмотря на относительный подъем матери-

Крестьянская усадьба. с. Георгиевка, район им. Лазо Хабаровского края. Фото 80-х годов XX в.

ального благосостояния, наблюдается разрушение традиционной культуры. Государственная политика была направлена на «скорейшее преодоление различий между городом и деревней».

Между тем до 30-х годов XX века хозяйственный и семейный уклад дальневосточной деревни во многом был близок традиционному и вполне мог служить благоприятной почвой для поддержания лучших форм народной культуры.

Почему? Ответ можно найти в особенностях аграрной и промысловой колонизации Дальнего Востока.

Тип крестьянского хозяйства в местах выхода был наименее развитым в социально-экономическом плане. Значительная часть крестьян-переселенцев, не имея возможности перевезти даже необходимое, испытывала нужду в орудиях труда и тягловой силе, промышленных товарах. Именно довольно архаичные крестьянские ремесленно-промысловые традиции давали возможность выжить в сложных условиях колонизации Дальнего Востока. На первых порах даже ближайšie к городам дальневосточные селения представляли собой «демонстрацию» многих архаичных традиционных элементов этнокультуры колонистов. И таких «архаизированных» переселенческих волн в истории формирования российского населения юга Дальнего Востока было несколько – и в XIX, и в XX веке.

До настоящего времени на Дальнем Востоке России мы встречаемся с проблемой существования и сохранения этнокультурной среды, сформированной в отрыве от родных «корней», культуры восточнославянских предков, с со-

отношением традиционных и инновационных элементов в региональной культуре.

Сохранение и развитие традиций жизнеустройства характерно для культуры российских переселенцев начальных периодов колонизации Дальнего Востока.

Рассмотрим этот процесс на одной из важнейшей из этих традиций — строительной.

Значительные таежные угодья сделали важнейшей статьей дохода крестьян-переселенцев лесной промысел (лесозаготовки, гонка смолы, дегтя, изготовление ободьев, полозьев, саней, телег, бочек для засолки рыбы и прочей деревянной утвари). Лес шел и на строительство жилья, помещений для скота, амбаров для хранения урожая и иных хозяйственных построек.

Сложные социально-экономические, этнические процессы, состоящие ремесленно-строительной культуры — факторы, во многом определившие черты застройки крестьянских поселений юга Дальнего Востока. В крестьянском строительстве эти процессы отразились в синхронном существовании традиций как южнорусского, украинско-белорусского комплексов, так и отдельных элементов северо-среднерусского жилого комплекса.

Старожильческие поселения в Приморской и Амурской областях основывались на берегах рек — Амура и его притоков, по морскому побережью, в конце XIX — начале XX веков новосельские деревни и поселки стали строиться вдоль Уссурийского и Амурского участков Транссибирской магистрали. Усадьба дальневосточного крестьянина конца XIX — начала XX веков представляла единый хозяйственный и архитектурный комплекс, сформировавшийся в определенной природной среде, отражающий как социально-экономические условия в ее развитии, направлении и типе хозяйства, так и этнические черты ее владельца, зачастую одновременно и ее строителя.

Застройка крестьянских усадеб в Амурской области в начале XX века представляла довольно выразительные строительные традиции южнорусских крестьян-переселенцев, а также мигрантов из сибирских губерний России: срубный дом (четырёхстенок, пятистенок) «кругом», с четырехскатной вальмовой крышей, низким подклетом и восточной южнорусской внутренней планировкой (тип расположения русской печи). Характерной конструктивной деталью жилых построек в этой части Приамурья является терраска, веранда, сени, образованные за счет выпусков

Постройка в с. Ивановка Амурской области. Начало XX в.

боковых подклетных венцов. В ряде поселений отмечаются характерные «маркированные» элементы украинской строительной традиции: жилые постройки типа «хаты на две половины», мазанки, землянки; украинско-белорусский внутренний план, наличие внутренней и наружной обмазки.

Бревна сосны и лиственницы — основной строительный материал обследованных построек. Лишь в с. Гильчине постройки возводились из бруса, а в местностях, где ощущается недостаток леса, делали сруб из «половинок» — бревен, расколотых на две части. Техника связки углов однообразна — это в основном «в лапу», без остатка. В с. Гильчине и Красноярове углы домов обшивались досками. Высота сруба в среднем 14—16 венцов (при диаметре бревна 20—25 см, реже 30 см), есть срубы до 20 венцов. Фундаментом служат столбы, вкопанные под углами дома, реже по периметру сруба. В южной части области, в Гильчине, Тамбовке, встречаются кирпичные фундаменты, камни по углам, «городки» (песчаный грунт требовал более устойчивого фундамента), т.е. сохранились традиции группы переселенцев-старожилков. Подклет и в северных, и в южных районах низкий — 2—3 венца.

Внутренняя отделка сруба в прошлом в старожильческих селах Тамбовка, Толстовка, Гильчин, Белоярово состояла в обтеске и окраске стен масляной краской, в Красноярове — обмазке глиной и побелке. Наружная отделка стен также разнообразна: в Тамбовке, Толстовке, Ивановке стены обивали щепой (клинцевали), обмазывали глиной и белили, ряд домов здесь имеют стены, обшитые рустом; в Красноярове сосновые и лиственные бревна большей частью сохранили натуральную поверхность.

Преобладают четырехскатные стропильные крыши, что характерно для южнорусской строительной техники. Вальмовые крыши укреплены на связях, выступающих на 40—60 см за стены сруба. Этот технический прием объясняет бытование здесь 2—3-ступенчатых карнизов-коробок, что также связано с этническими традициями южан.

Типы жилых построек — четырехстенки, четырехстенки с прирубами — сенями, пятистенки; отмечается наличие внутренних перегородок, отделяющих кухню, спальню и зал.

Характерной конструктивной деталью являются терраски, веранды, сени, образованные за счет выпусков боковых подклетных венцов. Сени в отличие от сруба зашивались досками или полубревнами пазовой техникой. Подобные конструкции характерны также для южнорусских построек. Для входов характерны открытые крыльца, реже — крыльца с навесом на столбах.

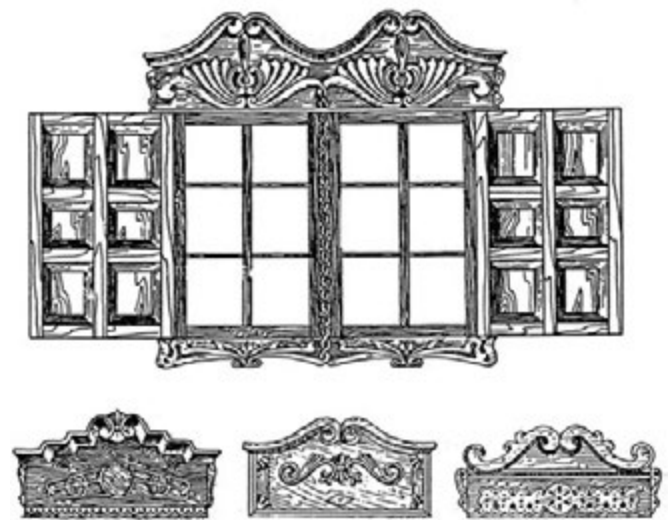
Домовой декор обследованных амурских построек связан с традициями строительной культуры южных групп русских переселенцев. С распространением «круглых» домов, крытых на четыре ската, дощатые карниз и фриз, идущие по

Жилище амурских казаков. Начало XX в. с. Екатерино-Никольское, Еврейская автономная область, Хабаровский край

Наличники домов, с. Иннокентьевка, Амурская область. Начало XX в.

Наличники с очельями в виде волют в селах Николаевка, Красноярово, Ивановка Амурской области. Конец XIX – начало XX вв.

всему периметру сруба, выполнялись без резьбы, основной акцент переносился на наличники. Самая развитая часть наличников — очелья.

Пропильной накладной и прорезной резьбой выполнялись узоры геометрического, растительного, зооморфного орнамента очелий. Высокая лобань часто обрамлялась горизонтальным треугольным либо криволинейным карнизом с барочными волютами, с пропиленными навершиями в виде целых и раскрепованных фронтонычков. Влиянием городского стиля объясняется и другой распространенный «театральный» мотив на лобани — имитация занавесей, кистей. Ряд построек в селениях, близких к г. Благовещенску, имели даже довольно сложный декор в стиле модерн. Мастера-плотники по заказу зажиточных хозяев украшали карнизы, фризy, особенно наличники, порой сдвоенных «итальянских» окон, навесы парадных крылец, полотнища ворот в престижном так называемом «городском стиле» — эклектичной смесью самых различных мотивов из декора каменной архитектуры: барокко, классицизма, модерна.

К сожалению, хозяйственные постройки первых десятилетий XX в. в обследованных амурских селах почти не сохранились — с 30-х годов XX в. изменился образ жизни, хозяйственный уклад крестьянства: крестьянский двор, усадьба сильно деформировались, сохранились лишь отдельные постройки для скота. В селах Тамбовка, Толстовка, Гильчин, Ивановка насчитывалось в 10-е годы в среднем от 4 до 8 построек на усадьбе. Это амбары, сараи, погреба, конюшни, бани, овчарни. У крепких хозяев большинство хозяйственных построек были покрыты тесом, железом.

Можно прийти к заключению о сравнительно однородном бытовании в обследованных центральных и более северных призейских районах Амурской области этнических традиций в строительстве, а именно традиций населения южных губерний России. Необходимо отметить четко выраженные южнорусские «маркированные» элементы в строительстве старожилов — выходцев из сибирских губерний: четырехскатные крыши, кирпичные фундаменты, восточная южнорусская внутренняя планировка.

В начале XX века, в период массовой крестьянской колонизации и подселения в эти районы украинских и белорусских крестьян-переселенцев, наблюдается синхронное сосуществование и взаимовлияние в строительной технике южнорусской и украинской традиций. «Дальневосточная специфика» отмечается в широком использовании таких строительных материалов, как высококачественная древесина, ввозное железо для крыш.

Материалом для сравнительного анализа и в то же время своеобразным дополнением к изучаемой типологии крестьянского жилого комплекса Амурской области являются данные обследования казачьих усадеб в юго-восточной части Амурской области, в селах Пашково, Башурово, Радде (совр. Облученский район ЕАО Хабаровского края). Станицы Екатерино-Никольскую (1858 г.), Радде (1858 г.), поселки Пашковский (1857 г.) и Башуровский (1874 г.), входившие в прошлом в Амурскую область, основали забайкальские казаки-переселенцы с р. Горбицы (т.н. гураны).

В сохранившихся жилых и хозяйственных постройках бывших казачьих поселений Пашково, Башурово, Радде и Екатерино-Никольское можно выделить прежде всего наличие среднерусских строительных традиций, характерных, по-видимому, и для забайкальского казачьего строительства. Это срубное жилище с невысоким подклетом, фундаментом из столбов и камней, северо-среднерусским типом внутренней планировки; ряд хозяйственных строений (амбар, завозня), рудименты слитной двухрядной связи.

К среднерусским традициям можно отнести и наличие архитектурного декора. Пропильной резьбой казаки украшали в основном наличники, оставляя почти без резьбы карнизы и причелины. Своеобразно и довольно богато орнаментировались кокошники наличников. Высокая лобань (иногда до 40–50 см) обрамлялась сверху карнизом — коньком или волютами, встречаются и прямолинейные карнизы.

1. Техника постройки сруба «в чашку»

2. Техника постройки сруба «в лапу»

Интерьер жилища амурских казаков, с. Екатерино-Никольское, Еврейская автономная область

Мотивы орнамента на наличниках геометрические, растительные и зооморфные, связанные с восточнославянской символикой. Необходимо отметить самые разнообразные варианты барочных волют, напоминающих в некоторых очельях рога сказочного животного. Интересными образцами архитектурного декора представляются лобани наличников амурских казачьих сел Касаткино, Иннокентьевка, где помещены целые композиции из парных симметричных накладных и пропиленных изображений львов, быков, птиц с цветами, тяготеющих к центральной антропоморфной фигуре. Боковые и подоконные доски наличников резьбы не имеют.

Южнорусские строительные традиции отмечаются во внутренней и иногда наружной отделке дома, в расположении длинной стороной параллельно улице, в наличии четырехскатных крыш. Открытая свободная застройка двора с такими хозяйственными постройками, как стайка, летняя кухня, также связана с традициями южнорусской усадьбы. Своеобразная архитектурная часть жилой постройки — терраса, вероятно, была привнесена в этот район казаками-переселенцами из области Войска Донского и Кубанской области.

Усадьба и жилище крестьян Нижнего Амура отличались рядом своеобразных черт. Главное значение для крестьянских хозяйств от г. Хабаровска до устья Амура имело рыболовство, рубка и сплав леса и дров, извоз.

Так, в зоне влияния г. Николаевска расположено с. Маго, в котором в 1859 году рядом с нивхскими постройками основались русские крестьяне. Село находится на левом берегу судоходной Пальвинской протоки, соединяющей р. Амур с озером Чля. Постройки возводились из бревен лиственницы диаметром 20–25 см, общей площадью от 50 до 70 кв. метров. Типы жилых домов: двухкамерные постройки (изба + прируб, пятистенки), трехкамерные — пятистенки с сенями, реже четырехкамерные — крестовики. Углы связаны «в чашку», «в ласточкин хвост». Фундаментом здесь служат «стулья» — столбы по периметру, иногда «лежки». Для утепления

домов пазы прокладывались мхом, устраивались постоянные земляные завалинки. Типичным подклетом можно назвать низкий, высотой в 2 венца.

Стропильные крыши встречаются двух типов: двухскатные и четырехскатные, значительный процент их крыт купленным в г. Николаевске привозным американским оцинкованным железом.

Внутренняя планировка домов, определяемая расположением русской печи, однотипна: у входа, устьем ко входу (западнорусский план), у боковой стены (западный южнорусский план), у половины обследованных домов — в центре дома, устьем к боковой, дворовой стене. Размеры русских печей были небольшими, иногда устанавливалась в доме дополнительная печь-голландка, камин.

Старые жилые постройки п. Маго расположены по красной линии, выходят к улице и узкой (торцовой), и широкой стеной. Сени обязательно пристраивались к узкой стене дома, чаще с боковым входом через открытую площадку — крыльцо с несколькими ступеньками.

Декор домов очень скромный, простой. Причелины, карнизы если и имеются, то чаще без резьбы. Больше внимания уделялось наличникам, имеющим нередко двухстворчатые ставни. Орнамент имеет более «архитектурный», чем

Стайка и баня, с. Верхне-Тамбовское Хабаровского края

графический вид, т.к. выполнен накладной резьбой; преобладают геометрические мотивы: розетка, ромб, треугольные «зубчики», полукружья — вот основные его элементы, складывающиеся в композицию узора, основанную на зеркальной симметрии.

Село Верхнетамбовское было основано в 1860 году, село Нижнетамбовское в 1861 году крестьянами-переселенцами из Тамбовской губернии. В начале XX в. в эти селения подселелись крестьяне с Украины и из Белоруссии.

Застройка начиналась от берега, вдоль которого шла самая первая (сейчас самая старая) улица, обычно называвшаяся Набережной. С самого начала стала формироваться уличная двухсторонняя застройка. Позднее образовались кварталы.

Лес для постройки рубили зимой, бревна сначала собирали во временный сруб. Через некоторое время приступали к строительству дома. При строительстве помогали родственники, иногда нанимали односельчан. Сруб возводили высотой в 13—16 венцов. Техника строительства — в чашу, в лапу, у менее состоятельных — «в охряпку». Фундаментом служили столбы из лиственницы, что характерно для северорусского строительства. Своеобразно было устройство фундамента в виде клеток из двух-трех бревен (длиною около 0,6 м), которые назывались «городками». Сам термин довольно архаичен. Срубные «городки» использовались в период освоения Сибири при строительстве островов. На Нижнем Амуре такой прием применялся, по-видимому, в связи с особенностями грунта (промерзание), повышенной влажностью во время дождей.

Пол стелили из плах кедра или кедрового теса. Жилища в Верхне- и Нижнетамбовском ставили на подклет из 2-3 венцов, как исключение — из 5. В нем устраивали подполье. Потолочные перекрытия в Нижнетамбовском делали из теса, плах и полубревен, нередко снизу подшивали тесом. Крыши домов в Нижне- и Верхнетамбовском двухскатные, реже четырехскатные, стропильной конструкции, на венцах и связях. Концы связей выступают за пределы сруба и защищены досками. Таким образом оформлялся карниз-коробка. В начале XX века крыши в этих селениях покрывались тесом из кедра и ели различными способами: «вразбежку», «впритык», «в замок». Крыши домов зажиточных крестьян были из волнистого оцинкованного железа.

Жилые дома в обследованных селах имеют несколько планировочных вариантов. Самые простые — четырехстенки с пристроенными сенями. Есть и более сложная планировка: пятистенки, изба с прирубом, т.е. двухкамерные жилые постройки; трехкамерные постройки — изба-связь (изба+сени+изба) или как ее называют — «изба-двойня», «изба на две половины». Усложнение и увеличение площади жилищ на Нижнем Амуре можно объяснить прежде всего экономическим фактором: бюджет позволял строить новые дома «попросторнее». Демографические процессы также играли роль: большие семьи старожилых состояли из 8—12 человек, молодые семьи продолжали вести общее с родителями промысловое хозяйство.

В прошлом русские печи были в каждом доме, в начале XX в. появились и голландки. Для интерьера характерна подвижная мебель местного кустарного производства: деревянные лавки, стол у окна, стулья, «диван». «Диваном» на Амуре старожилы называют деревянную лавку с резной спинкой и подлокотником. Он мог находиться в избе или сенях. Шкаф и полки для посуды — в кухне; кровати, сундуки для одежды — в горнице.

Итак, в обследованных жилищах, несмотря на довольно стойкую южнорусскую традицию, сохранявшуюся жителями — тамбовскими переселенцами, значительное развитие получил и северо-среднерусский тип внутренней планиров-

Дом в с. Богородское Ульчского района. Начало XX в.

ки. Объяснить это явление можно как приспособлением жилища к более суровому, чем на родине переселенцев, климату, так и влиянием строительных традиций выходцев из северных, сибирских районов страны.

Наружный декор крестьянских домов прост, но и здесь есть элементы своеобразия. Пропильной резьбой украшались причелины, карнизы, наличники. Мотивы орнамента в основном традиционные восточнославянские: геометрические, растительные, зооморфные. Края причелин и карнизов украшались треугольниками и полукружьями. Концы причелин завершались резьбой, имитировавшей кисти, перед которыми обычно помещались в кругу розетка, солярный знак, на одних причелинах нам встретился древний дальневосточный семантический знак — «янь» и «инь».

Кокошники наличников — наиболее орнаментированная часть деревянных конструкций домов в этих нижеамурских селах. По форме карнизы делятся на два основных типа: прямолинейные горизонтальные и двухскатные, с «плечиками». Прямолинейный карниз часто имеет несколько рядов подзоров с геометрическим узором. В надкарнизной резьбе на кокошнике наличника дома Руднева, построенного в с. Пермском, а затем перевезенного в Нижнетамбовское, выделяется необычный зооморфный мотив — головка и крылья летучей мыши.

Наиболее характерным декоративным элементом кокошников с двухскатным карнизом являются волутообразные завитки нескольких вариантов. На некоторых наличниках встречается сочетание пропильной и долбленной резьбы. Так, в Нижнетамбовском на кокошниках наличников дома, построенного братьями Зимиными, узор выполнен следующим образом: солярные розетки на лобани «выбраны» стамеской (трехгранно-выемчатая долбленная резьба), а надкарнизные парные изображения рыб выпилены.

Таким образом, в орнаментике домовой резьбы в селах Нижне- и Верхнетамбовском наблюдается смешение общеславянских и дальневосточных традиций. Такую специфику можно объяснить относительной территориальной близостью и наличием этнокультурных контактов с населением пограничных зарубежных территорий Дальнего Востока. Ряд элементов декора — «волуто» на кокошниках, сдвоенные наличники — объясняется влиянием «городского» стиля, традицией городской народной культуры.

Огороженная усадьба со свободным расположением построек южнорусского типа здесь претерпела некоторые изменения. На ней появляются такие постройки северорусского типа, как завозни и повети (крытые постройки для саней и телег), ледники, рыbnики, широко распространенные и в других местностях Сибири, а также хозяйственные

Дом белорусских крестьян-переселенцев начала XX века. с. Георгиевка, район им. Лазо Хабаровского края

постройки на заимках, связанные с характерным для Сибири и Дальнего Востока видом землепользования.

Для усадеб нижеамурских сел характерен вынос хозяйственных построек к берегу Амура. К реке выносились амбары, бани-каменки, а также постройки, связанные с рыбным промыслом: рыбники, ледники, бондарки, коптильни. В бондарке хранились инструменты, находился верстак, под навесом была сложена клепка для бочек. Рядом с усадьбами часто встречаются колодцы с воротом под двухскатной крышей. Большинство хозяйственных построек начала XX в. до нашего времени не сохранилось. Изменилось направление развития хозяйства: рыбный, бондарный и дровяной промыслы перестали существовать как основа экономики нижеамурских сел. Вместе с ними ушли из быта промысловые и хозяйственные постройки.

В Северо-Уссурийском крае главным направлением в крестьянском хозяйстве постепенно становится земледелие, дополняемое доходами, иногда довольно значительными, от разнообразных ремесел и промыслов. Особенностью поселений является их сравнительно поз-

Усадьба с постройками в с. Георгиевка. Начало XX в.

Декор наличников в селах Георгиевка, Павленково, Петровичи района им. Лазо. Начало XX в.

днее образование — 90-е годы XIX — первое десятилетие XX века, годы постройки Уссурийской железной дороги. На новых местах переселенцы столкнулись с проблемой — плохим качественным составом большинства наделов и трудностью разработок лесных участков, с летними и осенними паводками, переходящими в наводнения.

Для компактного ареала расселения белорусских крестьян-переселенцев конца XIX — начала XX вв., расположенного в долине р. Ки, правого притока р. Усури, характерна высокая однородность и однотипность как усадебных комплексов, так и входящих в их состав жилых и хозяйственных построек, возведенных на основе белорусских строительных традиций.

Белорусские крестьяне, основавшие села Георгиевку, Павленково, Могилевку, составили старожильческое население Киинской волости; Марусино, Петровичи, Васильевку, Соколовку, Прудки — новосельческое. Традиционные навыки деревообработки белорусских крестьян пригодились переселенцам при обживании лесной долины р. Ки. Большую роль в развитии этих поселений играли построенные переселенческим управлением дороги: линейные формы здесь являются преобладающими.

Строили срубные жилища в селах Полетнинской и Киинской волостей из обструганных бревен лиственницы, кедра, реже — осины. Лес для срубов рубили зимой, прибегая к помощи односельчан или родственников — «помочи». Постройки в основном возводились самими хозяевами, многие из которых были умелыми плотниками, столярами.

Для обследованных, сохранившихся с начала века жилых построек типичны способы рубки с выпусками — «в чашку» и без остатка — «в угол», «в чистый угол». Пазы прокладывались мхом и обмазывались глиной. Толщина бревен невелика — 20–25 см, число венцов в срубе — от 12 до 14. Подклет очень низкий, в 1–2 венца, что характерно и для жилых конструкций крестьян-белорусов. Деревянный пол — «падлога», состоящий из толстых пиленых досок — «плах», клали на поперечные брусы, врубавшиеся между первым и вторым или вторым и третьим венцами сруба. В углу сруба, а в некоторых домах и вдоль стен вкапывались кедровые стояки — «штан্দары».

Крыши домов в обследованном районе двухскатные, стропильной конструкции. Концы стропил — «крокв» — врубались в верхние венцы сруба, посередине соединялись балкой — «поясом». Реже отмечаются стропильные крыши

Баня. с. Павленково, район им. Лазо Хабаровского края

на связях. На покрытие крыши шла так называемая долгая дрань — «дор, гонт», укладываемая в 2-3 ряда, тѣс.

Как правило, в домах прорубалось несколько окон: 2 окна выходили на улицу, одна из боковых стен имела 2—3 окна, 1—2 окна выходили во двор, и одна из стен рубилась «глухой», без окон — около нее находилась русская печь. Входили в дом через срубные сени — эту функцию выполняет прируб — «трисен», или через открытую площадку с одной-двумя ступеньками. Реже встречается в селах закрытое крыльцо, обшитое досками. «Ганак» имел крышу с односкатным или двухскатным настилом, крепившимся на 2-4 столбах, ограждение из балясин или простых пиленых досок с перилами. Подобные входные конструкции типичны и для белорусских жилищ.

Наиболее простой тип горизонтального развития дома в южной части Хабаровского уезда — однокамерное жилище, наиболее распространенный — двухкамерная постройка — изба с прирубом (трисеном). Прируб выполняет несколько функций: чаще — это сени с выгородкой — «каморой», реже — кухня (если в нем находилась русская печь). Этническая традиция и здесь имела место — именно такая планировка превалирует в Могилевской и Гомельской губерниях Белоруссии.

Во внутренней планировке домов сказалось влияние традиций материальной культуры не только белорусских переселенцев, но также и их контакты в прошлом с южно-русским сельским населением, с соседними Смоленской и Брянской губерниями России. Русские печи складывались из обожженного кирпича, реже хозяева сами изготавливали сырцовый кирпич для печей. Печи с изогнутым дымоходом имели лежанки. В селах Павленково и Петровичи русские печи устанавливались на столбах — «стояках», «помочах».

Интерьер старой крестьянской хаты сохранился в какой-то мере в доме Шура П.Н. в селе Полетном. В двухкамерной постройке (изба + прируб), в сенях за перегородкой находилась русская печь с устьем, повернутым к торцевой задней стене дома (западный вариант южнорусского плана). Слева, у входа, на стене устроены полки с бондарными и плотницкими инструментами, ниже их, на скамье, стояли бочки. Справа на стене, общей с избой, висела верхняя повседневная одежда. Вдоль стен избы устанавливались длинные скамьи, между окон торцевой фасадной стены размещался стол «на козлах» (х-образных ножках). Налево от входа, за загородкой, стояла довольно широкая низкая деревянная кровать, напоминающая белорусские нары. Направо от входа, в углу, находился сундук — «скрыня», для хранения вещей. В прошлом в зимнее время в избе пряли пряжу, ткали, шили одежду, изготавливали берестяные и плетеные изделия. В современном быту жителей обследованных сел лишь изредка можно встретить

элемент старого интерьера — скамью «канапу» (деревянный «диван»), шкаф.

Наружный декор народного жилья довольно скромнен, и в этом можно отметить традицию декоративного оформления построек восточных районов Белоруссии. Фронтон — «щит» — имеет горизонтальную и вертикальную тесовую зашивку, довольно красиво смотрится шалевка фронтонов «елочкой». Живописен «kozyрек» — скат из короткой драни, держащийся на трех кронштейнах либо на карнизе-коробке. В нескольких случаях он крепится на балке, врубленной в торцовые выпуски верхних венцов сруба, получавших скульптурную форму. Пропильной резьбой украшались в этом районе наличники, значительно реже карнизы и причелины. Наиболее простой наличник имеет ровную доску — козырек, прикрывающий осадочный паз. Наличники, у которых есть кокошник, состоящий из надоконной доски, делятся на 2 вида: с прямолинейным карнизом и треугольным.

Мотивы орнамента домовой резьбы в основном геометрические — кружки, зубцы, полукружья, солярные розетки; иногда встречаются фрагменты растительного — ростков цветов, зооморфного — змей, антропоморфные фигуры.

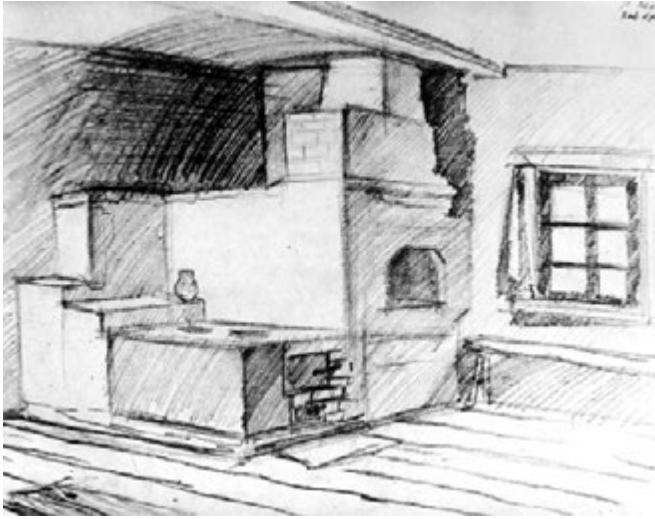
Широкое распространение здесь получили наличники с двухстворчатыми филенчатыми ставнями, окрашенными в два цвета. Как и на родине переселенцев, большинство карнизов и причелин в обследованных домах не имеют декора. В тех случаях, когда концы стропил врубались в поперечные связи и концы связей выступали за уровень стен жилой постройки, они обшивались тесом, и таким образом получался карниз городского типа — «коробка». У состоятельных домовладельцев резьбой украшались карнизы ганков, столбы в них обтесывались плотниками в объемные фигурные формы.

Передняя часть усадьбы, где располагались жилые и часть хозяйственных построек, огораживалась от задней, занятой огородом и гумном. Во время обследования, в 80-е годы XX века, лишь несколько усадеб сохранили в своем облике рудименты замкнутого веночного и погонного дворов, характерных для восточного этнографического региона Белоруссии. Бани, погреба часто находились вне ограды усадьбы, за дорогой.

Для большинства усадеб крестьян-переселенцев долины р. Кии конца XIX — начала XX вв. характерно свободное расположение хозяйственных построек, хотя и здесь можно заметить определенный порядок: сарай или амбар находятся в левом или правом переднем углу усадьбы. Строились сараи комбинированной техникой, в них сочетались элементы срубной и столбовой постройки: одна стена самцовая, вторая — на столбах («шулах») с горизонтальной закладкой бревен, под двухскатной крышей. Фундамента сараи не имеют. Внутренняя планировка довольно проста: несколько загонов образованы путем врубки невысоких перегородок. Свет поступает в камеру через одно небольшое окно. Скотные сараи располагаются на некотором расстоянии от хаты, перед входом имеют небольшой отгороженный участок двора — «денник», загон.

Почти на каждой современной усадьбе в этом районе сохранились амбары, выполняя в настоящее время функции хранения сельского бытового инвентаря, иногда — скотного сарая. Здешние амбары из всего усадебного комплекса представляют наиболее колоритные хозяйственные постройки, сочетая в своем облике архаичность, традиционность таких восточнославянских конструкций.

По особенностям конструкции выделяются два типа амбаров: со входом в торце однокамерного сруба, под фронтоном, и со входом, устроенным в боковой стенке. Амбары

Интерьер жилища начала XX в. с. Васильевка, район им. Лазо Хабаровского края

строились на фундаменте (штангары или камни) и без него. Часто торцовые срубные стены выполнены «закотом» (самцовые) из бревен лиственницы. Техника рубки амбарных углов — «в охряпку», «в чашку», реже — «в угол» без выпусков. Двухскатные крыши амбаров, самцовые и стропильные на венцах были в Приамурье большей частью из дерева — «дора», «драни» или теса, а не соломенные.

Амбары торцового типа, имея вход под фронтоном, отличаются наличием рундука, выдвинутого и укрепленного на повалах — выпусках бревен боковых стен. Иногда рундук держится на двух-четырех стойках-столбах. У амбаров с рундуками бревна двух первых венцов также выходят вперед и, застланные досками, образуют площадку перед входом; поддерживающие рундук стойки имеют объемную столлярную обработку. Фронтон стропильной на венцах крыши защит горизонтальной шалевкой, украшен карнизом и причелинами. Двери амбара массивные, одностворчатые, выполнены из толстых досок. У нескольких амбаров второго типа над входом есть выпуски до 1,8 метра, на которые и опираются стропила крыши, образуя навес.

Пол стлали из плах, тонких бревен, оставляя место для вкопанных больших бочек- «усыпищей», в которые засыпали зерно. Во многих амбарах сохранились закрома из бревен и толстых досок, врубленных в стенные пазы. В тех амбарах, где нет потолка, в верхние венцы врубались жерди для подвешивания припасов, вещей. По периметру стен сруба крепились полки. Если следовать классификации белорусских этнографов, то функционально выделяются тоже два типа амбаров: клеть (в ней-то и хранилось зерно в бочках) и собственно амбар — хранилище для отборного зерна в отдельных отсеках. Погребца, бани находились как на усадьбе, так и за ее пределами через дорогу, у реки, в огороде. Погребца здесь встречаются двух типов: в виде полужемлянок и выкопанные в срубном наземном помещении.

Ближе к воде располагались бани-каменки, срубные однокамерные и двухкамерные постройки (3 x 4 или 5 x 7 м), с углами «в чашку», «в охряпку». Двухскатные стропильной конструкции крыши покрывались той же дранью, но фронтон не зашивался. В двухкамерной постройке первое помещение служило предбанником («прилазник»), иногда он пристраивался из досок к однокамерной бане. Бани строили в основном без фундамента, потолок и пол настилали из толстых досок. В срубке делали небольшое оконце и отверстие для выхода дыма. Печь-каменка (булыжник для нее привозили с реки Хор) находится справа от входа, устьем к окну — так называемая белорусско-украинская пла-

нировка. Встречаются печи чугунные, обложенные камнем, с вмазанным чугунным котлом, с дымоходом. У стены ставились лавки; «полок», находящийся рядом с каменкой, встраивался. Помимо своего прямого назначения бани использовались для просушивания льна.

В долине реки Кии крестьяне заводили домашние (усадебные) пасеки, поэтому часто на задворках у домохозяйина-пчеловода находился омшаник, а на огороде, до вывоза весной на пасеку, расставлялись ульи.

Колодцы, без которых невозможно представить сельское поселение, строились двух типов: традиционные «журавли» и колодцы с воротом.

По воспоминаниям старожилов, в обследованном районе мельницы были в с. Георгиевка. Водяную мельницу на реке Бирушке имел Берсенев Евген, на паровую мельницу-круподерку Луза свозили зерно со всей округи. До настоящего времени эти постройки не сохранились.

Итак, для амурско-приморского варианта массового крестьянского жилого комплекса характерно срубное жилище с низким подклетом довольно простого двухкамерного, реже трехкамерного плана и хозяйственными, большей частью свободно расположенными постройками на огороженной усадьбе, связанной с промысловым хозяйством в северных районах и полеводческо-животноводческим — в южных районах Приморской и Амурской областей.

У зажиточной части дальневосточного крестьянства все структурные части усадьбы усложняются. В начале XX века зажиточные крестьяне строят дома с развитыми горизонтальными и вертикальными планами: появляются трех-, четырехкамерные жилища-пястистенки с прирубками, избы-двойни, крестовые связи. На усадьбе увеличивается количество построек, возводимых из более качественного леса, разнообразнее их назначение, также увеличиваются размеры.

Необходимо отметить также характерное явление, связанное с социально-экономическим фактором в массовом крестьянском строительстве на юге Дальнего Востока в XX веке — распространение стандартных технических приемов, нивелировавших этнические традиции в застройке крестьянской усадьбы.

Для декора дальневосточного народного жилища в целом присущи сдержанность, лаконичность пропиленного узора, сосредоточенного большей частью на кокошниках наличников. Помимо общеславянских мотивов отмечаются и элементы восточноазиатской символики в декоре домов побережных приамурских поселений. Для украшений крестьянских построек начала XX века характерно влияние городской культуры.

Самая характерная черта строительной традиции российских переселенцев — постройка домов из дерева сохранилась в современном городском и сельском строительстве Дальнего Востока, строительстве особняков, дач. Интересно начинание Хабаровского фонда культуры — строительство культурного центра «Русская деревня» в с. Бычиха из восстановленных деревянных срубов.

Использование в современном строительстве такого экологичного, комфортного для жизни человека материала, как дерево — в этом дальнейшее развитие культурной традиции россиян на Дальнем Востоке.

Литература:

1. Фетисова, Л. Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: сложение и развитие традиции / Л. Е. Фетисова. — Владивосток : Дальнаука, 1994.
2. Аргудяева, Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН, 1997. — С. 75.
3. Соболевская Н. А. Усадьба и жилище российского крестьянина-колониста Приамурья в конце XIX — начале XX веков : учеб. пособие. — Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 1997.

Посвящается светлой памяти
моей мамы Натальи Аверьяновны

Печных ремёсел мастера, или Секреты древнерусской печи

Иван ШЕВНИН, историк
Фото из архива автора

Домашнее ремесло являлось в XIX – XX веках одной из стадий развития крестьянского ремесла. На дальневосточных территориях России крестьянская промышленность в большой степени определялась этническими традициями переселенцев. Известно, что этноконфессиональная группа русских – старообрядцы, как и молокане, лучше и быстрее остальных крестьян приспособивались к новым условиям жизни. Такой вывод можно отнести и к крестьянским ремёслам Приамурья и Приморья середины XIX – начала XX веков. В пёстрой мозаике крестьянских ремёсел было и остаётся место для ремесла печника – печничества, о котором и пойдет речь. В частности, о печных мастерах-старообрядцах, представляющих Русскую православную старообрядческую церковь в Хабаровске и его окрестностях.

Первые последователи древлеправославной веры, приемлющие священство, переселились в местность Красная Речка из Саратовской губернии в 1890-х годах. Братья Здутовы были людьми весьма хозяйственными и обеспеченными. Внучка Евдокима, Ксения Яковлевна, вспоминает, что он поставил дом с топора, построил кирпичный заводик для своих нужд и для продажи. Китайцы называли его даже купцом. Рыбачил, торговал, держал большое хозяйство, сад, огород. На собственные средства строил церковь на высоком берегу, ныне Амурской протоки, нанимал рабочих. К сожалению, церковь и дом Евдокима не сохранились. Как весть о тех временах Ксения Яковлевна бережёт иконы, оставшиеся от дедушки Евдокима и бабушки Домны, у себя дома, в Санкт-Петербурге. Зато построенная Титом изба более ста лет стоит (лишь первые венцы поменяли) да потомков его обогревает и от ветра-холода-дождя предохраняет. Татьяна Павловна, правнучка Тита Здутова, говорит сейчас про своих дедов: «Люди всё умели, всё делали своими руками».

Известный этнограф Ю. В. Аргудяева пишет, что у дальневосточных старообрядцев в XIX – начале XX веках, как и в целом на территории расселения восточных славян, преобладал двухкамерный тип планировки жилого помещения – изба и неотопливаемые сени. Внутренняя планировка жилища стойко сохраняла этническую специфику и различалась лишь деталями. Обстановка избы, расположение в ней отдельных предметов обихода соответствовали сложившейся издавна традиции. Значительную часть жилого помещения занимала духовая, так называемая русская печь. Северно-среднерусский план избы был у потомков старообрядцев, прибывших из северных и среднерусских губерний России. Особенностью такой планировки было то, что русская печь располагалась в заднем углу избы, направо или налево от входа, а устьем направлялась к передней, торцовой стене жилого помещения. По диагонали от печи, в передней части избы, находился передний («красный», «святой») угол¹.

¹ Ю. В. Аргудяева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М. 2000. С. 149–152.

Устинова Ирина Матвеевна в кругу семьи: Валерий, Аверьян Евдокимович, Васса, Наталья (сидит), Полина, Евдокия. г. Свободный, Амурская область. 1931

Духовая русская глинобитная печь была частью интерьера всех старообрядческих жилищ. По воспоминаниям Татьяны Павловны, в избе Тита Здутова, как и положено, печка с заслонкой была большая, занимала полкомнаты, от пола до потолка. Рядом стояла печка с плитой, как сейчас есть в деревянных домах. С другой стороны печи были ступеньки на «второй этаж»: там находилась лежанка, туда лазили внуки и наблюдали через проём между печкой и стенкой, что делали взрослые за столом. В той печи пироги пеклись на огромных противнях: «За один раз бабушка Клава могла испечь сразу три пирога — с капустой и рыбой, яйцом и рисом и сладкий». Печь построили на совесть, простояла она лет девяносто, а то и больше. И за это время накормила печь множество народу, приходившего в избу сначала к Титу и Дарье, а затем к Луке и Клавдии (в девичестве Клавдия Николаевна Сызранцева). Татьяна Павловна, осмысливая свои детские впечатления, сейчас удивляется: «Дом был почему-то самым гостеприимным. Все ехали сюда. Ехали не только Здутовы. Такое же почтение было и со стороны Сызранцевых. В выходные дни всё было предназначено только для гостей». Сравнивая гостей того времени с нынешними, Татьяна Павловна однозначно одобряет корневые традиции своих прадедов и дедов: «Чтобы раньше кто-то приходил с пустыми руками. Такого не было! Во всём была обоюдность, люди поддерживали друг друга. С пустыми руками никто не заявлялся. Сейчас едут по пятнадцать человек за день. Никто ничего. Едут отдыхать».

«Только в 1980-х годах печку полностью убрали, с согласия бабушки, и ничего не осталось». Ту печь клали из кирпича, сделанного, по всей видимости, на упомянутом кирпичном заводе Евдокима Здутова, который располагался там же, на Красной Речке, на участке, где ныне проживает внучка Тита — Нина Лукинична.

Общеизвестно, что печь или печка или печь — снаряд для топки, для разведения в нём огня. Бывает русская печь, кирпичная или битая, для тепла и варки пищи, печения хлеба и голландская, комнатная, разных видов и устройств, ради тепла и угреву. В русской печи есть опечье, подпечье, запечье и припечье.

Печь — устройство довольно сложное и для хозяйства крайне необходимое. Исследователи установили, что тогда, традиционно, для строительства печи нужно было много чего уметь: и сруб из брёвен изготовить, и обшивать досками, и «стулья» устанавливать, и каркас делать, и сбивать глину деревянными молотками (да и не всякая глина годилась, её специально искали, даже обращались к опытным мастерам), и кирпичи класть, а то и изготавливать их в до-

машних условиях. А порой и расписывать печки. Не говоря уже о печных изразцах с рельефным рисунком, покрытых цветной глазурью, или гладких расписных, фасонных изразцах для печей. И даже если человек умел всё перечисленное делать, это вовсе не означало, что он был мастером устанавливать печи. У каждого печника были свои секреты, которые постигались годами и десятками устроенных печек. Так, в конце XV — XVI веках «Домострой» советует всякому домовитому доброму человеку «кому Бог послал подворье своё, деревеньку или лавочку на торгу, или амбар, или мельницы, каменные дома или варницы» печи всегда осматривать внутри и поверху, и по сторонам. А щели замазывать глиной, а под в печи, где выломался, залатать старым кирпичом. В Московской Руси под означал пол, низ, подошвенную выстилку, дно. Печной под — кирпичная гладкая выстилка или глиняная набойка и смазка внутри всякой печи, где кладутся дрова. «А на печи всегда бы начисто вымести, чтоб ничего от огня не случилось, тогда и спать на ней хорошо или высушить что. И у всякой печки под челом был навес от искр, глиняный или железный: если даже потолок и низкий, да огня не боится»¹.

Можно много рассказать интересного о представлениях и мнениях о печи, очаге, огне. Лишь несколько слов об обычаях, в которых фигурирует печь. В деревнях существовал запрет белить печь в пятницу. Когда кто-то из хозяев отправлялся в долгую дорогу из дома или хозяева переселились в другие места, одну из трех горсточку земли брали из-под печки.

О степени важности печи в хозяйстве можно судить по тому, что о ней говорили: «Печь нам мать родная», «На печи всё красное лето». Образ печи великороссы вспоминали, когда они чувствовали себя хорошо: «Словно у печи погрелся», когда жили в ладу, дружбе и согласии: «У них и печки и лавочки, всё вместе», когда вспоминали о счастье: «Придёт счастье и с печи сгонит», «Счастье придёт и на печи найдёт», и когда хотели сказать о недостатке в доме, когда работы завершены: «Подать оплачена, хлеба есть и лежи на печи!», и когда нужно идти на работу: «Кого зовут пиво пить, а нас печь бить», уже помалкивая о тайнах женской души: «Пока баба с печи летит, 77 дум передумает».

Про людей мастеровых и умелых говорились: «Не печь кормит, а руки». Руками печки клали, кладут и будут класть. И называют таких людей печник, печной мастер, строитель, печеклад, кладчик. Хотя слово это и мужского рода, но это вовсе не означает, что только мужчины могли класть печи. Среди приверженцев старообрядческой церкви Белокриничкой иерархии в Приамурье печничать великолепно умели и женщины.

Ирина Матвеевна Устинова (урождённая Гребенчук), ровесница XX века, вместе с родителями прибыла в Амурскую область из румынского города Тульча в 10-летнем возрасте. Как было принято в те времена, замуж её отдали в 15 лет. По воспоминаниям её дочери Натальи Аверьяновны, Ирина Матвеевна была мастер на все руки. И шила, и кроила, и рыбу солила, и всё на свете делала. Особенно любила пироги печь в духовке. «Такие пироги пекла, что ты! Сколько людей в доме перебывало!». Словом, к жизни была приспособлена.

За свою жизнь пришлось Ирине Матвеевне много печек класть, «и в Амурской области и везде. И вот здесь вот, на левом берегу, мы жили, на островах, когда в колхоз загоняли всех подряд, а они не захотели с батькой... Как куда пе-

¹ Домострой. М.1990. С.168.

реезжаем жить, так она обязательно перекладывает печку под себя. И когда в Хабаровск, на улицу Пояркова приехала. Она сказала, когда затопила: «Лучше полмесяца промаюсь, а переделаю». Под себя переделывала, то это не тянет, то ещё что-нибудь, то это дымит. И так постоянно, куда бы мы ни приезжали. Жили даже в землянке, и то выбросила старую, громадную, сделала маленькую — и тепло, и места больше стало.

Она сама печки ложила. Батя не так умел. Он делает, у него дымит, то ещё что. Она его потом не стала допускать. А у неё очень хорошо получалось. Она всегда такую аккуратную делает. И вроде места немного занимала. И всё испечь можно было, и духовка была. Голова соображала у неё. Ей конструктором надо было быть.

Ох, её не учили раньше, как печки делать. Чё в деревне, три класса она закончила. У них в доме, когда росла, видимо, так было. Она всё видела. Или в деревне кто-то ложил. Она видела, как. Ну и она научилась хорошо класть.

Её приглашали соседи: «Матвевна, иди, у меня с печкой нелады. Недавно вот сделали, а она ничего не тянет. Тепло не даёт». Придёт, посмотрит со всех сторон, говорит: «У-у-у!». Она знала, где разбирать. «Да как же она будет тепло давать, вот тут вот кирпичи заложены». Ой, вся улица её знала. На консультации к ней приходили...»

Печничество в ходу и у современных ревнителей древнего русского православия, живущих в Тихоокеанской России. Более того, нынешние российские социально-экономические условия требуют от них совершенствовать своё ремесло и мастерство печеклада, как бы парадоксально это не звучало, на первый взгляд.

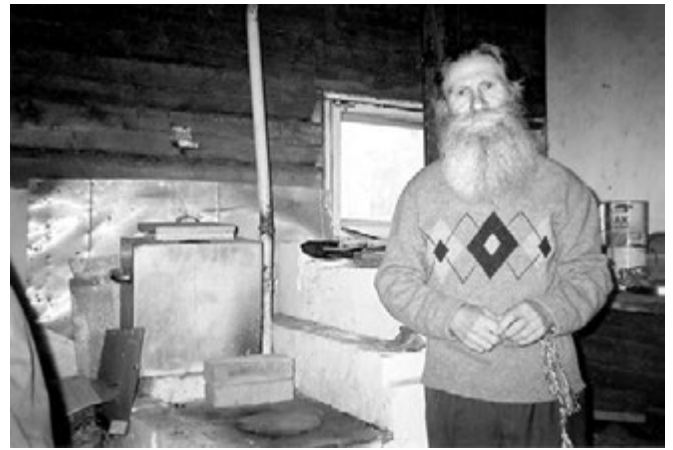
В Хабаровске в 1995 году методом народной стройки возвели храм Покрова Пресвятыя Богородице Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ). Ради тепла поставили печь. В 2004 — 2005 годах, в ходе реконструкции, ту печь заменили. Новую взялся класть Борис Логинов. И построил. Борис Логинов — представитель древнего «от опостолов», старообрядческого беспоповского рода. Его дед был настоятелем в общине старообрядцев часовенного согласия. Сейчас Борис Логинов — прихожанин Покровского прихода РПСЦ. Он согласился поделиться своими секретами печного мастера.

Но прежде всего следует изложить этическое и эстетическое кредо. «Я никогда ни с кем не договариваюсь. Меня находят. Ко мне приходят и просят, а отказываться я не хочу. Попытаюсь, конечно, не хочется, но помочь надо. Но я не делаю никому, кто может нанять сам, ему и так сделают. Я делаю христианам — бабушкам, вдовам, которые сами не могут сделать или найти, чем заплатить. Вот тем я хожу и делаю ...»

Вот недавно слышал, что трудоголики — это люди неполноценные. Какая-то ерунда. Я нахожу в работе удовольствие. Я хожу, смотрю около печки. Я её замажу, хожу и смотрю. Любуюсь. Потому я её делаю с душой. Не просто вот ради заработка пришёл, деньги урвать и бежать. Я хочу сделать, чтобы она грела».

Исходя из своих представлений о ремесле печника, Борис Логинов критически отзываясь о работе других строителей: «Другие делают печки так ... Кто кому как вздумается. Печку развалишь, ну просто смех берёт! Лишь бы деньги содрать».

Карьера печеклада Бориса Логинова началась давно, и отнюдь не с печки, а с кирпича. Сначала на стройке работал с кирпичом. Потом ему котлы попались, стал их обмуровывать. «Всё это непросто. Вот взял кирпич человек, а как его ложить? Но я его ложил, и поэтому с печкой был готов работать.

Борис Логинов рядом с одной из своих печей

Я работал на стройке монтажником 15 лет, и кирпичом приходилось закладывать и дыры, и всё. Потом на БАМЕ приходилось всё делать, в том числе и котлы обмуровывать. Этому я быстро научился в котельной. Котельную строил сам, полностью, начиная с нуля, в Алонке. Ну а потом я случайно посмотрел, как устроены печки, пока их разбирали, кирпичи нужны были. Тогда много старых печек было, везде под бульдозер шли. Дома рушили. Кирпича много было. Он тогда по пять копеек был, а этот и так бесплатный. Отчистил, привёз, погреб сделал и на даче разное там. Потом в деревню приехал, вот первую печку и сложил ...

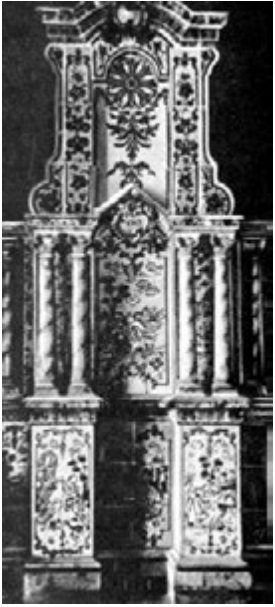
А с чего начал?.. Мне нужно было котёл поставить, чтобы горячая вода на печке, чтобы её огнём омывало. Делаю пять колодцев. Вроде всё по уму. А тут сестра двоюродная пришла и говорит: «Зачем ты делаешь пять? Ты делай три, они будут больше и шире. Тут никогда не забьётся. А то через два года будешь чистить, разбирать, вытаскивать золу. А то дымить будет, забьётся сажа, зола и всё». А я говорю: «Да, нет, не буду чистить!». Она ушла, а я взял полностью до нуля развалил все колодцы! И сделал три. Правда, сколько мы жили там — 15 или 12 лет и ни разу не чистил. И вот с тех пор я делал шире и три колодца.

И вот я уже лет пятнадцать печки кладу. Как себе начал, так другие стали просить, видят, что кто делает. А делаю я просто. Но быстро я не делаю, никто меня не гонит. Я делаю, чтобы нормально, прочно и всё ...»

Есть у печных ремёсел мастера свои профессиональные секреты, которые он смог сформулировать после многолетних наблюдений и собственного опыта или добрые люди подсказали. О некоторых он охотно рассказывает.

Секрет первый

«Я делаю тихонько и нормально. А не как некоторые «специалисты» делают — раз-раз, налепили быстренько, а потом шух, и всё улетело. Сколько я ни делал, всё удивляюсь, как же так — на ребро кирпич ставят. Я раньше никогда не видел нигде, чтобы печки ложили кирпичом на ребро. Почему-то сейчас я встречаю кирпич на ребро везде. Он же горит. Такая стенка — шесть сантиметров, она быстро прогорает. Говорят, что вот тоньше, быстрее нагреется, больше тепла будет. Когда человек не знает физику, он может такое сказать. А ведь возьми, сколько тепла получил кирпич, он столько и отдаст. Если он дольше нагревается, то он дольше будет и отдавать. И печка будет тёплой на весь день. И сутки может обогревать. Спорить никогда я ни с кем не хочу. Я всегда добавляю кирпич и делаю плашмя. Кирпич ложу, как положено. И он прочный и дольше греет ...»

Печь изразцовая. Калуга. 1709 Печь изразцовая. Владимир-Суздаль. Середина XVIII в.

Испокон веков была печь неотъемлемой принадлежностью русского дома. Она и грела, и кормила, была местом для сна, вносила уют и украшала жилище. О печке складывали сказки, побасенки. Её украшали. И по сию пору где-нибудь на Алтае, а то и в Костромской, Вологодской или Архангельской областях можно увидеть в деревенских домах русские печи, разрисованные красочным узором. О привлекательности внешнего облика печи заботились, пожалуй, не меньше, чем о нарядности одежды и бытовой утвари, хранившейся в доме.

Ю. Овсянников. Солнечные плитки. (Рассказы об изразцах). М. 1966. С. 111.

Секрет второй

«Приходилось всяко строить... В первый раз вроде нормально всё сделаешь, а не идёт дым. Затопишь мокрую печку, и не идёт. Бывает такое. Просто не прорвёт, и всё. И сверху сжигаешь, бумажку кидаешь. Потом протянет и пойдёт. Тогда начинает работать.

Бывает, погода такая тихая, когда выйдешь. Лист не шелохнётся. Не пойдёт дым на сырую печку. Ну, всё! Один раз себе дома сделал. Мучился, мучился уже раздуть я, что хотел разобрать. Думаю, заложил не там. И тут смотрю — тюк, потихонечку, потихонечку дым начал пробиваться. А потом одна женщина идёт и говорит: «У тебя труба маленько ниже или вровень с коньком. Надо трубу выше конька, хотя бы на 30—50 сантиметров. Вот, залез я на чердак, добавил кирпичом с полметра и всё, печка нормально греет. А нужно, чтобы выход в трубу постепенно поднимался. В общем нигде ниже топки не должно быть. Бывают такие печки, что и ниже. Дым идёт с трудом. Но если чуть повыше или на одном уровне, то будет топить всегда ...»

Секрет третий

«Ещё такие вещи бывают, может быть, никто и не знает. Может быть. Простоит лето. Начинают печку топить. Затопили печку, а дым не идёт. Полный дом дымом! Все задыхаются. Но печка топила, она несколько лет топила. Почему? Ответ прост — пауки! В трубе пауки. Заплетут где-нибудь. Такие вещи недавно услышал. Значит надо камушком прочистить и всё. Пробить их».

Борису Логинову больше всего запомнилась печь, с которой он ничего не смог сделать. Такая печь стояла в доме, купленном для старообрядческого священника о. Аркадия

Кутузова. «Вот у бабушки, я пришёл зимой. Я ничего не смог там сделать. Не идёт дым. Я проверил колодцы внизу. Вверху палочку протолкал. Нигде ничего не забито. Дым так и не пошёл. Я сделал полностью обводку. А дым не пошёл. Затопили тогда два раза. Мы чуть не задохнулись».

В работе печных ремёсел мастера Бориса Логинова есть, помимо прочих, самый важный этап. Этот этап можно назвать «проектированием». Без него не будет печи. «Сначала смотришь, что человеку надо, кто хочет печь. Не по шаблону. И из этого исходишь, и уже думаешь, начинаешь вымерять, прикидывать, чтобы всё так получилось ...

Для меня можно нарисовать, примерно прикинуть, как печь будет выглядеть. Схему надо обязательно. Я вообще строитель, и дом, и дачу строил сам. Вначале я не знаю, как делать, и вот думаю, как делать. Я ночь могу не спать абсолютно. У меня всё это в голове. Жена уже знает: всё, начал строить — значит, уже спать не будет. Я могу построить за одну ночь и всё! А дальше — по проекту уже в голове».

Итак, заказчик сказал, что ему надо и как ему надо. «Думаю, как мне делать. А это уже мои проблемы, чтобы сделать так, как ему надо. Далее всё равно прошу, чтобы глина была, чтобы песочек там немножко, вода, кирпич и всё. Бывает, что и кто-то кирпич начистит не очень, старый, кучей лежат. Разное, всякое бывает. Такие бывают старушки, сами ничего не могут. И натаскаешь и наверх. А это мне не к спеху».

Борису Логинову приходилось делать всякие печки. Приходили к нему старушки, просили сделать лежанки. Делал. «Вот как бы колодец горизонтальный сложил. Они там отдыхают. У такой печки колодец идёт из топки. Он идёт под лежанкой, обогревает, а потом пошёл по вертикальным колодцам. Вверх-вниз. А под лежанкой идёт вперёд и горячий воздух, и дым, и огонь. Делал и печку с полатами. Такие печки делаются просто. Только пошире.

Русскую печь не делал. Но понадобится сделать такую печь — не вопрос. Какую скажут, такую и сделаю».

Он своим делом доказывает свой принцип печничества: «Надо просто думать. Всё можно сделать. Хотя и не так просто, но сделать можно».

Сколько сил и энергии Борис Логинов затратил на строительство печи в Покровском храме, только он знает. Ему говорили: «Ты сделай, чтобы золу можно было убрать». Сделал. Его просили: «Сделай нам, чтобы можно было закрывать трубу». Сделал. Работает печь, обогревает храм. Наверное, в этом маленьком событии, говорящем об исключительной вовлечённости прихожан в церковные дела, находит отражение соборное начало древнего русского православия, душевная приверженность святыне и подлинное благочестие, характерное для русского религиозного менталитета¹. Кстати, известно ли вам что-нибудь о печах в старообрядческих храмах на Рогожском в Москве?

Будущее строительство не заставляет себя долго ждать. Сегодня он думает, как переделать печь у священноиерея о. Александра Чукаленко.

В завершение беседы спросил Бориса, греют ли печки, которые он сложил. Он ответил, да, греют. Может, эти печки не дымят, а дают тепло избе и людям, ещё и потому, что крепко он запомнил слова своей двоюродной сестры: «Свое бросай, а людям делай!»

А в заключение — загадка: «Полна печь перепечей, а среди печи коровай». Это в знак того, что предстоит и дальше открывать секреты крестьянских ремёсел ревнителем древнерусского благочестия в Тихоокеанской России, и не только технические.

¹ Е. М. Юхименко. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М. 2005.

«Натюрморт». Х., м. 1996

Берега Юрия Ефименкова

Елена ГЛЕБОВА
Фото Алексея МАРТЫНЦА

В творчестве художника Юрия Ефименкова соединяются два совершенно разных, на первый взгляд, направления – живопись и декоративно-прикладное искусство. Но это лишь на первый взгляд. В его холстах – сюжеты путешествий, написанные красками самой природы. Художник пытается разгадать формулу этих цветовых нюансов и выразить через них свое внутреннее состояние. В его декоративных работах – произведения, продиктованные фактурой природного материала, но при этом необычайно живописные, гармоничные в изгибах линий, в слиянии полутонов. Наверное, не случайно свою персональную выставку, состоявшуюся в 2005 году в Арт-подвальчике, Юрий Ефименков назвал «Берега». Представив живопись и произведения народного искусства, художник очертил берега своего творчества.

Юрий Ефименков, чья жизнь и судьба неразрывно связаны с дальневосточной землей, как-то по-особому чувствует ее ритмы. И это не случайно, ведь учиться ему довелось у лучших северных мастеров, которые пусть и не сразу, но открыли молодому тогда педагогу тайны своих ремесел и учили его плетению из тальника (лозы), обработке бересты. А в ремеслах народов Приамурья, как известно, технологические приемы тесно сплетены с духовными обрядами, особым отношением к природе. Бабушки показывали ему, как правильно собирать материал

и что для чего может пригодиться, учили на глазок определять, стоит ли брать эту лозу или нет.

Многих мастеров из приамурских селений знал Юрий Федосеевич, но с особым теплом вспоминает Очу Лукьяновну Росугбу, Зою Александровну Пластину – известнейших в былые времена улчских народных художниц из Булавы. К слову, именно бабушка Зоя стала для него своего рода крестной в ремесле лозоплетения. Глядя на работу Юрия Ефименкова, она не раз говорила: «Все будет хорошо, выйдет из тебя толк!»

Ефименков Юрий Федосеевич. Окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Стажировался во Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества. Долгое время работал с детьми, был директором Хабаровской детской художественной школы. С 1987 года – преподаватель рисунка, живописи и декоративно-прикладного искусства Хабаровского государственного колледжа искусств. В разное время участвовал в краевых и городских художественных выставках. Осуществил три персональных выставочных проекта: «К истокам» – 1990, Хабаровск, Музей КДВО; персональная выставка – 1994, Арт-подвальчик Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры; «Берега» – 2005, Хабаровск, Арт-подвальчик.

1. «Воскресение».
Х., м. 1999

2. «Северный поселок».
Х., м. 1970-е

3. «Камни Сикачи-Аляна».
Х., м. 1991

Потом к аборигенному штриху этого ремесла прибавился и славянский. В подмосковных центрах народного искусства, таких, как Кобяково, Голицыно, Большие Вязёмы, Юрий Ефименков наблюдал за работой мастеров, примечал особенности. Но, в общем-то, понял главное, что в искусстве лозоплетения, к какой бы «национальности» оно не относилось, много общих черт. Соединив аборигенные и славянские приемы работы с лозой и добавив свои собственные технологические наработки, художник перенес это на дальневосточный материал.

2

3

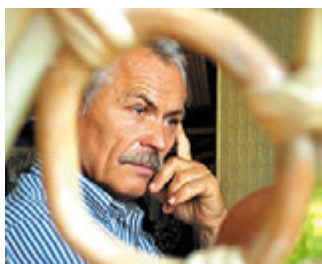
Плетение из лозы или тальника — одно из самых древних видов народного искусства. Как рассказывает Юрий Федосеевич, однажды наступил момент, когда это ремесло перешагнуло рамки народного и стало необычайно востребованным в период модерна — в конце XIX — начале XX столетий. Тогда в моду вошли кривые, перетекающие одна в другую линии, живой материал — и все это соединяли в себе рукотворные вещи из лозы. Сегодня век двадцать первый, и интерьерный дизайн вновь делает акцент на живых фактурах, наполняя наши дома и офисы красивыми вещами, сделанными руками мастеров. Выработав собственный почерк и стиль, это направление развивает в своем творчестве Юрий Ефименков. И, конечно же, учит своих студентов. Многие бывшие ученики Юрия Федосеевича стали хорошими мастерами, работают в разных уголках Дальнего Востока.

На своих занятиях по декоративно-прикладному искусству Юрий Ефименков дает не только методы и приемы работы с тальником или берестой. Главное, чему он учит — любви. Художник убежден, что без этой искорки в ремесле ничего не получится. Как, впрочем, и в творчестве вообще.

Деревянная птичка с кружевными крыльями и затейливым хохолком – красивый сувенир, который люди дарят друг другу с пожеланиями добра. И это правильно, потому что издавна на Руси из щепы мастерили таких птах и называли их птицами счастья. Считалось, что на своих крыльях они приносят удачу. Не случайно деревянных птиц подвешивали к потолку над очагом или самоваром, чтобы они «летали» в теплых потоках воздуха. Это был важный атрибут славянской избы.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Мастер-класс

Юрия Ефименкова

Фото Алексея МАРТЫНЦА

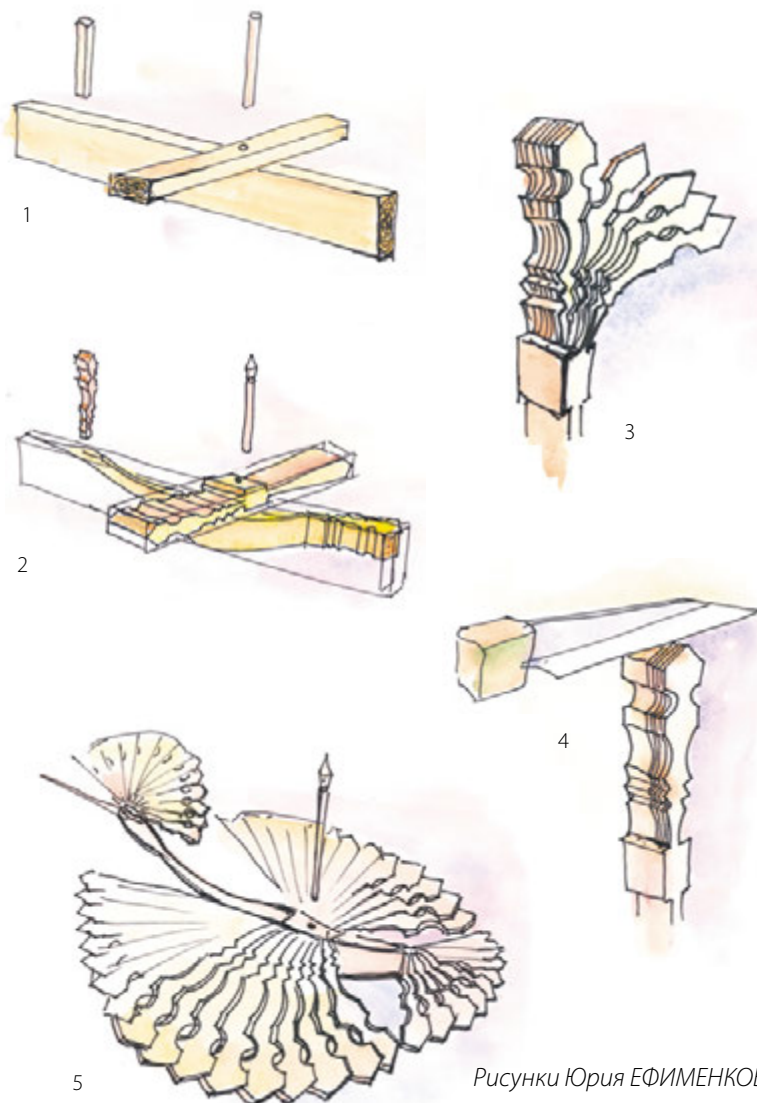

Птица, наряду с такими знаковыми образами, как женщина, солнце, конь, находила отражение в вышивке, кружевоплетении, росписи.

В народе сложилась легенда, которая объясняет значение «птицы счастья». В одной семье заболел мальчик. Угасал, как маленькая свечка, и родители не знали, как ему помочь. На дворе стояла зима, скрывающая солнце холодным панцирем, а мальчику так хотелось весны! Он и у отца об этом все время спрашивал, когда весна в окно заглянет? Тот подумал, подумал, смастерил для сынишки деревянную птичку и подвесил ее под потолок. Проснулся мальчик, увидел ее, парящую в воздухе, обрадовался, решил, что весна пришла, и быстро поправился...

Прежде у щепной птицы крылья были плоскими, и без ажурных прорезей выглядела она не так роскошно. Но со временем, становясь все больше предметом украшения интерьера, она приобретала красивые черты.

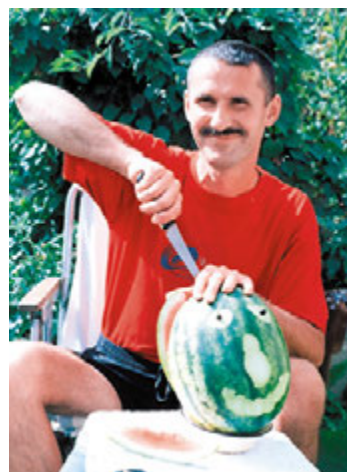
А сделать «птицу счастья» совсем не сложно. Требуются две палочки, которые следует какое-то время варить в воде. Став мягкой и податливой, древесина легко расщепляется ножом (см. схему), принимая вид перьев и хвоста. Затем две расщепленные заготовки скрепляются в центре при помощи опять же деревянной палочки. Осталось только привязать нить к месту соединения деталей и подарить небесную птаху друзьям или близким. На счастье!

Рисунки Юрия ЕФИМЕНКОВА

Жизнь рождает искусство

Сызранцев Владимир Владимирович. Родился в 1963 году в г. Хабаровске. В 1986 году окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Участник ряда галерейных выставок: Хабаровск (1995–1999), «Территория Надежды» (Владивосток, 1995), «Весенний Вернисаж» (Хабаровск, 1995), 8-я зональная выставка.

Глеб ШИЛИН

С самого детства Владимир Сызранцев стал постигать мастерство резчика по дереву. А началось это всё с игрушечных ружей, которые в то время нельзя было купить в детском мире.

Вот и приходилось Владимиру делать их самому. Он шел на сельскую пилораму, где рабочие простругивали на станках плоскости для будущего оружия, а затем вырезал незатейливый рисунок на прикладе, по образцу старого дедушкиного охотничьего ружья. Чуть ли не каждый день приходилось ему делать новое то для себя, то для товарища по двору. Если в шахматах не хватало какой-нибудь фигуры, он вырезал её ножом из дерева, причём работа — ничуть не хуже заводской. Видимо, это и были первые шаги Владимира Владимировича в искусстве. В дальнейшем он стал серьёзно заниматься резьбой.

В настоящее время Владимир Сызранцев — один из известных резчиков по дереву на Дальнем Востоке. Профессию педагога он успешно сочетает с творческой деятельностью.

Каждая работа мастера имеет своё философское значение, несёт в себе

2

3

4

1. «Пожилой человек с лестницей»
2. «Шаман»
3. «Виктория»
4. «Праздник»
5. «Амурский рыбак»

скрытый смысл. Например, скульптура «Амурский рыбак». Мы видим аборигена Приамурья, печального, потерянного. Испокон веков его соплеменники питались рыбой из великого Амура-батьюшки, но сейчас это уже не та река, какой была раньше. Вот и стоит рыбак с грустным лицом в ожидании улова. Владимиру Сызранцеву в одной небольшой скульптуре удалось отразить тему непростого положения коренных народов Севера в наши дни.

В работе «Пожилой человек с лестницей» — философские размышления художника о смысле бытия. Одним от природы дано многое, например птице. Она свободна и может полететь куда ей вздумается. Другие же, как этот старик, вынуждены до самой смерти тащить на себе бремя долгой и трудной человеческой жизни...

Скульптура «Виктория» — плачущая женщина — появилась у Владими-

ра после чеченской военной кампании. Она изображена в форме латинской буквы «V», которая обозначает победу. «Так кто победил в этой войне? Кому нужна такая победа?» — словно написано на лице этой несчастной женщины.

Образ человека, который является посредником между тонкими материями и нашим миром, например, шаман, всегда был интересен художнику. Этот интерес усилился после того, как с Владимиром произошел один интересный случай. Однажды, во время занятия со студентами, ему вдруг показалось, что душа его словно бы отделилась от тела и пролетела над аудиторией. В таком состоянии Владимир пробыл лишь несколько минут, но это ощущение он до сих пор не может забыть.

Думаю, что идеи Владимира Сызранцева никогда не исчерпают себя, потому что все свои образы художник берёт из жизни. А жизнь рождает искусство.

5

Судьбы моей простое полотно

Светлана ФУРЦОВА

Удивительно, как судьба порой испытывает людей, словно проверяя их на прочность и выносливость. Одни при этом ломаются, опускают руки и смиряются со своей участью. Другие, напротив, и в самых жестоких обстоятельствах находят в себе душевные силы не только жить, но и радовать своим даром других. Известно, что душа растет в страдании.

Л.В. Зубатова

Испытаний, которые выпали на долю художника прикладного творчества Любови Васильевны Зубатовой, с лихвой хватило бы на несколько жизней. Но когда попадаешь в ее дом, где все вокруг — занавеси на окнах, панно на стенах, люстры, скатерти, иконы — сделано, вернее, сплетено ее руками, чувствуешь удивительное тепло. И сама художница, которая несмотря на болезнь подвижна, легка, — под стать окружающей обстановке.

Искусство макраме, рассказывает Любовь Васильевна, пришло к нам из древности. Много образчиков макраме находили у инков при раскопках. Оказывается, древние пользовались плетением нитей как средством передачи информации от народа к народу, от племени к племени. Позже это нашло распространение у моряков: находясь в плавании, когда кроме воды и неба вокруг ничего, они вплетали в узлы свою тоску по дому, впечатления странствий. А подручные средства вот они: веревка, леска, камни, осколок ракушки. Все шло в дело, давая удивительные результаты.

До недавнего времени макраме практиковалось в основном на Западе, рассказывает Любовь Васильевна, например, в Прибалтике. Оно возрождалось, умирало, снова возрождалось. В России это искусство долго не находило применения.

Однажды, учась на художественно-графическом факультете Хабаровского педагогического института и увлекаясь резьбой по де-

реву (она была ученицей Джуны), Любовь Зубатова случайно наткнулась на описание одного узла в каком-то журнале. Это настолько заинтересовало студентку, что она решила над ним поработать. Даже защитила дипломную работу по макраме, которая вызвала в ту пору лишь иронические улыбки: мол, что она здесь «наплела», какие-то сети. Но она почувствовала, что это ее, то самое, единственное, ради чего стоит заниматься творчеством. Стала работать в этом направлении и с тех пор не может остановиться. Со временем начала делать объемные работы, добавляя в нити побочный материал — камыш, керамические фрагменты, кусочки кожи, дубовые листья, сухие цветы и травы. Замысловатые цепочки, или бриды, сплетала в цельное полотно, и здесь уже полету фантазии не было преде-

ла. Под умелыми руками расцветали сказочные пейзажи, портреты под старину, натюрморты...

После окончания института Любовь Зубатова стала обучать искусству макраме детей, какое-то время работала реставратором в театре: соединяла разрозненные черепки и осколки в единое целое — вазы, картины. Потом она вновь вернулась к преподаванию, работала в центре реабилитации детей и подростков у Петрынина, учила их технике плетения. Оформила приют, сделала много работ для украшения интерьера. «Макраме интересно тем, — уверяет Любовь Васильевна, — что результат можно увидеть сразу. Например, два часа работы — и перед тобой готовая вещь. А для ребенка очень важен результат».

Последние годы Любовь Зубатова почти не выходит из дому, но она участница многих мероприятий, проводимых в городе, в том числе выставки, посвященной юбилею Хабаровска. Получила премию губернатора края за достижения в области прикладного искусства. Несколько лет назад написала книжку «Узелок на память», учебное пособие по макраме, в котором поделилась опытом плетения узлов. Выпущенная тиражом 30000 экземпляров, книга мгновенно разлетелась среди читателей, так как это единственное издание по макраме, которое вышло на Дальнем Востоке. Вскоре художница стала работать над продолжением проекта, дополнила книгу чертежами, подробными описаниями. Сегодня книга готова, ждет издателя, а если точнее, спонсора.

В 2002 году Любовь Зубатова приняла участие в конкурсе «Золотое лекало», который проводился в Хабаровске. На нем она представила модные аксессуары: сумочки, броши, кулоны, бусы, отделки, браслеты. Дополняя туалет, эти изящные вещицы придавали одежде неповторимый шарм, ту самую изюминку, которая составляет суть любой моды. «Кстати, раньше, — замечает Любовь Васильевна, — элементы макраме разрешали использовать в одежде только богатым людям, это было дорогое удовольствие для привилегированного класса».

Сейчас Любовь Зубатова занимается живописью из песка, это новая для нее техника, в которую входят краски и лак. Но самым любимым по-прежнему остается макраме, именно с помощью изысканного плетения она избывает горе и печаль, создавая удивительные композиции — персонажи своих любимых сказок, портреты знакомых, шкатулки, вазы... «Эта работа спасает меня, — говорит художник, — я редко делаю заказы, в основном все дарю. Дар — это особое. В нем моя энергия, мое тепло, которыми я делюсь с людьми. Друзья приносят материал для работы, помогают. В творчество я вплетаю всю себя».

Художники
Людмила Покачалова
и Наталья Михеева

Елена ГЛЕБОВА
Фото Алексея МАРТЫНЦА

В эколого-эстетическом центре «Хехцирские узоры» в селе Бычиха Хабаровского края в 2004 году появился Музей игрушки. Стараниями художниц Натальи Михеевой, Людмилы Овчинниковой и Людмилы Покачаловой небольшая комнатка превратилась в деревенскую избу с русской печкой, лоскутным Древом жизни на стене, деревянными лавками и вышитыми занавесками на окнах. Хозяева — дед с бабкой да малые детки, веселые и озорные. Встречают радушно, сказки рассказывают, тайны кукольного ремесла раскрывают.

Игрушечная история на Руси — явление интереснейшее. В ней соединились мифы и легенды, она развивалась по своим законам, и по мере формирования народных промыслов стала в итоге самостоятельным «потешным» ремеслом. Но прежде чем появились изысканные игрушки, мать укутывала обыкновенную ложку и давала своему ребенку. Убаюкивая своего куколка, колыбельную ему напевая. А еще она шила небольшой мешочек, набивала его зерном, перетягивала ниткой и повязывала платком. Вот тебе, детка, кукла-зернушка. Позднее появились простые тряпичные куклы. Их украшали, приделывали им косы, рисовали глазки, бровки. И малыши сочиняли свои кукольные сюжеты, создавая маленькую модель будущей жизни.

Игрушечная история разнообразна. Здесь и соломенные куклы, хранящие в себе отголоски древних обрядов, и глиняные, и деревянные. В Музее игрушки в Бычихе пока собрана коллекция, состоящая в основном из текстильной игрушки. Хотя есть здесь и каркасная, и деревянная, и пеньковая. Отдельные экспонаты были подарены, но основная часть сделана руками художниц и детей.

ТРАДИЦИОННАЯ ИГРУШКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: рождение, одушевление, «оживление»

Дальний Восток России своеобразен своей поликультурностью. Коренное население Дальнего Востока России – тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские народы – всегда находилось в системе этнокультурных взаимодействий с народами Восточной Азии, с XVII века – России. Сегодня, на рубеже тысячелетий, этнокультурные контакты народов Дальнего Востока России, Китая и Японии продолжают развиваться.

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ, кандидат исторических наук
Иллюстрации автора и А. ЗОЛОТЕНКОВА

3

Исследовать данный процесс можно по многим аспектам этнической истории, материальной и духовной культуры. Так, анализ культуры детства подчеркивает близость многих аспектов этих культур, особенно такого феномена, как традиционная игрушка. В пространстве культурной памяти традиционная игрушка является своеобразной моделью вселенной конкретной культуры, моделью её мира. Традиционная игрушка – это своеобразный ключ к пониманию забытых обрядов, обычаев, ритуалов, символов и знаков; больше того – философских (или мифологических) и нравственных воззрений этносов, их культурных традиций. Декоративный язык мастера, её изготовившего, показывает с особой силой своеобразии традиционного искусства.

Игрушка дальневосточных аборигенов является этнокультурным памятником, изучение которого дает возможность осмыслить роль игрушки в формировании мировосприятия детей на ранних этапах традиционного общества, общества рыбаков и охотников. В первобытном обществе игра не была отделена от магии, искусства, танца; игрушка не отделялась от предметов раннего культа, она весьма часто имела значение оберега.

Довольно неожиданно, но эта игрушка оказалась близка не только традиционной восточноазиатской игрушке, но и традиционной крестьянской игрушке российских переселенцев XIX – начала XX веков.

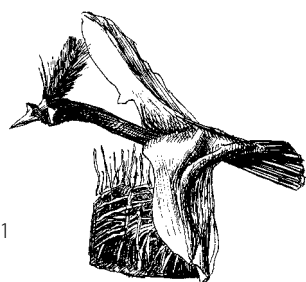
Игрушки традиционных культур во многом связаны с природными культурами, культурами предков, выполнялись из природных материалов. В них не только орнамент, но и материал несёт сакральный смысл, а их изготовление, технология обработки являются ритуалом, закреплённым культурной традицией.

Игрушка народностей юга Дальнего Востока

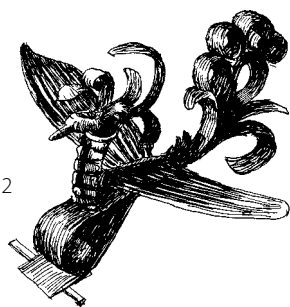
В игрушке народностей юга Дальнего Востока – нанайцев, ульчей, орочей, ороков, удэгейцев, нивхов – отмечается соединение мифологии и религии, игры и реальности. В ней обнаруживаются более ранние и более поздние слои. Это её культовое назначение и участие в обряде – один слой, когда сливается культовое и игровое начало только в игровое (игрушка в контексте своей основной функции) – второй слой.

Традиционные детские игрушки (это характерно для традиционных культур с их разделением на женскую и мужскую культуру) разделялись на три группы: игрушки девочек, игрушки мальчиков и общие игрушки для обеих групп детей.

«Хупику» – так называют детскую игрушку нанайцы и ульчи, «гуэденгэ» – удэгейцы, «эвикэн» – эвенки. Игрушки для девочек изготавливались женщинами-ма-

1

2

1. Сказочная птица
(нингман гасани – нан.).
Кости рыбы и птицы,
дерево, древесный гриб,
мох
2. Волшебная птица
(эндур гасани – нан.).
Кости рыбы, птицы,
древесные стружки.
3. «Игра с куклами».
Рисунок – интерпретация
автора

терями, бабушками, родственницами; игрушки для мальчиков — отцами, братьями, мужчинами-родственниками.

Дальневосточная традиционная игрушка довольно разнородна не только по материалам (плоды растений, раковины, камни, палки, кости животных, птиц, рыб, кожа, ткань, бумага), но и по назначению, по стадиям развития.

По-видимому, игрушки, изготовленные из костей рыб, птиц, животных, представляют одну из ранних форм игрушек амурских народностей. Это или отдельные косточки из головы ленка, карася, тайменя, щуки и т.д., играющие самостоятельную роль того или иного животного, птицы, или составленные из нескольких косточек. Игрушки выполнялись из рыбьих и птичьих косточек в комбинации с другими природными материалами — мхом, древесными стружками, кусочками древесины, ракушками. Фигурки птиц склеивались рыбьим клеем, окрашивались красителями, тушью.

Эти игрушечные птицы (4–8 см величиной) представляют довольно точные копии птиц Приамурья — цапли, утки, утки-дуплянки, бекаса, лебеда, кулика, орла, журавля и т.д. Есть и изображения мифических птиц: такая птица («эндур гасани» — нан.), выполненная из яркоокрашенных стружек, рыбьих плавников и птичьих позвонков, напоминает элемент орнамента нанайской вышивки-аппликации на старинном праздничном нанайском халате. Игрушечные птицы из рыбьих косточек подвешивались также на жилках в помещении и как бы «парили» в пространстве, создавая иллюзию полета.

В религиозных представлениях народов Амура образ птицы издавна связан с понятием души, изображение птиц имело охранительное значение. У нанайцев, удэгейцев, маньчжуров вечно живая жизненная сила представлялась в виде птички, бабочки. Таким образом, здесь мы встречаемся с реликтовым явлением, с древней амурской игрушкой — оберегом, явлением, в котором культовая скульптура и игрушка неразделимы, созданы по принципу древней родовой традиции.

Из дерева мужчинами изготавливались самые различные по форме и технико-художественной обработке зооморфные и антропоморфные игрушки: деревянные игрушки для мальчиков, сделанные из черенков тальника, краснотала, ольхи (бучуэкэн, бучуэнсэл — нан.; индокан, вэчэкэн — ульч., нан.).

Если провести анализ по семантическому значению, то куклы для мальчиков и девочек выделяются своим повышенным семантическим статусом. Они наиболее тесно связаны с мифологией. Иконография нанайской и ульчской деревянной игрушки «бучуэкэн», «бучуэнсэл» идентична культовым изображениям зооморфных

и антропоморфных духов — сэвенон.

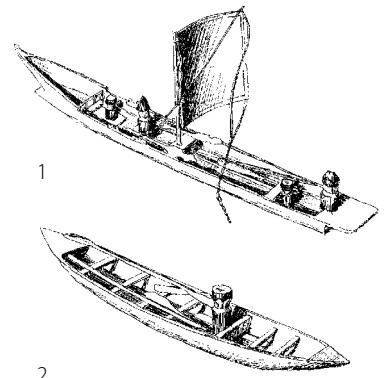
Это фигурки из деревянных черенков без рук и ног, с выделенной головой конусоидной или зубчатой формы, что является имитацией головного убора или прически. Черты лица обозначены схематично. Кора, оставленная на туловище и головном канте, является как бы «верхней одеждой» игрушки. На ней ножом выбран орнамент, имеющий геометрический мотив. Зооморфные «хупику» передают образ мифического лесного духа, они без глаз, что являлось основным отличием игрушки от культовой скульптуры. Изображение глаз являлось моментом вселения в фигурку духа, будущего хозяина данной материальной оболочки, способного навредить ребенку.

Дети играли с деревянными фигурками охотников, воинов, собачек, зверей, птиц, которые в игре становились персонажами какого-нибудь бытового, а порой сказочного мифического или шаманского сюжета. Мальчики, как правило, играли в игры, развивавшие навыки охотника. Родители изготавливали для ребят из костей птиц, животных, стеблей растений всевозможные манки, свистки, подражающие голосам птиц, животных, всевозможные модели ловушек. Детские луки для нанайских мальчиков были не только игрушкой, имевшей практическую цель — научить ребенка стрелять, но и амулетом, приносящим счастье, защитником от «злых» духов. Для физического развития, ловкости детей обучали игре с мячом.

Интерес представляют деревянные игрушки эвенков. В изготовлении их принимали участие и мужчины, и женщины. Помимо небольших луков, игрушечных ружей, лодочек мальчики пускали на воду маленькую деревянную уточку-приманку со вставной шейкой и головой. Чаще всего вырезали оленя — животного, с детства хорошо знакомого эвенкийским детям.

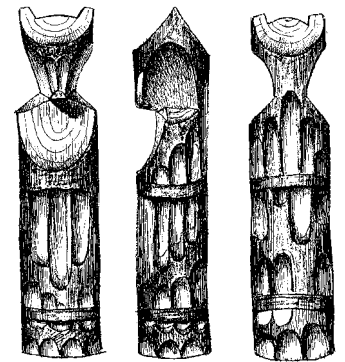
Значительную группу игрушек составляли фигурки животных, вырезанных из бересты. Изготовлением их занимались как взрослые, так и дети. Орудием служил простой нож. Им без предварительного нанесения контура резали бересту, положив ее на дощечку. Если дети, обычно девочки, собирались играть в «кочевку», то вырезалось несколько оленей. Фигурки их ставили на земле, слегка раздвинув им ноги. Профильные фигурки оленей не превышали 15–20 см в длину. В целом контур животных в большинстве случаев отличался исключительной верностью природе.

Тунгусскую берестяную игрушку описал в своем полевом дневнике известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев. В полевом дневнике экспедиции 1917 года он поместил силуэтные берестяные фигурки таёжных животных — изображения игрушек, здесь же привел их названия на эвенкийском языке. В прошлом для родовой церемонии, связанной с культом плодородия, эвенки вы-

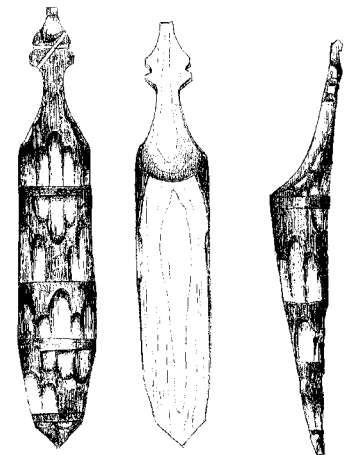

1. Модель дощаника с парусом (тэмчизэн — нан.).
Дерево, камыш, х/б ткань. Резьба

2. Модель долбленой лодки (огдима утунчи — нан.).
Дерево. Резьба

Лесные человечки (хупику — ульч.).
Дерево. Резьба

Собачки (индокан — ульч.).
Дерево. Резьба

Кукла (акоан – нан).
Ткань, бумага. Аппликация

Кукла (бэикэн – эвен).
Ровдуга, вата, х/б нитки. Вышивка

резали из дерева и бересты фигурки лосей, оленей, птиц... Фигурки эти расставлялись соответственно образу жизни изображаемых животных: среди тальниковых прутьев (образ леса, тайги) возникали целые стада лосей и диких оленей... Старики при этом без устали рассказывали сказки, сообщали разные родовые предания.

Среди игрушек для девочек можно увидеть большое количество кукол с кукольным инвентарём. Выделяются две группы кукол: плоские и объёмные. Детская кукла, не утратившая еще своего первобытного магического смысла, существует у народностей Приамурья давно, сохраняя древнюю традиционную форму, лишённую лица, рук, ног.

Плоская бумажная или матерчатая (а также из рыбьей кожи, бересты) кукла называется у нанайцев «акоан», у ульчей – «хакоа», соответственно играть в куклы по-нанайски называется «акоачиори», по ульчски – «хакоачуву». Куклы – мужчины, женщины, юноши, девушки, дети – различаются по причёске, одежде, украшениям, как в реальной действительности. Помимо причёски женскую куклу можно узнать по ушным серьгам-колечкам, иногда с бусинкой, иногда с шерстинкой.

У нанайских кукол может быть тряпичная, объёмная и бумажная, более плоская голова. У ульчской куклы объёмная голова из ткани, у удэгейской – голова (камышек, бусина, пуговица) существует отдельно и прикладывается к плоскому халату – кукле. Голова у нанайской и ульчской кукол прикрепляется к плоскому туловищу. Одежда прикладывается к кукле сзади. Ороческие плоские бумажные и берестяные куклы-мужчины имеют, в отличие от круглой формы головы женщин, острокопечную форму.

Размер собственно куклы, т. е. той ее части, которая представляет собой туловище с головой, невелик: высота фигуры обычно не превышает 8-12 см. Халаты, особенно женские, всегда значительно длиннее самой куклы, иногда более чем вдвое. Сделанные из мягких материалов куклы отличаются неустойчивостью, поэтому их обычно «рассаживают». Сидящая кукла выглядит довольно оригинально: короткий корпус куклы устанавливается вертикально или слегка наклонно, халат же, как наиболее длинный, отгибается назад и раскладывается по плоскости. Обе части куклы таким образом взаимно поддерживают друг друга.

Халаты кукол представляют собой наиболее интересную часть кукольного инвентаря. Они состоят из одного или нескольких кусочков бумаги, материи, кожи или меха и бывают отделаны только с одной внешней стороны – спинки халата. В этом отношении куклы повторяют то, что мы можем увидеть на настоящих, богато ор-

наментированных национальных халатах. По цвету, покрою, узорам и материи халатов можно определить, какую одежду они воспроизводят: бедную, богатую, будничную, праздничную, летнюю или зимнюю.

Белые бумажные халаты с узором из синей бумаги подражают одеждам из рыбьей кожи. Халаты из ткани с пришитой к ним меховой шкуркой соответствуют зимней одежде-шубе. Иногда мохнатые цветы вербы создают иллюзию меха кукольной шубы. Кроме того, одежда различается по своему покрою. Так, например, среди халатиков можно встретить мужские безрукавки, по типу похожие на монгольские; зимние меховые халатики, подбитые мехом выдры, часто с узором в клетку; праздничные, вся спина которых покрыта узором в виде чешуек. Часто встречаются обычные халатики, гладкие, без узоров, но с воротничками и полосками на подоле.

Мужские халаты бывают обыкновенно окаймлены по подолу одной или несколькими прямыми полосками различных цветов. Женские имеют по подолу узор, состоящий из ритмически повторяющихся кружков, ромбиков и других фигур, имитирующих пришиваемые только к женским халатам ряды мелких подвесок или монет, заменивших собой более древние подвески из раковин. Иногда вместо ажурных или накладных узоров на подолах кукол встречаются семена растений, птичьи перья или мелкие наружные хрящевые части рыб из породы осетровых, касатки.

Несколько иначе выглядит удэгейская кукла. Удэгейская игрушка имеет название «гуэденгэ», плоская кукла – «дафа». Эти «дафа» ходят друг к другу в гости, разговаривают, живут в доме и т.д. Удэгейские плоские куклы «дафа» трех видов: «адиха тэгэни» – халат девочки, по форме длинный и узенький, «анта тэгэни» – халат женщины, он длинный и пошире, чем у девочки, «нита тэгэни» – халат мужчины, он короткий и широкий. Орнаментация удэгейских «дафа» отличается от декора нанайских и ульчских плоских кукол: в основном это композиция цветных полос в верхней и нижней части халатов.

У эвенков можно встретить и объёмную куклу из ровдуги. По-видимому, ее прообразом служила тряпичная кукла русских переселенцев. Кукла имеет руки, ноги, голову с лицом. Короткая рубашка из ровдуги украшена криволинейным орнаментом, вышитым хлопчатобумажными нитками.

Кукольный инвентарь состоит из подстилки-матраса, тюфячка, длинной валиковой подушки, одеяла. Весь инвентарь украшался орнаментом, предварительно образцы которого показывались или делались родителями.

«Днем» на стене, около которой располагаются куклы, навешивались особые кукольные настенные коврики-циновки,

использовалась циновка из тростника, соломки, бересты или бумаги. «На ночь» куклы укладывались «спать»: после игры куклы, кукольный инвентарь убирались в специальную берестяную коробку, также богато орнаментированную.

Из технических приемов орнаментации преобладающим видом является аппликация. Вырезанные из рыбьей кожи, бересты или бумаги узоры накладывались на материю или цветную бумагу и приклеивались к ней рыбьим клеем.

Криволинейная орнаментика очень разнообразна, состоит из таких элементов, как волнистая линия, круг, скобообразная фигура, различные спирали, чешуйчатый узор. При помощи плавных кривых линий изображаются также различные животные, птицы, бабочки, драконы и т. д. Исследователь искусства народностей Дальнего Востока С. В. Иванов подчеркивает наличие симметрии элементов в орнаменте как геометрическом, так и зооморфном (парность животных, птиц).

Итак, орнаментация плоских кукол, кукольного инвентаря народностей юга Дальнего Востока отличается богатством и разнообразием форм, что стоит в связи с таким же богатством орнаментации бытовых предметов ульчей, нанайцев, негидальцев, нивхов и других.

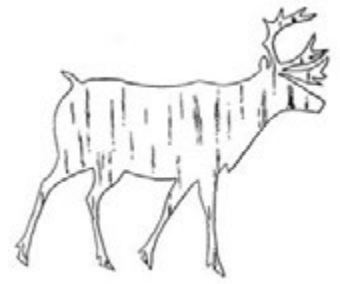
Игральная функция таких плоских кукол описана этнографом С. В. Ивановым еще в 30-е годы XX века. В отличие от кукол эскимосов, игра с которыми была связана, по их представлениям, с космологическими событиями, ритуальный контекст кукол народностей Приамурья выявлен слабо. Можно только предположить взаимосвязь семантики орнамента или знаковых элементов, нанесенных на поверхность куклы или на ее одежду, с родовой орнаментальной семантикой, мифологией.

Ульцкая мастерица В. К. Дечули (с. Булава, 1991 г.) утверждала, что «хака» дарилась матерью дочери в качестве свадебного подарка. Такие куклы имели особо богатую орнаментацию одежды, большое количество халатов и постельного инвентаря. Все информаторы подчеркивают, что этими плоскими куклами играли только девочки, мастерицы дорожили такими куклами, доставшими им в наследство от матери. По-видимому, в прошлом эта традиционная плоская кукла использовалась в культовых обрядах и была связана с культом плодородия, культом предков, как и очень схожая с ней по иконографии кукла «ками-хина», «татэ-хина» — плоская бумажная кукла Японии.

Можно предположить, что дальневосточная игрушка (тунгусо-маньчжурская, японская) как элемент традиционной сакральной культуры имеет существенное сходство генетического или контактного характера: «защитные» и «очищающие»

функции, связь с культом плодородия, культом предков.

В иконографии дальневосточной куклы, как тунгусо-маньчжурской, так и японской — стилизация плоского туловища и головы, отсутствие конечностей. Есть черты сходства и между тунгусо-маньчжурскими объемными деревянными игрушками для мальчиков и нарядной японской «кокэси»: тоже моделирование из черенка с выделением лишь головы. Только тунгусо-маньчжурский «бучуэкэн» сохранил свою древнюю природную оболочку — кору, обозначающую мех, одежду из меха; японская «кокэси» имеет красочную роспись по туловищу, создающую образ традиционной японской одежды из окрашенной ткани (это уже элемент культуры земледельцев). Возможны и другие параллели в игрушке этносов Северной Азии — российской и зарубежной.

Олень (орон. – эвенк). Береста. Резьба

Восточнославянская традиционная игрушка

Восточнославянская традиционная игрушка — живая ветвь многовекового неувядающего древа народной культуры. С её помощью в крестьянской семье с ранних лет приучали ребенка к труду и

Куклы.

Лоскут, ручная работа, вышивка. Конец XIX – начало XX вв. Иллюстрация из книги «Русская игрушка». Изд-во «Советская Россия», 1987

Конструктор из лучины

самостоятельности, передавали от старшего поколения младшему навык домашнего ремесла. Создатели игрушек использовали традиционные способы обработки материала, выработанные приемы лепки, росписи и отделки.

О центрах художественных ремёсел на Дальнем Востоке XIX — начала XX веков (периода наиболее активного его заселения и формирования восточнославянского населения) сообщений нет, что, по-видимому, являлось культурной спецификой этой колонизируемой российской провинции. Нет известий и об изготовлении на Дальнем Востоке традиционной русской художественной игрушки, сопутствующей народным художественным промыслам: гончарному, плотницкому, резному или токарному делу.

Но, несомненно, в крестьянской культуре, в том числе и на Дальнем Востоке в период его активной российской колонизации XIX — начала XX веков, всегда существовал древний пласт рукотворных традиционных игрушек как элемента культуры детства. Пользуясь природными материалами, и взрослые, и дети мастерили самые разнообразные сезонные игрушки, обрядовые предметы, связанные с земледельческой магией плодородия.

Мальчики с малолетства обучались мужским ремеслам, плотницкому и столярному делу, а девочки осваивали женские работы: прядение, шитье, вышивание, ткачество. В этом воспроизведении культурного кода заключён механизм трансляции традиции этноса.

Щепные птицы и погремушки, мячи из шерсти и бересты, глиняные свистульки, лоскутные куклы, птички из теста и соломенные фонари — все эти изделия привлекательны своей естественной красотой. Народные игрушки делались без всяких выкроек, чертежей, рецептов. Все их размеры определены величиной ладони, пальцев, горсти, руки до локтя, до плеча. Игрушечные фигурки соразмерны человеку, своему создателю. Они говорят на узнаваемом родном языке, сохраняя генетический код русской культуры, связаны с древними ритуалами, обрядами.

Деревенские ребята участвовали почти во всех календарных праздниках и обрядах, где им отводилась особая роль. Русский земледельческий календарь представлял собой органичный сплав народных и православных традиций. Стройная череда православных праздников и трудовых будней, обрядов, обычаев и примет, замкнутая в годовом круге, характерна для русского народного календаря. Чаще всего дети были предвестниками важных событий в жизни сельской общины. В дни зимнего солнцеворота, на Святках, ребята кликали коляду, славили Рождество, потом встречали «широкую гостью Масленицу», закликали весну с жаворонками, на Троицу завивали березку.

Щепная игрушка-минутка

Солдатики. Дерево, резьба

Кроме того, у ребят был и свой собственный календарь. Его традиции тоже переходили из поколения в поколение, от подраставших — к младшим. Были сезонные игры, развлечения, игрушки-самоделки — по временам и месяцам года. Весной пускали кораблики, встречали ледоход, катали мячи из шерсти животных. Летом забавлялись хлопучками, мастерили свистульки, дудки, брызгалки из разных растений, строили шалаши из веток и соломы. Осенью играли с картофельными шариками и ягодами рябины, капустными кочерыжками, устраивали кукольные свадьбы. Зимой играли в льдинки, строили снежные крепости, собирали крестики и звездочки из лучины.

Участие в православных праздниках и календарных обрядах, сезонные игры и забавы, игрушки-самоделки из природных материалов, игровой и обрядовый фольклор (связанный с древней восточнославянской мифологией) открывают целый мир яркого детского творчества в крестьянской культуре.

Традиционная культура детства как дальневосточных аборигенов, так и восточнославянских переселенцев содержала ряд общих гуманистических черт. Так, интересны параллели между куклами, выполненными из древесных черенков (игрушками для мальчиков): такая же форма, определяемая материалом, такие же функциональные игры с ними, сопровождающиеся культурными сюжетами, мифологией. Мы можем рассматривать традиционные игрушки из мира детства, связанные с природным космосом — дальневосточного таёжного охотника и рыбака и евразийского земледельца и скотовода. С XVII века в едином жизненном пространстве Дальнего Востока России эти миры сосуществуют, трансформируясь и пересекаясь своими культурными традициями.

Как традиционная игрушка Дальнего Востока живёт в начале XXI века?

Значительные коллекции игрушек этносов Дальнего Востока хранятся в дальневосточных краеведческих музеях. Традицию этнической игрушки возрождают многие школы в национальных сёлах российского Дальнего Востока: в ульчском селе Булава, нанайских сёлах Сикачи-Алян, Троицком и т. д.

Славянскую традиционную крестьянскую игрушку начинают мастерить дети и педагоги центра «Русская деревня» Хабаровского краевого фонда культуры в с.Бычиха. На основе традиционной игрушки многие дальневосточные мастера, профессиональные художники создают авторскую сувенирную игрушку.

Создание Музея национальной игрушки Дальнего Востока (с представлением традиционных игрушек Китая, Кореи, Японии и т. д.) можно рассматривать транснациональным культурным проектом XXI века.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИГРУШКИ

Конструктор из лучины. Собранные из лучины «звёздочки» и «крестики» — традиционные русские игрушки. Их нет в музейных коллекциях лишь потому, что они служили сиюминутной забавой. В деревенских домах, где топят печи и для разжигания в них дров щеплют лучину, дети до сих пор используют лучинки в своих играх.

Вариант щепного конструктора — «крестик» без державки.

Его собирают таким же способом, переплетая нитками перекрестья лучинок по углам. Игрушку бросали перед собой, наблюдая её полёт и кружение в воздухе.

Дети собирали крестики и звёздочки как раз в период, когда приближался зимний солнцезворот и люди всячески «помогали» возвращению весеннего красного солнца. Щепные игрушки в виде пересечённого ромба были солярным знаком — вот почему детские забавы поощрялись взрослыми.

Игрушка-минутка

Издавна делают на Севере щепных лошадок и оленей. В них остроумно использован принцип расщепления древесины ели, сосны, лиственницы. Простая щепка мигом превращается в узнаваемую фигурку — оттого и зовут игрушку «минуткой».

Мастер работает руками не меньше, чем ножом. Он только намечает разрезы, а влажные волокна древесины сами послушно разрываются в пальцах, принимая заданное положение.

Удивительно, как такой простейшей игрушке можно придумать образный характер, и всё благодаря пластичности свежего дерева. Мастер по-разному разводит и подрезает ножки, расщепляет различные хвостики, делает даже гривку, по-всякому изгибает шеи и мордочки.

И вот бегут, прыгают тонгоногие лошадки, строптивые, резвые, большие и совсем крохотные жеребятя. Лёгкое щепное стадо — мастерская импровизация, виртуозный экспромт в дереве.

Солдатики

Многим хорошо знакома богородская игрушка из белой неокрашенной липы. Её делают в подмосковном селе Богородское близ Сергиева Посада. Уже детыми богородцы смело вырезали из маленьких чурочек солдатиков, которые входили в арсенал мальчишеских игрушек.

Таких солдатиков нужно было сделать не меньше 50 штук, пока фигурки не будут получаться быстрыми и точными в резьбе.

ИГРУШКИ ИЗ ГЛИНЫ

Глиняный шар-погремушка

Пустотелый шар-погремушка. Отверстия на нём имеют технологическое и игровое значение. Игрушка быстрее сохнет, лучше обжигается, слышнее ее звучание. Ее используют в игре не только как мяч. Проколотую погремушку можно насадить на палочку, сделать из нее подвеску, пропустив сквозь отверстия прочную бечёвку.

Элементы геометрического орнамента, украшающие игрушку, самые простые: точки,

1

2

ямочки, черточки, полоски, волнистые линии. Игрушка похожа на погремушки, найденные археологами в раскопках и хранящиеся в музеях. Древнерусские погремушки имеют самые разные формы: шар, цилиндр, яйцо, бочонок.

Соловей — традиционная русская игрушка

Это глиняный горшочек со свистком. Сосудик наполовину наполняют водой, и когда струя воздуха через свисток выходит в воду, игрушка издает прерывистые булькающие звуки, напоминая соловьиное пение. В народе такая разновидность свистульки получила образное название «соловей».

От объема сосудика зависит высота звука свистульки: чем он больше, тем ниже звук, чем меньше, тем звук выше. Обжечь высохшие в костре игрушки можно было в костре. Обожженные в костре игрушки привлекательны и своей архаичностью напоминают древнерусскую керамику.

- 1. Шар-погремушка. XV – XVI вв.
- 2. Горшочки со свистком — «соловей». 1920-е гг., 1915
- 3. Куклы из соломы. Е.К. Медянцева. 1982

Иллюстрация из книги Г.Л. Дайн «Русская игрушка». М., 1987

3

Лоскутные куклы.
Конец XIX – начало XX вв.
Иллюстрация
из книги Г.Л. Дайн
«Русская игрушка». М., 1987

Картофельный человечек

Кукла-крестушка

ЖАТВЕННЫЕ ИГРУШКИ

Куклы из соломы — традиционные русские игрушки. Раньше жницы вязали их для забавы ребятам прямо в поле из соломенных жгутов, ловко скрученных и перевязанных. Такие мастерицы есть и сейчас. Только теперь их куклы — это художественные произведения, сделанные из специально заготовленной, ровной и чистой соломки, с разными плетёными украшениями.

Соломенные куклы были весёлой забавой для малышей. Их ставили на стол, стучали по его крышке кулаком — и хоровод из легких золотистых фигурок начинал двигаться, танцевать.

Последний, дожинальный, сноп украшали бусами, лентами, рядили в сарафан и кокошник.

Потом его зерно может послужить для наполнения куклы-зернушки, а солома пойдет на чучело Масленицы.

ПРИРОДНЫЕ ИГРУШКИ

Балаболки — сезонные осенние игрушки. В них можно играть только во время уборки картофеля, когда легко собрать его верховые процветшие плоды, висящие гроздьями плотных зелёных шариков. От размера пера и его формы зависят высота полёта балаболки, скорость падения вращающегося парашютика.

Картофельный человечек

Во время копки и сбора картофеля ребята всегда радуются, если находят клубни, похожие на человечков, птиц, зверюшек. Это готовые природные игрушки. Если же приложить немного выдумки и труда, то семейство картофельных игрушек можно увеличить.

Трубчатые игрушки

Самой распространенной игрушкой была фуркалка. Мальчики срезали ножом трубочки, подбирая их для себя по размеру и удобству для стрельбы ягодами. Набрал полные карманы рябины, стреляли друг в друга и на расстояние — кто дальше. Из трубки дягиля мальчики делали и дудку. Срезали трубочку с глухим концом-узлом на стебле растения. Вдоль трубки острым ножом прорезали узкую плотную щель и дули с усилием. Дудка издавала оглушительный звук.

Моховик изображает лесного человечка, изготовленного полностью из природных материалов. В его основе — деревянный столбик-кругляшок высотой до 20–25 см и 2–3 см в диаметре. На изготовление одежды лесовичка потребуется сухой мох.

Теперь оденем столбик в моховую одежду — обернем его плотным слоем мха, привязывая одежду лыковой (мочальной) вязкой. Руки моховика сделаем из еловых шишек. Моховику можно приделать бороду и надеть шляпу, сделанную из коры или грибного нароста. Лесовичок может нести корзинку, топор за поясом, вязанку прутьев за плечами, мешок с сеном, Подобные игрушки, изготовленные мастерами народных промыслов, хранятся в музейных коллекциях около ста лет.

Кукла-крестушка

В основе конструкции многих традиционных кукол лежит крест. В его универсальной условной форме есть все необходимое для игровой фигурки. Такую куклу делали самостоятельно даже малолетние дети. Две палочки, короткая горизонтальная и длинная вертикальная, накладываются одна на другую и перетягиваются по месту перекрестья прочными нитками (раньше льняными), образуя на «груди» косой крест. Такой способ крепления был не только технологичен, но имел и важный смысл как знак плодородия. Аналогичным образом соединяли и толстые круглые палочки, сделав на месте перекрестья врез ножом. Получались условные символические фигурки, удобные для игры. Кукол-крестушек наряжали по-разному. Достаточно обвить белыми и красными нитками туловище и руки, оставив свободными кончики, перевить шею и верхний конец палочки, чтобы вышла узнаваемая женская фигурка в рубахе и головном уборе. Вариантов отделки — множество. Чередую перевить цветными нитками, можно имитировать вышивку оплечья, ворота и подола рубахи, пояс и шейные украшения.

Крестообразную первооснову использовали и для других кукол. В белую тряпицу клали кудель или тряпки и привязывали

шарик к верхнему концу вертикальной палочки — делали головку. Интересно, что набивкой служили иногда старые птичьи гнезда. Это — элемент магии куклы. Гнездо — дом для продолжения рода, значит, тот же смысл вкладывался и в куклу. Далее из холщовых тряпок обматывали по перекрестью грудь и туловище, так что деревянная крестушка порой полностью скрывалась внутри тряпичной фигурки. Мягкая крестушка была удобным манекенчиком для одевания-переодевания. Ее наряжали в рубаху, кофту с юбкой, подпоясывали передничком, повязывали платочком. На голову пришивали кудельные волосы и заплетали косу с лентой, укладывали прическу «по-бабьи» — в зависимости от роли куклы в игре.

Кукла-зернушка

В основе куклы — тоже характерный столбик, только набитый зерном. Поэтому кукла и называется зернушка, зерновка.

Оденем зернушку в юбку и передник, пришьем волосы из крапивной кудели или просто повяжем платком, завязав его вокруг шеи. Такие куклы-зернушки дарили раньше в пожелание благополучия, достатка, счастья.

Пеленашка из головного платка

Среди крестьянских игрушек было немало самоделок, которые существовали короткое время. К таким временным игрушкам относится пеленашка, сделанная из головного платка.

Когда платок требовался в обиходе, пеленашку живо развешивали. Ребята не огорчались: в любое время они могли повторить куклу вновь.

Кудельная куклолка

В деревнях, где выращивали лен, кукол всегда набивали куделью — очесами льна. В основу такой куклы положен тот же столбик или скалка. Обязательная деталь кудельной куклолки — коса, которую дети заплетали, расплетали, укладывали в прическу. Ее делали непременно из льна. Прядь чистого вычесанного льна пришивали на лоб, перекидывали назад и заплетали в косу с лентой. Наряд куклы состоит из кофты и юбки. Ее также могли нарядить в фартук, повязать платком и поясом, украсить бусами и сережками.

Кукла-столбик

В основе традиционных кукол часто была деревянная чурочка или полено. Не нарушая конструкцию старых кукол, можно сделать новые современные игрушки — по мотивам народных.

Главная особенность такой лоскутной куклы в том, что ее костюм не шьют отдельно, специально. Его не нужно кроить, следуя определенной моде. С лоскутком обращаются как с материалом, из которого создают саму форму фигурки, как бы «лепят», собирают ее. С тканью работают смело и свободно: остроумно используют лоскутки любой формы, пускают в дело прямые и косые кусочки, извлекают красоту из обычных обрывков, обрезков, кромок, обшивок материи.

1

2

3

- 1. Кукла-столбик. Начало XX в.
- 2. Кукла-зернушка. Музей русской игрушки. с Бычиха Хабаровского района. Фото А. Мартынца
- 3. Пеленашка из головного платка

Литература:

1. Иванов, С. В. Орнаментированные куклы ульчей / С. В. Иванов // Совет. этнография. — 1936. — № 6.
2. Киле, Н. Б. Нанайская игрушка как произведение декоративно-прикладного искусства / Н. Б. Киле // Проблемы изучения и собирания предметов народного искусства в музеях Дальнего Востока : (IV зон. науч.-практ. конф., 21 -23 апр. 1988, г. Хабаровск : тез. докл.). — Хабаровск, 1988.
3. Малыгина, А. А. Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ) / А. А. Малыгина // Материальная и духовная культура народов Сибири. — Л., 1988. — (Сборник МАЭ ; т. XII).
4. Соболевская, Н. А. Каталог игрушек народностей юга Дальнего Востока (из собрания Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Продекова) / Н. А. Соболевская // Вест. Сахалин. музея. — Южно-Сахалинск : СОКМ, 1997. — С. 66-129. — (Ежегодник Сахалинской областной краеведческого музея ; 4).
5. Нисисава Кэйити. Японская кукла / Нисисава Кэйити, Тоёма Хироси. — Токио, 1986. — (На яп. яз.).
6. Дайн, Г. Л. Детский народный календарь. Приметы, поверья, игры, рецепты, рукоделие / Г. Л. Дайн. — М., 2001.
7. Дайн, Г. Л. Русская игрушка : альбом / Г. Л. Дайн. — М., 1987.

Духовный мир амурских этносов в традиционной вышивке

Антонина КИЛЕ,
доцент Хабаровского
государственного
педагогического
университета

Не в столь далекие времена каждая нанайская женщина владела искусством вышивания. Эти навыки были им необходимы по этнической традиции декорировать все, во что одевается человек, чем он пользуется в быту, на промысле, из чего ест и пьет, на чем ездит. Разумеется, как и у любого народа, талантлива была не каждая женщина. Но с детских лет матери, бабушки, сестры обучали девочек умению шить и вышивать, так что к 11-12 годам у них уже вырабатывались достаточно твердые навыки. За свою жизнь женщина успевала сшить немало прекрасно декорированных изделий для каждого члена семьи, для дома.

Орнамент народов Приамурья, в том числе и нанайский, изучен достаточно хорошо. Но нанайская традиционная художественная вышивка, которая вне орнамента не может быть, до сих пор не получила более подробного специального анализа. Выдающийся ученый С.В.Иванов в книге «Орнамент народов Сибири как исторический источник» пишет, что декоративные швы отличаются «значительным разнообразием и сложностью», что в пределах Амурского бассейна и о. Сахалина ими «зафиксировано около сорока их разновидностей, объединяемых в несколько групп». В этом же источнике он приводит классификацию основных амурских швов и дает технологию некоторых из них.

Предлагаем описание технологии традиционных нанайских швов, выявленных в ходе полевых и экспедиционных работ в местах компактного проживания нанайского этноса, в процессе работы с музейными коллекциями, общения с известными мастерицами-вышивальщицами, профессиональными художниками, искусствоведами.

Основными традиционными материалами для орнамента и вышивки являлись рыбажья кожа, ровдуга, животная кожа с коротким ворсом, позже — текстиль, шелк. Соответственно, и нитки были из рыбажьей

кожи, ровдуги, сухожилий. Необходимые цвета получали, используя в основном растительные красители. Цветные хлопчатобумажные и шелковые нитки появились намного позже: их привозили из Китая. Каждая женщина имела специальные маленькие ножички для оконтуривания орнамента (с тупым лезвием) и его вырезывания (с острым лезвием) и специальную доску для этих целей. Вырезанный узор или орнамент приклеивался к материалу-основе клеем, изготовленным из пузыря рыбы осетровой породы. И только после этого можно было приступить к вышиванию. Традиционно нанайцы шьют и вышивают, держа иглоку острием к себе, указательным пальцем проталкивая ее сквозь материал.

Выбор шва зависел от того, какое изделие следовало женщине декорировать: халат, обувь, рукавицы, мужские или женские вещи, повседневные или праздничные, возможно, свадебные, ковер и т.п.

1

1. Оненко М.А. 1868-1947.
Доска для женских рукоделий.
Конец 1920-х.
Дерево, резьба, окрашивание.
с. Сикачи-Алян.
ДВХМ, Хабаровск

2. Инструмент для разглаживания швов.
Конец XIX – начало XX вв.
Дерево, резьба. ДВХМ, Хабаровск

3. Клей из пузыря рыбы осетровой породы

4. Нож женский для вырезания орнамента.
Середина XX в. ГМДВ им. Н.И.Гродекова.
Хабаровск

2

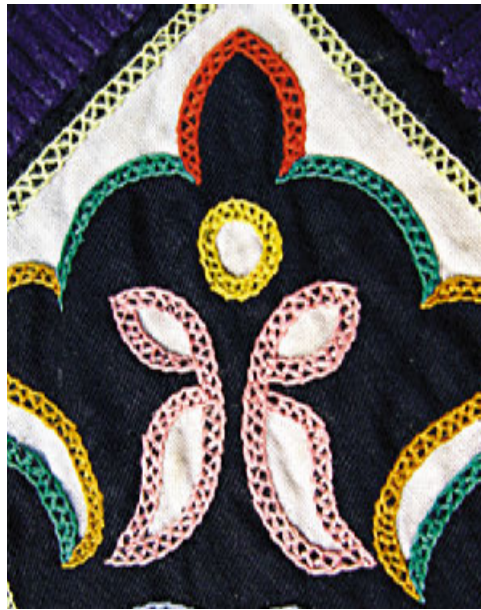
3

4

Однотамбурный шов

Двутамбурный шов

Тамбурные швы

Наиболее древними и распространенными являются тамбурные швы. И это понятно. Мастерски выполненные, они изящны и красивы, с ними само изделие нарядно. Эти швы делятся на однотамбурный, однотамбурный прерывистый, однотамбурный крученный, двутамбурный, который, в свою очередь, выполняется в нескольких вариантах: двутамбурный открытый, двутамбурный кромочный, двутамбурный капелькой, или просто «капелька», косой тамбур и др.

Однотамбурный шов иногда называют цепочкой, он на самом деле напоминает цепь. Этот шов выполняется следующим образом.

Иголка с ниткой прокалывает материал с изнанки на лицевую сторону, нитка отводится влево под большой палец левой руки (для правой), затем, не отпуская левого пальца, иглолка с ниткой ведется слева направо и вводится в то же место, откуда она была выведена с изнаночной стороны на лицевую вначале, делается стежок («шаг») с изнанки материала. Длина шага должна быть не более 1–1,5 мм. Иголка с ниткой выкалывается до нитки под большим пальцем, затем аккуратно вытягивается нитка. Большой палец левой руки все еще держит нитку, образуя петлю, которая по мере вытягивания нитки уменьшается до размера, определенного шагом с изнаночной стороны. Теперь большой палец отпускает нитку и поправляет получившуюся петельку. Для того чтобы сделать вторую петельку, следует вновь нитку отвести влево под большой палец, иглолку с ниткой — слева направо вколоть в первую петельку плотно с вытянутой ниткой, сделать с изнаночной сторо-

ны такой же «шаг», как первый, не забывая держать нитку большим пальцем. Вновь иглолка с ниткой выкалывается до нитки под большим пальцем, нитка вытягивается, и только в последний момент, когда получилась уже петелька, нитка освобождается из-под большого пальца. Ему остается только поправить петельку.

Прерывистый однотамбурный отличается от обычного тамбурного тем, что «цепочка» прерывается через каждые три-четыре петельки. Достигается это более широким «шагом» с изнаночной стороны материала между последующими группами в три-четыре петельки.

Технология двутамбурного шва в основе своей такая же, как и однотамбурного. Разница состоит в том, что для получения двух тамбуров-петелек надо вначале сделать параллельные две, при этом одна из них (левая или правая — не имеет значения) должна нижним краем быть на 0,5–1 мм ниже другой. Последующую петельку следует начинать с той, которая чуть выше. Длина «шага» с изнаночной стороны ткани зависит от намеченного размера шва. И при вышивании двутамбурным швом не следует забывать о функции большого пальца и о том, что иглолка с ниткой вынимается до нитки под ним. В противном случае тамбура не получится. Его (тамбура) форма — круглая, удлиненная, треугольная — зависит не только от того, как поправит петельку большой палец, но и от того, как ровно в предыдущую петельку будет вкалываться иглолка с ниткой и так же ровно выкалываться. От этого зависит и то, насколько ровными получатся края шва, в итоге — качество вышивки.

Двутамбурный шов «капелька»

Вариант двутамбурного шва

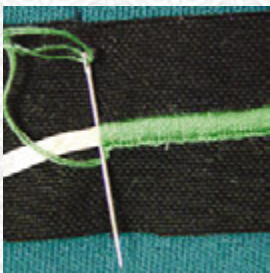
Двутамбурный шов (крупный и мелкий)

Вариант двутамбурно-петельного шва: слева плотный, справа менее плотный

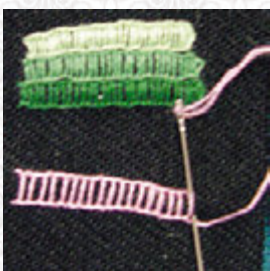
Шов петельный прямой в несколько рядов

Шов петельный по настилу

Шов «лапками»
(по С.В. Иванову, с. 369)

Петельный двусторонний шов в несколько рядов (сверху)
Петельный двусторонний шов (снизу)

Петельный отделочный

Шов петельный двусторонний

Петельный по настилу

Петельный шов

В нанайской вышивке очень распространен шов петельный: плотный прямой, редкий прямой и по диагонали, в два и несколько рядов, отделочный прямой и по диагонали, обметочный, по настилу, двусторонний.

В сравнении с двутамбурным он гораздо проще. Технология петельного прямого: как обычно, иголка с ниткой прокалывает материал с изнаночной стороны на лицевую. Вытянутую нитку отправляем под большой палец левой руки, иголкой вновь прокалываем материал плотно с тем местом, откуда выкололи иголку. Делаем с изнаночной стороны материала «шаг» длиной 2-2,5 мм, выкалываем иголку до нитки под большим пальцем и вытягиваем нитку, в последний момент отпуская большой палец. Получились две плотно расположенные полоски ниток с петлей внизу. Таким образом продолжаете вышивать дальше, и вы получите петельный прямой плотный шов.

Технология петельного редкого такая же, только полоски ниток следует располагать на некотором расстоянии друг от друга. Петельный по диагонали потому так и называется, что нитки кладутся не прямо, а по диагонали. Петельный редкий, как прямой, так и по диагонали, в вышивке обычно используется в качестве отделочного параллельно другому виду шва. Помимо этого, петельный шов употребляется для закрепления края орнамента или узора, выполненного в технике «художественная вырезка».

Современные вышивальщицы при ис-

пользовании этого шва располагают петли у кромки. Мастерницы старших поколений петли располагали на «вырезке» — аппликации, а полосками ниток как бы обметывали края. Поэтому этот вид шва называют еще петельным обметочным или петельным кромочным. Обметочный шов может выполняться и в форме треугольников.

Нередко в вышивке используется шов петельный в два и несколько рядов. Для получения рядов следует иголку с ниткой вкалывать между полосками ниток предыдущего ряда. В остальном технология та же.

Из всех видов петельных швов выделяются петельный по настилу и петельный двусторонний. Они отличаются строгостью, стройностью, переливчатостью, изяществом. Не случайно именно этими швами вышивали свадебные наборы одежды. Традиционно в качестве настила использовали узенькие полоски рыбьей кожи или ровдуги, а также лосинный волос, жильную нитку. По указанной выше технологии обшивали петельным швом эти полоски, служившие настилом. Технология петельного двустороннего шва несколько иная. Первые движения такие же, как при исполнении петельного прямого (плотного). Далее следует кончиком иголки чуть отвести верхний край вытягиваемой нитки вправо и в верхнем правом углу перед ней вколоть иголку, чтобы сделать «шаг» с изнаночной стороны. Все остальные действия вам известны. Шов петельный двусторонний выполняется и по настилу, и без настила.

Петельный плотный прямой

Петельный в несколько рядов

Гладевый шов

Гладевый шов с прикрепом в два и несколько рядов

Гладевый шов

Не менее красив и потому часто используется гладевый шов. Он имеет несколько вариантов: гладевый обычный плотный без настила, гладевый по настилу, и тот и другой в два и несколько рядов, гладевый отделочный, гладевый обметочный или кромочный, гладевый с прикрепом в один и несколько рядов, гладево-петельный и другие.

Гладевый обычный плотный без настила выполняется по самой простой технологии: нитка обматывает намеченную полоску ткани. Главное при этом — соблюдать абсолютно ровные края гладевой ленты, ни одна нитка ни по верху, ни по низу ленты не должна выбиваться из ряда, образуя «зубчики».

Гладевый по настилу вышивается так же, как и без настила. Однако добиться ровных краев ленты здесь легче: надо вкалывать иголку под настил и выкалывать из-под настила. Нитка не должна сильно затягиваться — это помнет края настила, и вышивка будет неровной, некачественной. Умело выполненный гладевый шов по настилу не хуже петельного по настилу, у больших мастериц он даже красивее. Такие искусницы выбирали именно этот шов при декорировании свадебных и ритуальных одежд, на которых символический орнамент вышивался швом «гладевый по настилу» в два и несколько рядов.

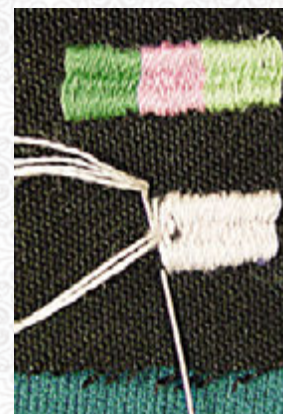

Гладево-петельный шов

Гладевый отделочный шов обычно использовался и используется в растительном орнаменте. Им заполняются листочки круглой формы, лепестки цветков, различные соединения в виде завитков и спиралей.

Гладевый обметочный шов служит для кромочных линий изделий, и в этом назначении он обычно не плотный, а редкий. Швом гладево-петельным в растительном орнаменте заполняют удлиненные по форме листочки. Особенность его технологии заключается в следующем: начав с верхнего конца листочка, мы выполняем не очень плотный петельный шов, при этом петельки должны идти по середине, а полоски ниток кладутся по бокам, по диагонали.

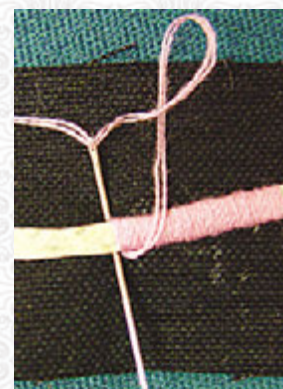
Шов гладевый с прикрепом в старину встречался только на праздничных, ритуальных, свадебных вещах — так он красив, привлекателен, торжествен.

Гладевый шов «в прикреп» в несколько рядов

Варианты гладево-петельного шва

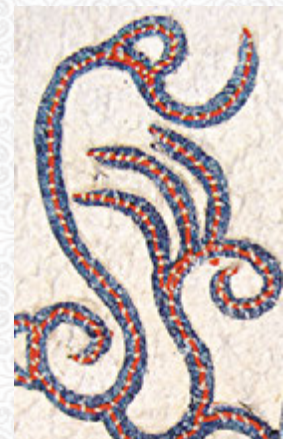

Гладевый шов по настилу

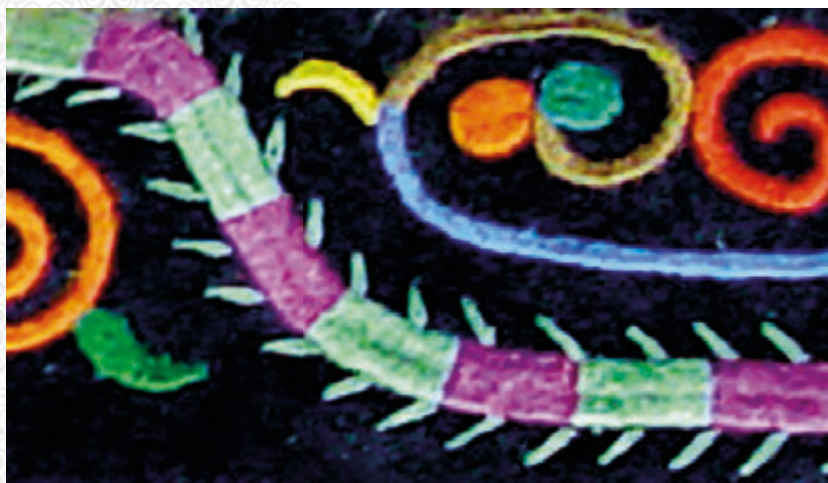
Шов в прикреп

Шов «в прикреп» достаточно прост. Но со вкусом подобранные цвета материала, который надо прикрепить, и ниток, прикрепляющих этот материал, в сочетании с основой изделия делают узор или орнамент ярче, выигрышнее, богаче. Материалом для узора или орнамента может служить ровдуга, рыбаья кожа, сухожилия, в наше время — сутаж, тонкая тесьма. Готовый узор должен быть приклеен к основной ткани (другому материалу). Нитка для шва «в прикреп» должна быть цвета контрастного, но гармонирующего с цветом мате-

риала узора и основой изделия. Иголлка с ниткой выкалывается с изнаночной стороны ткани под полоской ровдуги (или другого выбранного для узора материала), вытягивается нитка до конца, вкалывается иголлка вверху под полоску узора и вновь выкалывается внизу так, чтобы она выходила из-под полоски орнамента, вытягивается нитка и так до конца работы. Прикрепляющие полоски ниток можно класть как прямо, так и по диагонали, в зависимости от узора и выбора вышивальщицы, но в любом случае редко — от трех до пяти мм друг от друга.

Шов в прикреп

Строчевой отделочный шов в виде шипов вдоль гладевого шва

Строчевой отделочный прерывистый шов

Отделочно-строчевой и тамбурно-строчевой швы

Выворотный кант по краям «чешуек» спинки свадебного халата «сикэ»

Шов «растянутый зигзаг»

Строчевой шов

В традиционной нанайской вышивке используется несколько разновидностей, на первый взгляд, совсем простого строчевого шва. Чаще встречаются строчевой отделочный, строчевой прерывистый и тамбурно-строчевой швы.

Их технология предельно проста. На декорированных изделиях можно увидеть простейший строчевой, использованный в целых отделки орнамента. Это прерывистый шов, выполняемый методом «вперед иголку», абсолютно ровными и равными по длине стежками как по лицевой, так и по изнаночной стороне материала. Прерывистый строчевой шов может варьироваться: стежки можно объединять в группы по три-четыре через равные промежутки. Другой вид строчевого шва позже, с появлением швейных машинок, замененный

машинным швом, выполняется методом «назад иголку». Иголка выкалывается с изнаночной на лицевую сторону ткани, нитка вытягивается, затем делается стежок назад, т.е. игла вкалывается в ткань за той точкой, в которую была выколота. По изнаночной стороне делается стежок в две длины стежка, который получился на лицевой стороне ткани, игла выкалывается на лицевую сторону. Отсюда, отведя иголку назад, вкалываем ее в ту же точку, откуда вышла игла на лицевую сторону от предыдущего стежка. И так продолжаем дальше. Получается практически машинный шов, но выполненный вручную.

Очень своеобразен, а потому интересен тамбурно-строчевой отделочный шов. Его технология: делается петелька однотоурного шва и из этой петельки «иголкой вперед» стежок в полпетельки по лицевой стороне, далее игла вкалывается на изнаночную сторону, по ней тоже «иголкой вперед» делается стежок в два полных тамбурно-строчевых шва, игла с ниткой выкалывается на лицевую сторону, и вновь повторяются те же действия.

В традиционной нанайской вышивке редко, но встречается отделочный шов в виде шипов, расположенных по диагонали. Выполняется он обычным строчевым швом по краям гладевого по настилу шва, вышитого в два ряда.

Шов обметочный «через край» выполняет две функции: закрепление краев материала, чтобы он не осыпался, и соединение деталей изделия. Технологию этого шва подсказывает само его название — обметочный, т.е. он выполняется методом обметывания.

Шов «выворотный кант»

Шов «выворотный кант» по виду прост, но в выполнении требует усердия, терпения, аккуратности. Используется в технике «аппликация» на одежде, постельных принадлежностях, коврах. Для кантов нарезаются косые беечки из гладкоокрашенной ткани нужного цвета, которые одним краем сшиваются с краем аппликационной ткани. Затем бееч-

ка выворачивается, аккуратно отутюживается с лицевой и изнаночной стороны так, чтобы с лицевой стороны беечка образовала ровную тоненькую полоску на аппликации. Получившаяся деталь пришивается к основной ткани по шву, которым пришиты края аппликации и бейки, и так аккуратно, чтобы верхний шов был не заметен.

Шов «растянутый зигзаг»

Шов «растянутый зигзаг» используется только как отделочный.

Выполняется он методом «иголка вперед» обычным строчевым швом. Иголка с ниткой вколота на изнаночную сторону. Нитка кладется по диагонали вниз на 4–5 мм, действием «иголку вниз и вверх» делается на изнаночной сторо-

не ткани маленький стежок в 0,5–1 мм, нитка вытягивается и вновь кладется по диагонали, но уже вверх, повторяется стежок вверх, и так производятся одни и те же действия. Если наклон нитки по диагонали будет меньше, получится менее растянутый зигзаг, или по С.В. Иванову, сомкнутый зигзаг (с.369).

Сочетание нескольких видов швов

Для нанайской вышивки характерно сочетание нескольких видов швов на одном орнаменте. Это могут быть односторонний и двусторонний швы, петельный односторонний и петельный двусторонний, двутамбурный и петельный отделочный, сочетание трех и четырех основных и отделочных швов.

Использование нескольких разных швов на одном орнаменте — не самоцель, не демонстрация умения и навыка вышивальщицы. Это диктуется желанием изготовить настоящее произведение искусства, которое радовало и восхищало бы своим великолепием и красотой людей, в том числе, конечно, и автора.

Сочетание одностороннего, петельного, гладево-петельного, строчечного отделочного и прерывистого швов

Декорирование изделий из мягких материалов

Несколько слов о технике декорирования изделий из мягких материалов. Кроме наиболее распространенных техник «тиснение» и «художественная вырезка», известны аппликация, текстильная мозаика, плетение, простегивание и роспись. Понятие «аппликация» чаще всего связано с ажурно вырезанным орнаментом, наклеенным и пришитым тем или иным швом к материалу-основе. Но в нанайских изделиях, выполненных в технике «аппликация», кроме выше сказанного, орнамент составляется и подбором криволинейных кусочков ткани разного цвета с определенным их чередованием. Это может быть имитация рыбьих чешуек с вышитыми на них узорами и без них на женских и детских халатах, декорированные ромбы, квадраты и треугольники на коврах. Аппликационными можно считать узенькие цветные матерчатые полоски, которые пришивались по краям орнамента на швейные изделия как отделочные.

Достаточно широко использовалась техника «мозаика», выполнявшаяся сшиванием (стачиванием) разноцветных геометрических форм кусочков материала. Этот вид декорирования чаще встречается на постельных принадлежностях. Техника «мозаика» была распространена при декорировании меховой одежды и обуви. Для такой работы бралась кожа с коротким ворсом. Чтобы мозаичный орнамент лучше смотрелся, мех даже чуть подстригался. Но делать это следовало очень аккуратно, чтобы поверхность меха получилась ровной. Мозаичный орнамент будет ярким, красивым, если подобран мех контрастного цвета: например, белый и черный, темно-коричневый и бежевый, светло-серый и черный и т.д.

Нанайцы были известными мастерами в таком виде прикладного искусства, как плетение. В данном материале мы говорим о плетении на швейных изделиях. В коллекциях музеев, частных собраниях немало изделий, выполненных в этой технике: халаты женские и детские, ковры, постельные принадлежности. Технология этого вида искусства достаточно трудоемка. Нарезаются узкие длинные полоски гладкоокрашенного материала двух или трех цветов. Края поло-

сок подгибаются вовнутрь, отутюживаются, затем тончайшим строчечным швом прошиваются. Полученные таким образом полоски-ленты переплетаются, создавая нужный орнамент. Чтобы его сохранить, все переплетение прошивается по середине полосок строчечным швом (в наше время прострачивается на швейной машинке).

Орнамент методом «простегивание» создавался на одеялах, стеганых чулках, головных уборах, рукавицах, зимних халатах. Этот метод преследовал две цели: декорирование и надежное соединение верха изделия с подкладкой. Его технология проста: методом тиснения намечив контуры орнамента, обычным строчечным швом «назад иголку» прошивают изделие, одновременно захватывая его верх и подкладку. Нитка по цвету должна совпадать с цветом верха изделия. Получается слегка выпуклый узор или орнамент.

Техника «роспись» в декорировании традиционных изделий из мягких материалов сейчас практически не используется. Однако в древние и более поздние времена, даже в начале XX века создавались вещи из рыбьей кожи и ровдуги, украшенные росписью. В музеях еще хранятся амири, спинки которых декорированы не вышитой аппликацией, а росписью. Мастерицы расписывали халаты соком толченых лепестков лазорника и насыщенный отваром сосновой коры.

Завершая материал о традиционной вышивке и некоторых видах декорирования изделий из мягких материалов, следует сказать, что многие указанные и технологически разнообразные швы, а также виды декорирования характерны не только для нанайцев. Ими владеют и другие народы Амура. В целом же традиционный орнамент и вышивка, в которых воплотился богатый духовный мир амурских этносов, занимает заметное место в искусстве всех народов Севера.

Дигор Ф.М.
Шапка свадебная стеганая
Ткань, с. Кондон.
Собственность автора

Деталь праздничного женского халата.
Начало XX в. Рыбья кожа,
аппликация. Низовье Амура.
ГМДВ им. Н.И. Гродекова

Деталь праздничного женского халата.
Начало XX в. Рыбья кожа,
аппликация. Низовье Амура.
ГМДВ им. Н.И. Гродекова

Покорение бересты

Петр ГОНТМАХЕР, профессор

Анализируя собранные данные многолетних экспедиций, я пришел к выводу, что одним из самых уникальных материалов для изготовления художественных и бытовых изделий является береста.

Она одновременно обладает такими качествами, как гибкость, эластичность, прочность, легкость и т.п. В то же время природный желтовато-сиреневый с золотистым налетом цвет бересты дает в руки мастера-приамурца материал, из которого можно изготавливать многочисленные изделия, удовлетворяющие не только утилитарные, но и эстетические потребности своих соплеменников.

1. Росугбу И.П.
«Кадо и Черный дракон».
Береста. 2001

2. Коробка для хранения
продуктов.
Нанайцы.
1-я половина XX в.
Фото Храпцова А.В.

В прошлом береста была универсальным материалом удэгейских, нанайских, ульчских, негидальских и других мастеров. Именно в этом материале художники более всего способны выразить себя. Береста теплее дерева, металла и кости, в ней больше естественности, она несет природный отпечаток красоты и гармонии.

Коренные приамурцы в прошлом использовали бересту при изготовлении одежды, бытовых и ритуальных предметов весьма широко. Это позволило известному исследователю С. Браиловскому в самом начале XX столетия сделать вывод, что было время, когда вся одежда и домашняя утварь коренных этносов Дальнего Востока изготовлялась исключительно из бересты и кожи. Другой исследователь, Ч.М. Таксами, пишет об использовании в прошлом нивхами-мореходами даже парусов из бересты. Также С. Браиловский одним из первых обратил внимание на своеобразную технику работы мастеров.

В экспедиции на острове Сахалин в конце 1960-х прошлого века мне удалось запечатлеть несколько необычную технику нанесения орнамента на бересту. Вот лишь некоторые варианты этих редких приемов.

В Ногликах на севере Сахалина в 1968 году я наблюдал следующее. Когда посуда в основном была готова, ее подогревали над огнем и с внутренней стороны изделия, пока волокна были эластичными, наносили рисунок ногтем большого пальца — аньгонь такнь (нивхи). Такие узоры интересны по композиции и рисунку, они отличаются выразительным лаконизмом, подчеркивают естественный рисунок и цвет бересты. Декоративные формы орнамента ясны по конструкции и стилевому единству. В основном орнамент, выполненный ногтем на бересте, составляют геометрические элементы — полукруги, спирали, насечки. Совершенно отсутствуют при этом зооморфные и антропоморфные мотивы. Если мастер намеривается просто наметить рисунок, а затем прорезать его ножом, то ноготь большого пальца лишь слегка скользит по поверхности бересты, оставляя едва заметные линии.

Иногда после того, как рисунок по бересте был намечен ногтем, его обрабатывали шилом. Реже узор делался указательным пальцем. Линии его не очень

Росугбу И.П. Интерпретация орнамента Росугбу О. Л. Береста. 1999

четки, формы лишены объема и присущей нивхскому орнаменту графичности. Нивхи редко работают в этой технике.

Однако подобные приемы нанесения узора с внутренней стороны берестяной посуды не отмечены исследователями у айнов, ороков, эвенков, нанайцев, ульчей и других соседних с нивхами народностей.

Кроме того, у нивхов в прошлые времена бытовала оригинальная технология нанесения узора на бересту при помощи зубов. Такая техника называлась ваву даггш и была чрезвычайно трудоемкой, требовала большого мастерства.

Предварительно бересту подогревали над огнем, после чего мастер зубами, без заранее начерченного рисунка, наносил узоры «вслепую». По устному сообщению С.В. Иванова, подобный прием нанесения орнамента на бересту в прошлом был также известен народам северо-востока Азии.

В настоящее время предметы из бересты изготавливаются народами Приамурья и Сахалина в гораздо меньшем количестве, чем прежде, а при нанесении орнамента наибольшее применение имеют тиснение и резьба.

Росугбу О. Л. Чаша четырехугольная с низкими бортами, на дне выполнена тисненая спирально-ленточная розетка, оплетка краев включает геометрический орнамент.

Ульчи, с. Булава. Береста, ива, клеенка, тиснение. Середина 1980-х годов

Алексей ФИЛИМОНОВ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры

Энциклопедия нивхского искусства

В сентябре 2005 г. из печати вышла книга Петра Яковлевича Гонтмахера «Лекции по декоративно-прикладному искусству нивхов» с приложением русско-нивхских и нивхско-русских словарей и краткого перевода книги на нивхский язык.

Этот труд представляет собой учебное пособие, адресованное, в первую очередь, студентам, обучающимся на факультете народов Севера в ДВГУ. Пособие было создано автором по материалам его собственных лекционных курсов, которые он читал более десяти лет. Значительный фактологический материал, составивший основу курса, является не только обобщением имеющихся источников, но и результатом экспедиционно-полевых работ автора по Нижнему Амуру и Сахалину. Этот материал упорядочен в тринадцати лекциях по тематическому признаку. Отдельно выносятся главы, посвященные отечественной и зарубежной историографии вопроса (соответственно, лекции третья и четвертая). Далее, отдельно разбираются орнамент, резьба по дереву, изделия из кости и металла, женское рукоделие, художественная береста, живопись и графика.

Выполненная П.Я. Гонтмахером работа может использоваться как образец систематического этнографического обзора и уже в этом качестве быть полезной не только студентам, но и начинающим этнографам и антропологам.

В легкой, доступной для неподготовленного, но искренне заинтересованного читателя форме автор раскрывает основы декоративно-прикладного искусства нивхов и дает необходимые элементы теоретических знаний. Благодаря этому у читателя возникает полная и объективная картина не только традиционной культуры нивхского народа, но и их современного состояния. Острое социальное значение имеют выделенные в отдельную главу «Размышления после лекций» (по мотивам диалогов со студентами) и программа возрождения декоративно-прикладного искусства и орнаментов нивхов, данная в приложении. Здесь автор предстает перед нами не только как ученый, но и как человек, имеющий и отстаивающий свою гражданскую позицию. Следует признать, что для читателя, изучающего не мертвую материю, а судьбы живого этноса, подобная позиция является необходимой этической нормой.

Книга П.Я. Гонтмахера помогает понять, что создание этнографом письменного труда — это путь по очень узкой тропе между двумя крайностями. С одной стороны, этнография — наука общественная, и ее результаты должны быть доступны не только специалисту, но и обычному читателю. Поэтому в подобных работах нежелателен избыток научных терминов, затрудняющих прочтение, из-за них текст может остаться невостребованным. С другой стороны, недопустим и излишний популизм, неправомерное упрощение излагаемых проблем. Петр Яковлевич сумел в очередной раз пройти этой тропой, точнее — создать такую тропу для читателя. Перед всяким, кто возьмет в руки эту книгу, откроется интересный, хотя и не простой мир нивхского искусства.

Дар «рыбьекожих варваров»

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

главный хранитель Государственного музея Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, кандидат исторических наук

В китайских летописях аборигенов Амура и Маньчжурии называли юй-пидацзы – «рыбьекожие варвары».

Еще в середине XIX века основным материалом для пошива одежды приамурских народов, живших в бассейне Амура от Хинганских хребтов до устья, была кожа рыбы и зверей. В 1855 году Р. К. Маак поражался, как нанайские, ульчские женщины относились к результатам своих трудов – одежде из кожи рыбы. «Нельзя не подивиться, как она мало ценят свой труд! За небольшой кусок ситцу она охотно отдавали свои одежды, тщательно и очень искусно вышитые выкрашенной рыбьей кожей», – писал он. Подобное отношение нанайцев и ульчей к одежде из кожи рыбы и повышенный интерес к ткани свидетельствуют об ее «обычности», господстве и, соответственно, о редкости одежды из ткани. Французский миссионер Франкле тоже с удивлением отмечал, как нанайец с реки Сунгари за маленький кусок ткани отдал ему «платье, сделанное из кожи карпов».

Удэгейка из Красного Яра Н. П. Кукчинка рассказывала, что «раньше и брюки, и одежды делали из рыбьей шкуры. Ткани не было». Недаром хозяйку загробного мира удэгейцы представляли как старую одинокую женщину, одетую в халат из кожи рыбы. По преданию хорских удэгейцев, выкуп за невесту состоял из одного чугунного котла, трех расписных халатов и серебряных денег. Формулировка «три расписных халата» как раз указывает на то, что в прошлом традиционная одежда удэгейцев была из кожи зверя или рыбы, на которую наносили орнаменты природными красками – расписывали. Вместе с тем, видимо, существовали родовые различия в преобладающем использовании того или иного природного материала для пошива традиционной одежды. В. В. Подмаскин зафиксировал информацию, согласно которой люди Кялундзига в прошлом сильно отличались от приморских людей Намунка своей одеждой: Кялундзига не носили одежду из кожи рыбы. Можно предположить, удэгейские роды, проживавшие во внутренних районах уссурийской тайги, чаще шили свою одежду из кожи, ровдуги, меха таежных зверей и в меньшей степени из кожи рыбы.

Нанайцы для пошива одежды использовали кожу сазана, муксуна, амура, кеты, горбуши, сома, ленка, шуки, тайменя, шкуры лося, изюбря, косули, кабана, редко собак. Кожу рыбы обычно снимали в апреле, когда еще не было мух, или осенью после холодов, когда их уже не было. Процесс обработки включал несколько этапов (Полевые материалы автора (далее ПМА). 1999 г., от Бельды Н.Ф., Бельды Л.Г., Бельды К.А.; 2000 г., от Актанко Т.П., Бельды Н.Ф., Оненко К.Х., Ходжер В.Г.; 2001 г., от Бельды Н.Ф., Бельды Л.Г.; Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф.Р-1180, оп.1, д.9, л.13, д.10, л.4; Ф.Р-696, оп.1, д.166, л.55; д.174, лл.56,57; Ф.Р-1629, оп.1, д.7, л.12). Свежую рыбу вялили в течение нескольких часов (3–4 часа) до появления корочки («когда слизь высохнет», «чтобы рыба не скользила»). Шкуру сначала надрезали вокруг головы, затем делали два продольных разреза (от головы к хвосту) на брюхе вдоль плавников (брюшки были одним из любимых лакомств, поэтому их вырезали). Шкуру снимали при помощи костяного ножа *согбо* (*согбоко*, *согбико*, *согбино*, *соггену*) от угла околожаберного надреза по диагонали в направлении хвоста: сначала с одной стороны, потом – с другой. *Ачори согбо* – снимать кожу рыбы. Вдоль хребта оставляли неснятой полоску шириной 2,5–3 см, которую отдирали рукой на заключительном этапе рывком от головы к хвосту. Ножи для снятия кожи с тушек рыбы нанайские мужчины вырезали из кости голени лося. Каждую шкурку отдельно высушивали на тальниковых вешалах *холгини* в расправленном виде, перекинув через прут. Вешала ставили на ветерке (*холгёри* – сушиться). Высушенную кожу рыбы складывали стопкой чешуей друг к другу, сворачивали путем последовательного сгибания сначала по длинным сторонам навстречу друг другу, потом по коротким в четыре слоя («чтобы быстрее обработать»), после чего били в мялке. В центральную выемку станка *дэли* одновременно закладывали до

1

10 (и более) шкурок в зависимости от ее размеров («чтобы углубление полным было»). После непродолжительного битья колотушкой вэксун («чуть-чуть побьешь») добавляли еще шкурки. (Другой вариант обработки: удаляли (выдергивали) чешую пальцами или при помощи ножа; действие называлось *нилту-*). Верховские нанайцы перед обработкой кожи рыбы в мялке сбрызгивали ее водой, чтобы она не перегрелась и не сварилась, озерские нанайцы и нанайцы окрестностей села Троицкое так не делали — «кожа должна нагреться, горячей стать, чтобы лучше размягчилась». Боковые выемки станка *дэли* имели название *богди* (с. Ачан), центральная — *ангмани* (букв. рот (с. Джари)). При работе с мялкой женщина садилась на скате, чтобы станок стоял ниже сидящего человека. Нивхи использовали для обработки рыбьих шкур не специальные инструменты и приспособления, а обычную ступку.

Очищенную от чешуи кожу рыбы смазывали с внутренней стороны кашицей *пагдан* (по информации В.Г. Ходжер, смазывание кожи рыбы производилось с обеих сторон шкурки — «много-много, чтобы пропиталась»). Пагдан делали следующим образом: сухую икру кеты *чапа* толкли, разводили водой, оставляли на ночь, чтобы появился запах — «рыбий запах». В качестве смазки использовали также бульон ухи для собак (озерские нанайцы бульон не применяли). Кроме икры рыбы уссурийские нанайцы применяли рыбьи молоки, мозги изюбра, кабана, а словом *фагда* (*н*) обозначали смазку для кожи рыбы вообще. Нанайцы с реки Кур «просушенную, столченную кетовую икру, немного сваренную и прогнившую, которую использовали для смазывания рыбьих и звериных шкур при выделке», называли *хагда*. Глагол *хагдашури* означал следующий процесс: «смазать кожу тухлой икрой при обработке шкур». Дей-

2

ствию «разводить водой растолченную икру рыбы» соответствовало слово *моди*, процесс смазывания рыбьей кожи кашцей из сушеной кетовой икры озерские нанайцы называли *модори*, найхинские *пагда-*, рыбным отваром *умэ-*; уссурийские нанайцы процесс смазывания кожи рыбьей смазкой вообще называли *фагдачи-*. Нанайцы, жившие по Амуру между устьями Сунгари и Усури, «просушенную, столченную рыбью (кеты, щуки, ленка) икру, сваренную и прогнившую», называли *хагда*. Ею смазывали «рыбью и звериную кожу при выделке. *Хагда* делали также из муки, чумизы, отрубей, кукурузы».

Смазанные шкурки складывали внутренними сторонами друг к другу и клали под пресс на 1–2 часа. Затем доставали, мяли руками (*монгичори*), растягивали, разглаживали края и вешали сушить. После чего повторно обрабатывали в мялке. Это действие имело название *дуву, дувувири*. «*Кунгугуири*» — говорили кур-урмийские нанайцы, когда мяли кожу рыбы повторно после смазки икрой. Обработанную кожу сворачивали рулоном и подвешивали

1. Вера Григорьевна Ходжер (1914–2003) показывает технологию окраски кожи рыбы в синий цвет. с. Ачан, Амурский район. 1999
Фото Т.В. Мельниковой
2. Халат женский нарядный (перед и спинка после реставрации). Нанайцы. Начало XX в.
Фото А.В. Храмова

О.Л. Росугбу.
Халат женский наряд-
ный (перед и спинка
после реставрации).
Ульчи.
Начало 1980-х гг.
Фото А.В. Храмова

вали над очагом — дымили ее, чтобы она обрела устойчивость к моли.

Кожа сомов и других крупных рыб требует обезжиривания. После размягчения ее посыпали гнилушками, которые вытягивали часть жира.

Искусство обработки кожи рыбы и изготовления из нее одежды сохранилось у нанайцев до настоящего времени. Конечно, время внесло некоторые коррективы в технологию процесса, однако кожу рыбы и сегодня мнут в деревянных станках своих бабушек и прабабушек. Во время реставрации халатов из кожи рыбы из собрания ГМДВ народная мастерица, член Союза художников России Ю.Д. Самар применяла следующий способ выделки кожи кеты и сазана: «Осторожно обходя спинные плавники (не нарезая), снимаем кожу с помощью тупого ножа, тщательно прочищаем от жировых, пленочных и тканевых остатков, хорошо промываем пресной водой. Жирную кожу можно промыть в мыльно-порошковом растворе. Про-

сушиваем на гладкой поверхности в распластанном виде (не на весу). Затем проминаем в кожемялке до мягкости драпа, с помощью инструментов (подобие пинцета) снимаем чешую и ячейки. Затем вновь промять на кожемялке. Отшлифовать с помощью наждака, начиная с крупнозернистой поверхности до мельчайшей. Отшлифовка проводится с двух сторон кожи». (Самар Ю. Д., март 2003 г.)

Тщательность обработки кожи рыбы зависела от ее предназначения. Кожу для головок обуви *бидака* (среднеамурские нанайцы), *мидака* (горинские нанайцы) почти не обрабатывали, чтобы сохранить чешую. Тупым ножом счищали с кожи остатки рыбьего мяса и жира, «чуть-чуть» мяли руками или немного в мялке. На коже рыбы, предназначенной для пошива рабочих халатов *амири*, нередко оставляли лунки от чешуи. При изготовлении рабочей одежды такую кожу просто располагали лунками вниз, чтобы в ней не задерживалась дождевая вода. Для нарядных и свадебных халатов кожу рыбы ложили пемзой (сунгарийские нанайцы называли пемзу *урахи*), ножом или стеклом. Ее клали на ровный округлый чурбан и терли. (ПМА. 1999 г., от Гейкер Н.Б., Самар А.А.; 2000 г., от Бельды С.С., Ходжер В.Г.; 2002 г., от Самар Ю. Д.; Личная переписка автора: письмо от Л.Ф.Самар от 10 октября 1999 г.; ГАХК. Ф.Р-696, оп.1, д.179, л.99).

Кожу рыбы для праздничного (нарядного) женского халата *амири* выбеливали белой глиной *тоакса* (средне-амурские нанайцы), *туакса*. В Найхине ее собирали летом в окрестностях села. Во время малой воды она появлялась на берегах заливов в виде маленьких комочков. Выделанную кожу рыбы смазывали тонким слоем глины, высушивали на солнце, снова смазывали, высушивали (так три раза), а потом снова мяли. Другой способ отбеливания кожи рыбы заключался в следующем. В марте необработанную кожу вывешивали на мороз и оставляли до тех пор, пока она не становилась белой («все выветривалось», по выражению информанта). (ПМА. 1999 г., от Оненко К.Х.; 2000 г., от Бельды С.С.; Оненко К.Х.)

Нанайцы для пошива халата использовали шкурки самок кеты, которая была мягче. Все-го на халат из кожи кеты требовалось примерно 30–35 шкурок средней величины. Точное количество зависело от размера изготавливаемого халата. Изнаночная сторона изделий из кожи рыбы имела махровую поверхность (волокна, покрывающие кожу рыбы, назывались *унгсу*) и, следовательно, не вызывала неприятных ощущений у человека при соприкосновении с телом. (ПМА. 1991 г., от Пластины З.А.; 1999 г., от Гейкер Н.Б., Самар А.А.; 2000 г., от Бельды С.С., Ходжер В.Г.; 2002 г., от Самар Ю.Д.; Личная переписка автора: письмо от Л.Ф.Самар от 10 октября 1999 г.)

При пошиве одежды кожу рыбы раскраивали таким образом, чтобы образовывался симметричный мозаичный рисунок. Великолепным образцом такой работы является женский нарядный халат из фондов нашего музея (ГМДВ КП 294/Э-112). Кожу рыбы раскраивали на доске *худэн* женским ножом *гирсу* («герасо с изогнутым лезвием длиной ок. 10 см»).

Позднее таким же способом раскраивали ткани. (ПМА. 2000 г., Бельды Н.Ф.; ГАХК. Ф.Р-1629, оп.1, д.7, л.11.).

В изложении В. В. Подмаскина технология обработки удэгейцами шкур рыб была следующей: «Кожу снимали костяным ножом *сугбунку*, разглаживали костяным «утюжком» и клали сушить вдаль от огня на несколько дней. Для придания коже необходимой мягкости ее разминали кожемьялкой. Затем ее смачивали бульоном из голов кеты, смазывали жидко разведенной кетовой икрой и сворачивали в тугой рулон несколько штук. После этого кожу еще раз мяли деревянным молотком, а затем коптили, подвешивая на несколько дней над очагом. Чем больше кожа была подвергнута действию дыма, тем прочнее она становилась и приобретала коричневый цвет». По словам В. Т. Кялундзюга, «кожу рыбы тоже дымокурили. Вещи из кожи рыбы тоже не промокали. Обувь из кожи рыбы осенью надевали поверх кожаных олочей, как дождевые сапоги» (ПМА. 1998 г., от Кялундзюга В. Т.).

Кожа сазана, тайменя, кеты, горбуши и ленка была прочной, мягкой и непромокаемой, защищала от ветра, хорошо сохраняла тепло. Лучшим материалом для шитья ноговиц, обуви, рукавиц удэгейцы считали кожу кеты и ленка. Нити *дава сиктани* для пошива изделий из кожи рыбы делали из кожи кеты. Из щучьей кожи удэгейские женщины делали клей. Кожу сазана обрабатывали на морозе. Она хорошо окрашивалась и сохраняла краски.

Интересно, какими красителями пользовались коренные народы Приамурья для росписи своей рыбьекожей одежды? Известно, что для окрашивания кожи рыбы в синий цвет народы Амура использовали лепестки растения синеглазка *чачака* (нан.), *цацака* (нан. сёл Муху, Найхин, Толгон, Дондон) из семейства комелиновых. В 1999 году В. Г. Ходжер из села Ачан продемонстрировала нам два способа тонировки кожи рыбы цветком *чачака*. Для окрашивания небольшого куска кожи рыбы брали щепотку лепестков, клали на кожу, сгибали шкурку вдвое и мяли в руках. Действие повторяли дважды. При окрашивании кожи большого размера пригоршню лепестков *чачака* складывали в марлю, скручивали и получившимся тампоном натирали кожаную поверхность. Содержимое марли меняли дважды. Марлевый тампон позволял наносить краску равномерно. Судя по всему, первый способ окрашивания кожи рыбы более древний, а второму способу предшествовал способ, записанный нами в селе Найхин. Лепестки синеглазки толкли в ступе до однородной массы, макали в нее древесные стружки *саори* и наносили ими краску на кожу рыбы. Или собирали лепестки синеглазки в посуду, оставляли в ней на несколько дней до появления сока. Некоторые нанайцы даже выращивали *чачака* около своего дома. (ПМА. 1998 г., 2001 г., от Бельды С.С.; 1999 г., от Ходжер В.Г.; ГАХК. Ф. Р-1180, оп. 1, д. 10, л. 4.)

Источником бурой краски являлся гриб-дождевик *гакта*. Его толкли и полученной массой красили кожу рыбы. *Гакта* собирали и сушили на зиму, в случае необходимости толкли и размачивали. Для получения желтой

краски *персо* амурские нанайцы соскабливали грибной нарост с дуба, заливали его горячей водой, давали настояться, после чего употребляли для окраски «предметов обихода из кожи (рыбы и др.)». Грибы можно было собирать в значительном количестве. По словам Н.Б.Гейкер, собирали не грибы, а труху («порошок»), который они находили под корой трухлявого дуба. Удэгейцы делали желтую краску из плесневых грибов гнилого дуба. Можно предположить, что все перечисленные здесь природные материалы имеют красящие свойства и могли использоваться в качестве красителей. Автор монографии была свидетелем, как ульчанка Н.К. Ходжер использовала для окраски кожи рыбы в желтый цвет лепестки декоративного цветка, росшего у нее на клумбе. Дубовые грибы, которые найхинские и даергинские нанайцы собирали с дубов на левом берегу Амура, для получения краски *персо* толкли и разводили рыбьим жиром. Натирание кожи рыбы внутренней стороной коры бархата и ясеня также придавало окрашиваемому материалу желтый цвет: «у ясеня, бархата снимешь кору и мажешь внутренней стороной — желтый цвет получается». (ПМА. 1999 г., от Самар А.А.; 2000 г., от Бельды С.С., Оненко Д.Э., Оненко С.Н.; 2001 г., от Бельды С.С., от Гейкер Н.Б.; ГАХК. Ф.Р-1629, оп.1, д.8, л.43, 146.)

Околоплодные сумочки водяного ореха, лещины давали бурую краску: их толкли, полученной массой намазывали материал. Толченая черемуха давала при окраске коричневый цвет. О красной краске нанайцы говорили: «Эту краску земля родит», т. к. для ее получения они использовали красную охру *давохса*. Нанайцы селения Сикачи-Алян брали ее на утесе Красный или Сикачи-Альянский (на 1 км выше селения). В нанайском языке словом *давохса* или *даокса* называется узкий участок земли. Возможно, информант сообщил не название красной охры, а уточнил место, где нашел ее — на узком участке земли между сопкой и протокой. По предположению С.С. Бельды, красную охру могли называть *сэджэ ицэку* (букв. красный краситель). Красную краску получали также путем варки сосновой коры. Ткани красили соком голубицы, черемухи (черный цвет), клюквы (красный цвет). (ПМА. 2001 г., от Бельды С.С.; ГАХК. Ф. Р-1180, оп. 1, д. 10, л. 4; Ф.Р-1629, оп.1, д.8, л.144.)

Черную краску нанайцы получали, смешав сажу с внешних поверхностей котлов и сушеную икру кеты, растолченную и разведенную до состояния жидкой кашицы. Вместо икры могли использовать рыбий жир. (ПМА. 1997 г., от Самар А.А.; ГАХК. Ф.Р-1629, оп.1, д.8, л.203). Дополнительная информация о растительных красителях, применявшихся нанайцами, опубликована К.П. Белобородовой и Т.А. Давидовой. Добавим лишь, что желтый цвет давала кора ольхи, красный — лиственницы, коричневый — дуба, зеленый — листья растений. Листья растений толкли, а кору деревьев долго варили. Затем в отвар или сок добавляли толченую в порошок высушенную икру кеты, чтобы краска не смывалась. Источником черной краски являлась также кожура маньчжурского ореха. Ее снимали с плода и водили по материалу.

Полотно из кусочков кожи рыбы.

Ульчи. с. Булава.
Начало XXв.
Фото А.В. Храмовца

Нож для снятия кожи с мерзлой рыбы.

Кость голени лосося, резьба. Нанайцы.
Начало XX в.

Рукавица женская праздничная (свадебная).

2-я половина XIX в.
Фото В.А. Спидлена

1. З.А. Пластина. Сумочка для хранения принадлежностей женского рукоделия. Ульчи., с. Булава. 1-я половина 1980-х гг. Фото А.В. Храмова
2. Сумка для хранения принадлежностей женского рукоделия. Ульчи, с. Булава. 2-я половина XIX века

Литература:

1. Белобородова, К. П. Приамурские узоры / К. П. Белобородова. — Л.: Художник РСФСР, 1976. — 106с.
2. Бельды, М. П. Троицкая волость: ист. исслед. / М. П. Бельды. — Хабаровск: РИОТИП, 1999. — 128с.
3. Браиловский, С. Н. Тазы и удихэ: опыт этногр. исслед. / С. Н. Браиловский. — Владивосток, 1898. — 219 с.
4. Давидова, Т. А. Технично-художественные особенности обработки и оформления изделий из рыбьей кожи / Т. А. Давидова // Познавательно-творческая деятельность на художественно-графическом факультете: межвуз. сб. науч. тр. — Хабаровск, 1984. — С. 51-52.
5. Кочешков, Н. В. Неханьские народы Северо-Восточного Китая: ист.-этногр. очерк / Н. В. Кочешков // Россия и АТР. — 1999. — № 1. — С. 54.
6. Кялундзюга, В. Т. Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка = A Kyalundzuga-Simonov dictionary of the uidege (udhe) language (preprint): удэгейско-русский-удэгейский (preprint). Т. 1 / В. Т. Кялундзюга, М. Д. Симонов. — Стеншев: ИЕОС, 1998. — 425 с. — (Monograph series; 15/1).
7. Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские / И. А. Лопатин. — Владивосток, 1922. — 370с.
8. Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отделения ИГО в 1855 г. / Р. К. Маак. — СПб: Тип. К. Вульфа, 1859. — 565 с.
9. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири / А. Мичи. — СПб.: М., 1868. — IV, 351 с.: ил.
10. Оненко, С. Н. Нанайско-русский словарь / С. Н. Оненко. — М.: Рус. яз., 1980. — 552 с.
11. Письма В. К. Арсеньева / В. К. Арсеньев // Сиб. огни. — 1972. — № 9. — С. 177.
12. Подмаскин, В. В. Духовная культура удэгейцев XIX-XX вв.: ист.-этногр. очерки / В. В. Подмаскин. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1991. — 160 с.
13. Подмаскин, В. В. Народные знания удэгейцев: ист.-этногр. исслед. по материалам XIX-XX вв. / В. В. Подмаскин. — Владивосток: Дальнаука, 1998. — 228с.
14. Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания музея советского изобразительного искусства г. Комсомольска-на-Амуре): каталог. — Комсомольск н/А: Тип. АПО им. Гагарина, 1992. — 178 с.
15. Сем, Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект / Л. И. Сем. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. — 212 с.
16. Смоляк, А. В. Народные художественные ремесла Приамурья / А. В. Смоляк // Сельско-му учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока / сост. Т. Б. Митлянская. — М., 1983. — С. 99-132.
17. Суник, О. П. Кур-урмийский диалект: исслед. и материалы по нанайск. яз. / О. П. Суник. — Л.: Учпедгиз. — 208 с.
18. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэ-лунгу, ехэ / сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. — Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. — 561 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 18).
19. Ходжер, Г. Г. Вещун / Г. Г. Ходжер // Дал. Восток. — 1989. — № 9. — С. 3-39; № 10. — С. 6-72.
20. Шестакова, Ю. А. Новый перевал / Ю. А. Шестакова. — М.: Молодая гвардия, 1956. — 319 с.: ил.

Краски из лепестков, листьев, плодов растений были «прозрачными».

Однако уже во второй половине 1920-х годов для окраски традиционных изделий нанайцы чаще всего использовали китайскую тушь и анилиновые краски (ГАХК. Ф.Р-1629, оп.1, д.8, л.186, 188, 192, 193).

Удэгейские женщины в качестве одного из красителей использовали плоды черемухи Маака: их варили, при окраске белой ткани она приобретала малиновый цвет. Кожура плода маньчжурского ореха давала темный красновато-кирпичный цвет (ПМА. 1998 г., от Кялундзюга О. А.). Кору краснотала использовали для получения коричневой краски. Для этого кору насыпали в воду, доводили до кипения, остужали, после чего сразу можно было окрашивать (ПМА. 1998 г., от Кялундзюга О. А.). Коричневый цвет коже придавали также корой вида ольхи, поверхность коры которой имела поперечные трещинки, бордовой — корой другого вида ольхи (называли ее бордовая ольха — *дугумнэ*), на поверхности коры которой были продольные трещинки. По свидетельству В. Т. Кялундзюга, вид ольхи с продольными трещинками в окрестностях села Гвасюги не растет, только в верховьях Хора, Сукпая. Кору такой ольхи заказывали тем, кто туда направлялся. Ее собирали летом, когда соков в коре больше. Заготовленная кора ольхи называлась *дугэмпнэ*. Известная удэгейская мастерица И. И. Кялундзюга так окрашивала кожу для пошива обуви (*ула*) в бордовый цвет: «кору рубила, теплой водой взбрызгивала, в руку брала горсть, терла-терла-терла кожу, ровдугу» (ПМА. 1999, 2005 гг., от Кялундзюга В. Т.). Другие натуральные красители, которые использовали удэгейцы, подробно описаны В. В. Подмаскиным, и здесь я повторяться не буду. Удэгейская роспись по коже имела четкий графический характер, благодаря очерчиванию контура орнамента тонкой черной линией и обилию темных полос на светлом

фоне. Узоры, в. ч. отводку контура на готовое изделие наносили с помощью специальной лопаточки — *йэунгку* (хор.). Ее один конец был пошире, другой — поуже. С появлением в обиходе удэгейцев китайских и русских тканей и шелковых нитей колорит их традиционной одежды изменился в сторону насыщенности и разнообразия цвета.

Согласно данным С. Н. Браиловского, основное поле халатов из кожи рыбы удэгейцы не тониروвали. Минеральными красками расписывали «воротник, плечи, края рукавов (обшлага), край верхней полы и низ одежды», а также кайму по боковым швам «от нижней каймы до пояса». Однако в 1927 году у удэгейцев реки Хор заведующей этнографическим отделом нашего музея Н. А. Серк был собран женский халат из кожи рыбы, стан которого окрашен в кирпичный цвет, а рукава в фиолетовый (ГМДВ КП 7886/Э-117). Кстати, этот удэгейский халат представлял высокое искусство приамурских мастериц на юбилейной выставке «Искусство национальностей СССР», которая проходила в 1927—1928 годах в Москве и была приурочена к 10-летию Октябрьской социалистической революции.

Одежда *тэрглэ* из кожи рыбы бытовала у сунгарийских нанайцев до начала XX века. У амурских нанайцев одежда из кожи рыбы сохранялась как повседневная зимняя одежда еще в середине 1920-х годов. Учительница Найхинской школы Н. Беляева-Линнас писала зимой 1924 года, что все ее ученики одеты в «рыбьи рубахи, штаны и обувь, и все прочее» («Тихоокеан. звезда». — 1924. — 2 марта.). Не исключено, что в данном случае имел место ренессанс одежды из кожи рыбы в среде коренного населения из-за развала торговли в годы Гражданской войны и первые послевоенные годы. В.К. Арсеньев писал в 1928 году: «Рыбы теперь идет меньше, и «ю-пи-да-цзы» в период с 1908 по 1918 гг. стали шить одежду из материй. Теперь рыба кожа опять вступает на первый план».

Лодки, раздвигающие реки...

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

главный хранитель Государственного музея
Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова,
кандидат исторических наук

Кто из современной молодежи видел долбленные лодки и уж тем более ходил на них?! А ведь еще 100 лет назад они были основным средством передвижения по горным рекам Приамурья и Приморья. Хотя на нашей планете есть еще места, где долбленки так же востребованы, как сто, двести, тысячи лет назад.

В дельте реки Окаванго на территории Ботсваны представители племени *бейи* передвигаются на *мокорро* — долбленом каноэ из ангольского птерокарпуса — дерева, напоминающего тиковое. Трещины в корпусе лодки, которые они называют ранами, заделывают металлическими заплатками. Однако и здесь цивилизация громко заявляет о себе. Сегодня чаще на водах Окаванго можно встретить лодки из стекловолокна. Мол, новые, синтетические лодки гораздо прочнее традиционных лодок из дерева, пояснил старик-*бейи* корреспонденту американского журнала «Национальная география», они также более доступны, потому что деревьев в дельте не так уж много. Африканской долбленкой *мокорро* управляют с помощью длинного шеста. Корреспонденту передвижение на *мокорро* показалось сплошной сказкой: «Нет ничего прекраснее, чем плыть на лодке с шестом. Каждый его толчок продвигал *мокорро* сквозь камышовые кущи. Осока шуршала по корпусу каноэ. Кузнечики то и дело запрыгивали в него и выскакивали обратно». «Легкая долбленная оморочка быстро неслась по течению без всяких усилий со стороны гольда,» — соглашается с ним дальневосточный писатель и ученый Т. Борисов. Однако легкость, с которой приамурские аборигены управляли долбленными средствами, — лишь видимость. За внешней ловкостью и красотой их движений стоит огромный труд и тренировка с раннего детства. А. Емельянов, участник экспедиции Приморского лесного отдела в бассейн рек Ботчи, Коппи

Третьяков И.И. – эвенк, охотник, рыбак. с. Удское,
Тугуро-Чумиканский район.
Фото Валерия Спидлена

Фрагмент долбленной лодки на берегу протоки р. Уды
у с. Удское. 1993.

Фото Валерия Спидлена

Долбленая лодка на берегу протоки р. Уды у села Удское. 1993. Фото Валерия Спидлена

и др. северного Сихотэ-Алиня, написал в своем дневнике 20 июля 1927 года: «Ульмагда — это плоскодонная, очень легкая на ходу лодка, выдолбленная из одного дерева. Она очень вертлява и требует много умения и ловкости пользоваться ею при движении на быстринах и перекатах. ...Труд орочей, поднимающих ульмагду (*орочское название долбленной лодки.* — Т. М.) с грузом и пассажирами, очень тяжел. Но зато как ловки, красивы их движения при работе шестами. Обычно один ороч стоит на носу, а другой на корме, и дружно в такт они отталкиваются от дна реки. Однако каждый шаг движения искупался большой ценой. Им все время приходится при помощи собственных мускулов, преодолевать течение рек и силу тяжести. Часа через три нашего пути у орочей распухали пальцы и ладони рук».

Ю. А. Шестакова, на своем опыте познавшая сложность управления долбленной лодкой по горной реке, писала: «Нужно хорошо знать реку, чтобы не попасть в ее опасные водовороты, кроме того — видеть направление струй, чтобы не поставить бат поперек их, и все время держать равновесие, иначе на крутом повороте можно сорваться вниз». Летом 1894 года солдаты 5-й охотничьей команды Восточно-Сибирского стрелкового батальона попытались самостоятельно управлять удгейским батом, но у них ничего не получилось: «течением постоянно относилось бат назад».

И сам процесс изготовления долбленной лодки, и плавание на ней по горным стремительным, порожистым рекам можно без преувеличения назвать искусством. Искусством, оставшимся в прошлом. В Хабаровском крае почти не осталось мастеров, которые могли бы выдолбить легкокрылую лодку.

Эвенки бассейна реки Уды, что несет свои воды к Охотскому морю в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края, делали долбленные лодки из тополя. Летом 1993 года в селе Удском мне посчастливилось пообщаться с лодочным мастером Дмитрием Семеновичем Александровым из древнего эвенкийского рода Бэтун. Он жил в маленьком летнем домике из неструганных досок. Первый визит к нему ограничился осмотром небольшой долбленки. Мастер закончил ее несколько недель назад. Сам Дмитрий Семенович с утра ушел на покос — заготавливать сено для трех своих коров. Ему уже шел семьдесят первый год. Он был мал ростом, сух телом, почти глухой, по лицу разлилась тяжесть прожитых лет.

Д. С. Александров всегда считал, что главным в работе лодочного мастера является умение выбирать подходящее дерево. Его можно искать несколько лет. Выбирали здоровый прямой тополь без сучков до 7–8-метровой высоты, диаметром не меньше обхвата руками и двух длин между указательным и большим пальцами. Такими тополями богаты берега небольшой речки Май, впадающей в Уду ниже Удского. Поваленное бурей дерево не годилось, считалось мертвым. Выбранный тополь следовало срубить так, чтобы его потом не передвигать и не ободрать кору. Рубили с северной стороны ствола, валили в южном направлении. Вскрывали древесину бревна с южной стороны, более крепкая северная сторона дерева шла на дно лодки. Лишнюю древесину удаляли топориком с прямым лезвием и теслом с вогнутым острием. Осторожными ударами топора заставляли звучать дерево дна и бортов, по звуку определяли их толщину. Вырезали нос, корму, снимали кору. С помощью черемуховых распорок раздвигали борта. Делали это так: из черемухи вырезали толстые прутья длиной до 80–90 см, изгибали и вставляли между бортами. Разводили длинный костер и потом над его углями грели лодку сначала снаружи, потом изнутри. От тепла, под давлением распорок борта раздвигались, черемуховые прутья распрямлялись. Затем вместо них для фиксации формы устанавливали массивные внутренние перегородки — гокоры — из корней ели. Готовую лодку неделю сушили вверх дном на бревнах. К воде несли на руках. Эвенки называют долбленные лодки — *омочо*. Они легки в управлении, маневренные, «хорошо раздвигают воду» по словам Д. С. Александрова, им не страшны мелководье и низкая вода, не возникает проблем с дефицитным и дорогим на севере топливом. Одна долбленка служила до 10 лет, если хозяин соблюдал немногие правила эксплуатации. Например, не оставлял на длительное время в воде, что могло вызвать разлом дна. Чинили лодку кипящей смолкой, заливая ее в трещины и дырки.

Дмитрий Семенович учился долбить лодки еще ребенком, помогая в этом деле отцу. В год нашей встречи он учил уже внуков. В начале лета они делали одну-две лодки на заказ, получая плату дровами. (Полевые материалы автора. 1993 г.).

Эвенки Нимелена долбили лодки из толстого тополя длиной 4–5 метров. Такие лодки поднимали до четырех человек и 150 кг груза.

И.И. Третьяков ремонтирует старую долбленную лодку: снаружи на трещину прибивают металлическую заплату с тканевой или резиновой прокладкой, трещину заливают варом (раньше смолой ели, пихты, лиственницы). с. Удское. 1993.
Фото Валерия Спидлена

А вот что писал о строительстве долбленной лодки орочами В. К. Арсеньев: «Наконец 3 июля желанное дерево было найдено. Это был тополь Максимовича вышиною двадцать пять — тридцать метров и в 2 обхвата на грудной высоте. Он рос по другую сторону реки. Туземцы осмотрели тополь, обсудили, куда и как он упадет, убрали весь валежник и затем принялись рубить его с особыми заклиниваниями.

Тополью было более 200 лет. С большим шумом, ломая другие деревья, он грохнулся на землю и — погиб. Мулинка тотчас срубил одну из веток его и всадил ее вертикально в середину пня. ...Это душа дерева — ханя-моони. Так делают всегда, когда его рубят для лодки. Если дерево рубится для того, чтобы сделать гроб покойнику, то ханя в пень не втыкается.

Орочи отмерили около 20 метров от комля и отрубили вершину. Они работали дружно, с увлечением, быстро сняли с болванки кору и вполдня срубили заболонь, выровняли дно будущей лодки и обтесали ее бока.

Начало уже смеркаться, когда туземцы возвратились на бивак.

Следующие два дня были солнечные и теплые. Орочи большими рычагами перевернули болванку тополя и поставили ее днищем на катки. Затем длинной веревкой, намазанной углем, они наметили верхние края лодки и с помощью березовых клиньев принялись срубать все, что было выше этих линий. Еще полдня ушло на выемку древесной массы из середины лодки. Я любовался работой туземцев. Главным мастером был Мулинка. Он давал указания, и все слушались его беспрекословно. Тем временем Намука у комля болванки очертил границы лопатообразного носа и снял всю лишнюю древесину. На второй день к вечеру лодка вчерне была готова.

5 июля орочи отделали улимагду начисто. Особыми поперечными топориками (упала) они стесали борта ее настолько, что казалось, будто она сделана из фанеры. Дно лодки оставили несколько толще, чтобы оно могло выдерживать давление камней на перекатах. Теперь оставалось только опалить улимагду. Религиозный предрассудок не позволяет делать это у дерева. Орочи сплавили ее на другую сторону реки и пошли за берестой. Особыми распорками они немного раздвинули борта улимагды в стороны, затем поставили ее днищем на деревянные катки и по всей длине разложили под ней березовое корье. Опаливанием лодки достигается одновременно осушка ее и осмаливание.

Пока Мулинка и Хутунка обжигали улимагду, Намука сделал кормовое весло, а Сунцай приготовил шесты. Часам к двум пополудни 5 июля все было готово».

Нанайцы изготавливали долбленные лодки преимущественно из кедра или липы, низовские нанайцы делали их из ствола горной осины: при рассыхании она не трескалась, удэгейцы — из тополя Максимовича — *сисикта*, амигда моони (хор.), осины. По утверждению В. К. Арсеньева, два удэгейца могли изготовить долбленную лодку за три дня (ГМДВ. Каталог «Орочи-удэне»). Такой же срок сообщил хабаровскому художнику А. В. Шишкину — участнику комплексной экспедиции в верховья реки Хор 1946 года — удэгеец Кикуса, который поехал в тайгу делать грузовую лодку — бат — с родственниками. Начерно сделанную лодку они пригнали в стойбище и стали доделывать невзирая на дождь (ГАХК. Ф.Р-1756, оп. 1, д. 18, л. 18,20). Баты *'ана* долбили из тополей окружностью в три сажени. Подходящее для изготовления лодки дерево искали долго: «на тех, что находили, ставили затесы». Если срубленный тополь при падении трескался (вдоль), делать из него лодку запрещалось.

За 3—4 дня бат делали в случае острой необходимости. Без спешки затрачивали на это около двух недель. Лодку начинали долбить там, где срубили дерево для нее, а потом в полуготовом виде переносили из тайги к берегу реки. Здесь полуфабрикат устанавливали на катки и обжигали берестой, чтобы вставить распорки *уки* (хор.), просушить дерево и осмолить его. По обычаям удэгейцев, нельзя было распаривать и завершать лодку в том месте, где она изготавливалась, иначе ее хозяин скоро умрет и лодка станет последним его пристанищем.

Как выглядел удэгейский бат? Представьте себе длинный полый полуцилиндр, выдолбленный из ствола дерева. Его корма была прямой, высота бортов доходила до 40 см. Днище делали заууженным и в 2 раза толще, чем борта лодки. Дно имело продолжение в виде полуметровой чуть закругленной лопаты, приподнятой над поверхностью воды. У основания лопатообразного носа просверливали сквозное отверстие, через которое выходила вода, попавшая в лодку.

«Удэгейцы, — писал Владимир Клавдиевич, — удивительные мастера плавать по горным рекам в своих долбленных лодках. Лодки эти устроены так, что они не разрезают носом воду, а взбираются на воду. Лодкою управляют шестами два человека. Один стоит в носу лодки, другой — на корме. Плавание в орочских (*удэгейских*. — **Т. М.**) лодках по местным порожистым рекам, заваленным буреломом, при быстроте течения 10—18 верст в час, — довольно опасное. Малейший промах, малейшая оплошность — и все погибло. Нужно быть очень внимательным и далеко смотреть вперед и вперед рассчитать, где лодку надо задержать, где ее быстро надо протолкнуть, где перевести на другую сторону реки и т. д.» (ГМДВ. Каталог «Орочи-удэне»). В таком же ключе отзывается о мастерстве удэгейцев И. А. Лопатин: «... в плавании по быстрым горным рекам орочи (*удэгейцы*. — **Т. М.**) достигли удивительного искусства и в этом не знают себе конкурентов. Все движение вверх по Иману, Бикину

Изготовление долбленной лодки удэгейцами. Начало XX в.

и вообще по всем рекам, берущим начало в хребте Сихотэ-Алин, производится в течение всего лета на ороченских батах». По свидетельству И. А. Лопатина, один удэгейский бат поднимал 40 пудов (640 кг) груза с четырьмя человеками. Перевернувшись, долбленная лодка не тонула. При переезде на бате семьей мужчина (или два) толкал лодку шестом, женщина сидела на корме и управляла веслом. И. А. Лопатин отметил следующую особенность передвижения на бате по реке: удэгейцы всегда шли «около берега, где течение замедленное». Если течение перемещалось к тому берегу, вдоль которого поднимались вверх на долбленке, удэгейцы меняли шест на короткое весло и перемещались к противоположному берегу. При передвижении на бате один удэгеец становился на носу, другой — на корме. Стоявший на носу бата удэгеец во время движения успевал заколоть острогой «попавшуюся на пути рыбу». Острога всегда лежала в лодке около него. При плавании против течения в бат иногда прягали несколько собак, которые бежали по берегу, помогая людям тянуть лодку. Во время высокой воды удэгейцы предпочитали не передвигаться по рекам.

Представить скорость передвижения на долбленной лодке позволяет нам свидетельство художника А. В. Шишкина: «... удэгеец Кикуса преодолел 24 км (вниз и вверх по Хору от стойбища Джанго до Гвасюгов и обратно) за 6 часов...» (ГАХК. Ф.Р-1756, оп. 1, д. 18, л.21). При путешествии на значительное расстояние или с детьми делали на бате полукруглую крышу *йаута* из тальника, прутья которого закрепляли в виде нескольких арок и сверху покрывали берестяными покрывками. *Йаута* защищала от дождя, под ней играли дети.

Лодочный шест по-удэгейски называется *гау*, его делали из тальника. Спускаясь на бате вниз по течению, шест всегда держали наготове, чтобы в случае опасности прыгнуть с лодки. Шестом промеряли дно реки, шестом при необходимости дрались. Одиночное однолопастное весло, которым рулили, а в случае необходимости и гребли на бате, назвалось *сэу* (хор.).

Чтобы бат был легче на ходу, его периодически скоблили снаружи и внутри, прогревали березовыми лучинами. В вы-

тащенный на берег бат заливали воду, иначе он трескался.

Удэгейские дети делали для игры игрушечные баты, таскали их по воде вдоль берега. Или катались на досках, упираясь палками, имитируя тем самым езду на бате. (ГАХК. Ф.Р-1756, оп. 1, д. 18, л.23).

Удэгейские долбленные лодки экспонируются в этнографическом зале Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. Они изготовлены в уменьшенном виде Урундой Кимонко и Еофой Кимонко из села Гвасюги в 1994 году.

Литература:

1. Арсеньев, В. К. Сквозь тайгу / В. К. Арсеньев // Собр. соч. : в 6 т. — Владивосток, 1947. — Т. 4.
2. Белькович, А. Л. Из дневника члена Приамурского отдела Императорского русского географического общества А. Л. Бельковича во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 года / А. Л. Белькович // Труды ПОИРГО за 1895 год. — Хабаровск, 1896.
3. Борисов, Т. Тайна маленькой речки / Т. Борисов. — Хабаровск ; Владивосток, 1927.
4. Гапанович, И. И. Тунгусы южноохотского побережья / И. И. Гапанович // Производительные силы Дальнего Востока. — Хабаровск ; Владивосток, 1927. — Вып. 5.
5. История и культура удэгейцев / под общ. ред. акад. А. К. Крушанова. — Л., 1989.
6. Кимонко, Д. Б. Там, где бежит Сукпай / Д. Б. Кимонко. — Хабаровск, 1972.
7. Кялундзюга, В. Т. Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка. = A Kyalundzyuga-Simonov dictionary of the udegehe (udihe) language (preprint) : удэгейско-русский-удэгейский : (препринт) : в 3 т. / В. Т. Кялундзюга, М. Д. Симонов. — Стеншев : ШЕОС, 1998-1999. — (Monograph series ; 15/1-3).
8. Лопатин, И. А. Лето среди орочей и гольдов / И. А. Лопатин. — Владивосток, 1913.
9. Л-т. В гостях у неизвестного народа / Л-т // Красное знамя. — 1928. — 8 февр.
10. Результаты географических исследований охотничьих команд Восточно-Сибирских стрелковых бригад летом 1894 года // Труды ПОИРГО за 1895 г. — Хабаровск, 1896. — Т.2.
11. Сем, Ю. А. Нанайцы. Материальная культура / Ю. А. Сем. — Владивосток, 1973.
12. Семченко, Н. Легкая птица-оморочка / Н. Семченко // Тихоокеан. звезда. — 1979. — 25авг.
13. Смоляк, А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина / А. В. Смоляк. — М., 1984.
14. Уорн, К. Окаванго / К. Уорн // National Geographic. — 2004. — № 12.
15. Шестакова, Ю. А. Новый перевал / Ю. А. Шестакова. — М. : Молодая гвардия, 1956.

Душа медведя на пути к своему хозяину

Марина ТЭМИНА

Медвежий праздник – один из важнейших культов дальневосточных этносов. Он имеет длительную историю и потому неразрывно связан с духовной культурой коренных малочисленных народов, в том числе и нивхов. По сути, нивхская история без медвежьего праздника не существует.

Корни этого праздника просматриваются по археологическим и историческим материалам. На Амуре даже найдены керамические фрагменты с орнаментом медвежьих лап. Несомненно, обряд связан с охотничьим хозяйством. Из общего ряда медвежьих церемоний амуро-сахалинский или нивхский обряды обладают самобытностью и носят четко выраженный родовой характер. В этнографической литературе выделяют спорадический праздник, т.е. по случаю удачной охоты на медведя, и периодический, который проводили зимой. Наибольший интерес представлял и представляет периодический медвежий праздник у амурских и сахалинских нивхов.

Устройство медвежьего праздника не ограничено временными рамками, поэтому сказать конкретно, сколько дней он будет длиться, невозможно. Но ученые выделяют примерный период – от недели до месяца. Л.И. Шренк считал, что праздник длится до тех пор, пока еще имеются запасы медвежьего мяса и сала. Видимо, так оно и было. Согласно Ч.М. Таксами, который выделил 6 этапов в медвежьем празднике, рассмотрим каждый из них подробно.

Итак, первый этап называется *инау ваг ку* – день строгания стружек (*инау тях*) – стружка, *вагдь* – строгать, *ку* – день). Все приготовления ведутся в доме хозяина медведя.

ТЭМИНА Марина Григорьевна, преподаватель нивхского языка Николаевского-на-Амуре педагогического училища коренных малочисленных народов Севера. Окончила Хабаровский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков. Всегда интересовалась вопросами родного языка и этнографией. В настоящее время работает над диссертацией «Медвежий праздник нивхов Амура и Сахалина».

Для праздника необходимо сделать много стружек (*инау*), которые будут украшать елочки на главной площадке (*кадр*). Ель имеет ритуальное значение, ее хвою часто использовали при шаманских камланиях в качестве елового чая.

К началу праздника готовится ритуальная посуда: ковш – *ньхыр*, ложка – *чмаус ни лувр*, корыто для ритуального блюда *мос* – *орн*, котел для варки медвежьего мяса – *ла вынь*, табуированные ножи – *уигла дяко*.

Для проведения этого церемониала женщины должны сделать множество блюд и в большом количестве, так как нужно будет кормить медведя и угощать приехавших гостей. Самое главное ритуальное блюдо называется *мос*. Его приготовление занимает много времени и требует от женщины определенных навыков. Основной компонент блюда – рыба кожа, которую обычно обдирают с юколы осенней кеты первого пласта. В современное время в блюдо кладут сахар, растирают, чтобы он растворился, затем сильными бросками вводят ягоду. Обычно это брусника – *чир алс* или шикша – *ыгых*, то есть те ягоды, которые можно сохранять в свежем виде целый год. Затем корыто с блюдом ставят в холод, где оно застывает до вида студня молочно-белого цвета с горошинами красных или черных ягод. Второе по сложности приготовления блюдо под названием *холодь*. Это смесь из ягод, орехов, жира, сухой икры, фасоли или гороха.

Кроме сладких блюд ежедневно варится и готовится масса других. Среди них юкола разных видов: *выв ма* – толченая юкола, *хир ма* – моченая юкола, *хак ма* – мелко нарезанная юкола, *ра ма* – юкола, зажаренная на углях. Режется тала из мороженой рыбы (*кын дал*). Для этого заранее ловят калугу – *парк*, осетра – *туки*, сига – *вагс*, навагу – *кани* и т.д. Варят также суп *парва*: это смесь из риса, икры и орехов.

У мужчин тоже немало дел. Им необходимо заготовить дрова, расчистить дорогу, по которой будут водить медведя, и площадку, на которой произойдет его убиение. Кроме того, они должны приготовить оружие (лук – *пундь*, стрелы – *ку*, копье – *ках*). В порядок должны быть приведены амбар для хранения медвежьих костей и головы – *тенр ху не*, цепь – *вылки* и ошейник – *пукс* для привязывания медведя, музыкальное бревно – *зас тяс*. К тому же необходимо встретить и разместить почетных гостей.

Большая ответственность за организацию и проведение медвежьего праздника ложилась на членов рода, то есть на *калгу* (*кал* – род), которые откармливали зверя и ухаживали за ним в течение трех или четырех лет, в зависимости от его пола. Но, конечно же, основные действия с медведем совершали *ызынгу* – хозяева медведя. Когда же наступал момент проведения самого обряда, то за его соблюдением наблюдали *пилангу* – старейшие и уважаемые мужчины рода. Кроме того, они сами совершали многие обрядовые действия

в процессе праздника, который должен был проходить в соответствии с давней сложившейся традицией.

А. Крейнович описывает в этот день еще один обряд — «кормление огня» — *тугр ардь*, который совершает хозяин медведя. Он «кормит» огонь ритуальным блюдом. Для этого на веточку ели кладут стружки — *инау*, ритуальное блюдо мос, сушеные корнеплоды сараны. «Кормить» огонь можно и сушеными стеблями кислицы, и табаком. Иногда обряд совершают, когда огонь начинает пищать или громко трещать. Для нивхов это значит, что огонь просит (по-нивхски — *тугр эхть*). Тогда надо быстро бросить что-нибудь из выше названного, обращаясь к «хозяину огня»: «*Поглагу ньяря!*», то есть «На своих детей посматривай!» Таким образом, «хозяин огня» является наблюдателем события и его участником, так как на нем будет готовиться медвежье мясо. Необходимо заметить, что огонь при этом разжигается священным родовым огнивом.

Второй день называется «*Котр ар ку*» — день кормления медведя или «*На ха ку*» — день стрельбы в зверя. Ч.М. Таксами отмечает, что перед устройством самого праздника медведя вводили в *уйгран дыф* — священный дом — и держали там несколько дней. Так поступали нивхи Амура и западного побережья Сахалина. Из этого дома, либо из его клетки (сруба), медведя выводили на последнюю прогулку по стойбищу.

По сведениям, которые представил информант Д.К. Човак, медведя водили в цепях до конца деревни. Во время этой «прогулки» его кормили разными блюдами (*мос, холодь, тала*), причем этой чести удостоивались только мужчины. В начале они сами пробуют еду, а затем кормят зверя, передавая ритуальную ложку более младшим по возрасту. На следующий день его заводили домой к хозяину — *ызын*, где привязывали к столбу *карга* цепями. Затем молодой парень надевал одежду из шкуры нерпы длиною ниже колен и рукавицы. В это время по два человека, слева и справа от медведя, злят его палками. Смелый парень должен улучшить момент и, прыгнув, сесть медведю на шею, схватив его за уши. Такого парня называют *тангла нивх*, то есть ловкий человек. Если он допустит оплошность, то одежда из нерпичьей шкуры его надежно защитит. Обычно среди парней находятся несколько смельчаков, которые могут проделать этот трюк.

Последнее кормление медведя также является ритуалом. Ему дают на деревянных ложках (*ньхыр*) различные блюда: *кын далк* (мороженая рыба), *е рак* (отварной рис), *мос, холодь, вызалс* (ягода, перемешанная с вареной рыбой), *ма* (юкола разных видов) и т.д. При этом выражается пожелание: «*Ургур кыръя!*» — «Хорошо стой!», «*Урлаф имгъя!*» — «Дай хорошее место!» (т.е. дать хорошее место для выстрела).

Хозяин медведя в иносказательной форме выражает эту мысль: «*Ырк Котр эгуйнды*» — «Уже медведю пора возвращаться домой». Затем следует состязание стрелков из лука (*пундь* — лук, *ку* — стрела), но последний меткий выстрел должен сделать избранный гость. Он должен внимательно следить за поведением зверя и улучшить удобный момент для выстрела.

Затем наступает самая ответственная часть ритуала. Медведя в последний раз кормят. Все женщины уходят в помещение. Таков обычай: женщины не должны присутствовать при ритуальном убое медведя.

В отчете о командировке на Петровскую косу с целью сбора этнографического материала Т.Н. Лещиной, научного сотрудника Николаевского-на-Амуре краеведческого музея, говорится: «...последний медвежий праздник состоялся 11 января 1968 года. Нивх Владимир Чурик в течение трех лет откармливал черно-бурого медведя по кличке Ваня... Так как лука и стрел нет, медведя убивают из карабина. Поручают это самому опытному охотнику — участнику Великой Отечественной войны Якову Таркуну...»

Ото — ритуальные блюда. Ольха. И.П. Росугбу, с. Булава, Ульчский район. 1997

Ритуальные ложки. Береза. И.П. Росугбу, с. Булава, Ульчский район. 1997

После того как медведь убит, ему говорят: «*Ургур вия, пызтох ургур вия! Ыз мангур чэзмугазо!*» — «Хорошо иди к своему хозяину, хорошо иди! Хозяин пусть тебя очень полюбит!» Эти пожелания отражают представления нивхов, что хотя зверь и убит, но в другом мире он оживает и отправляется в путь к «хозяину гор» — *пал ызу*. Тот, в свою очередь, полюбив медведя за дары от людей, отправит им потом другого медведя.

Ч.М. Таксами обращает внимание на то, что перед свеживанием «медведю надевали намордник, делали ошейник, подвешивали к губам маленькую бумажку, завязывали глаза и уши». Л.И. Шренк также описывает украшение медвежьей головы, которое шьют женщины. «Из лент (гил. — *чудбась*) делают особую повязку, которую надевают медведю на морду тотчас под глазами, чтобы она могла вбирать в себя слезы, струящиеся будто бы из глаз животного. На повязке у середины морды пришито вырезанное из березовой коры изображение жабы. Одновременно с *чудбасом* на голову медведя накладывают еще и другую повязку. Эта повязка состоит из ремня, крестообразно охватывающего голову медведя, с прикрепленными к нему одним или двумя агатовыми шариками».

По сведениям информанта Е.К. Ланиной, нивхи четко различали земноводных: жабу — *мифник*, а лягушку — *рал*. Она рассказала легенду о жабе. «Есть жабы, которые

Медвежий праздник. 1960-е

носят золотые рога — *айс мурки*. Ее встречают только избранные люди. При встрече с ней человек должен снять и бросить пояс. Если она переходит через него, у нее отпадает золотой рог. Человеку нужно сразу его взять и спрятать в сундук — *куйз вако*. Потом в сундуке появляются драгоценности, и этот человек становится богатым — *корла нивх* и счастливым — *кыс йив нивх*. Из этого следует, что жаба является символом богатства и счастья. Поэтому, возможно, украшение головы медведя орнаментом, изображающим жабу, предполагает пожелание счастья и богатства умершему родственнику в другом мире. У Крейновича Е.А. нет упоминаний об этой детали. Вероятно, что изображение жабы — влияние тунгусских народов. В их фольклоре это животное выступает положительным героем, помощником шамана.

Такое повышенное внимание к голове медведя вызвано древними религиозными представлениями нивхов, в которых мертвый медведь все равно остается живым и может видеть, слышать и даже плакать. Многие информанты (Магвина Т.С., Човак Д.К., Ланина Е.К.) отмечают, что череп медведя украшался ленточками из ткани, а в глазницы вставляли то ли ягоды, то ли бусины.

В своей книге «Нивху. Загадочные обитатели Сахалина и Амура» Е.А. Крейнович записал следующее: «...ноздри медведя заткнули маленькими обломками еловых веточек, чтобы он не чувствовал запаха людей, которые будут разделять его тушу. Если этого не сделать, то при охоте в лесу он, ожив, может якобы учуять запах человека, членившего его тушу, и может произойти беда».

В конце свежевания медведя проводят обряд перебрасывания его шкуры. Освежив тушу до головы, медведя переворачивают на живот и становятся следующим образом: один человек у головы, другой у лап. Тот, кто стоит у лап, хлопает полотном шкуры по спине медведя определенное количество раз (три или четыре), затем перебрасывает тому, кто стоит у головы, и тот, в свою очередь, возвращает обратно шкуру. Такая процедура повторяется три или четыре раза, в зависимости от пола медведя. Существует четкое разграничение чисел: все нечетные числа относятся к мужскому началу, а четные — к женскому. Таким образом, этот обряд символизирует, что медведь «снял одежду».

Следующим важным этапом является обряд *тёнр ес-синдь* — внесение медвежьей головы в жилище. Причем в родовой дом по строго установленному ритуалу вносят голову — *тенр*, шкуру — *ныгр* и мясо — *тюс*. Раньше вносили через дымовое отверстие — *тама хуты*, т.к. через дверь нельзя, ибо через нее ходят женщины. В более современном варианте это действие совершали либо через окно, либо специально вырезали отверстие в стене (Е.К. Ланина). Останки медведя кладут на место почетных гостей вместе с *инау* — украшениями — и стружками.

Л.И.Шренк описывает другое месторасположение головы медведя: «... вблизи почетной нары стояло большое четырехугольное, украшенное еловыми ветками и тяхом, сооружение из ольховых жердей и стволов... Сооружение имело вид этажерки. С верхней полки этой этажерки смотрели головы двух медведей». По сведениям информанта Е.К. Ланиной, это сооружение называется лезн или помост для головы медведя. Таким образом, медвежья голова окружена особым почетом, она как бы является наблюдателем всего происходящего и впоследствии должна остаться довольной.

Петровская коса. 22 декабря 1967

Четвертый этап называется *Котр зонр ар ку* — день кормления медвежьей головы или *Котр зус ар ку* — день кормления медвежьим мясом.

Е.А.Крейнович отмечал, что существовали *циглаф* — табуированные части туши медведя, которые ели только мужчины, и нетабуированные, предназначенные для женщин. У исследователей существуют разные описания способов приготовления медвежьего мяса. Так, Л.И.Шренк описывал процесс варки мяса, «... строго запрещается жарить мясо, так как шипение мяса на огне, дойдя до слуха медведя, может рассердить его». Е.А.Крейнович, наоборот, пишет следующее: «В поджаривании табуированных частей туши сохранился древний способ приготовления пищи». В то же время он отмечает, что нетабуированные части медвежьей туши варили в большом котле. По всей вероятности, здесь отражается отличие между амурскими и сахалинскими нивхами, в котором явно заметно влияние соседних народов на материковых нивхов. Поэтому отваривание мяса в котле — явление более позднее.

Затем наступает время поедания медвежьего мяса — *Котр уйльдь* (есть, кушать — индь). Ч.М. Таксами описал обычай *Котр ныньф товьд*, т.е. связывание медвежьих костей. «Самым почетным старикам — гостям преподносили такие части, как лопатку, бедренную кость и т.д. Гости, обглодав их, должны были возвращать их хозяину, привязав к ним какой-нибудь предмет., возвращали ее с привязанными к ней лучшими ездовыми собаками, с копиями, ножами и т.д.» Информант Човак Д.К. рассказал, что мясо варили в большом котле, а затем резали его на еловых ветках. Самого уважаемого гостя угощали медвежьей лопаткой. В ответ он возвращал кость, привязав к ней отрез китайского шелка — *маньдью чарб*. Сахалинские нивхи, по описанию Е.А.Крейновича, использовали во время трапезы *чмалар ку*, т.е. стрелу в качестве платы за медвежье мясо.

«... ни одну кость гость не может оставить у себя. Если это произойдет, то он обязан вернуть кость хозяину вместе с искупительной собакой». Хозяева кормили гостей мясом, очень бережно люди к нему относились, ни один орган, ни одна косточка не остается без внимания. Причем мясо надо есть только руками с помощью ножа и палочек, но не рвать его зубами. По окончании трапезы все кости медведя — *ныньфку* — хозяева собирают. Они должны быть тщательно очищены от мяса (*йивскть* — счищать).

Е.А. Крейнович описывает, как происходит перенос медвежьего черепа в специальное хранилище (*тёнр ху нё*). Это целый обряд кормления головы — *тёнр ардь*, когда череп украшается стружками, на которые кладется еда (*мос, корни сараны, норк*). Хозяин должен в амбаре «покармить» предыдущие черепа. Выйдя из амбара, он совершает еще один обряд — *палрох чыудь* (в лес отделить), т.е. кормление духов леса. Он бросает в сторону леса корнеплоды сараны и говорит: «*Няхку Каврра, нос хуты каврра, мих куты Каврра хар, ньзиф хыты фир ньнармая хая!*» — «Глаз не имея, отверстия для ушей не имея, отверстия носа не имея, вот так посередине моего пути меня жди!» Таким образом, душа медведя, с головой, в которой заткнуты уже уши, нос, закрыты глаза, должна ждать прихода души хозяина. Имеется в виду хозяина медведя.

Нивхи проводили еще один обряд, который называется «день убиения собаки». Количество собак зависело от пола медведя и количества гостей, т.е. если медведь был самец, то нечетное количество собак, а если самка — четное. Этот обряд проводился после того, как череп медведя водворяли в амбар (*тенр ху не*).

Последний этап медвежьего праздника называется «*нарх эр ви ку* — день проводов гостей с медвежьего праздника». В этот день совершался последний обряд: *нич зитивдь* (по Ч.М.Таксами) или лымызын зычывынды (по Л.Я. Штернбер-

гу), т.е. «порог топтать». Суть этого обряда заключается в следующем: с внутренней и наружной стороны порога ставили *нич* (котел и топор). С внутренней ставили *нич* гостя, а с наружной — *нич* хозяина. Гость переступал через свой *нич*, а затем через хозяйский и забирал его с собой. Этот обряд схож со свадебным обрядом, когда невеста переступает через котел с кремнем и забирает с собой котел, стоящий снаружи у порога.

После того как кости медведя собраны, их относят в священное место, которое называется *наню*. Туда же относят кости от жертвоприношения собак. Женщинам ходить в *наню* нельзя — *уйдь*, т.е. грех. Затем убирается вымытая ритуальная посуда, музыкальное бревно и другие атрибуты медвежьего праздника.

Важно отметить, что все члены рода, т.е. устроители праздника, принимали активное участие в организации медвежьего обряда. Каждый человек знал свои обязанности и строго выполнял их. Поэтому в подготовке и проведении праздника участвовали все сородичи.

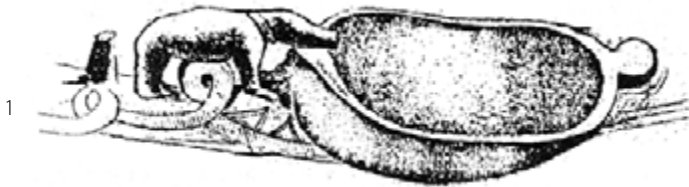
Как известно, на праздник медведя приезжало много людей из разных стойбищ, поэтому между ними происходил активный обмен информацией разного рода. Во время межродового общения главы родов договаривались о совместной весенней рыбалке, охоте на морского зверя, когда и где продавать пушнину и т.д. Таким образом, медвежий праздник помимо решения основной проблемы — соблюдения ритуального действия — был поводом для решения различных промыслово-хозяйственных вопросов, которые имели немаловажное значение для дальнейшей жизнедеятельности людей, родов. Примечательно, что наблюдая за совершением обрядов могут дети, соответствующих их возрасту. Таким образом, они не просто наблюдатели, но и соучастники совершаемого действия. На бессознательном уровне идет усвоение, приобщение и формирование мировоззрения на взаимосвязь между человеком и природой. Закладываются основные знания о совершении древних обрядов и их роли в жизни человека.

Рассмотрев подробно каждый из этапов медвежьего праздника, трудно не заметить, что он состоит из определенного количества других обрядов, которые логично и гармонично вплетаются в один большой церемониал. Во всех обрядах отражено древнее мировоззрение нивхов на окружающий их мир. Все вокруг живое: и огонь, и череп медведя, и убитые собаки, и даже невидимые духи гор. К ним обращаются как к людям с пожеланиями, просьбами, которые в иносказательной форме выражают мысль о будущем благополучии (удачной охоте), о жизни в гармонии с природой. Сделав большое жертвоприношение духам в виде медведя и собак в придачу со стрелами, копиями и т.д., древние нивхи пытались установить двустороннюю связь с невидимыми силами, которые за это потом отблагодарят их. И неважно, что медведь, которого кормили и растили 3 — 4 года, мертв, главное, чтобы душа его (*нар*) пошла по верному пути — к своему хозяину. Ведь смерти как таковой не существует, это всего лишь переход из одного мира в другой.

Традиции и обычаи народа всегда передавались из поколения к поколению. К сожалению, в настоящее время культурное наследие нивхов многих других народов Севера утрачено безвозвратно. Последствия этого процесса вызывают все более растущее беспокойство. Выросло несколько поколений, не знающих традиций своего народа, языка, истории, и, как следствие, представители этих поколений переживают глубокий кризис духовности. Не могут адаптироваться в новых, быстро изменяющихся условиях жизни. Поэтому в поисках путей национального самосознания необходимо обратить свое внимание к древнейшим истокам, к народной мудрости.

Медвежьи ковши мастера

Петр ГОНТМАХЕР, профессор

Меня всегда интересовал вопрос: кто они, амурские резчики конца XIX – начала XX веков, создававшие те многочисленные национальные предметы искусства, которые хранятся в различных музеях страны и, как правило, характеризуют свои этносы? Имя одного из них – талантливого ульчского мастера Негои – назвал С.В. Иванов.

Экспедиционно-полевые материалы, архивные документы, научные исследования различных российских музеев свидетельствуют, что ульчского резчика Негои в конце XIX – начале XX вв. знали (лично, по его работам, или по рассказам аборигенов) Л.И.Шренк, Бертольд Лауфер, Л.Я Штернберг, А.М. Золотарев, И.П. Лавров, С.В. Иванов, Ю.А. Сем, а также П.В.Лонки, П.Л. Дечули и многие другие известные ученые и деятели культуры. Вместе со мной судьбой резчика Негои интересовался в начале 1980-х годов П.В.Лонки: кто он, откуда, какие изделия изготовлял, каков его стиль в резьбе по дереву? Что удалось выяснить по этой теме, я собираюсь рассказать читателю.

Резчик Негои жил в Булаве или в одном из близлежащих стойбищ. К началу XX столетия он уже сложился как мастер, который специализировался в основном в изготовлении оригинальных ковшей для медвежьего праздника. Кроме того, он вырезал изящные ульчские ложки, игрушки и сэвэны. Судя по изделиям, хранящимся в краеведческих музеях Дальнего Востока, более всего ульчскому мастеру удавались деревянные ковши и ложки, которые специально изготавливались к празднику медведя. Одна из таких ложек хранится в Государственном музее Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. Учетные документы свидетельствуют, что ложка изготовлена в 1906 году. Ее рабочая часть выполнена в виде удлиненного, изогнутого дугой лепестка с плоской лицевой поверхностью и острым концом. Плоская рукоятка ложки имеет фигурное окончание; лицевая поверхность покрыта косыми параллельными насечками-желобками; в области соединения с рабочей частью рукоятка представляет собой узкий цилиндр с ребрами на лицевой и обо-

ротной сторонах. Ложка выполнена резчиком Негои в традиционной технике плоско-рельефной резьбы. После орнаментации она была покрыта специальным раствором, приготовленным, видимо, на основе охры, нерпичьего жира, икры, сажи и некоторых других компонентов. Другая ложка для медвежьего праздника, изготовленная Негои, хранится в Богородском краеведческом музее. По стилю она похожа на описанную ранее. Резчик с большим мастерством вырезал на ее рукояти спирально-ленточный орнамент, более мелкий, нежели нивхский. После изготовления ложка была покрыта специальным раствором.

В ГМДВ им. Н.И. Гродекова хранится еще одна ложка для медвежьего праздника работы ульчского мастера Негои. По моему мнению, она была вырезана в конце XIX века, возможно, в 1895 – 1897 годах. Рукоять ложки плоская, с фигурным концом. Ее лицевая поверхность украшена спирально-ленточным орнаментом и горизонтальными параллельными насечками-желобками поверх орнамента в технике плосковыемчатой резьбы. В области соединения с рабочей частью рукоятка представляет собой узкий цилиндр с ребрами на лицевой и оборотной сторонах.

Знакомство с изделиями Негои, анализ их формы и орнаментации – все это приводит к мысли, что он один из первых ульчских резчиков использовал некоторые технико-художественные приемы, которые применяются ульчскими мастерами сегодня. Об этом совсем не пишут, но ведь кто-то впервые использовал тот или иной прием резьбы, предложил ту или иную технику обработки дерева. Можно предположить, что Негои один из первых разработал такой технико-художественный прием резьбы по дереву, как кэдэри (название этого приема резьбы на ульчской ложке автор впервые встретил в программе детской художественной школы, основным автором которой является Д.И. Ангин). По определению Д.И. Ангина, кэдэри – это сплошная параллельная линейная неправильная резьба: двугранная с более широкой одной гранью с самостоятельной или декоративной ролью.

Много нового внес ульчский резчик Негои и в разработку приемов плоско-рельефной резьбы: контурной, линейной, двугранной, равнобедренной, двухлинейной, трехлинейной, четырехгранной, шестигранной и т.д. Мастер Негои был первооткрывателем и целого ряда ульчских традиционных растворов для заключительной обработки изделий из дерева. Одним из первых он применил технику обжига на завершающей стадии изготовления предметов ульчского прикладного искусства. Конечно, во многих начинаниях ему помогали другие мастера и ученики.

Имя Негои должно войти в золотую книгу деятелей ульчской культуры, так как он положил начало тем традициям, которые сегодня широко используют ульчские мастера, даже не ведая того, что когда-то жил и творил скромный ульч, опередивший свое время и оставивший образцы для молодых мастеров.

1. Фрагмент медвежьего ковша (по Л. И. Шренку)

2. Ложка для вынимания мяса из котла.
Рис. А. Шиповаловой, старшего научного сотрудника ГМДВ им. Н.И. Гродекова

В.Л. Самар (справа) с автором

МЕЗЕНЦЕВА Светлана Владимировна, преподаватель кафедры теории и истории музыки Хабаровского государственного института искусств и культуры. Из читаемых мной в институте дисциплин самая любимая – «История музыки Дальнего Востока». Большую радость доставляет «полевая работа»: поездки в экспедиции, общение с носителями традиционной культуры, которых, к сожалению, остается все меньше. В настоящее время работаю над кандидатской диссертацией, посвященной музыкальному фольклору (в частности, инструментальной музыке тунгусо-маньчжуров).

Погремушка из рыбьей кожи

Секреты изготовления нанайских музыкальных инструментов

Светлана МЕЗЕНЦЕВА

Коренные малочисленные народы Дальнего Востока России на протяжении всей своей многовековой истории создавали и передавали из поколения в поколение свою уникальную, оригинальную и самобытную музыкальную культуру. В связи с отсутствием до недавнего времени у коренных этносов письменности (и тем более нотописи) канули в лету многие бесценные образцы музыкального народного творчества. В то же время большая работа, проведенная историками, этнологами, музыковедами и другими учеными, позволила сохранить и донести до нашего времени многое из сокровищницы музыкального наследия аборигенной культуры. Некоторые явления аборигенной культуры бытуют в наше время лишь в концертной деятельности, утратив свои исконные обрядовые или бытовые функции. К большому сожалению, сбывается предостережение В. К. Арсеньева о том, что скоро придет время, «когда этнографы, лишившись живых видимых источников, должны будут, подобно историкам и археологам, пользоваться вещественными остатками для воссоздания быта, уже не существующего».

Народная инструментальная музыка и музыкальные инструменты — одна из составляющих культуры народа, отражающая специфику мышления этноса. Национальные музыкальные инструменты являются бесценными памятниками, проливающими свет на традиционную бесписьменную музыкальную культуру этносов. К музыкальным инструментам коренного населения российского Дальнего Востока относятся губной варган (дугообразный металлический и пластинчатый деревянный), так называемое «звуковое бревно», некоторые шумовые инструменты (пояс шамана с металлическими подвесками, колокольчики, бубенчики и т.п.), различные виды погремушек, шаманский бубен с колотушкой, струнные инструменты (в частности, монохорд, получивший наибольшее распространение), различные виды духовых инструментов (флейты, дудочки, свистки, манки), свободные аэрофоны и т.п.

В процессе эволюции некоторые музыкальные инструменты вышли из употреб-

ления, уступая место новым, другие дошли до наших дней в неизменном виде. Многие инструменты видоизменялись и совершенствовались в результате историко-культурных контактов, приспособлялись к социальным и эстетическим потребностям человека. Каждый музыкальный инструмент обладает своим особым тембром, определенным звуковым диапазоном, динамическими и техническими возможностями и т. д. Качество звучания инструмента обусловлено как объективными факторами (материал изготовления, конструкция, форма, сила натяжения мембраны или струны и др.), так и субъективными (манера игры, способы звукоизвлечения исполнителем).

Важнейшей составляющей изучения любой инструментальной музыки является изучение особенностей музыкальных инструментов: их конструкции, материала изготовления, строя, исполнительских качеств, способа бытования и пр. Но не менее важно для глубокого познания специфики инструментального творчества этносов постигать и особенности изготовления инструментов народными умельцами. Ведь сотворение музыкального инструмента — это целое искусство со своими тайнами и секретами, которые безвозвратно уходят вместе с народными мастерами и — шире — с целыми исчезающими этническими культурами. Совсем не много осталось народных исполнителей национальных инструментальных наигрышей, мастеров изготовления национальных музыкальных инструментов. Об одном из таких редких людей хотелось бы рассказать.

Живет в городе Хабаровске уникальный мастер изготовления нанайских музыкальных инструментов Валентин Лукич Самар. Родился он в 1945 году в селе Дзундэ Комсомольского района Хабаровского края. Валентин Лукич — десятый ребенок в семье, самый младший. Он получил профессиональное ювелирное образование — закончил художественно-графическое отделение Хабаровского государственного педагогического института (ныне — педагогический университет).

Не простыми людьми были предки Валентина Лукича: отец и брат отца в свое время были шаманами. Поэтому не понаслышке знает мастер особенности изготовления шаманских атрибутов, бубна и других национальных музыкальных инструментов. Валентин Лукич поделился своими секретами изготовления некоторых нанайских музыкальных инструментов.

Так, самая простая погремушка традиционно изготавливается из желудка или

воздушного пузыря сома, которые надувают и оставляют до полного высыхания. Затем, насыпав внутрь рис, горох, мелкие речные камешки, ракушки и т.п., желудок или пузырь привязывается нитками к палочке, которая служит рукояткой.

Для изготовления нанайской погремушки из рыбьей кожи Валентин Лукич берет несколько слоев бересты шириной 4–5 см длиной 30–35 см, складывает в форме круга и склеивает. Причем бересту надо собирать в тайге в строго определенное время: во время цветения черемухи в конце июня (в течение всего одной недели). На получившийся обод с обеих сторон натягивается мембрана — кожа соленой рыбы (осенней кеты или сазана). Предварительно кожа очищается от чешуи, вымачивается в растворе уксуса с солью в течение нескольких часов и выделывается тканью. Затем натянутая кожа закрепляется на ободке, намазанном рыбьим клеем в местах соединения с кожей. Снаружи кожу обвязывают крепкими нитками и оставляют высыхать на несколько часов. Внутри погремушек кладется рис (он хорошо впитывает влагу). Горох придает инструменту более гулкий и низкий звук. Так же внутрь можно положить мелкие речные ракушки, камешки, бисер. Качество звука зависит от материала, формы, наполнения инструмента, а также силы натяжения мембраны.

К получившейся погремушке мастер приделывает деревянную рукоять (например, кедровую). Существует три способа

Нанайская погремушка из рыбьей кожи.

В. Л. Самар.

Кедр, кожа осенней кеты, наполнитель — рис.
Из личной коллекции автора.
Хабаровск. 2004
(фото автора)

Нанайский бубен
шамана.

В.Л. Самар.

Ясень, кожа дикой козы,
капроновые нити,
металлическое кольцо.
Из личной коллекции
автора.
Хабаровск. 2004
(фото автора)

крепления рукояти: 1) снизу к погремушке, 2) двумя частями — рукоять снизу к погремушке и «наконечник» сверху напротив рукояти и 3) насквозь через погремушку. Последний способ крепления ручки придает дополнительное звучание погремушке, т.к. рис или горох (или иное наполнение) во время игры (встряхивания) ударяются не только о мембрану (натянутую кожу рыбы) и обод, но и о часть рукояти, находящейся внутри инструмента. Длина рукояти обычно составляет около 8–12 см. Рукоять может иметь расширение книзу; если она сквозная (или имеется «наконечник»), то в ее верхней части символически может быть вырезано изображение духа. Верхний слой бересты на погремушке часто украшается национальным орнаментом. Орнаментирована может быть также и рукоять.

Процесс изготовления хорошего бубна — это целое искусство и доступно оно не каждому. Так, чтобы изготовить основу этого инструмента — обод, на который в

дальнейшем натягивается кожа, нужно поехать в тайгу и найти молодой ясень. Выбор этого дерева Валентин Лукич объясняет его гибкостью, прочностью и фоновыми качествами. Для обода бубна используется часть ствола длиной примерно 4 м, диаметром 5–6 см. Ствол сворачивается в нужную форму: яйцеобразную, овальную или круглую, закрепляется веревками, срезается и оставляется высыхать на длительное время (примерно на один-два месяца). Затем ствол обрабатывается, по всей окружности обода вырезается углубление, служащее дополнительным резонатором инструмента.

Мембраной для бубна служит обычно кожа животных или рыбы. Валентин Лукич для этих целей использует кожу диких животных (козы, кабарги). Кожа изнеженных домашних животных, по мнению мастера, не имеет необходимых качеств. Выделывание кожи — процесс долгий и довольно трудоемкий. Предварительно кожу нужно замочить в растворе уксуса с солью, герметично закрыть и оставить на неделю. При жаркой погоде сроки замачивания сокращаются. Затем кожа выделывается. Валентин Лукич мастерски выделывает кожу до прозрачного состояния, но при этом она не теряет своей прочности!

На следующем этапе Валентин Лукич вырезает форму из доски для того, чтобы натянуть на нее кожу и отрегулировать качество звучания и будущее натяжение мембраны на ободке. Традиционно нанайский бубен имеет яйцевидную или овальную форму (так называемый «амурский тип»), хотя, конечно, мастер может изготовить и круглый бубен.

Высохшая кожа снимается с формы, слегка промазывается «рыбьим клеем» (из воздушного пузыря калуги или осетра) для придания будущей мембране прочности. На подготовленный заранее обод с одной стороны натягивается кожа и закрепляется. С обратной стороны бубна крестообразно прикрепляется ручка из четырех кожаных ремешков, объединенных в центре металлическим кольцом. К бубну прилагается деревянная колотушка (чаще всего из лиственницы), обтянутая кожей (комус) сохатого.

В этом году Валентин Лукич отметил свой 60-летний юбилей, думается, столь внушительная дата удивит многих его знакомых — такой удивительный заряд бодрости и положительной энергии излучает этот человек. От всей души хочется пожелать ему здоровья, творческого долголетия и продолжения традиций!

Итэн Росугбу – человек из легенды

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора и из семейного архива семьи Т.М. Еюка

История коренных малочисленных народов Приамурья сложилась из множества легенд и преданий. Их корни проросли в такие глубины древности, что действующие образы давно приобрели черты сказочных героев, чьи подвиги почти нереальны. А как еще воспринимать охотника, который с помощью стрел убил два солнца, испепеляющих землю своими лучами, или рыбака, ловко уходящего на своей оморочке от быстрого и коварного пуймура – огромного водяного змея?

Но есть и другие легенды, которые сегодня можно услышать на Амуре. К примеру, о дедушке Гитака, который до конца 1980-х годов жил в Булаве и слыл ульчским дедом Мазаем. Говорили, что все добрые духи природы были на его стороне и отводили беду. Гитака Ангин родился в стойбище Аури в 1904 году, жил как и все его сородичи, занимаясь охотой и рыбалкой. Но в 1938-м машина репрессий добралась и до этого небольшого стойбища: Гитака арестовали и увезли в Николаевск-на-Амуре. Что уж там пытались поставить в вину неграмотному и практически не говорящему по-русски ульчу, теперь уже не узнать. Но произошло чудо: Гитака продержали несколько месяцев в тюрьме и отпустили. «Свободен!» И он пошел домой. Сквозь холодную ноябрьскую тайгу, в легкой одежке, без оружия и спичек, не зная дороги. Его сородичи искренне потом удивлялись, как Гитака выжил, не замерз за несколько дней пути, не умер с голоду? И в который раз убеждались: да, сама природа помогала ему. Позднее Гитака Ангин ушел на фронт, участвовал в боях, но вернулся без единой царапины. Воспитывал детей, нянчил внуков. Он оставил после себя хорошую память и эту легенду. Спустя много лет художник из Булавы Иван Павлович Росугбу, тоже родом из Аури, сделал деревянную скульптуру «Дух Гитака возвращается». Он подарил ее внучке ульчского деда Мазаю Елене.

Но если легенды о Гитака появились уже после его смерти, то об Итэне Росугбу их складывали еще при жизни. А после трагической гибели в 1937 году он стал человеком-легендой. Может быть, через много лет кто-то сложит красивую сказку о храбром и мудром Итэне, но в основе будет реальная, непридуманная судьба. Потому что еще есть люди, которые его помнят. В Булаве живет Татьяна Михайловна Еюка, старшая дочь Итэна Росугбу. Когда она рассказывает об отце, кажется, что лента времени мгновенно отматывает девяносто лет назад и история начинается вновь.

Фрагмент семейной фотографии. Слева Итэн Росугбу, за его спиной дочь Т. М. Еюка, справа – младшая жена. 1936

Итэн тоже родился в стойбище Аури. Это там, где расположено одно из культовых мест аборигенов Приамурья – Ауринский утес. На фоне своих родных братьев он казался великаном, был самым сильным и удачливым. Жил вместе с родителями, двумя своими женами и детьми. Татьяна Михайловна помнит бабушку с дедушкой и большой дом, где всем хватало места. Из десяти ребятишек Итэна выжили только трое. Татьяна Михайловна оказалась старшей. Может, оттого что не осталось сыновей, была она первой отцовской помощницей. Итэн учил ее сети ставить, дрова пилить, лунки для зимней рыбалки долбить, лодкой управлять. Словно предугадал, что впереди у его любимицы тяжелая жизнь. Вообще отец был немногословным, но что скажет – закон. Не кричал, руки не поднимал ни на жен, ни на детей, что в те времена скорее было исключением. И никогда не сидел без дела. Вернется с охоты, передохнет и, глядишь, уже сетки вяжет или плотничает. Он частенько брал Татьяну с собой, и благодаря этому она стала свидетелем реальных «чудес» Итэна.

Отправились как-то на рыбалку. Через какое-то время отец стал сетку тянуть и вдруг резко говорит дочери: «Сиди тихо!» Оказывается, он заметил огромного сома. В те времена они водились в поросших травой и тальником заливах и представляли реальную опасность: двигались молниеносно и, как тогда говорили, пожирали людей (чем не прототип водяного змея – пуймура?). Нужно было как можно скорее выбираться из залива к Амуре, потому что там, на песчаном берегу, сом становился неповоротливым. И богатырь Итэн поступил очень просто: поставил лодку вместе с дочерью и скарбом на плечо и перенес ее через заливчик. Девочка даже сообразить не успела, что произошло и какая беда им грозила.

Вообще силище Итэна можно было только удивляться. Татьяна Михайловна помнит, как однажды они ходили

Т. М. Еюка

к одному из дальних озер. Она собирала ягоды в чумашку, а отец ушел в лес. Через какое-то время смотрит, возвращается Итэн и легко несет на плечах тушу большого оленя. Словно бы там, в лесной чаще, у Итэна собственное стадо водилось — пришел и взял необходимое. Так, во всяком случае, с улыбкой говорили его родные. Бывало, зимой в одиночку месяц-два охотится, а потом возвращается с полными нартами мяса и пушнины. Ловкий был, отчаянный. Ходил как-то со своими соплеменниками на озеро Кизи и заметил медвежонка. В те времена ульчи их отлавливали, выкармливали несколько лет, чтобы потом совершить особый ритуал-жертвоприношение. Так вот, медвежонок быстрый, а Итэн — еще быстрее. Бросился догонять косолапого, а товарищи кричат вслед: «Осторожней, медведица совсем рядом!» Но разве Итэна испугать? Поймал медвежонка и вернулся назад.

А еще в Булаве можно услышать такую историю. Это уже когда в Аури организовали колхоз и повезли сдавать улов в соседнее село. Тяжело груженную повозку вместе с другими рыбаками сопровождал Итэн. По дороге телега застряла, лошадь рвется, силы теряет. Итэн долго не раздумывает: впрягается в повозку и один вытягивает груз!

Говорили, что хозяйева реки и тайги всегда помогали человеку-легенде. Да и сам он это понимал. С благодарностью принимал благосклонность духов, усердно молился, обычаи соблюдал, не нарушал табу. В доме Итэна стоял масы — деревянный идол, что-то вроде домашнего оберега. Правда, с приходом советской власти эти атрибуты ста-

рались не афишировать. «Стеснялись», — говорит Татьяна Михайловна.

Новая власть мало что изменила в жизни Итэна. Он также рыбачил и охотился, только уже в составе колхоза. Единственное новшество — вняв «требованиям общественности», он отрезал свою длинную косу. Старшая жена сильно бранилась тогда.

В комнате Татьяны Михайловны, на стареньком комод, стоит большая семейная фотография. Снимок 1936 года запечатлел большую семью Итэна. В центре сидит хозяин, по его правую руку старшая жена, по левую — младшая. За спиной отца, как за каменной стеной, стоит Татьяна. Это первая и последняя фотография в жизни человека-легенды. Через год история утратила сказочные черты. Итэна арестовали и объявили японским шпионом.

В этот момент Татьяна Михайловна была в Николаевске-на-Амуре, куда ее делегировали от колхоза Аури на съезд «Межрыбаксоюза». Прямо с заседания ее забрали в милицию и долго задавали один и тот же вопрос: что она знает о японских связях отца?

— И кто придумал, что наши были связаны с японцами? — недоумевает Татьяна Михайловна. — Они и по-русски-то плохо говорили. Кто-то один поднес спичку, и вспыхнуло пламя. Это было русское слово — «враг народа»...

Татьяну Михайловну отпустили, но ее заверения о невиновности отца не помогли. Итэна больше никто не видел. Северные духи тоже оказались бессильны. Родные еще долго надеялись (ведь кого-то из арестованных отпускали!), обращались к шаману, но тот сказал, что Итэна нет в живых. Тогда стали готовить похоронный обряд. По ульческому обычаю нужно обязательно помочь душе найти дорогу в мир мертвых. Для этого каждый месяц родственники устраивают поминки, а через год — окончательные проводы с ритуальным костром и шаманскими камланиями. Человек-легенда ушел в мир своих предков.

Семье Итэна, потерявшей надежного кормильца, досталась горькая доля. И дело не в том, что жить стали бедно и трудно. Несколько лет несли клеймо «врагов», не имея никаких прав. Даже в клуб не пускали. Потом, правда, «простили», но горечь не проходит до сих пор.

Они так и жили все вместе: две жены и дети. Младшая жена, Вера, мама Татьяны Михайловны, долго ухаживала за старшей, когда та тяжело заболела. Потом похоронила ее на старом ауринском кладбище. Татьяна вышла замуж, родила пятерых детей и очень рано овдовела. Тянула на себе всю семью, вспоминая уроки отца. Все время отнимала тяжелая работа, и потому она занялась национальной вышивкой, будучи уже в возрасте. Видимо, природа наделила ее талантом, потому что орнаменты Татьяны Еюка высоко ценят дальневосточные искусствоведы, а ее изделия хранятся в музейных коллекциях.

Когда на Аури закрыли колхоз, жители вынуждены были перебираться в Булаву. Бросали дома, покидали родную землю. Татьяна Михайловна вместе с мамой уехали последними. Сын Гоша все удивлялся: «Вы что, корнями тут приросли?» Он, Гоша, удивительно похож на Итэна — все это подтверждают. Такой же плечистый, сильный, заботливый. Словно бы человек-легенда воплотился в своем внуке.

Татьяна Еюка призналась, что очень тоскует по Аури. В своих снах она все еще там живет, ходит босиком по склонам, поросшим можжевельником и чабрецом, занимается домашними делами. И ждет отца, который просто ушел на промысел и вот-вот должен вернуться с богатой добычей. Так заканчивается эта легенда.

Скатерть-самобранка сурового Лана

Игорь МЕРКУШЕВ,

преподаватель иностранных языков

Рисунки Андрея АВЕРЬЯНОВА

— Знаешь ли ты страну, в которой убивают Деда Мороза на Скатерти-Самобранке, его брата Ла?

— Конечно, я не знаю такую страну, — скажешь ты. — Да и в мире существует два Деда Мороза: наш русский Дед Мороз и Санта-Клаус. Во всех странах принимают подарки от Санта-Клауса и Деда Мороза.

— За что же его убивают?

— А я нашел нашего дальневосточного Деда Мороза, нашего земляка, которого зовут Ады или Арии, но они похожи друг на друга как братья-близнецы.

— Что они, двойняшки?

— Можно сказать, что да. И они, дальневосточные Деды Морозы, отличаются от всех нам известных: русского Деда Мороза и Санта-Клауса. «Чем же они отличаются?» — спросишь ты. Прежде всего, и существенно, тем, что им приносили и приносят жертвоприношения: подарки, шкуры, чтобы они шили себе одежду и обувь, угощают их юколой, в жертву приносят собак и дают им выкурить Трубку Мира, чтобы они успокоились, не бушевали, не сильно морозили, не выюжили.

А еще их отличает то, что они женаты, имеют детей и огромную родню, и то, что они живут родовым строем, устраивают прекрасное северное сияние, развлекая в глубокой древности и сейчас людей, показывая им чудесные природные явления: удивительные по красоте северные сияния.

Человек в древности проявлял целую гамму чувств, забавлял Ады и Арии, принося в жертву собак, кормил их юколой или вешал сырую рыбу для просушки на их чанги, таки, которые охраняли от зверей и птиц их (морозов) огромные собаки, а рыбы в дальневосточных водоемах было так много, что ее хватало не только для кормления и жертвоприношения Хозяину Огня — Тугур-ысу, Хозяину Леса и Гор — Пал-ысу, Хозяину воды — Тол-ысу, для кормления душ умерших и для кормления различных тотемов и во многих других случаях.

Дальневосточные топонимы (географические названия) для тебя, мой друг и земляк, находятся словно под шапкой-невидимкой: ты ведь не можешь перевести названия на карте Дальнего Востока на русский язык. А эти названия очень интересны, информативны, они своего рода фотокопии, слепки тех далеких времен, и могут показать, как жил древний человек, о чем думал, как воспринимал окружающий его мир. Почему он так точно дал название тем или иным объектам? Ведь для точных названий нужны современные научные знания, такие, как картография, геодезия, аэрофотосъемка и многие другие.

— А какие названия ты хотел бы мне назвать, о которых я ничего не знаю и которые могли бы привлечь мое внимание или внимание моих друзей?

— Я бы мог назвать очень многое, например, река «Жертвоприношение Злому Водяному», река «Вешала для просушки юколы, охраняемой собакой Лана», «Заездок для ловли рыбы Лана», «Селения Северного Низового Деда Мороза у Нерестилища».

— Что, действительно есть Селение, где живет наш дальневосточный Дед Мороз?

— Да, конечно. Зимой температура опускается здесь до 60 градусов ниже нуля, и это действительно подтверждается многочисленными научными наблюдениями и таблицами температур. Но эти названия даны человеком каменного века, возможно, тысячелетия назад. И тем не менее он сумел определить, что это самое холодное место на Скатерти-Самобранке Деда Мороза. Но Скатерть эта принадлежит его брату, которого зовут Ла (или Лан).

— А что, у дальневосточного Деда Мороза есть брат?

— Да, и не только брат, а многочисленная родня. Самым главным у них Ла-ыс — Хозяин всех Ланов, да и одно из названий нашей азиатской реки — Лаэри, то есть река Ла, или Амур, связано с его братом. Хочешь, я назову село и покажу дом, в котором живут наши земляки Деды Морозы Ари и Ады, покажу деревню, в которой они живут, и дом, людей, которые приносят им жертвенную пищу в виде собак, шкур животных. И как они, древние люди, заряжая стрелы, прикрепляли к ним пучки подожженного табака, чтобы наши Деды Морозы, которых звали и зовут Ады и Арии, выкурили Трубку Мира и успокоились, а не бушевали, не выюжили, не морозили людей. Ну что, ты мне веришь?

— Что-то сомнительно, чтобы это было правдой.

— Тогда я сошлюсь на крупного ученого, который был свидетелем стрельбы из лука в дальневосточного Деда Мороза Ады. Я не хочу тебе сейчас же показать деревню и дом наших земляков Дедов Морозов, которых зовут Ады и Ари, я уже говорил тебе, что они близнецы-братья (народ, который дал многие названия на Дальнем Востоке, говорит на двух диалектах-наречиях — амурском и сахалинском). По одному наречию их имя Ады, по другому — Ари. Далее отличие их от известных Деда Мороза и Санта-Клауса еще в том, что они, наши дальневосточные Деды Морозы, женаты. Их жен зовут Адыумгу и Ариумгу, то есть жена Ады и жена Ари. Вообще я хотел бы, чтобы ты, мой уважаемый читатель, сам догадался, где же эта загадочная Скатерть-Самобранка, отыскал бы село и дом, в котором живут Деды Морозы, показывают прекрасные северные сияния, рыбачат, охотятся, выходят на высокобортных лодках в море для добычи морского зверя или для морских путешествий.

— Скатерть-Самобранка Лана — это сказка?

— Нет, это место реально существует на нашем российском Дальнем Востоке и не менее интересно, чем достопримечательности Египта или других стран.

— А ты что, там был?

— Может быть, и ты был, мой уважаемый читатель, но не знал, что это место именно так переводится на русский язык. А я не только был на этой Скатерти-Самобранке, но и жил, заканчивал там среднюю школу.

Я тебе говорил, что эта земля очень огромна и богата, хотя она еще до сих пор принадлежит Лану и он часто устраивает там трапезу со своей многочисленной родней и, конечно, с нашими дальневосточными Дедами Морозами.

— Ты совсем сбил меня с толку. Что это, реально существующая Скатерть-Самобранка, на которой даже есть селения?

— Еще раз говорю, что это действительно так. Ады и Ари

поселились на скатерти, которая принадлежит их брату Ла.

— Скорее покажи мне эту Скатерть-Самобранку, чтобы там хорошо поесть и попить.

— Но ее охраняет огромная Собака Лана, которая живет в горах.

— А я принесу ей кусок мяса, и она пропустит нас на Скатерть-Самобранку.

— Но эта Собака очень огромных размеров, и чтобы заткнуть ей пасть пищей, накормить ее, нужно много-много оленей и другого корма или юколы, которую заготавливает Ады для себя и Собаки Ла в огромных количествах. И село его не случайно называется «Селение Северного Деда Мороза у Нерестилища», сюда в огромных количествах, повинаясь биологическому инстинкту, на нерест идут огромные стада вкусных и жирных рыб, которые он, Ады, вешает на чанги и хассы на зиму, о чем свидетельствуют многочисленные названия, рассказывающие о деятельности Дедов Морозов. Вот они: Лантар — водное пространство, примыкающее к берегу Ла; река Кадылани — буквально «Река, по которой Ла движется вниз».

— А что он, человек?

— Суди сам: «Магдалан» — «Ла причаливает к берегу и обрабатывает рыбу», река Таккилакан — «Вешала для просушки юколы, охраняемой Собакой Ла». А река Тукилан — «Топор Лана», а рядом река Лаки — «Башмаки Ла». Я могу привести и другие названия братьев Ады, но сейчас ограничусь теми, которые, по моему мнению, приведут тебя к Скатерти-Самобранке Ла, а на ней ты найдешь и Селение Деда Мороза у Нерестилища, и проверишь по термометру, измерив всю Скатерть, что именно здесь, где живет Ады, самое холодное место зимой.

А сейчас посмотрим на одно из имен реки Амур, а именно Ла-эри — так нашу реку называли люди, населявшие Дальний Восток в каменном веке. И ты должен догадаться, кто же такой брат Ады и другая его родня. Почему же древние люди назвали реку Амур таким красивым и звучным именем Ла-эри. Эри — река, следовательно, Ла-эри — река Ла (Лана).

— А кто же он такой?

— Судя по названиям, приведенным выше, он антропоморфный, то есть человекоподобный, не так ли? Дальше, чтобы узнать, кто он и где его реки, долины, горы и где сама Скатерть-Самобранка Ла, на которой живут близнецы Деды Морозы, я расскажу тебе следующее. В древности женщины в любое время года рожали не дома, а в ланрафах, то есть в домах Лана, а взамен, выражаясь современным языком, за аренду своих домов для рожениц он требовал у людей родившегося ребенка.

— И что, женщины отдавали ему на съедение своих новорожденных?!

— Ни в коем случае! Как я тебе уже говорил, мужчины приносили жертвоприношения, выкуривали Трубку Мира и, в самом крайнем случае, стреляли или били его. У этого племени сохранилось даже название «Ла хадь» — убивать Ла (Лана), «Ла задь» — бить Ла (Лана). Со своим родовым Ла люди этого племени могли договориться, задобрить его, накормить, подарить шкуры, дать покурить табак, но мог ведь прилететь и чужеродный Ла (Лан) и съест родившегося ребенка. Так, во всяком случае, думали древние люди. Чтобы обмануть чужеродного Ла (Лана) и не отдать ему родившегося ребенка, старухи-повитухи отдавали Ла (Лану) не самого ребенка, а «детское место», то есть плаценту. Повитухи натыкали плаценту на шесты и уносили в лес, чтобы она не досталась ни зверю, ни птице, а только Лану за «аренду» его жилищ — ланрафов.

Иногда чужеродный Лан превращался в Лавадыра и творил такие безобразия, что люди надолго запоминали его нечеловеческую силу.

— Так кто же он такой и почему Ады — Дед Мороз — его родня?

— Когда он превращался в Лавадыра, буквально «Время, Когда Ла (Лан) Дрался», то есть когда он брал в руки свой топор, то все живое убегало и пряталось от него. И человек, конечно же, боялся его, но вступал с ним в дипломатические отношения, принося в жертву собак, шкуры животных и сушеную рыбу. Но если он все-таки не успокаивался, древний человек брал лук и стрелы и убивал его, чтобы он не буянил. Надо отметить, что и сейчас представители этого племени стреляют в него из огнестрельного оружия.

— Но ты говорил, что Ла (Лан) имеет Скатерть-Самобранку?

— Да, я это говорил и подтверждаю, что у него есть очень интересные вещи и среди них — Скатерть-Самобранка. Она могла бы накормить все население Дальнего Востока. Конечно, тебе трудно найти такое название, как Скатерть-Самобранка Ла. Она имеет несколько названий, а именно: Ых-Миф (буквально — Конец Земли). А ты знаешь, где этот Конец Земли? Никто не знает, а аборигены, назвавшие это место, знают. Второе название — Лер-Миф — Плавающая Земля. Наверное, последнее название наводит на правильную мысль, что Плавающей Землей может быть какой-то остров.

— Какой же?

— Остров Сахалин или Сахалаин. Здесь пропущена на карте одна буква, а именно «а», тогда получается САХА-ЛАИН. Ну а где же Скатерть-Самобранка, спросишь ты меня, мой уважаемый земляк? А вот она, расстилается прямо перед тобой. Эта Скатерть-Самобранка при разумном хозяйственном подходе могла бы не только накормить население Дальнего Востока, но и одеть, обуть, обогреть. А ее кровь «мифнгар» — кровь земли, то есть нефть, способна зарядить моторы машин, кораблей, самолетов и военную и гражданскую технику.

— И все-таки я не вижу никакой Скатерти-Самобранки!

— Тогда слушай и читай, мой дорогой друг и земляк: Саха-питьевая вода, Ла — ветер, Ин — пища. И что же получилось? Питьевая вода и пища Ла (ветра). Да, действительно, какой только пищи не было на этом чудо-острове. Целые стада кеты, горбуши, семги, тайменя и других ценных пород рыб переполняли ее реки. А сколько зверя морского, лесного, птиц, разнообразных растений. А полезных ископаемых, спрятанных в недрах, — чуть ли не вся таблица Менделеева. Вот она — настоящая Скатерть-Самобранка Лана.

— А почему ты говорил, что Скатерть может стряхнуть меня и моих друзей?

— Ты еще не догадался, мой друг? Этот остров находится в сейсмически активной зоне, и там часто бывают землетрясения, и люди гибнут от этой стихии. Древние люди били землю дубинками, чтобы она не тряслась.

— А что за Собака, которая охраняет Скатерть Лана?

— Найди на острове гору Балаган — Горного Ветра Собака. Всмотрись!

— Да, действительно похоже на собаку.

— А где же обещанный дальневосточный Сахалинский Дед Мороз?

— А вот, в центре острова Сахалаина, найди и прочти Адотымово (правильно Адытымово), где температура зимой доходит до минус 54. Арип'рыф (Адып'рыф) — дома дальневосточных Дедов Морозов, которые делают северное сияние. А когда из дома выходят их жены Адыумгу (Ариумгу) и танцуют, наступает пурга, и падают-падают снежинки, напоминая нам о том, что не только мы знаем Деда Мороза, Снегурочку и Метелицу, но и совершенно другой народ, к которому пришли наши соотечественники — первопроходцы и первооткрыватели. Они шли навстречу Солнцу и узнали здесь Страну Трех Солнц.

Галина Егошина,
искусствовед, главный
специалист Управления
Росохранкультуры по
ДФО

Увидеть старинную икону Богоматери «Бысть чрево твоё святая трапеза» – редкая удача для коллекционера и исследователя. Далеко не каждый музей может похвастаться, что в его собрании присутствует этот редкий сюжет. Достоверно известно, что подобный образ, созданный неизвестным автором XVIII столетия, хранится в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии.

«Бысть чрево твоё святая трапеза...»

Мне посчастливилось встретить такую икону в частной коллекции одного из жителей нашего города. Это икона первой половины XIX века, написанная на деревянной доске темперными красками по старинной технологии.

Иконография (основные типы и правила изображения определенного лица, события или сюжета) иконы «Бысть чрево твоё святая трапеза» довольно сложная. Развивался этот иконографический тип постепенно, обогащаясь все новыми и новыми символическими деталями.

В основе этого сложного и многозначного образа – Богоматерь «Великая Панагия» или «Оранта», представленная в рост, фронтально, с молитвенно воздетыми руками. На ее груди золотой медальон с полуфигурой Христа – Спаса Еммануила, который тоже распростер руки в благославляющем жесте. Большое сходство с этой иконой имеет особо почитаемая на Руси Богородица «Знамение» с молитвенно воздетыми руками и Богомладенцем, «явленным на лоне». Такое символическое изображение младенца Христа роднит «Знамение» с Благовещением.

Икона, именуемая «Бысть чрево твоё святая трапеза», отличается от «Знамения» тем, что Богомладенец (Спас Эммануил) помещен в стоящую на престоле чашу – символ евхаристии (святого причастия). Престол находится в храме, об этом мы догадываемся по наличию архитектурных деталей: купола и колонн.

Попробуем перевести иконные символы на современный русский язык. Это поможет нам понять глубинный смысл образа. Поверх плата (мафория) голова Богоматери покрыта короной. Это значит, что перед нами «Царица небесная». Руки Девы Марии молитвенно воздеты: она молит своего божественного сына за человеческое племя. Этот жест – знак вечной молитвы Пресвятой Девы, несущей миру надежду и защиту.

Спас Эммануил чудесно явлен на лоне Богородицы. Это момент Благовещения, когда Пресвятая Дева узнает от архан-

гела Гавриила благую весть о том, что в её чреве Богочеловек. Евхаристическая чаша на престоле (алтаре) символизирует Святое Причастие – кровь и плоть Иисуса Христа, его святую жертву во имя освобождения человека от мерзости первородного греха. И, наконец, символическое изображение храма – «земной церкви» – единения всех православных верующих.

Первой такой иконой была знаменитая византийская «Богоматерь Никейская» (по названию малоазиатского города Никей, где она прославилась).

Новое название она получила в 325 году по решению I Вселенского собора, когда отцы церкви постановили петь перед этой иконой: «Бысть чрево твоё святая трапеза».

Русская икона, названная «Бысть чрево твоё святая трапеза», отличается от своего византийского прообраза наличием архитектурных деталей и изображением Святого духа в виде слетающего с небес голубя. На иконе из Церковно-археологического кабинета Московской духовной академии он помещен в левом верхнем углу, на нашей – на ободке нимба Богоматери.

Чудом сохранившаяся икона из частной коллекции хабаровчанина поражает своими яркими красками: сочетанием вишневого, малинового, золотистого и зеленого цветов. Такое цветовое решение роднит ее с традициями поморских иконописцев-старообрядцев. Достаточно сравнить хранящуюся в Государственном историческом музее старообрядческую икону XIX в. «Спас Благое молчание» с описываемой, чтобы обнаружить соответствие цветовых соотношений, манеры письма лика, близкой к квадрату формы, цвета опуши (цветовой обводки по краю доски и средника).

В XIX веке, когда новообрядческие церкви были наполнены близкими к светскому искусству «живоподобными», плотскими образами, иконописцы-старообрядцы сохраняли древнее благочестие в иконе, следуя старинным традициям темперного иконного письма.

Икона Богоматери «Быть чрево твое святая трапеза».
Россия, 1-я половина XIX века. Из частного собрания

Икона Богоматери «Великая Панагия» (Оранта).
Первая треть XIII века, Владимиро-Суздальская Русь (Ярославль). Из собрания Государственной Третьяковской галереи

Большое значение придавали старообрядческие мастера использованию золота в иконе. Ведь золото — символ фаворского, божественного света. Иконописцы вызолачивают сусальным золотом фон и обильно украшают твореным (растворенным в квасцах) золотом оживку одежд, выполняя ее легкими ломкими линиями.

Все это тесно связывает нашу икону с творчеством иноков Выговской пустыни — духовного центра старообрядчества в XVIII — XIX веках. Выговская пустынь — поселение старообрядцев-поморцев, расположенное на реке Выг, северо-восточнее Онежского озера, в глухих непроходимых лесах, окруженных болотами.

Выговское общежитие, включавшее мужской и женский монастыри, а также крестьянские села вокруг, было основано иноками-старообрядцами из северных монастырей.

В 1702 году императору Петру I донесли о существовании раскольников монастыря, но царь повелел: «Пусть живут», — и приказал приписать старообрядцев-пустынников к Повенецким железным заводам.

Здесь, вдалеке от мирских соблазнов, от влияния «просвещенной» Европы продолжали развиваться традиции русской духовности, сохранялась с донионовских времен преемственность искусства.

Выговские монахи считали себя последователями иноков Соловецкого монастыря, известного своим открытым выступлением против никоновской реформы. Восемь лет, с 1668 по 1676 гг., выдерживал Соловецкий монастырь осаду царских войск.

Именно монахи с Соловков организовали в пустыни главные мастерские: меднолитейную, иконную, книжную, переплетную и др.

Славилась пустынь и собирательством, сюда везли старообрядцы со всех концов страны старинные образа, книги и ризы. Монахи-наставники собрали богатейшую библиотеку, в которой было представлено все письменное наследие Древней Руси, включая уникальные памятники житийной литературы.

Не менее значимым было и иконное собрание, позволившее на основе традиций различных иконописных школ Древней Руси выработать свой собственный поморский стиль, который мы видим и в декоре рукописных книг, и в иконах, и в росписи посуды, и в меднолитых произведениях. Но о них речь пойдет в следующей статье, посвященной творчеству мастеров-старообрядцев.

Икона «Благовещение Устюжское». 30-е годы XII века, Новгород. Из собрания Государственной Третьяковской галереи

Икона «Спас Благое молчание». Поморское письмо, XIX век. Из коллекции Государственного исторического музея

Юрий Федоров по образованию физик, но рядом с сугубо научной линией жизни всегда проходила творческая: он рисовал, увлекался резьбой по дереву, кости, перламутру, металлу. Переломный момент наступил, когда увидел в музейной коллекции древние резные иконы и кресты. Они потрясли. Тогда-то и начался путь художника. Стал самостоятельно изучать византийское и русское искусство, прошел четырехгодичный курс обучения в рисовальных классах института И.Е. Репина и, как самый важный шаг, пришел в Церковь. А дальше — случай, определивший судьбу, или, как говорит Юрий Анатольевич, Божий промысел. Одну из ранних работ Федорова — резную панагию — показали Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Антонию (Мельникову), истинному знатоку и ценителю церковного искусства. И с той поры владыка стал постоянным заказчиком Юрия Федорова: часть работ оставалась в коллекции митрополита, часть — служила подарками иерархам церкви. К слову, одна из панагий Федорова была сделана в дар Патриарху Пимену.

Когда Юрию Федорову задают вопрос, кто же он прежде всего — мастер, художник или писатель, — он отвечает так: «Прежде всего — христианин, а в смысле профессии — церковный художник».

Начиная с эксклюзивных произведений в области мелкой иконной пластики, Федоров постепенно пришел к серийному производству. «Сейчас, когда потребность в церковных вещах у людей очень большая, я считаю своим долгом делать вещи серийно, и мне это интересно», — говорит художник. Он убежден, что технология литья, основанная на копировании, процесс живой, и каждая вещь все равно является авторской, поскольку делается она под непосредственным авторским контролем. Во всяком случае, свои тиражные литые вещи Федоров узнает всегда. Он работает с драгоценными металлами, чаще всего — с серебром. Для художника это оптимальный вариант, к тому же серебро традиционно для русского искусства. Этот металл всегда символизировал в христианстве чистоту и святость.

С недавних пор уникальные произведения питерского церковного художника, чьи работы на ведущих ювелирных и православных художественных выставках являются одними из самых ярких, появились и в Хабаровске. Официальный представитель Юрия Федорова в нашем регионе — Дальневосточная ювелирная фабрика.

Православные кресты с библейскими сюжетами, панагии, подвески, венчальные перстни. Они наполнены талантом истинного мастера, в них он вдохнул частицу души, сделав теплыми и живыми.

Образ креста

Елена ГЛЕБОВА

Петербургский художник Юрий Федоров в ювелирном мире фигура знаковая. Федоров — автор уникальных произведений церковного ювелирного искусства. Уже четверть века он работает в жанре иконной мелкой пластики, а итогом накопленного по крупицам опыта и стиля стала книга художника «Образ креста». Как сказал он сам в одном из интервью, в массовом сознании людей, и даже воцерковленных, существуют серьезные пробелы в области знания символики церковного искусства, иконографии и ставрографии. В своей книге Федоров попытался их восполнить в области ставрографии, как наиболее ему близкой. Потому что, по словам святителя Игнатия (Бренчанинова), «Крест есть истинное и единственное училище, хранилище и престол истинного богословия. Вне креста нет познания Христа».

Фирменный
ювелирный магазин
«САПФИР»

Россия, Хабаровск,
ул. Шеронова, 70.
Тел. (4212) 74-78-35

Дальневосточная
Ювелирная
Фабрика

ЮВЕЛИРНЫЙ ЦЕНТР

Оптово-розничная торговля
ювелирными изделиями

Россия, Хабаровск,
Амурский бульвар, 19.
Тел. (4212) 42-09-07

Мистический узел бесконечной красоты

Елена ГЛЕБОВА

Ювелирное искусство – одно из древнейших, и сопровождало оно человечество практически на всем его пути, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Нередко обнаруженные украшения в виде ожерелий, подвесок, колец становятся своего рода шифром к пониманию многих тайн ушедших эпох. Потому что эти предметы несли в себе прежде всего сакральный смысл. В них отражались верования наших далеких предков, их представления о мире. И даже сегодня, в век высоких технологий, поражает эстетика древних украшений, индивидуальность взгляда мастеров, чьи работы дошли до нас.

Корни ювелирного искусства России также уходят в глубины столетий. Но считается, что его расцвет приходится на XVIII век. К слову, именно тогда появился термин «ювелир». Прежде говорили иначе – «золотых и серебряных дел мастер». И в этой терминологии отражаются те перемены, которые стали происходить в России с той поры, как царь Петр I «прорубил окно в Европу». В страну хлынул поток иностранных специалистов, в том числе и ювелиров, и все же, как отмечают исследователи, российские мастера сумели сохранить в своих произведениях национальный колорит. Наверное, потому и стал в XIX веке в ювелирном мире таким популярным «русский стиль», а в историю искусства вписаны имена «золотых и се-

ребряных дел мастеров» Овчинникова, Сазикова, Постникова, братьев Грачевых, Фаберже. Их фирмы не только вышли на европейский рынок, но и получали заказы европейских королевских дворов.

Меняются времена и эпохи, а ювелирные украшения, подобно зеркалам, продолжают отражать все особенности того или иного периода. В советское время с его усредненностью и одинаковостью, ювелирное искусство было не в самой лучшей форме, но сегодня, когда в цене индивидуальность и авторский взгляд, в этой области декоративно-прикладного искусства настоящий всплеск.

В последние годы заметно развивается ювелирная отрасль Дальневосточного региона, совершенствуясь

и составляя заметную конкуренцию крупнейшим производителям России. Причем изделия дальневосточных ювелиров не только не проигрывают в качестве, но и заметно меняют сложившиеся стереотипы, что все лучшее только в центре России. В ювелирной палитре Дальнего Востока заметно выделяется Дальневосточная ювелирная фабрика. Она достаточно молодая, но уже входит в десятку лучших ювелирных предприятий Дальнего Востока. За 5 лет работы на ювелирном рынке, высококвалифицированными мастерами фабрики изготовлено более 1000 моделей различных украшений из золота. Среди них особенно ярко выделяются изделия с цветными полудрагоценными камнями, с огранкой от простых форм до фантазийных. Причем по разнообразию изделий, равных Дальневосточной ювелирной фабрике, в нашем регионе нет. Ее сотрудники внимательно следят за всеми современными ювелирными тенденциями и технологиями, которые демонстрируются на ежегодных международных ярмарках в Москве, и самые интересные идеи воплощают в материале уже здесь, на Дальнем Востоке.

В списке изделий, выходящих под маркой Дальневосточной ювелирной фабрики, есть такие, которые в регионе пока еще не делает никто. К примеру, «трансформеры»: серьги, кольцо или подвеска с одним видом полудрагоценного камня несложным движением руки ... превращаются в совсем другую модель с камнем иного оттенка. Или еще одна красивая и «загадочная» вещь — серьги, имитирующие сразу несколько сережек на ушной раковине.

Ювелирные украшения, выполненные мастерами этой фабрики, — то-

вар штучный. Они делаются небольшими партиями, а иногда, по желанию клиента, в модель вносятся дополнительные штрихи. О многих изделиях можно говорить отдельно, описывая авторский замысел, подчеркивая достоинства огранки и формы. Подвески, напоминающие россыпь хрустальных брызг, кольцо с фианитом, обладающим александритовым эффектом и с ручной огранкой «снежинка». Учитывая тенденции времени, ювелиры делают изысканные подвески в восточной традиции. К примеру, «Дракона», символизирующего защиту от злых сил, или «Мистический узел», отражающий бесконечность любви, благополучия и, конечно же, красоты.

Возникла необходимость в создании фирменных магазинов «Сапфир» и «Все для ювелиров», потому что только таким образом можно представить всю палитру ювелирных украшений, рассказать о камне, показать красоту и индивидуальность изделий Дальневосточной ювелирной фабрики и привить вкус к современной ювелирной моде.

Важный момент — конкуренция, но директор Дальневосточной ювелирной фабрики Евгений Соколов убежден, что именно она заставляет работать в направлении творчества. Всегда интереснее пробовать новое, даже если это требует гораздо больших усилий, чем идти по накатанному пути, теряя при этом свой стиль.

Создание в Хабаровске Дальневосточной ювелирной фабрики — хороший знак. Здесь много моментов: формиро-

вание ювелирной школы, внедрение новинок ювелирной промышленности и, что, пожалуй, самое важное, повышение престижа дальневосточной ювелирной отрасли, формирование ее собственного лица.

Сысой из рода Бугач

Татьяна КУБАНОВА,

кандидат культурологии,
член Союза художников России,
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Сысой из рода Бугач (мифологическая версия) живет в пещере-государстве со своим народонаселением и двумя сверчками, которые, появляясь иногда, заводят свои веселые трели. Уютное государство Бугача занимает небольшой пятачок земли, пропитанный дурманящим запахом стружек и медом желтоголовика. Оберегом его территории является старинное полотенце с вышитыми по белому полю двумя гирляндами красных цветов, отпугивающих врагов, которое завершается внизу ромбообразными формами, символизирующими достаток дома, плодородие и творчество его обитателей. Да и само народонаселение несет в себе любовь создателя, а значит, способно противостоять силам зла. Оно во главе с Сысоем свято хранит предания о рождении Вселенной и своего Рода. Это позволяет им сберечь целостность существующего мира, мира внутри рода, внутри природы, которая является их надежной реальностью.

Давно это было, ох как давно. Не было еще тогда Земли. А был на ее месте многоглавый Дракон. Злой Дракон, очень злой. Не давал он покоя Солнцу, ненавидел его. А Солнце было доброе, как сейчас, и ласковое. Не знало

Работы «Праздник тун-пайрам Чарыс (конные скачки)» и «Нежность». 2004

Валерий Викторович СЫСОЕВ родился в Минусинске. Живет и работает в Красноярске. Представленные на его персональной выставке в 2004 году отдельные скульптуры и композиции позволили многим посетителям погрузиться в отдаленную по времени, но близкую по ощущению атмосферу жизни языческой земли. Выставочный зал Союза художников чудесным образом преобразился в степные просторы и заполнился топотом лошадей, свистом пущенных стрел, лязгом колес, тихими человеческими голосами, отдельными криками болельщиков праздника тун-пайрам. Амплитуда разноликих звуков повседневной жизни, слышимая у берегов рек и пресных озер, постепенно уменьшается и, наконец, совсем гасится при приближении к сакральным местам. На священных горах царит Молчание. Оттого так монументально значительны здесь силуэты фигур. Прекрасная Ымай, богиня Солнца; Языческое божество со стрелообразным головным убором; Молящаяся Женщина, обращенная взором в небо; Покровительница Рода, склонившаяся у очага; Души предков, покинувшие мир людей. А чуть в отдалении – Древний Философ, оставляющий на священной горе зашифрованные письмена для своих потомков. В них – выведенные тысячелетиями законы жизни Космоса и мудрость пращуров – залог существования Вселенной и Человеческого Рода.

1996

оно корысти и ненависти. Одинокое было Солнце и хотело кого-то сильно любить. А рядом беснующийся, изрыгающий проклятия Дракон. Долго терпело Солнце, наконец не выдержало и взмолилось, обращаясь к Богу: «Долго ли терпеть мне соседство?! Помоги, сделай так, чтобы был у меня рядом сосед такой, какого я могла бы любить и радовать, отдавая свое тепло». Согласился Бог. Решил он заковать Дракона в панцирь крепкий, чтобы не вырвался он и не делал больше зла. Тяжелая была битва, ох какая тяжелая. Ни дня, ни ночи не было. Все смешалось. Бог собрал много металла среди звезд, чтобы панцирь был крепким. Удалось Богу все же обуздать злую силу. Но Дракон был сильным, не хотел он сдаваться и рванулся из последних сил. Да так, что один кусок брони далеко отлетел. Сейчас это Луной называется. Память недобрая от той битвы осталась — только ночью ее можно видеть, когда Солнца нет. Людям плохо от него бывает. Победил Бог Дракона, приковал его к камню в самом центре земли. Живет он в норе высокой горы Нуггу, на ней вместо земли лежит спекшийся шлак, а зеленый покров заменяют дурман-трава да разрыв-трава. Не спит он ни днем ни ночью, и Земля до сих пор испытывает его холодное дыхание. Лед сковал Землю: Дракон хотел льдом и огнем разорвать цепи и вырваться наружу. С тех пор остался кое-где лед вечный, да местами огонь вырывается из центра Земли: это побежденный, но злой Дракон беснуется. Полны его закрома, недра земные богатствами, которыми соблазняет он людей. Жадность, ненависть, черствость людская дает ему силы. Если Дракон победит, то Земля станет чуждой в космосе, враждебной космическому разуму и будет уничтожено все живое как противоречащее единому замыслу, закону любви во Вселенной. А значит, противостоять этому может только Любовь. *(Курсивом выделены мифы Сысыя из рода Бу-*

гач, а также стихи, воспоминания и мысли скульптора Валерия Сысоева. — Прим. автора).

До сих пор беснуется Дракон, сеющий ложь и страх в людях. Вот поэтому мир так противоречив. Но Человеку, существу разумному, дано право выбора своей судьбы и судьбы земли, на которой живет он и его сообщество. И Бог рассудит его в этом выборе. Судьба каждого человека — часть судьбы мира...

Валерий Сысоев всегда стоял перед дилеммой в решении важных жизненных вопросов. И лишь один раз, в самом начале жизни, судьба сделала выбор за него. Этот выбор стал определяющим стержнем, ориентиром, который и в последующем помогал принять правильное решение. Но всегда оно сопровождалось жесточайшим противостоянием.

1983 год — важный год в судьбе Валерия Сысоева: пять работ, представленных выставочному, без возражений были приняты на региональную выставку. С этого времени он стал постоянным участником выставок профессиональных художников.

Только естественность, великодушие и свобода могут приоткрыть для художника мир любви и восторга, где начинается процесс творчества. И тогда художник может испытать содержание этой чаши сполна и наполнить ее живительным соком для всех последователей на все времена. Все богатства внутри нас! Каждый из нас — это целое полное солнце!

По мнению художника, есть два типа людей: свободные и рабы. Второй тип сформировался усилиями Дракона, это слабовольные, бездумные люди, не желающие мыслить, они способны лишь подчиниться тому, кто сильнее их. Для них материальное благополучие — цель жизни. Свободным людям сложнее, они сами выбирают дорогу и идут по ней, совершая ошибки, душевно страдая, но испытывая настоящее счастье обретения своего мира. Свободным должен быть каждый художник. Именно творческий процесс позволяет во всей глубине ощутить восторг прекрасной долины, где царствует Ее Величество Любовь. Та Любовь, которую жаждало Солнце и которое передает людям.

Художник берет на себя так понятную ему роль шамана, врачующего человека. Он повторяет его путь, только с одной существенной особенностью. В подвластные ему миры он путешествует не для того, чтобы узнать и изгнать злого духа, наносящего вред человеку. А для того, чтобы вернуть улетевшего от человека доброго духа. Он вселяет его в свои творения, как напоминания человечеству о его созидательной роли. Подобно древнему мастеру художник воплощает в своих антропоморфных созданиях главный код мироздания, утверждая таким образом свое человеколюбие.

Материал, в котором работает художник (дерево, березовый кап), является аккумулятором знаний природы и человека. Но многие люди забыли свою историю. Они проходят равнодушно мимо засохшего дерева и растущей рядом молодой поросли; причудливой березки, из сломанного ствола которой тянутся к солнцу единственная молодая веточка или бородавка-кап на стройном стволе бело-черной красавицы. Такие проявления в природе сходны с судьбой художника. Он знает, что в них бьется энергия жизни и радуется, что встретил близких по духу сильных друзей. Поэтому его не страшит процесс их «переселения» в «свое государство», несмотря на физические усилия, когда ощущаешь стук в висках и боли в жилах. И все это ради сладостного часа предвкушения тайны. Он наступит не сразу, а лишь тогда, когда они привыкнут и начнут говорить на одном языке чувств. Он протянет к ней свои добрые руки, а Она в ответ, не скупясь, поведаст обо всем, что видела сама и как жила здесь сто, двести, пятьсот лет назад. И Они, проживая это время вместе, будут чудесным образом преображаться.

«Побег». 2004

Он оттого что испытал восторг встречи и сумел оживить ее первообраз. Она оттого что благодаря его мастерству становится такой же, как и раньше, — Матерью-родоначальницей, богиней плодородия. Грудь ее наливаются соком, округляется живот, появляется упругость в бедрах. Лик (как носитель мужского начала), напротив, более обобщен. Иногда Он условно обозначает губы ее, словно наложенные на плоскость лица, и длинный нос, выходящий из-под бровей. Создается не конкретный образ, а внутреннее его содержание. Сысой интуитивно вторит замыслу древнего мастера, создававшего из глины или из дерева двухчастную ритуальную скульптуру, в которой ярко утверждается союз неба и земли, союз мужского и женского. Вместе, в соавторстве используя художественный язык контраста, они утверждают созидательное начало жизни. Внутренний динамизм умело сдерживается внешней замкнутостью фигуры и ее ритмом, построенным на чередовании стремительных длительных движений и кратких остановок, прочитывающийся в силуэте образа. Бережное отношение к информации материала позволяет Ему выявить «правдивое и сильное». Оно утверждается им в монументальной форме. Даже небольшие по размеру, они напоминают оленные камни, менгиры, скульптуры величественных каменных дев в степных просторах Хакасии. Тени, падающие от них, живут уже другой жизнью, которая никогда и никем ни до ни после нас не будет познана.

И вот Она явилась Ему. И Он, ждущий этой встречи, поет радостную песню Ей, Любимой, Солнцу, Роднику, Всему прекрасному миру Любви! Он выжил, выстрадал, Он утверждает О-О-О!

«Ымай». 2004

Весело горит огонь в твоём очаге,
Самая красивая моя!
Когда ты улыбнешься,
Ночь озаряется светом,
Самая прекрасная моя!
Обнимешь,
И трепещу от рук твоих жарких!
Самая солнечная моя!
Поцелуешь, и лебединой стаей
коснешься меня,
Любимая моя! ...
Как яблоки зрелые высыпь
слова любви к ногам моим.
Нет ничего слаще плодов этих!
Слова любви, словно роса на траве,
Сверкают искристой россыпью
изумрудов.
Как чистая река утром переливается
Неисчислимыми,
немеркнувшими яркими звездами.
Родник мой живительный!
Солнце мое животворное!
Любимая, здравствуй!
Здравствуй, радость светлая!

Валерий не знает тех людей, благодаря которым он появился на этом свете. Но знает и любит тех, кто воспитал его, кто стал его родителями. Это была трогательная, но мудрая любовь немолодых людей к дорогому дару судьбы. Что-то глубоко выстраданное ими определило тот главный закон, согласно которому эта небольшая семья жила. Основан он был на уважении, доброте и мудрой любви друг к другу.

Навыки, полученные от отца и поддержанные матерью, не скоро, но пригодились ему. Валерий поступил работать на сувенирную фабрику и делал изделия из различных материалов по образцам, но с удовольствием, и сам создавал образцы, по которым работали другие. Особенность осваиваемого им производства состояла в том, что нужно было делать сувениры из заданной формы рога, древесной заготовки. В этих условиях непросто было сделать скульптуру так, чтобы не чувствовалась стесненность ее.

До того дня, когда был принят в члены Союза художников России, прошло более десяти лет. Это было время борьбы за мечту, отстаивание своей независимости и своей искренности к миру. Это ценностные категории, о которых не задумываешься в детстве, но которые так трудно сохранить во взрослом состоянии.

2004

Сибирский отшельник

Когда готовился материал о дирижере Борисе Бабенко («Словесница Искусств» №16, стр. 116–119), искусствовед Халида Бабенко, много лет проработавшая директором Томского художественного музея, принесла в редакцию каталог работ томского художника Германа Завьялова. На одной из его картин, датированной 1983 годом, изображен Борис Бабенко за несколько минут до начала выступления оркестра – собранный, как пружина, сосредоточенный. Однако и в самой статике ожидания ощущается порыв, сила, погруженность в мир звуков. Кажется, сейчас дирижер взмахнет рукой и унесет слушателей вслед за музыкой на недосягаемую вершину, откуда льется горный свет.

1. «Натюрморт с геранью».
Холст, масло. 2005

2. «Родимый дом».
Картон, масло. 2002

Конечно, полиграфическое изображение лишь слабое отражение подлинных работ Германа Завьялова, в профессионализме которого, по словам профессора, доктора философских наук Эдуарда Кульпин-Губайдуллина, «есть нечто от мастерства ремесленника: свидетельство умения, навыка, хорошего образования, несомненно, ума, но редко чувства».

Редакция журнала «Словесница Искусств», пользуясь предоставленным каталогом, решила познакомить своих читателей с интересным мастером, который представляет собой тип художника-отшельника, вдали от эпицентров художественной жизни делающего свое дело.

«... Дед Завьялова владел узкой и редкой специальностью: он расписывал печи, фирменным стилем которого была морская тематика — подводный мир, водоросли, щуки и окуни. Все это производило на будущего художника фантастическое и сказочное впечатление. Все свое детство Герман Завьялов рисовал, а в 1955 поступил

в художественное училище в Пензе, городе с хорошей картинной галереей. Закончив училище, в 1960 году поступил в Суриковский институт в Москве, где учился у Д.М. Мочальского...

... Для того чтобы сохранить столь необходимое художнику одиночество, Герман Завьялов путешествует. Живопись и путешествия для него неотделимы друг от друга. Путешествовать предпочитает по воде: плавает по большим сибирским рекам — Енисею, Лене, был на Карском море и море Лаптевых. Есть что-то эпическое в этом движении по воде навстречу новой картине. Однако путешествие — это возможность уединиться, сосредоточиться, а вовсе не поиски экзотической природы и не погоня за новыми ощущениями, как можно предположить, обозревая «географию» поездок художника «от Нарыма до Крыма». «Я стал капитаном именно для того, чтобы меня не останавливали. Плавание — это возможность войти в отвлеченное рабочее состояние, освободиться внутренне от всего случайного и бытового».

...В художественной жизни Сибири Герман Завьялов является фигурой более чем заметной. Начиная с 1967 года, он участник всесоюзных, республиканских, зональных, областных выставочных проектов. Его персональные выставки проходили в Москве, Белгороде, Томске, Новокузнецке, Стрежевом. Завьялов награжден дипломом МК РСФСР, СХ РСФСР за участие в республиканской художественной выставке «Советская Россия», а также медалью «За доблестный труд». Картины Германа Николаевича находятся в частных коллекциях США, Франции, Германии, Польши, Австралии. Лучшие из работ приобретены музеями Томска, Кемерово, Иркутска, Комсомольска-на-Амуре».

*По материалам каталога «Завьялов Герман Николаевич. Живопись». Москва. 2005
Подготовила Светлана ФУРСОВА*

1

3

2

4

5

1. «Портрет промысловика В.И. Осипова».
Холст, масло. 1977
2. «Дирижер Б. Бабенко».
Оргалит, масло. 1983
3. «Осенний пейзаж с лодкой».
Холст, масло. 2004
4. «Старая Ладога».
Холст, масло. 1968
5. «Оленеводы».
Картон, масло. 1966

Ольга ПРИВАЛОВА,
директор галереи
современного искусства
«Метаморфоза»
(Комсомольск-на-Амуре)

Забавные ситуации с неизменной постоянностью повторяются на выставке уникальной флоропластики Михаила Беликова. «Флоропластика» – так он сам определяет свое творчество. «В декоративном искусстве часто создают цветы из гипса, металла, а я – из дерева». Но эта аналогия не существенна, когда попадаешь в пространство волшебных созданий Михаила Беликова: его цветы из дерева просто живые. Вот посетители и пытаются дуть на воздушный одуванчик, трогать колокольчики ландышей, прикоснуться к травяным метелкам, вновь и вновь выискивают невесомого комарика, прозрачную стрекозу и, не веря глазам, задают один и тот же вопрос: неужели все из дерева, а не засушено.

Райский сад Михаила Беликова

Михаил Беликов родился в небольшой глухой деревне на Алтае. Он родился художником. Как и любой мальчишка, вырезал что-то из дерева, лепил из глины. Но только художник в 10 лет мог увидеть, что уголек выжег в дереве причудливые формы — отверстия, напоминающие полевой цветок, почистить их, преобразить в мак. Но деятельная художественная натура не успокоилась: он здесь же повторяет этот цветок, но уже вырезая из дерева. Цветок был милее настоящего как собственное творение. Вот тогда у Михаила появилось решительное желание делать цветы, воссоздавая бесконечные растительные изгибы, неуловимость их красоты, разнообразие природных форм. «Мной овладела мысль: временную красоту цветка увековечить, а самый лучший материал — дерево, ведь оно тоже живое».

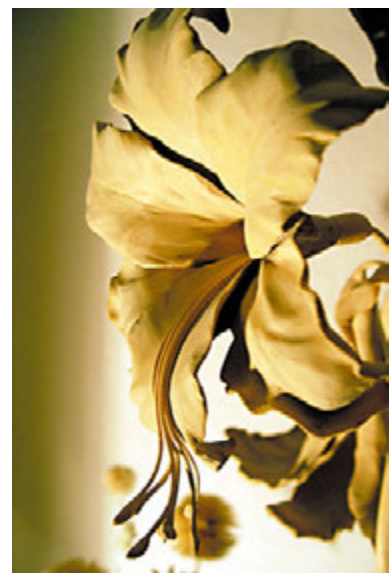
Ему постоянно задают один и тот же вопрос: как это возможно, где научились, почему нет учеников. Его рассказы просты и не удовлетворяют восхищенную публику, которая пытается выстроить логику чуда. «Я хорошо рисовал, и учитель рисования часто отправлял меня с урока гулять, чтобы я не помогал одноклассникам. На комсомольских собраниях мне поручали рисовать портреты выступающих, часто в карикатурном виде, участвовал в творческих выставках. При подготовке к экзаменам в Иркутский политехнический институт мы с ребятами уходили в лес заниматься, вслух читали, а я в это время резал цветы. Природа — мой учитель. На первую выставку в институте подготовил барельефы, скульптуры с использованием национальных бурятских мотивов и цветы из дерева. Именно тогда я как будто наказ получил: всех так удивили цветы, что просили показывать их чаще и больше. С этих пор постепенно растет моя коллекция цветов. Свободное время посвящаю цветам».

Этот светлый райский сад «выращен» из привычной щепки под ногами, древесины, нашедшего в лесу ствола дерева: белая черемуха, с желтым оттенком яблоня, клен, мягкие липа, осина — художнику интересно один и тот же вид варьировать цветом дерева, получается нежный разной тональности букет. Любимое время художника — летние рассветные часы. Тишина, солнце дарит свет, и, медленно набирая силы, расцветают цветы Михаила Беликова: ромашки в течение двух-трех часов, розы — неделю, пионам, георгинам требуется гораздо больший срок. Инструмент простой (ос-

тро наточенные маленький нож и старое перо) — главное, этот необыкновенный дар: запечатлеть пластически и навсегда любовь к природе, цветам, восторг перед этими хрупкими природными созданиями. Во время работы перед ним обязательно находится живой цветок. Михаил передает саму жизнь цветка в просветах прожилок, колыбели тычинок, трепетных изгибах лепестков. «Каждый цветок неповторим, поэтому приемы самые разнообразные, я создаю портрет живого существа». Он разговаривает с цветком и просит не увядать, пока не сделает последний штрих — так оно и происходит. Его цветы нельзя назвать скульптурой: линейная пластика удивительно тонка, импрессионистически подвижна — каким образом художник очерчивает форму в дереве, что она буквально дышит, — умом не понять, этому удивляются и профессиональные мастера.

И никакими словами невозможно передать скромность Михаила: он рассказывает только о красоте цветка, о желании создать как можно полнее портрет цветочного многообразия, об особенностях дерева, которому дает вторую жизнь. Какими словами передать его доброту: цветы он делает только для зрителей, чтобы они могли не торопясь оценить изысканность их простой и сложной формы, понять, что природа — живая субстанция, и к ней нужно относиться бережно. И цветы Михаила Беликова живут его энергией любви, неярким теплым цветом и пряными запахами дерева, восхищением благодарных зрителей.

Юлия Власенко

ТВОЙ ОБРАЗ МИЛЫЙ

Светлана ФУРЦОВА

Как рождается замысел? Из хаоса мыслей и ощущений вдруг возникает что-то неясное, расплывчатое, настойчивое, во что бы то ни стало требующее воплощения. И пока художник не придаст этому «нечто» конкретные черты и форму, оно не отступит, будет и мучить, и тревожить, и сниться. Подобно образу крылатой женщины, который уже несколько лет не дает покоя художнику декоративно-прикладного творчества Юлии Власенко. «Может быть, это Вдохновение? – размышляет Юлия. – Вижу ее отчетливо, вплоть до малейших деталей».

Однако сидеть сложа руки и дожидаться вдохновения художнику некогда. Любая мелочь, будь то ветка дерева или узорчатая ограда парка, мимо которой каждый день проходишь, может стать первым шагом на пути к будущему замыслу. Именно так возникла Голландочка. Можно сказать: «выглянула» из цветочной корзины, увитой мелкими розами, и шаловливо замерла в виде садовой скульптуры посреди зелени и отблесков темного пруда.

«Мое пространство трехмерное, – говорит Юлия Власенко. – И хотя я люблю рисовать, чувствую свет и цвет, мне легче выражать себя в объеме».

Закончив отделение художественно-графического факультета Хабаровского пединститута, Юлия преподавала в школе. Потом трудилась над созданием большой коллекции кукол для детского сада. Тогда в стране ничего не было, вспоминает Юлия, даже с пуговицами была проблема, но та первая работа запомнилась. В 1991 году, благодаря встрече с председателем Хабаровского общественного благотворительного фонда культуры Светланой Юрьевной Черепановой, у которой чутье на талантливых людей, состоялась персональная выставка Власенко под названием «Юлина сказка». С тех пор в активе художницы можно назвать не одну персональную выставку, также принимала она участие в совместных проектах с творческой группой «Играющие» и Центром прикладного творчества «Ангелика». Вот уже два года Юлия работает самостоятельно.

«В этой свободе, – говорит Власенко, – есть свои трудности, потому что все, начиная с эскиза, приходится делать самой. Но зато я чувствую себя гораздо увереннее. Наверное, это неизбежно, когда тебе никто не мешает и куклой приходится заниматься практически круглые сутки». Впрочем, Юлия всегда предпочитала сама воплощать свои эскизы в жизнь, не очень доверяя рукам даже самых искусных мастериц, ибо процесс творчества сродни мистике. Порой художник сам не понимает, что движет его музой и откуда берется энергия. Но все, что случается во время создания куклы, уверяет Юлия, идет во благо. Надо только слушать внутренний голос и идти на его зов, ни в коем случае не бросать начатое дело.

Как родилась укутанная в дымку кружева с блестками дождевых капель хрупкая Феечка, Юля не может объяснить. Эти огромные глаза, в которых готовность к радости и удивлению, слегка капризный рот... Друзья Юлии уверяют, что это она сама, хотя прямого сходства на первый взгляд нет. Может, потому, что эта сказочная Фея – Юлина душа, с ней невозможно расстаться.

В творчестве Юлии Власенко последнего периода можно выделить два основных направления: первое – куклы с портретным сходством, и второе направление – эксклюзивные работы, в которых проявляется фан-

Голландочка

Ангел Дождя

Леди Осень

Маркиза

Дама в шляпе

тазия, полет души художника. Сюда входят многочисленные персонажи из серии домовых, сказочных принцесс, медвежат.

Рассматривая коллекцию авторских кукол Юлии Власенко, очень трудно говорить о технологиях, настолько каждый персонаж одушевлен и индивидуален. И все-таки из чего они сотворены, эти лихие сорванцы в тигриной шкуре, возникающие от переизбытка внутренних сил, прелестные, словно сотканые из воздуха и блеска ночных звезд, ангелы Дождя, Земли, Света, русские красавицы, феечки. «Искусство кукол синтетическое, в нем можно использовать батик, бисероплетение, гобелен, аппликацию, — делится художник. — Самый распространенный материал — текстиль. Но сейчас появилось много новых, например, паппер-клей. Изготовленный на основе бумаги, он очень пластичный, хорошо режется. Куклы, сделанные из этого материала, получаются легкие, не бьются. К тому же много интересной литературы, из которой можно почерпнуть немало полезного. Так что возможности расширяются».

Однажды на выставке-ярмарке, где были выставлены куклы Юлии Власенко, появилась группа японцев. При виде Домовенка гости из Страны восходящего солнца пришли в неопишуемый восторг. Как видно, этот яркий сказочный персонаж разбудил что-то детское в душе

утонченных, скупых на внешнее проявление эмоций японцев, и оказалось, что нам всем, независимо от национальности, просто необходимы подобные выплески, помогающие шагнуть за рамки привычного, чтобы раскрепоститься, разыграться, почувствовать себя счастливыми. Сейчас Юлия разрабатывает для наших японских соседей серию комических персонажей, среди которых балетная пара: дородная дама с пышными формами, поддерживаемая весьма худосочным партнером.

Ближайшие планы Юлии — перейти к серьезному оформлению интерьеров, где можно использовать объемные объекты не только в виде вазы или скульптуры. Она давно носит в голове идею создания эротического театра, тем более что первые разработки уже имеются. Авторские эксклюзивные работы, уверяет художник Юлия Власенко, гораздо больше, чем игрушка или забава, ибо в каждой кукле своя философия, история, своя жизнь и загадка. Хочется, чтобы жители нашего города оценили уникальное искусство мастеров кукол.

Фантичная фантазия

Валентина ЖДАНОВА,
педагог средней школы № 9,
г. Амурск

Все началось с того, что однажды мой взгляд привлек фантик. Сиротливо съездившись, он то покачивался на ветру, то испуганно рвался куда-то при порывах ветра, то падал в лужу, отчаянно барахтаясь. И казалось мне тогда, что он живой и просит о помощи. Отметила тогда про себя, что жизнь вещей и жизнь человека чем-то схожи. Об этом как нельзя лучше рассказывал великий сказочник Андерсен. Словом, увидела, отметила про себя и забыла.

ЖДАНОВА Валентина Николаевна, педагог, руководитель студии «Школа карандаша» г. Амурск. Родилась в Подмосковье, 25 лет прожила на Украине, где в г. Луганске окончила художественное училище (педагогический факультет), в 1982 г. приехала на Дальний Восток, живет в г. Амурск Хабаровского края. Педагогический стаж – четверть века.

Автор идеи «Фантичной фантазии», над которой работает уже больше 10 лет. Автор программы для детей дошкольного возраста «Мы познаем мир», которая прошла аттестацию в 1995 г. В 2004 г. обобщен опыт «Фантичной фантазии» для краевой методической копилки (горно г. Амурск). В 2005 г. ученики В.Н. Ждановой получили диплом и 1-е место в районном экологическом конкурсе «Берегите птиц».

КОМИССАРЕНКО Анна Николаевна, ученица В.Н. Ждановой. Родилась в г. Амурск Хабаровского края в 1986 году. Окончила среднюю школу №8 г. Амурск. В настоящее время учится в Биробиджанском механико-технологическом техникуме легкой промышленности по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», перешла на 4-й курс. Автор многих декоративных панно, сделанных в «фантичной» технике.

Вторая встреча с фантиком поставила все точки над «і». На полу лежал фантик, мерцая, переливаясь своими вогнуто-выпуклыми боками, словно хвастаясь: «Посмотрите, какой я красивый, полюбуйтесь мною, не выбрасывайте — я хороший!» И действительно, он напоминал изящную золотую рыбку. Хвостик, голова и даже плавники читались в его контуре, а рядом другой, похожий на цветок.

С тех пор прошло более 10 лет. Будучи учителем по изоделятельности, во время кружковых занятий я предложила детям фантики. К юбилею А.С.Пушкина мы организовали выставку в Амурске, а затем в Хабаровске. От просто занятных картинок мы перешли к иллюстрациям русских сказок. Выбор фантиков, соответствующих замыслу, гармония цвета, простота исполнения дали положительный результат. Мои ученики принимали участие в международном конкурсе детского творчества «Журавль — птица мира», проходившего в 1997 году в КНР, Непале, США и Японии, где их работы были отмечены дипломами «За великолепную работу и умение мыслить творчески».

Затем назрела необходимость выстроить логическую цепочку и привести в систему накопившийся материал. И эту цепочку мы выстроили с моей самой талантливой ученицей Анной Комиссаренко. К тому же детское восприятие расширило возможности фантиков. Да, есть живопись — для избранных, есть графика — для многих, с исключительно богатым арсеналом выразительных средств, правда, дороговато они стоят. И есть фантики, хорошо знакомые детям и практически бесплатные, ножницы, скотч (можно клей ПВА) и в исключительных случаях — стиплер. Но главное — есть идея.

В результате появилась возможность рассказать всем детям и взрослым с помощью книги-пособия о технике фантичной фантазии, которая называется «Ты возьми меня с собой».

Книга-пособие рассчитана на сотрудничество ребенка 5—6 лет и взрослых. Дети 7 лет и старше могут освоить технику «Фантичной фантазии» самостоятельно, исполнив ряд упражнений, и затем свободно смогут заниматься творчеством.

У ребенка в процессе работы будут развиваться: моторика, глазомер, чувство пропорции, цвета, познания из области искусствоведения.

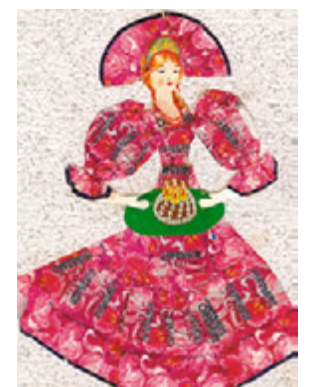
На первый взгляд, неказистые работы детей принесут неоценимый вклад в их сенсорное развитие. И с каждой композицией их работы будут лучше и интереснее.

Поддержите вашего ребенка и словом, и делом. Это очень важно! Не спешите выбрасывать — ведь каждая упаковка может стать пособием для познания и материалом для творчества, началом для дальнейшего понимания и осознания мира и первой ступенькой к высшему творчеству.

Эту книгу хорошо взять в дорогу дальнюю, а также предложить в качестве подарка. И то, что привычно, повседневно, может в трудолюбивых руках и пытливых умах дать импульс для развития не только художественного творчества, но и для творчества во всех направлениях, так как в «Фантичной фантазии» идет постоянный поиск — куда? как?... Порой сам фантик диктует, как его использовать, предлагая оригинальные решения, нередко превращаясь в головоломку.

P.S. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Людмилу Петровну Вдовину, заведующую детским садом № 48, за предоставленную возможность работать творчески, за понимание и материальную поддержку студии «Школа карандаша», в результате чего была создана программа «Я познаю мир» и положено начало «Фантичной фантазии». Последняя получила развитие при работе с учащимися школы № 9 г. Амурска и легла в основу книги «Ты возьми меня с собой».

Иллюстрации из книги Валентины Ждановой «Фантичная фантазия» из главы, посвященной русскому костюму.

АНДРЕЕВА Виктория Алексеевна (1942—2002). Родилась в Омске, выросла в Москве. Окончила филологический факультет МГУ (1960—1965). В 1974 эмигрировала в США; училась в Нью-Йоркском университете на кафедре сравнительной литературы. Была одним из двух редакторов журнала «Гнозис» (совместно с Аркадием Ровнером) и одним из четырех редакторов «Антологии Гнозиса современной русской и американской литературы и искусства» (Нью-Йорк, 1982). Стихи начала писать с 1960-х годов. Примыкала к подпольным неофициальным литературным кругам Москвы 1960-х и 1970-х годов. Стихи публиковались во многих эмигрантских сборниках и журналах, а с 1989 и в российских журналах. Автор поэтического сборника «Сон тверди» (1987, Нью-Йорк, «Гнозис пресс»; переиздана в 1989-м там же с параллельными переводами английского поэта Ричарда Маккейна и в 2002-м в дополненном виде – в Москве).

В 1989 г. вместе с Аркадием Ровнером написала театральную пьесу «Чаадаев» (1989, Нью-Йорк). Автор многих статей о литературе и религиозной философии (Вл. Соловьев, Блок и Белый, Бердяев, Киреевский и Чаадаев, Толстой и Фет), которые публиковались в эмигрантских журналах, а с 1989-го и в российских. В 1985–1991 гг. написала «Телефонный роман» – новаторский роман, состоящий из телефонных монологов одинокой русской писательницы в Нью-Йорке (напечатан в 1997 г. в Литве). С 1994 г. жила в Москве. Работала над проектом публикации Отцов церкви (Ориген, Климент Александрийский, Иероним Стридонский) в серии «Учители неразделенной церкви».

**Подборка стихов
Виктории Андреевой – на стр. 118**

Б. Козлов. «Святые Георгий и Дмитрий Донской»

Сим победиши

Виктория АНДРЕЕВА (Москва)

Есть старая восточная легенда о людях, которые поселились на острове, сожгли все корабли и забыли о большой земле. Так и современная культура отрезала себя от Большого Космоса, замкнулась на неизбежных проблемах и неисчислимых мелочах парадигмы, вознамерившись одним взмахом разрубить гордые узлы своего малого социального отечества. Мораль и наука, философия и поэзия были не исправлены для решения этой насущной задачи. В результате наука зашла в тупик, природа на грани экологического кризиса и перед обществом поставлена проблема выживания. Искусство, потеряв связь с надсущим, горным миром, безвыходно блуждает по социальному лабиринту, разделяя его слепые иллюзии и энтузиазм. Но память о надсущном мире безошибочно вела наиболее искушенных или чутких людей сквозь этот лабиринт путями иной логики к пониманию связи между большим и малым космосами, внутренним и внешним, поступком и судьбой, нравственным императивом и судьбами истории. И русский визионер XX века Даниил Андреев в своей метаконцепции «Роза мира» увидел небесные проекции России, как, впрочем, и небесную Францию, Германию, Италию.

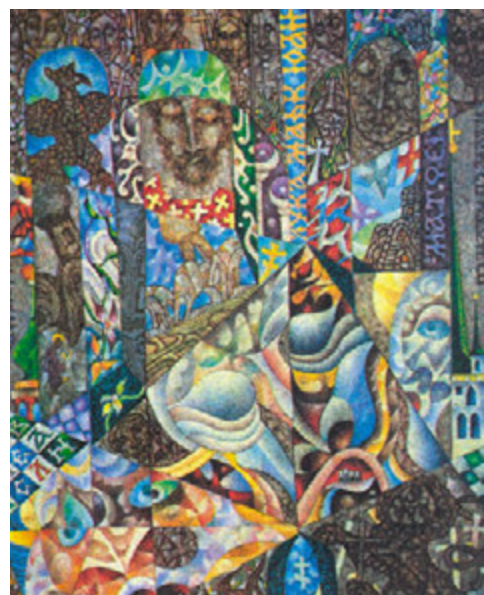
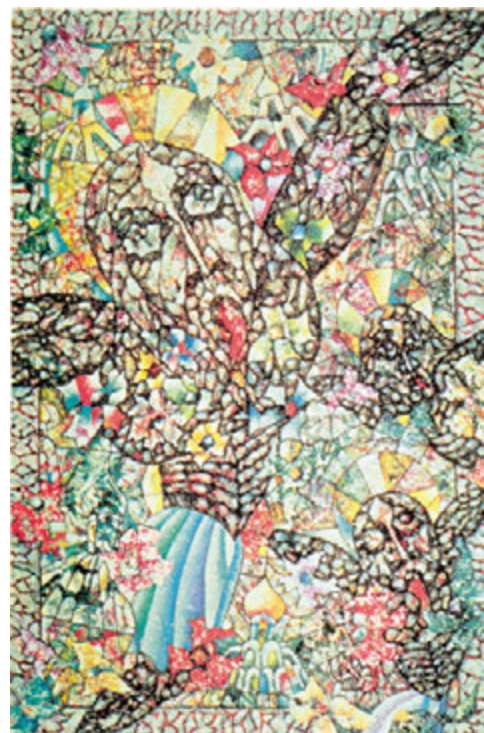
Б. Козлов. «Всякое дыхание да хвалит Господа». 1985–1987

Вдумчивый платонист, он разработал науку небесной географии. Небесный картограф, ходок по неведомым тропам, он описал ландшафты открытого его внутреннему видению материка. Его картины обладают убедительностью свидетельства очевидца. Его описания фрагментарны и целостны, как это свойственно живым впечатлениям путешественника с одаренным ярким умом и острым взглядом. В них есть деформированная подробность и пронзительная детализированность сна, и праздничная серьезность, и приподнятость ритуального события, совершающегося у вас на глазах. Эти ландшафты дают разрез, срез процессов небесной органики, эхо тех событий, которые определяют судьбы нашего мира.

Московский художник Борис Козлов в своих полотнах дал опыт собственных транспутешествий. Уроженец Москвы, он обстоятельно исследовал ее инфраструктуру, выветив потаенные квартиры, салоны, одинокие очаги традиции, хранителей традиции. Студент историко-филологического факультета, он искал знания из первых рук и открыл и ученика Веберна, пропагандиста додекафонной музыки Филиппа Гершковича, и салон сестер Фриде, где собирались все звезды «подземного авангарда», и экзальтированные сборища на Южинском с их вызовом абсолюту последней тайне. Он стоял у истока искусства «московской школы» с ее новой энергетикой и семантикой. Его собственный стиль, его собственный путь определялся в поле этих энергий, в пространстве несоприкосновения с ее казенным реализмом, в области широкого духовного и эстетического спектра. Его память, может быть, слишком перегружена для обывателя ассоциациями из культур Месопотамии и Греции, Египта и Халдеи, Рима и Парижа, Древней Руси и Венеции. Его внутренний мир, может быть, слишком гибок, пластичен для фанатика одной идеи. Его слух, может быть, слишком изощрен, чтобы откликаться на победные фанфары и военные марши казенного патриотизма. В пространстве его творчества пересеклись разные пласты художественного опыта, в которых через мощную христианскую доминанту стягивались реалии современной духовной палитры от «Тайной доктрины» Е.П. Блаватской до религии «Я», от идеи духовного стяжания Серафима Саровского до московской концепции великого Иного — трансцендентного нигилизма московских 80-х. И христианство в этом духовном поле повернулось к нему не своей догматически узкой перспективой нетерпимости и исключительностью, а широкой полноводной рекой, влекущей к полноте времен и духовному преизбытку. Христианству как национальному лозунгу художник Борис Козлов предпочел христианство как путь, как опыт личной, мистической встречи с Христом, как непрерывную внутреннюю работу — опыт, требующий монашеского аскетизма и внутренней дисциплины. Как древнерусский живописец он воссоздает в своих картинах духовное паломничество человека, встречу с Богом, обжигающую зрение реальность Божественного. Картины Козлова фокусируются вокруг определенного духовного события: «Крещение» (1965), «Гефсиманский сад», «Несение креста», «Распятие» (1975 — 1978). Жизнь воспринимается художником в парадигме христианского подвига: путь души переосмысливается через соучастие в мистерии страдания, смерти и воскресения Христа. Полотна его несут напряжение и

Макет храма Страшного Суда. Фрагмент

Из цикла «Новгород».
Акварель. 1980-е

Из цикла «Новгород».
Акварель. 1980-е

энергетику духовного борения, преодоления тяжелой гравитации непреработанной материи и власти густых плотных вязких тонов — охры, кадмона, лиловой тьмы. Это напряжение вертикального помысла определяет композицию его картин. Его живопись прорывается за непрозрачные завесы, которые оказываются для него столь же прозрачны, как музыка заката и восхода, как чередование ночи и дня. Цвет в картинах нервный, чуткий, сложно беспокойно ошупывающий предметы новой реальности, свет выхватывает подробности рельефа, детали пейзажа, видя их как часть небесной мозаики. Ландшафты Святой Руси, формы растительной органики, элементы архитектурного пейзажа, человеческие фигуры претворяются в трансфизическую реальность. Как пишет искусствовед М. Соколов, «во всех этих зыбких пространствах метаморфозы главенствующую роль неизменно играет не рисунок, а цвет, не просто меняющий гамму от холодного к теплому тону, но возгорающийся от немой черноты к звучным, по-летнему пышным тонам, оттенкам». Эта тонко подмеченная тенденция определяет художественную логику художника: «Из темноты отчаяния воззвал я к Тебе, Господи». Не сентиментальным пиетизмом идет художник, а напряженным переживанием этапов собственного пути, конкретным творчеством мифа — претворением хаоса в космос.

И здесь он подобно Даниилу Андрееву творит собственную трансфизическую географию, свой небесный мир, где планета видится храмом, в котором осуществляется вечное богослужение просветленным человечеством. Вглядываясь в открывающийся ему метаисторический космос, он идет собственной тропой глубинной памяти. Говоря о своих полотнах, художник использует понятие «разрастающегося клейма», строя свою обратную перспективу на епифаническом принципе преображенного мига, на сиюминутном опыте личной встречи с Абсолютом и выходе к космологическим принципам с их особым ритмом и свечением. В ауре Козлова вещи теряют свою обособленность, выявляя внутренний ритм. Художник-космист, он несет в своих генах космическую память, высвечивая космографические очертания человеческой фигуры и открывая в космосе созвучные человеку пропорции. Линии переплетаются, смыкаются и расходятся по поверхности картины, как кровеносные сосуды, питающие живое тело, одна форма перетекает в другую, и каждое клеймо как окно в новое пространство, выход в новое измерение. Выученик русской религиозной философии, Козлов на мир выглядывает с области универсального — поиски откровения о путях и судьбах человеческой истории, апокалиптический модус познания, понимание исчерпанности профанического мира. Козлов видит знак времени в диссонансе — разрушении этического баланса и видимом торжестве зла и стремится преодолеть разрыв между диссонансами исторического и личного бытия и трансцендентной гармонией. «Современный мир устроен в структурах, губительных для добра», — стоически констатирует художник в своем интервью, данном им для «Учительской газеты», имея в виду, прежде всего, судьбы творческих людей в России и по всему миру. Повсеместно, продолжает он, талант попирается бездарью. Художник, ясновидящий, поэт курируется чиновником или коммерсантом. Искусство низведено до роли идеологического манипулятора или копировальщика банальной реальности. Обыватель с его невежеством, слепотой и логикой, наконец, воцарился в искусстве. Диктат посредственности определяет эстетические требования.

Борис Козлов выбрал самый трудный, но самый короткий путь к самому себе. Он не сворачивал в сторону легкого успеха. Его картины — это серьезные и глубокие состояния, они выявляют красоту аскетизма, духовного подвига и прорыва. Феномен этого художника интересен тем, что он всю свою жизнь живет в созданном им самим контексте, без уступок мелькающей конъюнктуре. В этом контексте — свои масштабы и акценты: «В огромном пространстве мировой культуры, на мой взгляд, — говорит художник, — светское искусство занимает столь незначительную часть, что позволяет очень легко растворяться в традициях». Современность художник понимает как современное прочтение вечных тем, а не фиксацию суетливых знаков времени. В своем искусстве он устанавливает связь с реальным миром, создает магический круг, замыкающий художника, образ и протообраз в динамическую систему (согласно Иоанну Дамаскину). Он работает «восстание материи против духа», внося беспокойство мысли и страдания в статику канона. Его искусство религиозно в самом глубоком смысле этого слова. Оно контемплитивно. За ним стоит внутренняя работа, образ монашеского преодоления и продвижения. Его художественное мышление, образы, ритм, линия выразительны и динамичны. В архитектонике его картин довлеет вертикаль. В них нет статики и тяжелых кристаллизаций. Они музыкальны по своему эффекту. И это, конечно, атональная, ищущая новых гармоний музыка, но прячущаяся за найденное другими. Он пишет многофигурные ком-

«Перст указующий». Х., м.

позиции, напряженно-праздничные по колориту, врываются в унылый сентиментальный пейзаж. Выйдя из периферийного модуса сознания, Козлов сумел развить в себе центростремительные энергии и пробился к логике большого космоса вопреки механическим шумам времени.

Как заметил еще Ван Гог, логика художественного развития в наше время не только не совпадает с путями социального утверждения, но и впадает в конфликт с ней. Как бы развивая эту мысль, Козлов говорит, что современный мир выстроен в структурах, губительных для добра. Повсеместно талант подвергается гонениям и остракизму. Талантливый человек оказывается один на один с культурной индустрией современного эстаблишмента, с его корпоративными лозунгами и табу на имена, темы, стили и направления. Это ситуация неравная, заведомо проигрышная: художник либо становится незаметным винтиком в этой налаженной системе, либо выбирает путь социального поражения, но остается верным внутреннему императиву. Это путь трагический и статистически обреченный. Он загоняет Даниила Андреева — писателя с метафизической перспективой — в тюрьму, уводит из жизни экспрессионистского гения Зверева, гонит в эмиграцию внутреннюю и внешнюю десятки других. Но именно этот путь выбрал художник. И именно так сложилась судьба Бориса Козлова, работы которого разбросаны по всему миру — они куплены и увезены во Францию, ФРГ, Италию, Данию, Швейцарию, Соединенные Штаты, Японию, Латинскую Америку, но неизвестны на Родине. Он работает в маленькой квартирке в Текстильщиках, продолжая быть верным внутреннему голосу, не завися от меняющихся за окном лозунгов, и иногда в ясные минуты прозрения к нему приходит спокойная уверенность: «Сим победиши».

Примечание. *Статья написана при жизни художника.*

Борис КОЗЛОВ (1937—1999). Родился в Москве, в артистической семье — родители служили в театре. Детство прошло в Сокольниках. Его дед, Михаил Егорович, был церковным старостой Кедровского собора. В подzemелье Воскресенской церкви, расположенной в Сокольниках, он нашел и спас от гибели икону Иверской Божией Матери. Борис Козлов окончил историко-филологическое отделение пединститута и стал журналистом. Работал на телевидении, много ездил по стране и всюду, где бывал, рисовал церкви. Через три года полностью посвятил себя живописи. Писал иконы, иллюстрировал Достоевского, Сервантеса, французских поэтов. В 1965 году стал членом Союза художников. Рекомендацию в Союз дал ему Павел Кузнецов. Являясь неофициальным художником, Борис Козлов практически не имел возможности выставляться. Его работы больше известны за рубежом, нежели на Родине: около 300 его полотен находятся в коллекциях 30 стран мира. В салонах Женевы, Парижа, Лондона, Копенгагена он считался и считается одним из самых популярных русских живописцев. Итоговой работой Бориса Козлова стала объемная картина «Страшный Суд». По замыслу художника, это светлое очищающее пространство — не что иное, как храм. В соавторстве с питерским архитектором Александром Чистяковым был создан макет храма Страшного Суда, необычного по форме и внутреннему построению. Борис Козлов размышлял: «Страшный Суд — это очищение души. Это суд Бога, а потому справедливый. Для верующего человека это отнюдь не страшное, а наоборот, самое естественное явление. Это очищение и раскаяние. Храм Страшного Суда — это светлое преддверие, в которое входит человек в надежде на новую, чистую, вечную жизнь...»

Валентина КАТЕРИНИЧ,
кандидат филологических наук

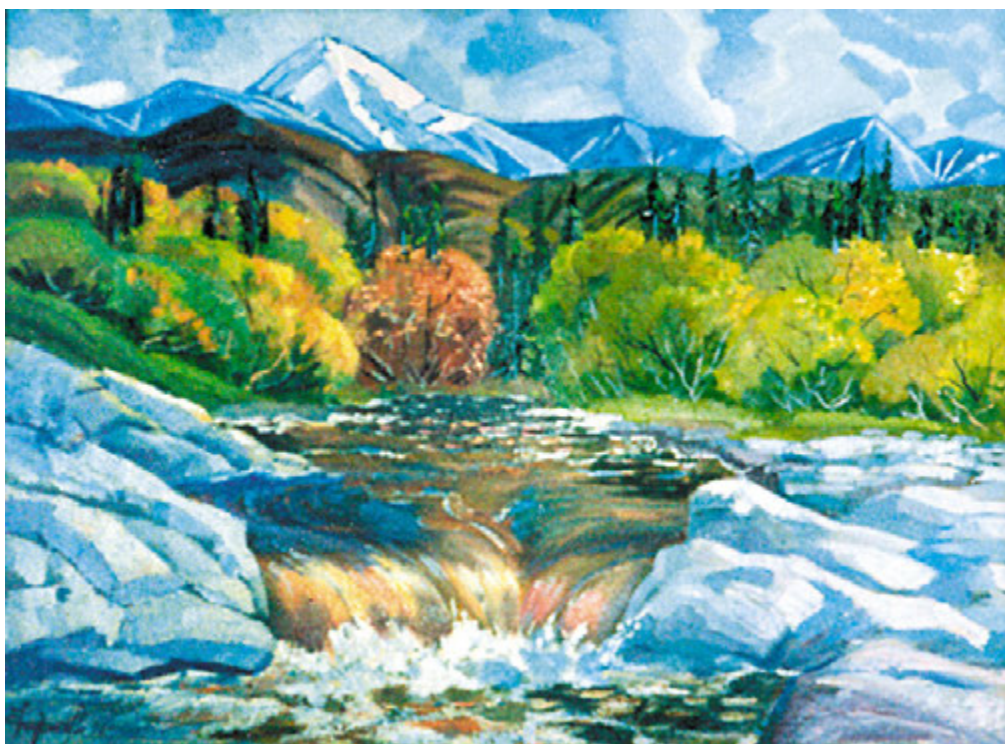
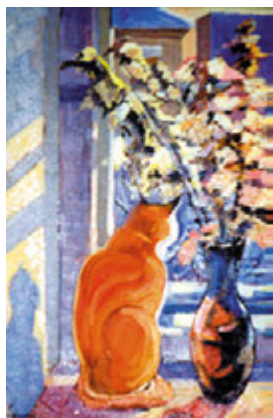
Как живописец А.А. Федотов начал выстав- ляться с 1970 года, был участником городских, краевых, зональных выставок. И только в начале XXI века в Каминном зале Дома творческой интелли- генции состоялась его первая персональная выставка «По следам моей памяти», посвя- щенная отцу. Здесь были представлены ра- боты, выполненные на основе того богатого материала, что нако- пился за годы странст- вий по Дальнему Востоку и отложился в виде многочисленных этюдов и карандаш- ных зарисовок. Итак, первая персональная, а художнику уже 55. Похоже, он не спешил или был занят чем-то иным.

Третий Федотов, Алексей Алексеевич

В 2005 г. в Государственном музее Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова проходит выставка А.А. Федотова «Время года». На ней автор показал 40 картин, главным образом посвященных природе нашего края. Тогда же публике был представлен и первый поэтический сборник А.А.Федотова «То, что было и прошло». Не очень удачный с точки зрения орфографии и стиля, но обезоруживающе искренний (все-таки первый опыт). Цветок парашюта на обложке не случаен: в конце 60-х Федотов-младший проходил воинскую службу в ВДВ в 112-м отделении парашютно-десантного полка особого назначения 928-й гвардейской дивизии. На его счету 48 парашютных прыжков. Отсюда и, казалось бы, неожиданная тема цикла стихов, которую условно можно назвать «Десантура». Дело в том, что армейская тема для Федотова не только воспоминание, но реальность сегодняшнего дня. Он не только любит красоту ланд-

1. «Голос моря». 1998
2. «Рыжий философ»
3. «Осень в горах». 1995

шафта, но вникает в суровые, порой трагические армейские будни («Российским офицерам»). Из стихотворения «Десантура»:

В Чечне, Дагестане, Таджикики где-то
Под пулями падают братья-славяне.
Как птицы летят голубые береты,
Домой возвращаясь на «черном тюльпане».

Надо ли говорить, что Алексей Алексеевич Федотов сын известного дальневосточного художника Алексея Матвеевича Федотова и племянник менее известного художника Степана Матвеевича Федотова? А вот о том, что его матушка, красивая рыжеволосая Зоя Петровна (А.М. называл ее «моя Саския»), была музыкально одаренным человеком, надо напомнить. Наверно, благодаря ей младший Федотов поет оперным баритоном и освоил испанскую гитару. Повезло человеку. Родился 4 октября 1948 г. в Чите, с 1958 года живет в Хабаровске. В нашем городе уже есть картинная галерея имени А.М. Федотова. Но выставки А.А.Федотова прошли на других площадках, и мы это особо отметим.

Потому что А.А.Федотов художник самостоятельный, свободный (лучше сказать, вольный), не без анархических чудачеств и хмельного неповиновения официозу. При этом он плоть от плоти своего отца и предан ему бесконечно (из стихотворения: «Детство»: «...Героем Павликом не стал. / Я просто хулиганом был, / Мать и отца не продавал»).

Время от времени в хабаровской периодике стали появляться биографические этюды об А.М.Федотове, написанные его сыном достоверно, с юмором, а порой едко саркастически. Из того, что удалось прочесть, а это такие публикации, как «Жил-был художник», «Федотовские мастихины», «Вспоминая отца», «Божественный дар», «Неравный бой Бати-партизана», определенно можно сказать, что мемуарная проза А.А.Федотову удалась. Неудивительно, что в ближайших планах третьего Федотова издать книгу об отце с названием «БАТЯ». Как говорится, Бог и спонсоры в помощь.

Так не сразу, но закономерно и по-своему А.А.Федотов продолжил на новом витке истории семейные традиции. На языке вертится слово «династия», но уж очень оно пышное, королевское, а художники Федотовы из народа, из самых низов, жизнь прожили трудную... Хорошо сказано в стихотворении А.А.Федотова «Отцу»: «Всю жизнь прожил, считай, как «конь» стреножен, / И все же стал народным достоянием». Стоит напомнить читателям, что о старших Федотовых написано немало, в том числе на страницах «Словесницы Искусств». Это статьи В.Стариковой, А.Лепетухина, Т.Давыдовой... Масштабы жизнедеятельности братьев Федотовых были разные, но оба многое сделали для художественного освоения дальней окраины России, один как пейзажист, другой как педагог. Жизнь семьи Федотовых вобрала в себя все беды и радости 30-х, 40-х и 50-х прошлого века: нищета, репрессии, война (старший Федотов шесть лет воевал), опять послевоенная нищета. А.М. Федотову так и не удалось закончить Иркутское художественное училище, зато он помог младшему брату Степану получить высшее художественное образование в Ленинграде, так что и сам набирался у него академических премудростей. И все-таки первопроходцем был Алексей Матвеевич, пейзажист эпического размаха, он создал неповторимые образы Байкала, Амура, Камчатки, а колымские картины это дань памяти отца, столяра-краснодеревщика Матвея Федотова, чья жизнь оборвалась здесь в 1937 г. ... Глубоко уходят в дальневосточную землю федотовские корни.

Известно, что А.М.Федотов в графе об образовании писал «неполное среднее». «Приходится удивляться, как без серьезной профессиональной школы, вдали от художественных центров мог возмужать талант Федотова», — писала

искусствовед и современник А.М. Федотова В.Г.Старикова. Федотов-младший пишет так: «А ведь верной дорогой пошел отец в природу, в пейзаж! Данный жанр почти невозможно политизировать. Хотя и тут были «мастера лояльности»: шлепнут на холст пару тракторов или комбайнов с красной тряпкой, и все, «сдаешь целину!». Отец подобным лизоблюдством не баловался. У него было все ясно, как божий день: горные кряжи, буреломы тайги, океанские валы, величавые реки... Без коммунистических бригад лесорубов и секретарей обкомов. Отец искал духовную сущность русской природы...»

Хочу сказать вдогонку к вышесказанному, что такой жанр, как пейзаж, может иметь весомое социальное значение. Приведу литературный фрагмент из наследия Николая Заболоцкого, у него есть «Картины Дальнего Востока», это отрывки из писем, которые он писал из мест заключения, а он отбывал его в пос. Старт под Комсомольском-на-Амуре, потом на Алтае. «Это особая страна, не похожая на наши места, мир, к которому надо привыкнуть, — пишет Заболоцкий. — Особого описания требует Амур, который, подобно гигантской ленте, извиваясь, катит свои волны у подножия бесчисленных сопков, и ветры, как по трубе, летят над ним, следуя по течению, ибо сопки не дают им прорваться в глубь страны. Но мое письмо — это только беспорядочный набросок, обо всем нет времени написать...» (апрель, 1944 г.).

То, о чем думал Николай Заболоцкий в прозе, воплотил Алексей Матвеевич Федотов в живописи. Картина была задумана еще в 1959 г. «Мы стояли на смотровой площадке, и перед моим обескураженным взором с какой-то добродушной, мускулистой мощностью выносила свои коричнево-охристые воды широко распахнувшаяся река. Отец долго всматривался во все это великолепие и, наверное, в те самые мгновения у него и зародилась мысль о новой картине...» (Это отрывок из статьи А.А.Федотова «Федотовские мастихины»). А вот свидетельство искусствоведа В.Г.Стариковой о том, как картина А.М.Федотова «АМУР-БАТЮШКА» явилась взору зрителей: «Держу в руках фотографию 1964 года с пейзажем Федотова «Амур-батюшка». Занимая всю стену большого зала, она целиком на снимке даже не поместилась. Гляжу и вспоминаю, как холодок восторга пробегает по спине, становится жутко и радостно перед этим огромным полотном. Наши фигурки музейных сотрудников кажутся такими случайными, незначительными по сравнению с грандиозностью открывшегося за нами пространства». Думаю, не лишне напомнить читателю «Словесницы Искусств» о том, как создавался «Амур-батюшка».

Вернемся, однако, к становлению Федотова третьего. Быть в тени такого мощного художника, как А.М.Федотов, непросто. Упрямый нрав молодого Алексея не позволял ему идти по накатанной дорожке академической учебы, доступной ему вполне, в отличие от предка. Не закончил, недоучился... Впрочем, было пять лет занятий в изостудии хабаровского Дворца пионеров, которую тогда вела Анфиса Гавриловна Буркова. Она, кстати, окончила то же Иркутское художественное училище, что и А.М.Федотов, а преподавал у них не кто иной, как Сверкунов, ученик самого Репина. Юный Алексей Федотов подавал надежды, в 1962 г. он даже экспонировался в Японии.

Но живописцем не стал, а стал оформителем, то есть по терминологии профессионалов, занялся «халтурой» на 20 ближайших лет. Возможно, сыграла свою роль разнообразная одаренность Алексея Алексеевича: с детства занимался моделированием (макеты кораблей и автомобилей), сочинял и исполнял под гитару авторские песни, потом стал «баловаться пером». В узких кругах обрел репутацию загульного бражника и сочинителя едких эпиграмм, в том числе и на самого себя («По пьяни написал стихотворенье, / Я видел, что Пегас мне улыбнулся. / А утром прочитал свое

«Мой Амур». Триптих

творенье/ Не испугался, просто ужаснулся»). В общем enfant terrible местного значения.

Как бы то ни было, на вольную и бесшабашную жизнь надо было зарабатывать, и ремесло оформителя давало эту возможность. Это были годы странствий по Дальнему Востоку: Нижний Амур, Сахалин, Камчатка. Взгляните на названия пейзажей: Амур, озеро Кизи, Шантары, Пуир, Тугур... После него в глубинке оставались хорошо оформленные клубы, музеи, просто столовые — достойная и нужная работа. Одновременно накапливались впечатления в виде набросков, зарисовок, этюдов для будущих живописных работ.

В середине 90-х прошлого века Федотов-младший решительно возвращается в живопись. Еще бы: у него за спиной была уникальная школа, творческая мастерская Федотова старшего, куда он единственный из окружения допускался в качестве подмастерья. Нет, он не стал раздражателем, скорее стал продолжателем. Эпический размах, суровый драматизм, эмоциональную насыщенность федотовского пейзажа не повторить («второго Гомера» не бы-

«Мой Амур». Триптих. «Противостояние»

вает). Работы третьего Федотова скромнее по масштабу, его пейзажи более камерные, чем эпические, а цветовая палитра более оптимистична («сияющие краски» напишет рецензент). Он смотрит на природу радостно и восхищенно. В этих пейзажах много солнца, о чем можно судить по названиям: «Здравствуй, солнышко!», «Утро в Санниках», «Час карася». Этот самый час карася настолько притягателен для рыбакова-живописца, что он посвящает ему целое стихотворение:

Пахнут травы, как дурманом,
Утро, тихо, ни души,
Спит протока под туманом,
Чуть колыша камыши ...

Небольшого формата пейзажи и натюрморты третьего Федотова исполнены лирически-сентиментального настроения («Кувшинки», «Старый мостик», «Свеча горела на столе»). Есть и величественные, более сложные по композиции и цветовому решению картины, посвященные вечной теме дальневосточных художников — Амуру и морю. Много сил вложил Алексей Федотов в триптих «МОЙ АМУР»: «Амур перед шугой», «Свидетель эпохи» и «Противостояние». Вторая картина сюжетная, речь идет об Амурском утесе, а бурные волны, омывающие его, наверно, символизируют волны истории. В «Противостоянии» царит абсолютная гармония: облака отражаются в спокойной воде, роскошная гамма бело-сине-голубого оттеняется коричневыми тонами скал и сопков, а также зеленью хвойных деревьев. Если Амур А.М. Федотова — река тяжелой воды, как утверждают искусствоведы, то у А.А. Федотова волны красивые и кудрявые, не без эстетского любования. Впечатляет «Осень в горах», картина еще одной природной стихии.

Заметно по названиям картин, что младший Федотов стремится вовлечь зрителя в широкую игру ассоциаций и вообще склонен к философствованию. Оригинальная картинка «Рыжий философ» про кота, размышляющего на подоконнике, причем изображенного со спины, — это и про него, Алексея, про его нежное отношение к животным. Замечено, что brutальные мужчины, любящие оружие (имею в виду не сколько Хемингуэя, но и Алексея, написавшего «Монолог пистолета», там есть такое утверждение: «Во мне мужская красота»), любят кошек. В доме Алексея и его жены Фиры живут пять кошек.

Если же говорить серьезно, армейская и историческая тема занимают важное место в творчестве третьего Федотова, хотя главного и существенного он не сказал еще, это дело будущего. Читателям поэтической книжки наверняка запомнились «Десантная строевая», «Последний прыжок», «День Победы», «Штрафники», «Российским офицерам», «Куликово поле», «Бунты России». В рифмованных строчках Федотов сопрягает историю и современность. Увы, современность рождает у него лишь гроздь сатирического гнева: «Прошла история нам даром, /И быдло ждет вождя с любовью...» Как ни странно, сумрачный взгляд третьего Федотова на современную Россию напомнил мне когда-то поразившую статью однофамильца, эмигрантского философа Г.П. Федотова (1886–1951) «Россия и свобода». Георгий Федотов считал, что процесс исторического развития на Руси был развитием от свободы к рабству: «Киев легок, тяжела Москва»... Так ли это, покажет время.

Живопись и дальневосточная природа — две надежные доминанты в жизни Алексея Алексеевича Федотова. «У А.А. Федотова своя судьба и своя живописная манера. Похожая на отцовскую, но все же своя», нельзя не согласиться с такой оценкой выставки «Времена года» (А. Николашина из «Молодого дальневосточника»). Природа в случае младшего Федотова не отдыхает, просто он не суетится, идет своей дорогой неспешно. Дорогу осилит идущий.

Александр Сергеевич Пушкин и Дальний Восток

Сергей КРАШНОШТАНОВ, профессор

Тема «А.С.Пушкин и Дальний Восток» достаточно полно исследована историками, географами, этнографами, литературоведами и представляет богатый материал для учителя-краеведа. На какие моменты этой темы хотелось бы обратить внимание прежде всего?

О всестороннем интересе поэта к Дальнему Востоку свидетельствует его обширная библиотека — книги о Сибири и Тихом океане, написанные на русском, французском, английском языках. Из русских упомянем книгу Г.Ф.Миллера «Путешествия и открытия, сделанные русскими по берегам Ледовитого моря и Восточного океана по направлению Японии, а также Америки. С приложением истории реки Амур и прилежащих стран со времени покорения их русскими», труд И.Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг.» — о первом кругосветном путешествии русских, роман крупного сибирского писателя И.Т. Калашникова «Камчадалка», сибирские работы А.Н.Радищева, комплект журнала «Сибирский вестник». О журнале можно добавить, что А.С.Пушкин, находясь в 1825 году в Михайловском, получил от своего брата почти полный комплект с 1818 по 1824 гг. В 1825 году журнал переименован в «Азиатский вестник».

Свидетельства постоянного внимания к Дальнему Востоку сохранились в дневниках и рабочих тетрадях А.С. Пушкина. В дневнике за 30 ноября 1833 года появляется запись разговора поэта с английским дипломатом Блаем: «Долго ли Вам распространяться (мы смотрели на карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным)? Ваше место Азия: там совершите Вы достойный подвиг цивилизации». Основные события, происходившие на Дальнем Востоке, вписывались в упомянутые тетради. О взаимоотношении России с Китаем во второй половине XVII века Пушкин помечает: «Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которыми были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре... Китайский император Кан Хий (Кан Си. — С.К.) прислал государю грамоту с мирным предложением». Развитие торговых отношений с Китаем при Петре I отмечено фразой: «Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин».

Поэт искал общения с людьми, бывавшими на Дальнем Востоке. С лицейских лет у Пушкина сложились дружеские отношения с Ф.Ф. Матюшкиным, который сразу по окончании лицея поступил на флотскую службу, оказался участником кругосветной экспедиции и путешествия на Крайний Север. Матюшкину посвящены следующие строки стихотворения, написанного к годовщине со дня окончания лицея:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя.
И с той поры в морях твоя дорога.
О, волн и бурь любимое дитя!

Пушкин находился в самых дружеских отношениях с выдающимся знатоком Китая Никитой Бичуриным (в монашестве отцом Иакинфом), бывшем в течение четырнадцати лет главой русской духовной миссии в Пекине. Библиотека поэта хранит книги ученого с дарственной надписью. В частности, на титульном листе «Описания Тибета» написано: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26, 1828. Переводчик Иакинф Бичурин». Пушкин изучал капитальные работы ученого «Описание Чжунгарии», «История Тибета и Хухонора», «Описание Пекина». Александр Сергеевич высоко оценил заслуги Бичурина, «коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком», — как писал поэт в одной из своих публикаций. Работы выдающегося синолога использовались Пушкиным и при написании им произведений на историческую тематику. О дружбе Пушкина с Бичуриным можно прочесть в романе В.Кривцова «Отец Иакинф». С отцом Иакинфом собирался поэт в начале 1830 года поехать в Китай:

Поедем, я готов, куда бы вы, друзья,
Куда б не вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая,
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец.

Пушкин подает шефу жандармов Бенкендорфу прошение на имя царя: «... я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством...» Но бдительное правительство и его шеф жандармов отказали под благовидным предлогом заботы о денежных делах и творческих занятиях поэта.

На письменном столе А.С. Пушкина за семь дней до дуэли, девять дней до смерти, остались записи начатой статьи, которая предназначалась для журнала «Современник». По сохранившимся материалам, под которыми стоит дата 20 января 1837г., можно судить, что у статьи должен быть большой объем. Внимание поэта привлек фундаментальный труд академика Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатской». Следует обратить внимание, что книга опубликована в 1755 году, а поэт решил предложить свое прочтение ее в 1837 году. Конечно, описание Камчатского полуострова Крашенинниковым настолько содержательно, что и поныне сохраняет большое научное значение. Исследователи сходятся во мнении, что интерес к Камчатке непосредственно свя-

зан с «Историей Петра Великого», которой Пушкин был серьезно занят. По мнению литературоведа А. Киселева, камчатская статья задумана «как самостоятельное ответвление от нее, характеризующее важную сторону в деятельности Петра — расширение границ российского государства до самых дальних восточных окраин». Камчатка занимает большое место в подготовительных текстах «Истории Петра» и материалах к ней. Для задуманного труда Пушкин успел составить краткий план и набросок начала статьи, «Заметки при чтении «Описание земли Камчатки» и лаконичный конспект «Камчатские дела» (от 1694 г. до 1740 г.). В наброске, по-видимому, содержится ядро планировавшегося трактата: «Сибирь уже была покорена. Приказчики услышали о Камчатке. Федот Кочевщик (**первый русский, побывавший на ней.** — С.К.), Атласов, завоеватель Камчатки» (Пушкин). Вывод: «Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все, от Лены до Анадыря, реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясака и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках» (Пушкин). В своем конспекте поэт запечатлевает все подробности, связанные с Камчаткой: ее географическое положение (горы, реки и озера); климат; места расселения племен — камчадалов (ительменов), коряков, курил, чукчей, юкагиров; следы первых русских землепроходцев; названия острогов, чтобы подытожить прочитанное: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет нестерпимую боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности: но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы». (Пушкин). Александр Сергеевич обращает внимание на первобытное состояние аборигенов, их нравы и способы выживания в необычных природных условиях, язык, часто делает ссылки на верования и мифы. Примечательны слова Крашенинникова: «Камчадалы, которые на басни такие же художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным, по их мнению, местам, как-то, например, кипящие воды, горелые сопки и прочая, приписывают что-нибудь чудесное: а именно, горячие ключи населяют вредительными духами, огнедышащие горы душами умерших...» (Крашенинников). Пушкин помечает: «Огнедышащие горы... Камчатская гора... всех гор выше». Крашенинников рассказывает о страшном пожаре, который случился на этой горе в 1737 году, когда вся она казалась раскаленным камнем. От грома и треска дрожали все ближние места. Камчадалы считают, что гора эта горит тогда, когда умершие топят свои юрты костями китов, а сами питаются китовым жиром, китов же ловят в подземном море. Примечательно замечание ученого: «Возгорание огнедышащих гор не токмо камчадалы, но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития, и то свое суеверное мнение доказывают многими примерами» (Крашенинников). На высоких горах, с которых не сходит снег, живут особые духи, почему камчадалы опасаются ходить мимо таких гор. Главный среди духов Билючей или Пиллячучь, который «по скаскам их (камчадалов) ездит на куропатках или на черных лисицах. Ежели кто следы его увидит, тот щаслив будет на промыслах во всю жизнь свою» (Крашенинников).

У Пушкина: «Гора Алайд на пустом курильском острове». Алайд — высокий камень. Упоминаемый остров находится

недалеко от островов Шумшу и Парамушира и представляет собой высокую гору — действующий вулкан. По суеверным рассказам курильчан, гора прежде всего стояла посреди великого курильского озера, а так как она своей высотой заслоняла свет другим горам, то последние ссорились с Алайдом, почему Алайд удалась в море, а в озеро в память о себе оставила свое сердце, которое по-курильски Учичи или Нухгунк, то есть пупковой, а по-русски «Сердце камень» называется» (Крашенинников). Помечает Пушкин и мифы о Кутхе: «Первым жителем и богом Камчатки почитается Кут. Смотри сказку о его ссоре с женою». Крашенинников упоминает безымянное озерко, из которого вытекает речка Пиитагыч. Коряки утверждали, что на острове этого маленького озера живет Кут. Островок разделяется логом. Прежде лога не было, а образовался он из-за драки Кута с женою: «Ибо де Кут по тому месту таскал за волосы жену свою». Драка произошла из-за яиц, которые они вместе собирали. Но Кутовой жене попадали яйца больших птиц, а ему мелкие. Счастье жены Кут посчитал причиной своего несчастья и захотел помешать, «но как она в том ему попротивилась, то он отомстил ей за непокорность вышеописываемым образом» (Крашенинников). Имя Кута упоминается и в записи Пушкина: «Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки. Гром, по их мнению, происходит оттого, что Кут лодки свои с реки на реку перетаскивают, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен». Тут же записывает: «Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утренней и вечерней». Крашенинников пишет о камчадалах: «Когда спросишь их, отчего ветер рождается? Ответствуют за истину от Балакитга, которого Кутха в чело-вечьем образе на облаках создал, и придал ему жену Завина — кугатг именем. Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению: когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и сильно, сколь великой ветр ему понравится, а когда он устанет, то утихнет и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего камчатского Еоля (Эол — греческий бог ветра) в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приезжает, тогда она находится в радости, а когда ему заночевать случается, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась: и оттого бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зорю и вечернюю и погоду, которая с тем соединяется, философствуя по смешному своему разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя».

Заметим, что в пушкинское время термин «миф» в научном мире еще не употреблялся.

В упомянутом выше конспекте «Камчатское дело» зафиксирована историческая часть «Описания земли Камчатки», озаглавленная «О покорении Камчатки», о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Записи Пушкина состоят из 87 параграфов, в которых в предельно сжатой форме с позиций подлинного историзма осмысливаются факты, изложенные Крашенинниковым. Написанное Пушкиным больше похоже на авторский текст, чем на конспект. Это убедительно показал в своей книге о Пушкине Н.И. Эйдельман.

Поэт отдает должное мужеству вожаков и рядовых казачьей вольницы, постоянно рисковавших жизнью. Приводит знаменательную фразу одного из казаков: «На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь семь лет, что ни сделаешь, а семь лет проживет, кому Бог велит». Целью царского правительства было приобретение Россией новых земель и сбор ясака с местного «ласкою» или «с бою». Нередко ясак приходилось брать «с бою». Надо сказать, что и между местными племенами происходили кровавые столк-

новения, когда победители поступали с побежденными «с обыкновенным всем тамошним народам бесчеловечием» (Крашенинников).

Пушкин не случайно постоянно фиксирует сведения о собираемом для царской казны ясаке. В то же время отмечает жестокость и стремление предводителей нажиться не только за счет ясачных людей, но и казаков. Из-за чего возникали смуты среди служилых людей, заканчивавшиеся убийством начальников. К этому следует добавить, что и сами казаки, оказавшись на отдаленной от центральной России земле, подчас вели себя независимо, не желали подчиняться приказчикам (так назывались тогда начальники; приказчик — от слова приказ). В начале 1711 года власти были уничтожены и по 1713 год на Камчатке правила казачья вольница, своеобразная Камчатская сечь, так занимавшая Пушкина.

Поборы властей и казаков были непомерными. Пушкин выписывает абзац из книги Крашенинникова, где говорится о том, что казаки брали в холопство и в наложницы камчатских женщин, с иными венчались; брали в холопство детей. Во время карточных игр проигрывали лисиц, соболей, а также холопов. Богатели казаки от «находов на камчадалов и от ясачного сбора» (Пушкин). Камчадал помимо ясака платил по соболу сборщику, подъячому, толмачу и казаку. Местные племена на непомерные поборы отвечали бунтами. Выделяя среди казаков наиболее яркие личности типа Федота Кочевщика и Владимира Атласова, «камчатского Ермака», Пушкин обращает внимание и на самобытную фигуру принявшего христианство камчадала Федора Харчина, бывшего местного тойона (князька). Во время камчатского восстания 1731 года на требование осадивших острог казаков сдать «Харчин кричал им со стены: «Я здесь приказчик, я сам буду ясак собирать; вы, казаки, здесь не нужны» (Пушкин). Царское правительство примерно наказало и бунтовщиков казаков, и руководителей восстания аборигенов. Цели же правительства оказались неизменными — пополнение государственной казны. Борьба между пришельцами казаками и камчадалами длилась более сорока лет. Пушкина занимала цена цивилизации, которую должны были заплатить коренные народы. Не одними территориальными и экономическими приобретениями измерял Пушкин заслуги землепроходцев. А. Киселев, продолжая свою мысль, пишет, что «с помощью нравственного средства, а не огня и меча, должна была исчезнуть дикость. То, что факты камчатской истории чаще не подкрепляли, а опровергали эту нравственную установку Пушкина, составляет внутренний драматизм «Заметок» (Наука и жизнь. — 1994. — №6. — С.131).

А.А. Степанов в статье «Пушкин и Дальний Восток», опубликованной в «Тихоокеанской звезде» в 1949 году, напомнил нам, что друзья Пушкина — декабристы, томившиеся в Нерчинских рудниках, находились на каторге в Верхнем Приамурье. Жена декабриста Н.М. Муравьева, Александра Григорьевна, отправившись в Сибирь, везла от поэта прощальное приветствие А.А. Пушкину:

...Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Это послание, в котором Пушкин вспоминает о встрече с другом в Михайловском, А.А. Пущин получил в день приезда в Читинский острог. Нерчинские рудники возникали в воображении поэта, когда он писал в памятный день 19 октября 1821 года стихи о своих лицейских товарищах, противостоящих житейским невзгодам:

Бог помощь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли.

Мрачные пропасти земли и есть Нерчинские рудники.

Всю читающую Россию взволновали горячие слова поэта, идущие от самой глубины сердца и адресованные друзьям-невольникам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...
Любовь и мужество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас...

Как пишет А.А. Степанов, с берегов Шилки прозвучали слова ответа декабристов, посланные поэтом Александром Ивановичем Одоевским и ставшие не менее знаменитыми, чем пушкинское «Послание в Сибирь»:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха чуткого дошли.
К мечам рванулись наши руки
И — лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Под Хабаровском в селе Сосновке живут потомки А.С. Пушкина. Это семья Владимира Георгиевича Воронцова (1957 г.р.), военнослужащего. Жена Ирина Александровна Брусенцова (1960 г.р.), сыновья Александр (1979 г.р.), Денис (1980 г.р.), Артем (1986 г.р.) и дочь Екатерина (1988 г.р.). Владимир Георгиевич и Александр родились в Иркутске, а Денис, Артем и Екатерина — в Хабаровске. Знакомство с ними оставляет светлое чувство. Легко просматривается внешнее сходство Владимира Георгиевича с его знаменитым предком. Родители и дети — скромные, простые, душевно открытые люди. Свое родство с А.С. Пушкиным особенно никому не выказывают. Идет это от Владимира Георгиевича. Ирина Александровна как-то обмолвилась, что когда она познакомилась с будущим мужем, товарищи Владимира в дружеском общении называли его Пушкиным. Ирина Александровна думала, что так его называют просто из-за внешнего сходства с поэтом. В таком же неведении она оставалась и первое время замужества. О семье Воронцовых мы узнали от Антонины Константиновны Дмитриевой, сын которой случайно оказался в части, где служил Владимир Георгиевич.

Родственная нить от А.С. Пушкина к В.А. Воронцову и его детям тянется через сына Александра Александровича (1833 г.р.), старшую внучку поэта Наталью Александровну Пушкину (1859 г.р.), вышедшую замуж за Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова (1854 г.р.). Третье поколение представляет Мария Павловна Воронцова-Вельяминова (1883 г.р.), вышедшая замуж за Евгения Ипполитовича Клименко (1864 г.р.). Четвертое — Наталья Евгеньевна Клименко (1907 г.р.), вышедшая замуж за Владимира Ивановича Воронцова-Вельяминова (1899 г.р.). Позднее Н.Е. Воронцова-Вельяминова приняла фамилию Воронцова. Пятое поколение — Георгий Владимирович Воронцов (1926 г.р.), женившийся на Александре Николаевне Захаровой (1927 г.р.). Георгий Владимирович родился в селе Югалин Барновичской области (ныне входит в Брестскую область), участвовал в Великой Отечественной войне, армейскую службу закончил в Иркутске, где и остановился после демобилизации.

О пушкинской генеалогии увлекательно повествует в своих книгах В.М. Русаков. В книге «Рассказы о потомках А.С. Пушкина», изданной в С.-Петербурге в 1992 году, Виктор Михайлович Русаков приложил составленную им родословную роспись «А.С. Пушкин и его потомки», в которую включил наших земляков — Владимира Георгиевича Воронцова и его семью.

К 100-летию со дня рождения писателя

ТРАГИЧЕСКИЙ ШАРМ

Даниила Хармса

Клара ЗИЛОВА

И. П. Ювачев (Миролюбов)

Даниил Хармс – псевдоним Даниила Ивановича Ювачева, известного в 20–30-е годы XX века писателя. Свой псевдоним Хармс постоянно варьировал, вводил его новые формы: Хормс, Чармс, Хаармс, Шардам, Хармс-Данден. По-французски «шарм» (charm) – обаяние, чары. По-английски это несчастье – так объяснял он сам. На санскрите «дхарма» (dharma) – «религиозный долг», его исполнение, «праведность, благочестие». Отец Хармса подобные поиски сына не одобрял и считал, что пока Даниил носит это имя, его будут преследовать несчастья.

Даниил Хармс. 1925

Стихи и рассказы Даниила Хармса печатались в детских журналах «Еж» и «Чиж». Писать он начал в 1920-е годы, испытал влияние В. Хлебникова и А. Туфанова, основателя «Ордена заумников». В 1925 году Хармс подал заявление в Ленинградское отделение Всесоюзного Союза поэтов, приложив два сборника своих стихов, и был принят. Тяготясь ученичеством, он ушел от А. Туфанова, основал «Левый фланг», а потом «Академию левых классиков». В 1926 году в Ленинграде создается театр «Радикс». Для постановки избирается пьеса «Моя мама вся в часах», по произведениям Д. Хармса и А. Введенского, помещение арендуется у заведующего Институтом художественной культуры художника К. Малевича.

В 1927 году директор Дома печати В. Баскаков предлагает «Академии левых классиков» стать секцией Дома и выступить с большим вечером, сняв, однако, слово «левый». Было придумано новое название – «Объединение реального искусства», которое трансформировалось в ОБЭРИУ. В объединение входила поэтическая секция: Н. Заболоцкий, А. Введенский, К. Вагинов, И. Бахтерев,

Ю. Владимиров. В 1928 году оно было представлено работниками всех видов искусства: театра, кино, изобразительного искусства. Декларация поэтической секции была написана Николаем Заболоцким. «Кто мы? И почему мы? Мы, обэриуты, честные работники своего искусства... Наша воля к творчеству уникальна: она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая ее со всех сторон... Кто-то и сейчас величает нас «заумниками».

В январе 1928 года прошел вечер, на котором Хармс читал стихи, состоялась премьера спектакля по его пьесе «Елизавета Бам».

Впервые в скандальном контексте имя Хармса появляется на страницах печати после его выступления в марте 1927 года на собрании литературного кружка курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств.

В 1930 году Хармс выступал в общежитии студентов Ленинградского университета. В журнале «Смена» появилась статья Л. Ниловича с заголовком «Реакционное жонглерство (об одной вылазке литературных хулиганов)». В ней отме-

ЗИЛОВА Клара Николаевна, старший научный сотрудник литературного отдела Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова.

В музее работает с 1979 года. Как руководитель литературного отдела принимала участие в создании и работе Дальневосточного литературного музея (1981–1992). Темы исследований: «Русские писатели на Дальнем Востоке», «Литературный процесс на Дальнем Востоке в конце XIX века – в 10–30-е годы XX века». Автор экспозиций и выставок по этой теме. К.Н. Зиловой собраны архивы и коллекции писателей Н. Матвеева-Бодрого, Т. Борисова, А. Ревоненко, А. Фадеева, А. Гайдара, Д. Нагишкина, А. Гая, В. Ажаева, А.С. Пришвина, Новикова-Прибоя, С.Н. Маркова, Л.П. Волкова, Д. Шилова, С. Леонова, К. Рослого, С. Тельканова, В. Клипеля, П. Кулыгина, П. Комарова и др. Всего – около 30 тысяч единиц хранения.

Печаталась в журналах «Дальний Восток», «Словесница Искусств», в научных сборниках «Записки Гродековского музея», «Музейные вести» и др.

чалось: «Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага — так заявляет пролетарское студенчество».

Через полтора года, в декабре 1932-го, Хармса арестовали. Его приговорили к трем годам лагерей, но заменили короткой ссылкой в Курск, где он пробыл вместе с А. Введенским вторую половину 1932 года. В 30-е годы писатель интенсивно работает в разных жанрах: поэзии, прозы, драмы, эссе, философского трактата. Он составил два сборника из ранее написанного, но ничего этого в печати не появилось, хотя «взрослых вещей» он написал больше, чем детских. В 1934 году Д. Хармса принимают в Союз писателей СССР.

23 августа 1941 года Д. Хармса арестовали, а 2 февраля 1942 года он скончался в тюремной больнице. Документов о смерти в деле Д. Хармса не сохранилось. Друг писателя Я.Д. Друскин после ареста Д. Хармса пошел на его квартиру и забрал архив писателя. В 1944 году сестра Хармса Елизавета Грицына передала Друскину еще часть архива брата. Это и помогло сохранить литературное наследие Даниила Ивановича Хармса.

Но вернемся к началу. Хармс появился на свет в 1905 году в Санкт-Петербурге. Имя Даниил (Суд Божий) ему дали потому, что родился в день этого святого, к тому же отец незадолго видел во сне святого Даниила, считал этого пророка самым дорогим для себя.

Мать Д. Хармса Надежда Ивановна Колюбакина (1876—1928) заведовала прачечной в убежище принцессы Ольденбургской, где женщины, освободившиеся из тюрьмы, получали на первое время приют и работу. Отец часто бывал в разъездах, и потому Даниилом занимались мать и две тетки. Однако отец следил за воспитанием сына, даже когда был в отъезде: писал письма, давал советы. Даниил глубоко уважал отца, считал его высшим существом. В его присутствии не позволял себе сидеть и всегда говорил с ним стоя.

Отец Д. Хармса, Иван Петрович Ювачев (1860—1940), литературный псевдоним — Миролубов, прошел тяготы сахалинской каторги, и после освобождения с 1895 по 1897 год жил на поселении во Владивостоке. С детства Иван Ювачев мечтал стать мореплавателем. Учился в уездном училище в Санкт-Петербурге, в 1874 году поступил в техническое училище Морского ведомства. После окончания курса его перевели в г. Николаев.

В должности старшего штурманского офицера шхуны «Келасуры» И.П. Ювачев ходил у берегов Крыма и Кавказа. Зимой жил в Николаеве. Здесь он познакомился с полковником М.Ю. Ашенбренером, организатором военной подпольной организации, которая только создавалась. Ювачев собрал вокруг себя небольшую группу молодых морских офицеров.

В 1882 году он поступил вольнослушателем в морскую академию в Санкт-Петербурге. В это время арестовали бывшего артиллерийского офицера С.П. Дегаева, у которого были все списки членов военной организации. 13 августа 1883 года И.П. Ювачева тоже взяли под стражу и заключили в Петропавловскую крепость, где в ожидании суда он пробыл больше года. Несмотря на то что состав преступления отсутствовал, он был осужден как организатор морского военного кружка партии «Народная воля». Судебный процесс над народовольцами состоялся в сентябре 1884 года. Всего было осуждено 14 человек. Большинство из них — офицеры, а также студент морской академии И.П. Ювачев и две женщины: В.Н. Фигнер и Л.А. Волкенштейн. Народовольцев обвиняли в революционной пропаганде в армии. Восьми подсудимым, в том числе Ювачеву и Волкенштейн, был вынесен смертный приговор, который затем был заменен каторжными работами сроком на 15 лет.

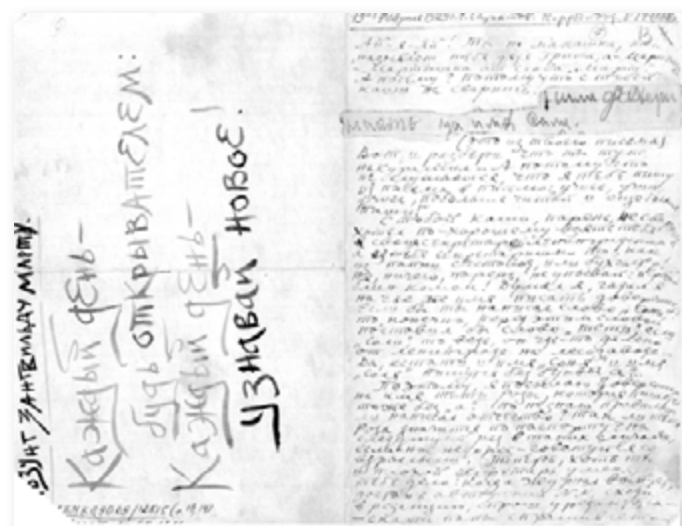

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ВЛАДИВОСТОКЪ» ВЪ 1896 ГОДУ.

Редакция газеты «Владивосток». 2-й во втором ряду слева И.П. Ювачев. 1896

Книга А. Туфанова «Золотая арфа». Фонд ГМДВ, архив Н.Н. Матвеева-Бурого

После Петропавловской крепости Ювачева перевели в Шлиссельбургскую крепость, где он три года провел в одиночной камере. Чтобы не сойти с ума, Ювачев занимался переводами с греческого, мысленно читал лекции по математике, физике, астрономии, напевал чуть слышно арии из опер. Узников одиночных камер держали в отрыве от внешнего мира. Из окна не было видно ни неба, ни солнца, ни деревьев, разрешалось получать всего два письма в год, притом, что их не разрешалось оставлять у себя. Гуляли заключенные раз в день по 20 минут в строгом одиночестве. Но узники боролись за свои права, и впоследствии им разрешили завести огородик, гулять вдвоем. Вместе с Ювачевым на прогулку стал выходить Н. Морозов. Это был очень интересный, талантливый человек. Они о многом говорили, и это скрашивало их тяжелые дни. Известно, что в 20-е годы XX века Н. Морозов приезжал во Владивосток с чтением лекций. В настоящее время многие современные мыслители обращаются к научным трудам Н. Морозова. Так бывает, что некоторые люди опережают свое время.

На Сахалин Ювачева привезли в 1887 году. Он попал в Рыковскую тюрьму и два года ходил в ножных кандалах. Впоследствии его назначили заведующим метеорологической станции, позднее он стал капитаном первого сахалинского парохода «Князь Шаховской», совершал рейсы по портам Сахалина. Ювачев изучал гидрологию, климат острова, составил морскую карту Александровского рейда и лоцию Татарского пролива, а после возвращения с каторги работал в Управлении по постройке Уссурийской железной дороги в качестве техника, потом командовал пароходом Министерства путей сообщения, сотрудничал в местных газетах «Далекий край» и «Владивосток», принимал деятельное участие в Приамурском отделе Русского географического общества, печатал статьи по метеорологии и лоции.

Генерал-губернатор Н.И. Гродеков хлопотал о разрешении Ювачеву вернуться в Россию. В 1897 году через Японию, Сандвичевы острова, Америку и Англию он отправился на Родину. Жил в Новгородской губернии, в 1898 году ему разрешили жить в столице. В 1899 году И.П. Ювачеву были возвращены все права, утраченные по суду. После каторги он отошел от революционной деятельности. Теперь в его жизни значительное место заняла религия. В 1900 году Ювачев совершил поездку в Грецию, Сирию, Египет, Палестину, описанную в его трудах «Паломничество в Палестину» и «Между миром и монастырем». В разных журналах печатались статьи по различным вопросам, ряд из них был посвящен Шлиссельбургской крепости, которые стали основой написания книги И. Ювачева, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1907 году в издательстве «Посредник». Издатель Иван Иванович Горбунов, последователь учения Л.Н. Толстого, написал к ней предисловие. Эта книга хранится в фондах Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова в архиве Н.Н. Матвеева-Бодрого. Каторге Ювачев посвятил еще одну книгу — «Восемь лет на Сахалине».

В то время, когда Ювачев находился во Владивостоке, здесь жили сахалинские каторжане Бронислав Пилсудский, Лев Штернберг, Людмила Волкенштейн. Все они были знакомы с Николаем Петровичем Матвеевым-Амурским, писателем, журналистом, издателем, общественным деятелем, посещали его дом. Бывшие сахалинские каторжане печатались во владивостокских газетах. В фондах ГМДВ им. Н.И. Гродекова есть газета «Далекая окраина» за 12 марта 1917 года, посвященная борцам с самодержавием. В этой газете опубликована фотография редакции газеты «Владивосток», где запечатлены Л. Штернберг, Н. Матвеев-Амурский, И. Ювачев. Здесь же фотография Л. Волкенштейн и

стихотворение Н. Матвеева-Амурского, посвященное ее гибели во Владивостоке в 1906 году во время мирной демонстрации трудящихся.

Дети Матвеева-Амурского Зотик, Николай, Петр, Венедикт (Март), Георгий в 20-30-е годы XX века жили в Ленинграде и были знакомы с сыном И.П. Ювачева Даниилом Хармсом. В фондах нашего музея есть записка Д. Хармса, адресованная Николаю Матвееву. В записке Д. Хармс писал: «Николай Николаевич, мне очень нужно повидать вашего брата Петра Николаевича. Но я потерял Ваш адрес. Если можно, оставьте его в библиотеке на мое имя. Я на днях зайду. Даниил Хармс. Тел. 32-15».

Георгию Матвееву Д. Хармс подарил свою фотографию с дарственной надписью «*Поэту Жоржу — другу — от председателя взиря зауми Даниила Хармса, 1925, сентябрь, 13*».

В наших фондах есть письма В. Марта своему сыну Зангвильду, который впоследствии стал известным американским поэтом Иваном Елагиным. Письма В. Март писал из Саратова, куда был сослан. В некоторых письмах, открытках он упоминает Д. Хармса, Ювачевых.

«22 декабря 1928 г. Саратов.

...Привет всем Лесохиным, Карминым, Матвеевым и Ювачевым».

«7 января 1929 г. Саратов.

Дорогой Зайчушка! Получил твое письмо хорошее с утешениями. Очень рад, что Даня обещает тебе помочь устроиться в школу. Пиши мне все, как будет дело со школой...»

«19 февраля 1929 г. Саратов.

Видел ли ты кого-нибудь из Матвеевых? Видел ли Ювачевых?...

В одном из писем Зангвильд пишет отцу, что он собирает журналы «Еж», но у него не все экземпляры. Несколько экземпляров принес ему его двоюродный брат Вир (Виктор) Матвеев, сын Николая Николаевича Матвеева-Бодрого. На это письмо В. Март отвечает сыну:

«1 марта 1929 г. Саратов.

...Теперь относительно журнала «Еж», 5 экземпляров которого тебе оставил Вирик... Ведь твой хороший знакомый Даня Ювачев — один из редакторов этого самого журнала «Ежа». Рассказал бы ему хотя бы по телефону о том, что тебе нужен «Еж», ... и он — папкин друг и папкин — крестный брат, — не осмелился бы тебе отказать в таком пустяке»...

Есть в фондах фотография И.П. Ювачева, подаренная Н.Н. Матвееву-Бодрому в 1932 году. На книге И.П. Ювачева (Миролюбова) «Шлиссельбургская крепость» Н.Н. Матвеев-Бодрый сделал свои записи. Он пишет, что когда Ювачев был на поселении во Владивостоке, то жил в их старом доме, и Н.Н. Матвеев-Бодрый его помнит, несмотря на то, что ему было 5—7 лет. Все эти материалы — из архива Н.Н. Матвеева-Бодрого, приобретенного музеем в 1984 году у его сына Виктора Николаевича Матвеева.

В 90-е годы XX века возрос интерес к творчеству Даниила Хармса, появилось много публикаций, посвященных его жизни, тем произведениям, которые пролежали десятилетия невостребованными. Творчество Д. Хармса открылось нам новыми гранями.

Вот такие две трагические судьбы — отца и сына. Отец был народовольцем, радел о судьбах своего народа, за что просидел четыре года в тюрьмах и провел восемь лет на каторге. А сын погиб за новизну, за новые мироощущения, за создание нового поэтического языка. Но по сути оба они были революционерами в своем стремлении к новому, к прогрессу, к движению вперед.

«Быть безвестным поэтом и честь и бесчестье...»

Жизнь и творческая судьба Лидии Хаиндровой

С детства будущая поэтесса любила читать, как и многие её сверстницы, зачитываясь романами Л.А. Чарской, которая в течение 26 лет была характерной актрисой Б. Александринского театра, позже стала автором увлекательных романов о жизни закрытых учебных заведений («Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская» и многих других). «Девочкой из Джаваховского гнезда» называла Л.Ю. Хаиндрову поэт, переводчик, журналист Ю.В. Крузенштерн-Петерс (1903 – 1983), подчёркивая её чистоту и «наивность». Притом что Харбин был центром культуры и книжности, в городе, как это ни парадоксально, ощущался «книжный голод». Журнал «Рубеж» писал, что «...в эмиграции мы... всё с большим трудом имеем возможность доставать книги (получаемые из заграницы книги, расцениваясь в валюте, недоступны рядовому обывателю)».

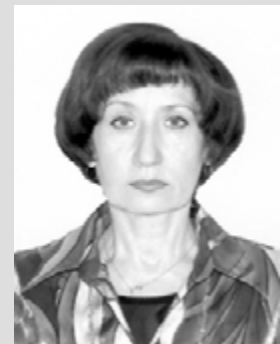
Поэтические предпочтения Л.Ю. Хаин-

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

В июне 2005 года исполнилось 95 лет со дня рождения поэтессы дальневосточного русского зарубежья Лидии Юлиановны Хаиндровой (1910 – 1986). Родилась она в Одессе, воспитывалась в имении своего деда в Грузии, в селе Лехаиндрово. Шестилетним ребёнком увезли её в Харбин к родителям. «Моя родина – Харбин, – вспоминала поэтесса. – В России и на Кавказе была настолько маленькой, что совсем их не помню». В собрании ГМДВ им. Н.И. Гродекова есть уникальные материалы поэтессы: письма, книги.

дровой вполне соответствовали мотивам, образам, сюжетам её стихотворений. Поэтесса признавалась, что с детства любила А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова («последнего чуть больше»). Из поэтов XX века ей были близки А.А. Блок, Н.С. Гумилёв, С.А. Есенин, В.Я. Брюсов, А.А. Ахматова. «Поражал» её Б.Л. Пастернак, но «властвовал над всеми Н.С. Гумилёв». От Пушкина до Гумилёва – таковы ступени постижения русской поэзии. Шли годы, что-то менялось в характере, в мироощущении Л.Ю. Хаиндровой, а любовь к избранному поэтам оставалась для неё неизменной. Её отношения с ними строились на нравственном и личностном воздействии.

В Харбине Л.Ю. Хаиндрова получила образование, состоялась как поэтесса. Её стихи публиковались в журналах «Рубеж», «Парус», «Понедельник», в газете «Чураевка», в сборнике стихов и прозы «Багульник» (Харбин, 1931). Примечательно, что в предисловии к этому сборнику редактор-издатель Ф.Ф. Да-

ГРЕБЕНЮКОВА Наталья Петровна, и.о. зав. литературным отделом Государственного музея Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. Родилась в Комсомольске-на-Амуре. Детство и юность прошли в Хабаровске. В 1972 году окончила Хабаровский государственный педагогический институт и три года работала учителем словесности в с. Даниловка Хабаровского края. С 1975 по 1980 гг. – преподаватель и зав. спецбиблиотекой школы подготовки УВД. С 1980 г. и по сей день работает в Государственном музее Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. Участвовала в создании Дальневосточного литературного музея. Темы научных исследований: «Футуризм на Дальнем Востоке», «Дальневосточное русское зарубежье», «Дальневосточные поэты – участники Великой Отечественной войны», «Репрессированные писатели», «История литературы на Дальнем Востоке» и др. Участник конференций, проводимых ГМДВ им. Н.И. Гродекова, активный член общества «Краевед» и общества дружбы «Россия – Испания». Публиковалась в научных сборниках «Записки Гродековского музея», в альманахе «Рубеж», в журнале «Дальний Восток». Автор книги «Футуризм на Дальнем Востоке». Редактор-составитель книги «Стихи поэтов, павших на войне»: Хабаровск, 2005

ниленко, который, как и все эмигранты, исповедовал культ Родины, писал: «Мы живём на Востоке. Мы держим направление на Россию. И символом этого мы избираем — БАГУЛЬНИК».

Заметим, что одним из авторов этого сборника был Вс.Н. Иванов, с которым Л.Ю. Хаиндрова состояла в переписке — много позже, когда оба они были репатрированы. К одному из писем, датированному 30 мая 1968 года, Лидия Юлиановна приложила подборку стихов, которые были одобрены одной известной поэтессой. Л.Ю. Хаиндрова выполнила просьбу Вс.Н. Иванова прислать «свои сборнички». Автор письма с грустью сообщает, что «меня ещё нигде не печатает...хотя стихи и не совсем плохие, но ведь их всё равно не напечатают». Объяснения этому не даётся. По тону письма чувствуется, что Лидия Юлиановна винит себя в нарушении принципа поэтического мастерства «ни дня без строчки»: «Ведь я больше двадцати лет не писала ни строчки». Отсюда следует, что Л.Ю. Хаиндрова, вернувшаяся на Родину в 1947 году, всё это время стихов не писала и ничего не публиковала.

В Китае Л.Ю. Хаиндрова издала четыре поэтических сборника: «Ступени» (Харбин, 1939), «Крылья» (Харбин, 1941), «На распутье» (Шанхай, 1943) и «Раздумья» (Харбин, 194?). Стихи, вошедшие в эти книги, нашли благоприятные отзывы в журнале «Рубеж»: «Примиренностью, покорностью, мягкой вуалью грусти подёрнуты все стихи Л. Хаиндровой...», «В этом маленьком сборнике много хороших стихов; много ярких образов, новых форм и звучных строк. Чувствуется, что поэтесса достигла творческой самостоятельности...» В России, в Краснодарском книжном издательстве, в 1976 году вышел небольшой сборник стихов «Даты, даты...»

Лиризм Л.Ю. Хаиндровой осложняется сюжетом, размышлениями, бытовыми реалиями. Основные темы её стихов — Родина, поэт и поэзия, любовь, разлука, смерть, старость; немало стихотворений посвящено матери. Часто её лирический герой, как и герой М.Ю. Лермонтова, демонстрирует душевные муки и разлад с собою:

Ну а мы? Мы — пришельцы...
Мы сиры и наги.
Муза странствий манит нас.
Бьёт крыльями ночь,
И, влюблённые в силу
и дерзость отваги,
Мы в бессилье должны изнемогать.

В этой связи интересно вспомнить слова Бенжамена Константа, автора лю-

бимого в пушкинские времена романа «Адольф»: «Всё в нас так зыбко, что в конце концов мы проникаемся чувствами, которые сперва только изображали».

Мысль М.Ю. Лермонтова о том, что:

Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чём, —

Л.Ю. Хаиндрова перестрадала и переживала. Странствие, как известно, — исходный момент действия, ведущего к желанному покою. Прошли годы, и устами своей лирической героини поэтесса произнесла:

И дня я не была унылой.
Не называла жизнь постылой.
Я с гордостью по ней прошла —
Сама творец добра и зла.

Вернувшись на Родину, Л.Ю. Хаиндрова жила в городе Краснодаре, занималась педагогической работой, принимала участие в работе литературного объединения. Многие современницы вспоминали о её «бесконечной доброте» и о чувстве долга, которое поэтесса вынесла, как нравственный урок, из жизненного кредо любимого ею «трагического тенора эпохи» (А.А. Ахматова) А.А. Блока: «Не забывай долга — это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет».

Уже на склоне лет Л.Ю. Хаиндрова писала:

Перемахнув через десятки лет,
Я всё ещё учусь, как жить на свете.
А может быть, и в этом весь секрет:
Учиться век и быть за всё в ответе.

Поэтесса с нелёгкой творческой судьбой, Л.Ю. Хаиндрова не осталась в России безвестной — этот жребий её пугал:

Быть безвестным поэтом
и честь и бесчестье.
Нелегко быть поэтом!
Нелегко и не быть!

Но поэтессе при этом не хотелось «быть притчей на устах у всех»:

Слишком много поэтов...
Не счесть их.
Мало тех, кого можно любить.

Стихи Л.Ю. Хаиндровой привлекают искренностью и чистотой чувств. Без претенциозной сложности, без «талантливых завитков вокруг пустоты», как определял настоящую поэзию А.А. Блок, они обнаруживают глубину души поэтессы и потому будут всегда интересны.

Россия

Россия, твой ветер привольный
Призывно и мощно поёт.
И радостно сердцу, и больно,
И просится сердце в полёт.

Но поздно! Я слишком устала...
Душа каменеет моя.
О гребень девятого вала
Моя разобьётся ладья.

И я не дойду — не узнаю
Ни ласки, ни власти твоей
И вздохом тревожным растаю
Средь чуждых китайских полей.
1946

Мы все уйдём — последняя дорога,
Как жизнь, неотвратимо суждена.
Посланицею радостного Бога
К нам выплыла высокая луна.

Мы все уйдём — деревья, опадая,
Благословляют мудрость бытия,
Как будто им раскрылись двери рая,
Как мне раскрылась книга жития.

Для тех, кто тщится в взвихренном потоке
Настигнуть неземные корабли.
Из книги вечной вырву смысл глубокий,
Как вырывают корни из земли.
1938

Сны о России

Всем девушкам снятся простые
Весенние лёгкие сны,
Одна только ты о России
Грустишь в эти ясные дни.

В часы неустанной тревоги
Приснится тебе лишь одной,
Как розовый месяц двурогий
Грустит над твоею страной.

Глядит — не твоими ль глазами? —
Тоскует, как близкий, родной,
Над пашнями и над лугами,
Над озером с сонной водой.
1935

О мудрости

Валерию Перелешину

О мудрости немудрые прочтут —
Во всех веках довлеющая каста —
Но для неё не кинут свой уют,
Как не поймут и слов Екклесиаста.

Надгробных плит коснётся пыль и тлен.
Луной посеребрённые долины
Таят в себе немолчный зов измен —
От прошлого наследие доныне.

Поэты пишут только для себя,
Им кажутся доступны тайны мира,
И ничего на свете не любя,
Поёт тревожно о любви их лира.

О мудрости немудрые прочтут...
Жизнь проглядев, как некую комету,
Забудут ли накопленный уют?
Нет, не они, спеша к другому свету,
За сердцем дрогнувшим пойдут.
1939

Китайская пашня

Осторожней проходи по пашням:
Мирно спят здесь прадеды твои,
Охраняя твой посев вчерашний
Всем долготерпением любви.

Посмотри, закат стал бледно-синим,
Выцветшим, как рубище твоё,
У колодца слышен крик ослиный —
У колодца, где вода гниёт.

И, встречая лёгкие зарницы,
Ласково кивнут тебе цветы.
Станет взрослым сын твой желтолицый,
Тишину полей поймёт, как ты.

Он не сложит песен. В строгом взоре
Мудрость предков и покой земли.
Никакое не осилит горе
Тех, что слиться с пашнями смогли.

Дедовские холмики среди пашен —
Густо покрывает их трава —
Без гранитных усыпальниц, башен,
Шепчут внукам вещи слова.

Наклонившись над холмом убогим,
Слушает бесстрастный сын полей,
Как вдали по солнечным дорогам
Пролетают стаи журавлей.
1940

Одиночество

Это ты, одиночество, шепчешь мне снова,
Шепчешь мне про дыханье чужого тепла,
Даже книжка крылатых стихов Гумилёва
Увести от тебя не смогла.

Ну, так что же! Я буду шептаться с тобою.
Ты — мой спутник
ещё с незапамятных лет.
Эти дни, что несутся крикливой толпою,
Знаю, в сердце оставят свой след.

Лишь орлы к поднебесью свободно
взлетают,
Не взглянув на шумливые пашни полей,
Вместе с ветром тяжёлые тучи пронзают
И рождают могучих, как сами, детей.

Ну, а мы?.. Мы — пришельцы...
Мы сиры и наги.

«Муза Странствий» манит нас.
Бьёт крыльями ночь...
И, влюблённые в силу и дерзость отваги,
Мы в бессилье должны изнемогать.

Я тебя не кляню... Не обманешь одно ты.
Неизменна твоя безглагольная высь.
Час придёт. Уведёшь в неземные высоты,
Скажешь: «К тайне моей прикоснись».

Только знаешь ли?.. Я потихоньку заплачу
Там, в чертогах божественных...
Там, у тебя...
О бескрылье людей, что живут наудачу
И умрут никого не любя.
1940

*«И ладанки с землёй родимой
Мне мой отец не завещал».*
В. Ходасевич

Твоя страна за дымкой непогоды.
Не увидеть, не услышать её.
Ты перерос печали и невзгоды,
Но не поймёшь, о чём она поёт.

Как ни влечёт тебя полёт орлицы,
Подъёмы ввысь неведомы тебе.
Скорей архангел Божий летом птицы
Низринется наперекор судьбе.

Опустится он, как орёл крылатый,
На гребни гор, где Демон пролетал...
Но, может быть, проснёшься?..
Час расплаты
Приблизился... Ты обновлённым стал.

За то, что столько лет была гонимой,
Ей шлешь благословение любви.
Не зная запаха земли родимой,
Ты пыль её таил в своей крови.
1941

Четверостишия

Мечтая о своей строке единой,
О полновесном сплаве дум моих,
Я лишь хочу, чтоб в стихотворной глине
Замешан был мой запоздалый стих.

Быть безвестным поэтом и честь
и бесчестье.
Нелегко быть поэтом! Нелегко и не быть!
Слишком много поэтов... Не счесть их.
Мало тех, кого можно любить.

Шуршат стихи в душе, — сказал поэт.
Шуршат поля, — подумал хлебопашец.
Так оба облекли в слова —
Мысль, поразившую их сердце.

«В тишине облюбованных комнат пусть тогда соберутся друзья...»

Письма Петру Комарову

Лидия ВАРАКСИНА,

ведущий археограф Государственного архива
Хабаровского края

Осыпаются листья, и реже,
И прозрачнее тени деревьев,
Только мы всё такие, как прежде, —
Возмужали, не постарев.
А года никого не обходят,
И пускай ты к нему не привык,
Но в моём и твоём обиходе
Скоро скажется слово — старик.
В тишине облюбованных комнат
Пусть тогда соберутся друзья —
Нашу славную молодость вспомнят
И дела, что не вспомнить нельзя.

Эти удивительно трогательные строки принадлежат перу Петра Степановича Комарова — поэта большого своеобразного дарования, неразрывно связавшего с дальневосточной землей всю свою творческую жизнь.

К сожалению, слово «старик», так и не успело укрепиться в повседневной жизни поэта. 30 сентября 1949 года после продолжительной и тяжелой болезни легких в возрасте 38 лет Петра Комарова не стало. Он ушел из жизни в рассвете творческого признания, достигнутого благодаря тяжелому повседневному труду и природному поэтическому таланту.

В Государственном архиве Хабаровского края хранятся документы личного фонда Петра Степановича Комарова. Его фонд невелик, в нем всего 48 дел, документы охватывают двадцать лет жизни поэта, с 1928 года по 1949 год, и десять лет — после его смерти. Это — рукописи, черновые наброски стихов, статей, очерков разных лет, записные книжки, документы биографического и служебного характера, критические выступления, отзывы о творчестве П. С. Комарова известных советских поэтов: Е. Долматовского, Б. Пастернака, А. Жарова и др., сообщения, телеграммы от редакций центральных газет, по просьбе и предложениям которых поэт писал стихи о трудовых буднях дальневосточников, о природе нашего края, и, наконец, «всякая всячина» — рифмы, строки, наброски, мысли. В названных документах, щедро переданных в дар архиву Ниной Яковлевной Комаровой, вдовой поэта, сосредоточена значительная часть человеческой и поэтической судьбы Петра Степановича Комарова. И чем внимательнее вчитываешься в них, тем острее осознаешь, что Петр Комаров обладал не только ярким поэтическим талантом, но и человеком он был замечательным.

Хочу остановиться на письмах, адресованных Петру Степановичу в разные годы. Он получил их много за свою короткую жизнь. В основном это письма писателей, поэтов, только начинающих делать первые шаги в прозе, поэзии, и уже известных, таких, как: П. Бажов, Вл. Орлов, Н. Задорнов, Вс. Иванов, Г. Марков, С. Бытовой, А. Смердов, Луговской, Нефёдов, Озеров и многих других. Одни делились с ним своими замыслами, другие просили совета, третьи благодарили его за внимательное отношение к их творчеству, третьи восторгались его стихами. Но от кого бы ни были эти письма, они свидетельствуют о том, что Комаров был удивительно притягательным человеком, чутким, обаятельным, душевно щедрым, скромным и в то же время требовательным и очень искренним.

Письма П. Бажова, Н. Задорного, Г. Маркова, Вс. Иванова — это письма-беседы о жизни, о творчестве, о себе. Читая их, явственно ощущаешь аромат того времени. В них незабываемыми образами предстают перед нами характеры людей с их не всегда простыми взаимоотношениями друг с другом, взглядами на творчество.

Обратимся к письмам Георгия Маркова. Они написаны в 1946 — 1948 годах и, пожалуй, не нуждаются в комментариях. Их просто нужно прочесть, и станет ясно, какие искренние, нежные чувства связывали писателя и поэта. Лучшим выражением их отношений является признание Маркова: *«Ваше доброе отношение ко мне ценю как большую радость. Иркутск, 22 декабря 1946 года».*

«Дорогой Петр Степанович! Вот уже миновали две недели моего жития в Иркутске, а я до сих пор не написал Вам ни строчки. Это, конечно, неблагодарность, и я прошу Вас извинить меня.»

«Вы так радушно встретили меня в Хабаровске и так сердечно отнеслись ко мне, что я не знаю, как и благодарить Вас. Мне было очень приятно узнать Вас близко, радостно даже, потому что Вы — не только талант поэтический, но и человеческий, что крайне дорого, необыкновенно дорого.»

Прошу Вас верить, что и Вы приобрели в моём лице друга искреннего и бескорыстного».

«...Вы спрашиваете о моей работе. Нет, я недоволен собой. Восточная повесть моя, правда, движется, но муки я испытываю большие. Материал сопротивляется, рогатится и порой охватывает меня уныние, что всё — серо и бесталанно. Прозреваю новый роман, который, чую, пойдёт. «Весна» — так назвал его для себя. Это на автобиографическом материале: юность, деревня, комсомол — то есть то, что бывает раз в жизни. Даю себе срок — пять лет. Агния Александровна (от автора. — Кузнецова) на днях пошлёт Вам «Чёртову дюжину». Книга только что вышла».

«...Ваше письмо получил. На него отвечу более подробно в другой раз. Пользуясь okazji, шлю Вам весьма интересную книгу, вышедшую у нас: «Животный мир озера Байкал», профессора Иркутского университета М. М. Комова. Я знаю, как Вы любите и интересуетесь природой — возможно, в этой книге найдёте что-нибудь полезное. Иркутск, 25 января 1947 года».

«Дорогой Петр Степанович! От всего сердца благодарю Вас за книгу, за подпись на ней, за посвящение стихотворения мне. Своим вниманием и своей искренностью тронули Вы меня до глубины души, взволновали и обрадовали бесконечно. Буду ждать случая, чтоб отблагодарить Вас той же сердечностью и доверием. Стоит ли говорить Вам, как по душе мне пришлись стихи Ваши? Да только ли мне?»

Я руковожу в Иркутске объединением молодых авторов, которое с интересом посещают студенты, педагоги, инженеры, рабочие. На одном из собраний я решил познакомить молодёжь с Вашими стихами. Мы прочли одно, второе стихотворение, третье... и чем больше читали, тем больше и больше подчинялись той светлой и лучистой эмоциональности, которой окрашено Ваше творчество...»

В этом письме речь идет о стихотворении «Солдат в пустыне», в котором всё, начиная с названия, сфокусировано на героическом воине:

Видел он, как тлеют на песке
Череп с глазницами пустыми...
Но перешагнул через пустыню —
От семи смертей на волоске.
Ветром залило его следы —
Их никто в песках не обнаружит.
Да солдат об этом и не тужит:
Он ушёл от смерти и беды.
Не в песках свой след оставил он,
Не в пустыне — голой и безводной, —
В благородной памяти народной
След солдата гордо сохранён.

Таким обобщением заканчивается это стихотворение, слова которого можно было бы поставить эпиграфом ко всем стихам Комарова о советских воинах. И, очевидно, таким человеком считал поэт Георгия Маркова, посвящая ему это стихотворение.

Не могу обойти вниманием письма Павла Петровича Бажова, автора всенародно известной книги сказов «Малахитовая шкатулка», воспевающих неиссякаемую творческую силу русского народа. Они датированы 1946 — 1948 годами и свидетельствуют о том, что в течение нескольких лет замечательного уральского сказочника и вдохновенного певца дальневосточной природы связывали искренняя симпатия и взаимный творческий интерес.

5 июля 1948 года, получив книжку стихов П. С. Комарова «На сопках Маньчжурии», выпущенную Дальгизом, Павел Петрович в тот же день послал поэту благодарственное письмо:

«Дорогой Пётр Степанович! Получил сегодня книжечку Ваших стихов «На сопках Маньчжурии». Большое спасибо за память, а ещё больше за ласковые слова надписи».

Сегодня уже показывал книжечку московскому книголюбу, имеющему очень редкую, даже для Москвы, библиотеку (В. Д. Богданова, жена Н. В. Богданова). Почитала, удивилась: какие чудесные, свежие стихи! И почему у меня их нет? Дал Ваш адрес. Вероятно, запросит. Послать ей стоит. Она умеет ценить книгу и делает это не для домашнего разговора за чайным столом».

Внешний вид книжечки порадовал. Дальгиз, на мой взгляд, научился неплохо оформлять: не то чтоб очень богато, но приятно и с некоторым налётом Востока. Доставать вот только книги, изданные в Хабаровске, почти невозможно. Давно, например, пытаюсь достать книгу Задорнова «Амур-батюшка», а не могу. Д. Д. Нагишкин пытался послать — не дошла. Просил послать наложенным платежом — не отвечает, а задорновский адрес не знаю. Вот и достаю!»

Ну, будем надеяться на лучшую связь, а пока разрешите пожелать дальнейших творческих успехов. Желаю также преодолеть чары центра, которые обычно уводят человека от своей темы. Как закостенелый прозаик желаю ещё, чтоб Вы наряду со стихами не чурались прозы. Если прозаик не может владеть стихом, то поэт, привыкший к чеканке образа и отбору слов, должен владеть и прозой. Примеров приводить не надо. А тема Востока нашей страны всех интересует».

И главное — будьте здоровы. Ещё раз спасибо за посылку. П. Бажов».

В письме от 18 августа 1946 года Бажов тревожится о здоровье поэта. Он пишет: *«...Печалит меня Ваше упоминание о недуге. Это хорошо, что Вы какой-то срок проводите в деревне, но почему Вам не попытаться пожить в чудесных местах Казахстана, типа Катон-Карагая, Баян-Аула, и особенно Каркаралинска. Последний городок по расположению (никак не по внешности!) напоминает города крымских курортов. Защищенный с севера высокой горной подковой, как и крымские курорты, он упирается не в море, а в безграничную степь. Вероятно, это соединение степного и высокогорного воздуха и оказывало чудесное действие на лёгочников. Не знаю, как и что там устроено теперь, но 20 — 26 лет назад никакого курорта там не было, а люди, пожив и поработав в этом маленьком, внешне невзрачном городишке, неизменно поправлялись. Всё-таки в той части Сибири, где Вам придется жить, должна быть излишняя влажность воздуха, а надо попытаться глотнуть степного...»*

С пожеланием всего лучшего П. Бажов».

Всё с той же интонацией доброжелательности, заинтересованности и внимания к творчеству дальневосточного поэта звучит голос П. П. Бажова в письме от 24 января 1948 года:

«Дорогой Петр Степанович! Получил Вашу книгу стихов. Благодарю и радуюсь Вашему творческому успеху. Десять разделов, из которых каждый имеет своё лицо, говорят, что по темам Вы не скучаете, не выискиваете их, как это происходит поэтам, живущим исключительно городской жизнью».

По своей склонности к историческим темам прочитал в первую очередь поэмы. Особенно меня задел «Володимир Атласов». Как-то ещё в пору гражданской войны мне случилось на перевале от томского урмана к енисейской тайге слышать любопытный разговор о Камчатке. Случалось даже рыться в печатных материалах, но потом это забылось, а вот теперь снова вспомнилось. Если соберусь написать, непременно направлю в Хабаровск. Основная идея предания не

та, что у Вас. Это, конечно, неплохо. Но вот смутило меня, что и в печатных материалах какой-то существенный разницей. В частности, мне, например, помнится, что нападение на суда купца Добрынина происходило уже после того, как Аташов побывал в Москве и получил царскую награду за открытие Камчатки. При снаряжении же первого похода он заикался у какого-то другого якутского торгового гостя.

Впрочем, не будем углубляться в эту сторону. Тропинки тут мало хоженые, заберёшься, что и не выбраться. Тем более, что у Вас напечатан лишь отрывок из романа.

Ещё раз благодарю за посылку книги и за напоминание о забытой теме. Думаю, что повтора здесь не будет. На Вас я всё-таки сетую за преувеличенную любезность надписи на книге. Неужели сказала близость Китая: сын солнца, цвет земли и пр. Это, однако, не мешает пожелать Вам в наступающем году дальнейших творческих успехов.

Прошу также передать мой сердечный привет писательской организации Хабаровска: Н. М. Роголю, т. Ажаеву, Тельканову (ему я должен в ближайшие дни написать) и, на особицу, Дм. Дм. Нагишкину. Он, наверно, в обиде на меня. Вынужден был остановиться под самым Свердловском, а я не смог выслать за ним машину. Прямо цепь специально подобранных препятствий: снегопад, прекративший на некоторое время автобусное движение, проводившаяся мною конференция по случаю годовщины смерти Мамина-Сибиряка, и ещё какие-то дела-делишки, в которых тогда путался. А главное, разумеется, в катастрофически слабых силах и совсем не слабеющей нагрузке. Пусть учтёт это и не обижается. С приветом и пожеланием всего лучшего. П. Бажов».

Всего три письма. Но сколько симпатии, душевной теплоты к дальневосточному поэту проступает за каждой строкой П. П. Бажова!

На протяжении долгих лет Пётр Степанович был связан крепкими узами дружбы с забайкальским писателем Константином Фёдоровичем Седых. Сохранилось несколько его писем, написанных чётким убористым почерком, датированных 1931, 1932, 1939 и 1946 годами. Это письма-репортажи. В них автор делится с поэтом своими творческими планами и простыми житейскими заботами, рассказывает о литературной жизни Забайкалья, восхищается поэтическим талантом Петра Комарова.

«24 апреля 1931 г. г. Иркутск.

Здравствуй, Петя!

С радостью прочитал в «Набате молодёжи» два твоих стихотворения. Молодец, что не бросил поэтического ремесла. В твоих стихах уже чувствуется что-то комаровское. Чувствуется рост. Этому я особенно рад. Из последнего стихотворения мне особенно запомнились строки:

...Как ты опоясывал

Ватный ошкур

Слепительным золотом

Беличьих шкур.

Кроме того, рад и тому, что Вы, по-видимому, всерьёз решили оживить и наладить литературную работу на Дальнем Востоке. Декларацию загвоздили блестящую. Оправдайте её делом.

Теперь о другом. Например, почему ты оставил без ответа моё письмо? Не получил его что ли? Нам, по-моему, следовало бы переписываться...

Сам я работаю в радиогазете в качестве заведующего партийно-комсомольским отделом. Стихи также пишу. Кое-что тебе посылаю. Но это, в конечном счете, только материалы для будующих вещей.

Подготовил к печати книгу стихов «Солнечные ливни». Сдал в ОГИЗ. Мнения соответствующих людей за то, чтобы её издать, но весь вопрос упирается в бумагу...

Болезнь продолжаю. Но скреплю. Надо же, коли рожден, жить, а вместе с тем и работать.

Пиши, Петька. С удовольствием буду отвечать.

Передавай приветы Луговскому, Киму и другим, кто помнит меня. А пока всего наилучшего. К. Седых».

«30 мая 1931 г. г. Иркутск.

Здравствуй, Петрусь!

Письмо получил. Конечно, рад. Но очень и очень огорчён, что и над тобой нависла свирепая..., скорбная штука. Выход? Начинать хлопоты, чтобы попасть теперь же на курорт. В Крым, по-моему, сильно не рвись. Есть ещё Боровое и наш Забайкальский Оленуэй. Они, пожалуй, будут полезнее. А главное в том, что в эти места легче попасть.

Спрашиваешь о перемене климата и в кавычках и без оных. Что я могу посоветовать? Иркутск, несомненно, лучше Хабаровска. Но об этом ты подумаешь после того, как подлечишься.

О себе. Работаю в «Восточно-Сибирском комсомольце». Здоровье скверное, хоть живу, но со скрипом. Сердце выкидывает теперь ещё более жуткие фортели.

Народ у нас сейчас подбирается. Появились ребята на большой палец, что называется. Всё дело в том, что ещё нет сработанности. Редакционных работников 11 человек, кроме художника.

Иркутск, в смысле литературной жизни, гораздо оживленнее Хабаровска. Печататься есть где.

Если будешь на Оленуэе, то оттуда доезжай до Иркутска. Привет. К. Седых».

«20 апреля 1932 г. г. Иркутск.

Здравствуй, Петя!

Сегодня получил твоё письмо. Шло оно до меня очень долго. Меня, видишь ли, несколько дней не было в Иркутске. Ездил с бригадой Вост.-Сиб. АПН в г. Усолье. Там, на солевом заводе, мы организовали писание коллективной книги по истории этого завода. Первая глава книги была написана уже при нас. Дело мы там завернули довольно крепко. Для иллюстрации наших деяний в Усолье прилагаю к письму кой-какие материалы. Смотрите, брат, и завидуйте. Всё это Вам должно рассказать, что с писателями в Восточной Сибири сейчас очень считаются. В результате ассоциация имеет возможность тратить солидные средства на развёртывание массовой работы.

Вернувшись из командировки, я заболел гриппом. Сажу дома. С большой тревогой посматриваю на всё увеличивающиеся мешки под глазами. Это мне говорит о многом. А я сейчас меньше всего намерен думать о смерти. Жить, брат, хочется, работать. Два века прожить на этой земле — и всё будет мало, ибо жизнь на ней начинается прекраснейшая: каждый день сулит тысячи прекрасных неожиданностей.

Помнится, что я писал тебе о том, что мы пишем стихи о героях. Так вот, стихи уже написаны: Крайгиз их принял, сегодня они отосланы в набор. Книга должна выйти в течение декабря, т. е. к 1 Мая...К. Седых».

«11 марта 1946 г. г. Иркутск.

Дорогой Петро!

Я видел и даже немного полистал твой чудесный «Хинганский родник» у Г. Маркова. Но для основательного прочтения он мне его не дал. Но и того, что я успел прочесть, вполне достаточно, чтобы сказать тебе, амурский чалдоннице, что писать ты стал удивительно хорошо. Утёр ты нос нам, твоим старшим братьям, с чем тебя искренне и поздравляю.

Так ты меня расшевелил своими стихами, что некоторые из них я запомнил наизусть. А это со мной редко бывает. Очень бы я хотел, чтобы твои стихи расшевелили и дядю Иннокентия, ныне обретающего у Вас. Надеюсь, что «Хинганский родник» я буду иметь. За оный пошлю тебе вторую книгу «Даурии», как только она увидит свет. Я сейчас сильно болею. Постарел, поседел. Работаю мало и плохо. Приглашали меня в Москву на конференцию прозаиков, но из-за болезни я не смог туда поехать, о чём весьма сожалею.

А как твоё здоровье? Я слышал, что у тебя тоже с лёгкими неблагополучно. Напиши мне, не поленись. И, если можно, пошли хотя бы перепечатанные на машинке твои «Маньчжурские стихи». Это доставит мне искреннюю радость и подействует на меня, как омолаживающий душу эликсир.

Твой К. Седых».

А вот письмо Василия Николаевича Ажаева, тогда начинающего, сегодня широко известного писателя, удостоенного в 1949 году Государственной премии СССР за роман «Далеко от Москвы». Он написал Петру Степановичу Комарову, когда тот находился в Москве — принимал участие в работе 10-го пленума Союза советских писателей.

«Здравствуй, дорогой Пётр Степанович!

Надеюсь, это письмо ещё застанет тебя в Москве. После твоего отъезда меня постигла новая неудача (с романом) и я окончательно решил, что отношусь к той жалкой категории неудачников, которую я сам глубоко презираю.

Роман получил единодушное одобрение редколлегии альманаха, и было решено срочно пускать его, в составе альманаха, в производство. Однако совершенно неожиданно для нас Крайлит (т. Бывшев) отказался завизировать рукопись, исходя из того, что в романе идёт речь о строительстве нефтепровода, состоящего в списке зашифрованных объектов. Утвердившись на сугубо формальной позиции и страхуясь, Бывшев не захотел посчитаться с нашими доводами в защиту романа.

Мы решили просить т. Поликарпова разрешить вопрос опубликования романа через Главлит. Для этого посылаем с т. Ковалевской рукопись и письма — моё и Рогая. Я нарочно не излагаю тебе доводов за опубликование — они приведены в наших письмах Дмитрию Александровичу.

Убедительно прошу тебя организовать продвижение романа через ССП и Главлит.

Направляемая рукопись составляет 10 глав (я добавил 2 главы); мне не удалось поспеть с переработкой ещё 2-х глав, которые завершают 1-ю часть. По-моему, решение Главлита может вполне основываться на 10-ти главах.

Если ты сочтёшь целесообразным — покажи роман, после Главлита, в «Новый мир»..., может быть, журнал сочтёт возможным принять 1-ю часть.

С нетерпением и дрожью жду известия о «Лирических рассказах». Если их в Москве забракуют — я повешусь в подьезде Хабаровского отделения ССП и попрошу, чтобы меня не снимали до твоего возвращения. Здесь рассказы застряли. Правда, Машуков мне заявил, что его вполне устроили сделанные мной переделки, что претензий ко мне со стороны издательства нет и что книга пошла в производство. Однако практически книга лежит без движения.

Пребываю в крайне скверном настроении. Работу над романом пока продолжаю форсировать по инерции. Если жалость к себе возьмёт верх и я не повешусь, то переключусь на сочинение исторических и детских повестей.

Одним словом, плохо, брат. Завидую тебе, пребывающему в Москве. Не забудь зайти к родителям.

Крепко жму руку твой Ажаев. 23 мая 1945 г. г. Хабаровск».

Надо полагать, что, находясь в Москве, Пётр Степанович предпринял определённые шаги по продвижению книги В. Ажаева. Именно поэтому, выступая с докладом «Об итогах 10-го пленума ССП СССР» на собрании писателей Хабаровского края 6 июля 1945 года, Пётр Степанович сказал о романе Ажаева «Далеко от Москвы» следующее: «С большой надеждой мы ожидаем появления романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», по первым главам которого и наши, и московские товарищи делают вывод, что это может оказаться значительным произведением, поставленным в один ряд с такими книгами о советском тыле, как «Огни» и «Клятва» (от автора — речь идёт о произведениях А. Каравановой и Ф. Гладкова). Будем надеяться, что это так и выйдет, и пожелаем В. Н. Ажаеву настоящей творческой удачи».

Время подтвердило слова Комарова. Роман «Далеко от Москвы» — книга о бессмертном подвиге дальневосточников, проложивших в годы Великой Отечественной войны нефтепровод в глухой тайге, сегодня одна из лучших книг о трудовой победе советских людей, о нерушимом единстве фронта и тыла в грозные дни войны.

П. С. Комаров никогда не оставался в стороне от событий, происходивших в нашей стране, нашем крае. Военные действия в августе 1945 года проходили в непосредственной близости от наших границ на Дальнем Востоке. И Комаров, невзирая на обострившуюся болезнь легких, вместе с Н. Задорновым в качестве корреспондентов Хабаровского краевого отделения ТАСС, получив 21 августа 1945 г. разрешение политотдела Краснознаменной Амурской флотилии, выехали в освобожденные районы Маньчжурии.

Творческим итогом этой поездки явился цикл замечательных патриотических стихов «Маньчжурская тетрадь». Стихи Комарова, связанные с победной освободительной миссией в странах Азии, восхищали всех поклонников его таланта. После того как в 1946 г. вышел сборник «На сопках Маньчжурии» и в 1947 г. — «Под небом Азии», поэт получал огромное количество восторженных писем. Александр Смердов, редактор журнала «Сибирские огни», писал Комарову: «... И грустно, и обидно, и восторженное изумление на душе: ведь вот человек в таком состоянии (от автора — имеется в виду болезнь легких) прорвался-таки на фронт, лез, наверное, в самые горячие дела и работал, работал до изнеможения и самозабвения. Ведь «Маньчжурская тетрадь» — это продукт очень жаркого горения и незатухающего творческого накала. Ей богу, восторженная зависть берет — богат ты, дорогой Петр Степанович. Иркутск, 22 декабря 1946 года».

Очень добрые и доверительные отношения связывали Петра Степановича Комарова с писателем Николаем Задорновым. Будучи на лечении в Прибалтике Задорнов достаточно часто писал Комарову, делился с ним своими мыслями, планами на будущее, впечатлениями об увиденном, делился как с самым близким другом, оставшимся на Дальнем Востоке.

Письма Николая Задорного не датированы.

«Дорогой Пётр!

Живу я на берегу моря, в двухэтажной вилле, в огромном парке. Одна из комнат с камином и широкими зеркальными стеллажами без переплётов, а в них — сосны с громадными мохнатыми кронами, холмы и море.

Под берегом рыбаки ловят шпротов, мы иногда покупаем их, и когда в доме пахнет рыбой, мне до боли ясно вспоминаются картины Дальнего Востока, рыбацких стойбищ и станков, костры, избы, запах кеты и карасей. И когда я пешком бродил по ледяному Амуру и без хлеба ел одного карася в день.

Я пишу, гуляю, часто езжу в Ригу. Люди здесь с западной России не так ярки, как в Сибири и в России юго-восточной. Я ехал из Москвы в международном и сквозь двойные стёкла с ерундой смотрел на картины жизни и природы.

За многие годы жизни на Дальнем Востоке я всегда был близок народу, мои поездки по заводам, колхозам, рыбацким и охотничьим стойбищам были для меня почвой и воздухом, которым я дышал. Тут среди готики и американизированных дач-кубиков мне не хватает близости родной земли, хотя я понимаю прелесть и красоту здешнего и уважаю трудолюбивый латышский народ и могу писать о нём, уже написал рассказ о латышах. Но странное дело!... Там, где я был нужен, мне всегда было тяжело и жить, и работать, и я никак не мог объяснить, чтобы меня поняли. Кто тут виноват, недружелюбность ли Рогая, твоя ли слабость или какой-то общий эгоизм нас, нелояльность писателей..., вернее, какая-то косность. Здесь у меня есть или может быть всё то, чего не хватало там.

Но почему с Дальнего Востока ни строки, ни от кого? А ведь я много мог бы ещё сделать для Дальнего Востока, и каждый это понимает».

И Петр Степанович Комаров в своем докладе на собрании писателей Хабаровского края 6 июля 1945 года подтверждает слова Николая Задорного, высказанные в адрес писательской организации:

«...Я хочу сказать о творческом методе Н. Задорного. Убедительности повествования он достигает потому, что его фантазия прочно держится на реальной основе, она не беспочвенна, не находится в отрыве от жизни. Прежде чем писать свой роман, Задорнов вдоль и поперёк исходил Нанайский и Комсомольский районы, побывал в русских сёлах и нанайских стойбищах, аккумулируя в себе все сведения о жизни аборигенов края. О примере этом следует помнить хотя бы ещё потому, что он достоин подражания.

Задорнов — серьёзный и многообещающий писатель, выросший на нашей земле, и досадно, что сейчас он уехал в Краснодар. Но в этом уже не вина писательской организации, а её беда: у нас не принято заботиться о нуждах писателей».

В следующем письме Н. Задорнов пишет:

«3-го февраля должен делать доклад о литературе Дальнего Востока в Союзе писателей.

У латышей есть крепкие писатели-лирики. Сами предложили мне устроить вечер. Сегодня я был в библиотеке Литфонда в Риге, взял номера «Октября» и «Нового мира» с твоими стихами, буду говорить о тебе. Сейчас лежал, читал твои стихи, нахлынули воспоминания, захотелось написать тебе. Не знаю, выдержу ли я сроки лечения. Хочется на Дальний Восток, глаза зажмуру, и всё вижу как наяву... Прочёл твои «Шантарские острова», стихи о Маньчжурии. Хорошо ты пишешь, Пётр! В Риге более сорока писателей. Один из них — Лацис — председатель Совнаркома. На днях мне дали читать гранки перевода его романа «Сын рыбака». Описаны, приблизительно, те места, где я живу. Море, рыбаки. Ломка быта. Роман этот ещё в буржуазной Латвии выдержал несколько изданий.

Здесь писатели в почёте, они сила. Рига своеобразный город и на меня производит тяжёлое впечатление. Чудесные бульвары из лип, дубов, множество зелени. Но здания, строгие в 90-х годах и начале 900-х годов, какой-то мрачно-величественный модерн с помесью готики, башни, шпили, готические крыши с прорезанными в них окнами пятых и шестых этажей. Но всё это как бы из вторых рук, лишь копия Европы. Улицы ровные, прямые. И на зданиях, и на людях тяжёлая печать Европы с её борьбой за существование, с разницей в положении.

В библиотеке Литфонда масса русских, рижских и берлинских и разных других изданий. Я не могу их читать, мрак, мистицизм или наивный идеализм. Читаю Пушкина тоже в берлинском издании, журнал «Дальний Восток» и тебя. Масса книг на иностранных языках, в пору хоть изучай, но о Сибири и Дальнем Востоке нет ничего. После Комсомольска вся Рига кажется запущенным музеем. Был я в музее латышской живописи... На живописи, как и балете, лежит признак холодности, наша жарче, перейдёшь в зал русской живописи и сразу схватит душу.

Был на фабрике, написал очерк и сам доволен. Николай».

Благодарность, стремление излить душу звучат в письме Всеволода Иванова (*от автора — личный фонд которого также хранится в архиве*) из Москвы от 26 мая 1948 года:

«Дорогой Пётр Степанович! Очень часто, и всё чаще и чаще вспоминаю теперь Ваши строчки: «... Ты не забудешь нигде поздний вечер далёкого края с разноцветным огнём на воде...». Должно быть, Дальний Восток мне влезал в печёнки, что я в весенней, роскошной, зацветающей, распускающейся зелени Москве — всё время думаю и об Амуре, и парке над ним, и даже нежно — о своей пещере на улице Карла Маркса... Нет, что-то есть там особенное, от пантов оленей, от Тихого океана, от близости Китая, от страстного хода рыбы в реках, от тамошних литераторов, что-то грустное, сильное, специфическое, чего так за здорово живёшь — не забудешь, не забудешь.

Что касается меня, то я тут прошёл «Хождение по мукам»:...Спасибо Ажаеву — он был как бы тем толкачом-паровозом, который фигурирует в Ваших стихах о новой дороге... Ажаев, а затем моё появление, сделали то, что Симонов распорядился устроить обсуждение через 2 недели. В сущности это было не литературное обсуждение, а учёное заседание с участием 3-х восточников профессоров — Перевертайло, Эренбурга (кузена того самого) и Кима. Кроме того, был приглашён и, что вызвало всеобщее удивление, — пришёл М. М. Бородин, который, конечно, всех лучше знает, что такое Китай... Были ещё Караваяев, Карцев, Фатеев и ещё публика.

Чистили меня здорово, но не в литературном, не в бытовом смысле — всё это хорошо. Главным образом вменялись в вину ошибки в политическом изложении событий в Китае... Обсуждением я очень доволен — теперь я знаю то, чего я не знал в моём хабаровском одиночестве в смысле этого вопроса. Прошла уже неделя, многое стало ясно. Сейчас я сижу в Ленинской, поглощаю разные книги, материалы. И Бородин, и Эдинбург, и другие дадут мне консультации и списки книг и т. д. Думаю, что книга будет скоро доделана и значительно усилена. Вот, дорогой Пётр Степанович, сколько разных хлопот и волнений на старости лет. Всё же надо признать, что поездка была предпринята правильно, что нужно было ехать. И спасибо Вам за то, что в годы моего сосредоточенного молчания и писания — Вы нет-нет да и ободряли меня. Душевно Ваш Вс. Иванов».

Пётр Степанович не был человеком равнодушным, поэтому молодые авторы тянулись к нему, делились с ним своими творческими планами. И он отдавал много сил воспитанию новых кадров дальневосточных литераторов края, читая их рукописи, продвигая и редактируя их первые книги. Не один молодой поэт обязан своими успехами его дружеской помощи. Николай Шундик, Пётр Нефёдов, Сергей Тельканов давали читать ему свои произведения, заранее зная, что Пётр Степанович отнесётся к каждой написанной строке с высокой требовательностью мастера. Поэтому его рецензии являлись для начинающих писателей и поэтов настоящей школой.

В журнале «Дальний Восток» (№№ 5, 6) за 1946 год была опубликована рецензия П. С. Комарова (от автора — под псевдонимом К. Петров) на повесть Нины Емельяновой «В Уссурийской тайге», вышедшей в 1946 году в издательстве «Советский писатель». Обсуждению этой повести был посвящён творческий вечер дальневосточников в Союзе советских писателей в Москве, на котором хвалили рецензию Комарова. Об этом Нина Емельянова сообщила Петру Степановичу в своём письме от 6 мая 1947 года.

«Дорогой Пётр Степанович!

...Ваша «рецензия» на мою книгу оказалась совсем не рецензией, а большой статьёй, которую Левин заслуженно хвалил на обсуждении как пример серьёзной, обоснованной критики и упоминал, что, дай бог, и в центральной критической литературе иметь такие статьи! Нечего и говорить, что мне она доставила большое удовольствие, я обрадовалась голосу друга, да ещё и дальневосточника! Ужасно хочется, после такой поддержки, писать и работать лучше, «горю своротить» в своём деле».

Благодарность за редакторскую правку поэмы «С. Лазо» звучит и в письме Георгия Халилецкого:

«6 января 1949 г.

Дорогой Пётр Степанович!

Сегодня у меня особенно торжественный день, и я не могу не писать Вам. Только что перечитал «Лазо». Я очень и очень благодарен за правку. За исключением двух или трёх строк, которые — прямо скажу — в новом виде мне не понравились, — всё остальное резко улучшило поэму. И очень правильно, в частности, то, что Вы выбросили из последней главы кусок «Ну, вот и всё, бессонными ночами» и т.д. — сейчас я убеждаюсь, что его давать действительно не следовало.

Я был бы несказанно счастлив, если бы мою будущую книжку редактировал такой чуткий и строгий редактор».

А вот письмо начинающего поэта Богуславского из Владивостока:

«Дорогой Пётр Степанович!

Позвольте от всей души поблагодарить Вас за очень нужное и своевременное письмо. Вам, может быть, покажется странным то, что я очень обрадовался именно этому «разгромному» письму. На самом же деле всё очень просто. Ваше письмо как бы подытожило все мои последние размышления о своём творчестве. Стало окончательно ясно: я попросту валял дурака. Правильно печататься, выполнять заказы — это льстило самолюбию. Дескать, долго ли написать стихотворение? О чём вам? О стахановце? Пожалуйста! Не пройдёт и двух часов, как стихи будут лежать у редактора на столе! И стихи делались за два часа, выкладывались на редакторский стол и почти без правок шли в набор.

Так я бодро шагал, выслушивая комплименты, не замечая, что иду под уклон. Оттого-то и путь был лёгок.

Мне особенно хочется поблагодарить Вас, дорогой Пётр Степанович, за то, что в Вашем письме я почувствовал доверие ко мне, как к человеку, способному сделать полезное дело. Это окрылило меня. Значит, нечего отчаиваться, нужно только работать».

Будучи тяжелобольным, Пётр Степанович продолжал помогать молодым поэтам. Об этом свидетельствует письмо Комарова (от автора — в фонде имеются только два письма поэта), адресованное Александру Ивановичу Смердову — редактору журнала «Сибирские огни». Протицирую несколько строк из этого письма:

«...В этом же письме ты найдёшь стихи Сергея Тельканова — человека, прошедшего в эту войну огни, воды и медные трубы и имеющего ни много ни мало 11 орденов и медалей. Поэт он молодой и скромный до неприличия, а способности у

него сам увидишь — неплохие. С его ведома я и посылаю тебе несколько стихотворений, может быть, ты отберёшь для «Сибирских огней» что-нибудь».

Пётр Степанович Комаров, несмотря на крайне плохое состояние здоровья, умело сочетал ежедневный напряжённый труд поэта и страстного журналиста с общественной деятельностью. Работая в Хабаровском отделении Союза советских писателей, Петр Комаров активно участвовал в составлении и редактировании большого количества сборников и книг, а с момента выпуска в Хабаровске литературно-художественного журнала «Дальний Восток» бессменно состоял членом его редакционной коллегии. Трудящиеся г. Комсомольска-на-Амуре 17 ноября 1947 г. выдвинули его кандидатуру на избрание депутатом Хабаровского краевого Совета по Комсомольскому избирательному округу.

Но болезнь не щадила П. С. Комарова, с каждым днём оставляя ему всё меньше и меньше шансов на выздоровление. В письме Анатолию Кузьмичу Тарасенкову он признавался: *«...Сам я уже пятый месяц лежу в постели при полном упадке сердечной деятельности и остром туберкулёзе. Врачи, спасибо им, применяют все снадобья, чтобы поднять меня, но, видимо, организм сдал окончательно, и если успею увидеть свой сборник изданным — это будет моим великим счастьем.*

Да и сейчас, в постели, я не имею права жаловаться на жизнь. Прожил я её хорошо и честно, и пока ясная голова — буду писать стихи. «Зелёный пояс» написал уже в постели».

Стихи, написанные Комаровым П. С. в последние годы жизни, пронизаны удивительно светлыми чувствами:

...Когда к вам в сердце чистое,

Как в молодости, вновь,

То нежно, то неистово

Вдруг постучит любовь —

Вы невзначай привыкнете

К докучливым ветрам,

К ночной звезде навькате,

К морозу по утрам...

И не случайно циклы стихов, написанные Петром Степановичем в последние годы, написанные на едином дыхании, почти без исправлений и помарок: «Зелёный пояс», «Новый перегон», «Маньчжурская тетрадь», были удостоены Государственной премии III степени. Но, к сожалению, награда не застала поэта при жизни. Читая эти стихи, испытываешь щемящее чувство утраты.

Его не стало в самом расцвете творческих сил, но уже то, что он успел создать, переживёт многие поколения. А документы Петра Степановича Комарова — письма, рукописи и др., хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края, помогут каждому из нас лучше понять себя, стать чище в помыслах, и добрее к ближним своим, полюбить свой край такой же преданной и бескорыстной любовью, какой поэт любил свое родное Приамурье, питавшее его талант самыми яркими красками и впечатлениями.

Не могут оставить равнодушным ни одного человека, любящего свою маленькую родину, такие строки из очерка «Мой край», написанного весной 1945 года, в дни Победы над фашистской Германией: «Из окна моей квартиры видна лиственница на высоком берегу Амура, крутой, как подкова, поворот реки, полоска расписного неба над ней и то синие, то фиолетовые горы Хехцира! Вот он мой родной край! Куда бы я ни поехал отсюда, я никогда не забуду ни этой старой лиственницы под окном, ни крутого поворота реки, ни вечерней синевы гор. С этого начинается моя любовь».

«Тишину, как голубя, я из рук кормлю...»

Виктория АНДРЕЕВА (Москва)

Графика Игоря ГРАБОВСКОГО (Комсомольск-на-Амуре)

Из цикла «Сон Тверди» (1978-1984)

пятнами света
выйти из лета
выйти из Леты
отблеском где-то
мелькнуть среди туч
как испуганный луч
и внезапно погаснуть

квадрат печали грустен и высок
и стрелы ветра холодят висок
и обреченность дышит в волнах света
в зеленом вздохе трав
в округлости наивной
лета
в пунктире
птичьих криков
в прямолинейности цветов
торчащих небу дико

печали перекрестный остов
высвечивает тайну угасанья
минуты сей и дня, и лета
волны тьмы задвигались и
задышали эхом
приблизилась округлые кусты
и ангела спокойный круга
повторенный движеньем листьев
облаков
схождением холмов
в барочные покои горизонта

Из цикла «Пятна света» (1974-1980)

ах веточка моя психея
мой крупный лучик
в пасмурном окне
мой добрый ангел
маленький мой лель
ты робкое беспомощное чудо
явь полуобморока
светлая свирель
играет чутко хрипло и недужно
вызывая ритм-капель
как будто солнце греет льдинку

стучит-звенит мотив
нанизывая рифмы под сурдинку
ты девочка психея муза чудо
веди меня вперед не оступись

Из цикла «Нафталиновый Пьеро» (1960 – 1974)

когда мы станем снегами
и солнце взойдет над снегами
нездешними берегами
над ними пройдут облака
и вспыхнет сиреневым всплеском
цветок подаренный детством
холодным и зябким блеском
повторится в них заря.
зелёный и жёлтый и белый
по небу пройдутся несмело
повиснут над светом белым
летучие два крыла

тишину, как голубя,
я из рук кормлю
вечер бледно-розовый
выпустил луну
задышала ладаном
свята и светла
тихою лампадою

первая звезда
богомолкой-странницей
темнота прошла
купола на Пятницкой —
облака

А. А-ой

пред теми сборами в дорогу
погоды ломкая тревога
опустошенье и тоска
и горе Музы босоногой
ее смятенье у порога
осиротевшего дотла

мир без тебя —
как это просто:
сырой и будний блеклый день
и на трамвайной остановке
поземкой мартовской метель
и снега черная каемка
и я, как ты, с парижской челкой

все что не было и было
в узелок ты собери
с полинялою обидой
дождь внезапный пережди
ходи с крылец высоких
за мерцанием двурогой
новорожденной луны
космы рыжие дороги
за плечами распусти

все что было до меня —
забудь
я приду сказать
что долгов путь
я приду позвать куда-нибудь
хоть сама — куда — не знаю
пусть
в темноте ль при свете
свечи жги

вслушивайся в зовы-звоны
жди
воплотится явственнее сна
дева света —
и отступит тьма
жди меня —
мне даден верный знак
путь мой направляет зодиак
мне смиренной гласу звезд внимать
мне идти —
езде тебя искать
мне найти
и снова потерять
и опять смиренно-нежно
ждать

когда и мой черед придет
я упаду как птица влет
лишь только по воде круги
и мальчик в первые стихи
с улыбкой рифму подберет

К тебе привыкала долго.
Сразу не угадала.
Пришла со своими иконами
И голубыми глазами.
Я думала это нескоро —
Век быть у бабушки внучкой.
Слушать твои разговоры,
Что никогда не наскучат.
Разузнавать про деда
Про маленькую маму,
Что было, когда меня не было,
Что было, когда я стала.
А ты — все это оставила.
Уж так ли все это не нужно?
Ушла, ни с кем не прощаясь,
Как раньше
ходила в булочную.

дом твой далекая пристань
пристанище или гавань
после ходьбы и вокзалов

крыша над головой
сегодня твой дом — мой

в доме твоём так просто
быть неразгаданной гостьей
быть просто девочкой с ветками
пропахшими солнцем и ветром
и наступившей весной

дом твой — букет из леса
слова из начатой песни
распахнутое поднебесье
и звезды над головой

Тайна неба.
Тайна света.
Тайна дня.
И того, что в мире было
До меня.
И того, что неизбежно
Настает.

И того, что с этим днем
Уйдет.

Все пройдет.
А что останется во мне?

Обо мне
Кто будет помнить
На земле?

Для кого единственной — одной
Засвечусь неверною звездой?
Задрожу — лучи хрусталики разбив,
Голову бессильно уронив.
Имя кто мое в беспамятстве шепнет?
Будто бы воды
В жару глотнет?

и лепестками опадает полночь —
загадочный и бархатный цветок
а месяц — расшалившимся Пьеро
заглядывает в окна осторожно
я окунаю в лунный блеск перо
на кончике звезда дрожит
тревожно

Из неопубликованного

я дверь открыла в звездный лабиринт
где небо было снежная пурга
и эфемерной стала та стена
что возвышалась между мной и ми-
ром

я дверь открыла
звездная пурга
запорошила все нарывы зла
прикрыла все ожоги и разрывы
меня как дерево изыбшее накрыла

в лицо мне тычась холодом участья
усталым взглядом долгого причастья
к безмолвному паденью с неба вниз
воздушным лабиринтом лжи

ноктюрн

сон жизни — этот вечный праздник
закрытые глаза зари
и волны тихого участья
пронизывают наши дни.
ночную бережную влагу
заката сумрачный росток
и утра нервную отвагу
по капле цедит неустанно
зловещий траурный цветок.
спуская света блеск мгновений
в глухие катакомбы тьмы
плетя в угрюмом вдохновеньи
ткань мрака из зерна судьбы

дорога проходит долиной забвенья
дорога петляет обрывами горя
идут пилигримы
мимо
жизни парадные двери закрыты
и в трауре горы

*Не дай мне Бог сойти с ума
А. Пушкин*

Я медленно схожу с ума.
Уже готова мне сума,
С которою отправлюсь в путь
Безумия и не вернусь.

Уже дорога ждет меня.
Две ветлы голых у плетня,
С слепыми окнами изба,
Два черных камня у пруда.

Уже равно мне далеки
Друзья и вечные враги.
Уже бессмысленны слова.
И мне уж не страшна молва.

Борис Бабенко и Владимир Спиваков

Борис Бабенко. ПАРТИТУРА ЖИЗНИ

Светлана ФУРЦОВА

В городском саду флейта
да валторна

Кажется, все, к чему прикасались руки этого человека, будь то графика, поэтические строчки, фотография, путешествия, разведение цветов, становилось музыкой. Слово личность дирижера отбрасывала свой отблеск на окружающую жизнь и по мановению волшебной палочки изменяла ее до неузнаваемости. Да и сам облик Бориса Бабенко, когда он стоял за дирижерским пультом, напоминал летящий силуэт, устремленный вслед за музыкой. Таким он ей и запомнился навсегда.

Они познакомились в Хабаровске. В то время в парке, в деревянной «ракушке» над Амуром, часто проходили выступления Дальневосточного симфонического оркестра, а она девчонкой любила слушать музыку, и хотя тогда мало разбиралась в композиторах, ей очень нравилось смотреть, как под звуки музыки лепестки

Дальневосточный симфонический оркестр в гостях у аборигенов Приамурья

цветущих деревьев сыплются на пюпитры и черные фраки музыкантов.

Двое молодых людей, которые в один из вечеров решили поухаживать за симпатичной черноглазой девушкой, заинтересовали ее. Интеллигентные, с кожаными портфелями, они казались учеными из какого-нибудь НИИ. Она сразу отметила их явно не здешний вид. Особенно Юрий Николаевский, вальяжный, слегка грасирующий, с московским говором. Но ей приглянулся другой, застенчивый, молчаливый Борис Бабенко. С ним хотелось познакомиться поближе, но, разумеется, показывать этого она ни в коем случае не собиралась. Так и дружили втроем. Но однажды...

Пригласив девушку на концерт симфонического оркестра («Вы ведь любите музыку? А кто из композиторов вам больше нравится?»), молодые люди назначили ей свидание у колонн ОДОРА, но когда она пришла, застала одного Николаевского. «Где же Борис Викторович?» — спросила робко. «Он скоро появится», — был ей загадочный ответ. Время шло, уже в зале стал гаснуть свет, а Бориса все не было. Она вертела головой по сторонам, надеясь, что вот сейчас прибежит опоздавший Бабенко, извинится, сядет рядом. Но уже вышли на сцену музыканты, заняли свои места за попитрами, а его все не было. Она совсем поникла, едва сдерживая слезы, как вдруг взметнулись в воздухе фалды нарядного фрака и на сцену легкой походкой вышел дирижер. Дирижер поклонился, и она узнала в нем Бориса. Сидела ошеломленная, счастливая. Вот, оказывается, кто он, ее неожиданный знакомый. Тот, кому подвластны все инструменты оркестра и сама музыка, держащий в руках палочку, которая, казалось, была проводником между Космосом и душами сидящих в зале людей.

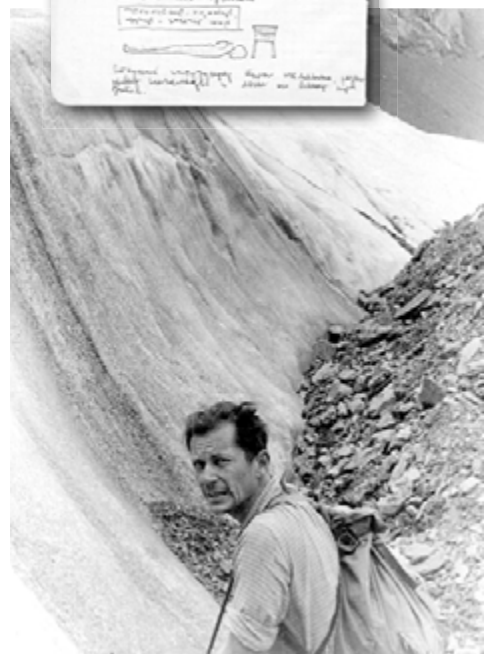
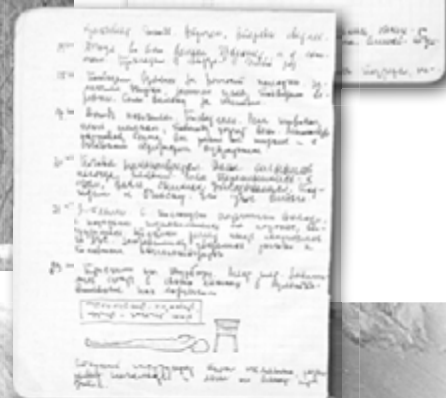
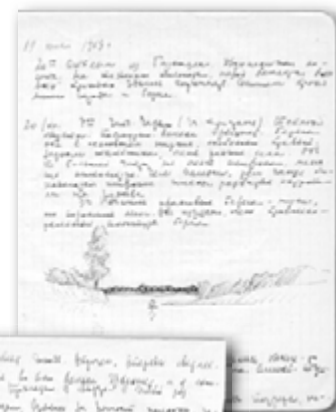
Этот концерт словно открыл ей ее тайные мысли. Они стали встречаться с Борисом, ездили вместе на природу, беседовали. Он много рассказывал ей о музыке, композиторах, интересовался мнением о том или ином произведении, терпеливо объяснял, направлял. Стоит ли говорить, что теперь она не пропускала ни одного концерта, волновалась, когда дирижер выходил на сцену и очень хотела быть ближе к этому интересному человеку, блестящему собеседнику, умному, чуткому и такому привлекательному мужчине. «Он тогда жил в гостинице «Дальний Восток»», — вспоминает Халида Талгатовна Бабенко, — а я, когда приходила, звонила ему в номер из телефонной будки напротив. Голос срывался от волнения. Борис выходил встречать меня... Скоро он переехал ко мне в деревянный двухэтаж-

ный домик, теперь на этом месте находится Выставочный зал художественной галереи имени Федотова».

Путешествие по звездным мирам

Это была удивительная жизнь. Кажется, в мире не было такого вопроса, ответить на который он не мог. Наверное, это от родителей: отец Бориса был ученый, мать блестящая певица. Школьником Борис часто надолго «терялся» в залах Пушкинского музея, Третьяковки, занимался изучением живописи, хорошо рисовал. Сочетание аналитического подхода к любому материалу с артистизмом порождало тот особый шарм, который впоследствии составил суть личности дирижера Дальневосточного симфонического оркестра Бориса Бабенко. «Музыкант по профессии, — полусерьезно представлялся он друзьям, — литератор по образованию». Творческий тандем Николаевский — Бабенко до сих пор помнится многим хабаровчанам. Дирижеры много работали, добиваясь слаженного звучания оркестра, укрепляли его новыми молодыми кадрами. Оркестр часто гастролировал, выступал в самых отдаленных уголках края. В нетопленных клубах, где зрители зачастую сидели одетые в пальто и шапки, звучала музыка Прокофьева, Шостаковича, Чайковского, Гершвина, Бетховена, Верди.

Но иногда по вечерам, вспоминает Халида Талгатовна, выдавалось свободное время. Когда хабаровские улицы погружались в сиреневые сумерки, они с Бабенко брали такси и ехали в аэропорт. Там был уютный ресторанчик «Аквариум», который славился приличной кухней. Они танцевали, наслаждаясь обществом друг друга, обсуждали планы совместной жизни, а потом шли к летному полю, смотрели на самолеты, и он спрашивал: «Ну что, Лидуша, куда сегодня отправимся?» — «В Париж!» И начиналось их главное путешествие — по тихим парижским улочкам, артистическим кафе, где они слушали поэтов, музыкантов, певцов. Бабенко знал французский, английский, немецкий, итальянский, читал в подлинниках своих любимых поэтов. Знал звезды, хорошо ориентировался по ним, многое мог рассказать о созвездиях. Путешествие по звездному небу было не менее увлекательным, чем по воображаемым парижским улицам или реальным отрогам Алтая, впечатления от которого он записывал в своем путевом дневнике. Но главной его любовью все же была и оставалась музыка. Чем бы не занимал-

Сюжеты путешествий — в фотографиях, рисунках, страницах дневника

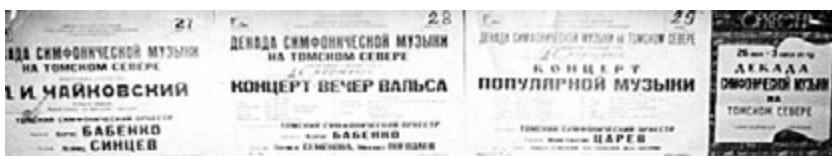

ся: пил кофе, просматривал книги, что-то мастерил — рядом неизменно лежала раскрытая партитура.

«БАНДИТ ОТ ИСКУССТВА»

В 1972 году, когда были подготовлены все документы на присвоение Бабенко звания заслуженного артиста, они вынуждены были покинуть Хабаровск. Увы, такое случается... В Москве в Министерстве культуры Борису Бабенко предложили несколько городов, он выбрал Томск. Собирались недолго, да и собирать особенно было нечего, все деньги тратились на книги, альбомы по живописи. Так что подхватили сына, пару чемоданов и поехали.

В Томске все надо было начинать сначала: расширять репертуар, пополнять оркестр новыми молодыми кадрами, а это значит, выезжать в Москву, обивать пороги министерских кабинетов, чтобы отвоевать талантливого скрипача или валторниста из очередного консерваторского выпуска, решать квартирный вопрос пер-

Зрители перед концертом

спективного музыканта. И это вечное недовольство собой, настойчивое желание приобщить к настоящей музыке как можно больше людей. А для этого необходимо было, постепенно усложняя программы, заинтересовать слушателей, открыть им удивительный мир звуков. Именно так учили его педагоги в Московской консерватории, знаменитые дирижеры Гаук и Гинзбург, которые считали, что музыка должна звучать не для избранных, а для всех. В Томске по приглашению Бабенко в концертах принимали участие такие личности, как Николай Петров, Владимир Спиваков, Лев Власенко. Они исполняли сложную музыку, в том числе «неудобного» тогда Шостаковича, за что местные чиновники, курирующие культуру, называли Бабенко «бандитом от искусства». Это теперь звучит как комплимент, но в те времена подобная оценка могла надолго отравить жизнь любому творческому человеку, это было своего рода клеймо неблагонадежности. Порой, приводя в порядок концертный фрак мужа, она находила во внутреннем кармане валидол. Он отмахивался: «Да не обращай внимания, все пустяки!»

В небе с Пушкиным

Когда случился инсульт (это произошло во время очередного визита Бабенко в Москву), врачи предупредили ее, чтобы готовилась к самому худшему. Но она его вытащила. Бросив дела, поехала в Москву, где в больнице много месяцев неотлучно была при муже сиделкой, нянькой, сестрой милосердия. Постепенно Бабенко стал подниматься... Ходить... Говорить... Рисовать... Разумеется, не последнюю роль в выздоровлении сыграла и его собственная воля, желание подняться, встать за дирижерский пульт.

«Когда пришла пора возвращаться домой, я переживала, как Борис перенесет перелет из Москвы в Томск, боялась за его сердце. Но нас спас Пушкин!»

Дело в том, что будучи знатоком и ценителем литературы, Бабенко помнил наизусть много стихов Пушкина, любил цитировать их, наслаждаясь музыкой строф. Чтобы отвлечь мужа и немного успокоиться самой, она, едва самолет начал набирать высоту, стала задавать Борису Викторовичу какие-то вопросы о жизни и творчестве поэта. В ответ ей была подарена вдохновенная лекция, в которой пушкинские летящие стихи перемежались строчками из его писем, интересными размышлениями. Это было как освежающий дождь. Они и не заметили, как самолет приземлился в аэропорту. «Прилетели даже на двадцать минут раньше, это чудо! — вспоминает Халида Талгатов-

на. — А самая его первая прогулка в Томске была в книжный магазин».

Бабенко вернулся к музыке, а значит, вернулся к жизни. На одном из первых после болезни концертов присутствовали лечащие врачи Бориса Викторовича. Они не верили, что человек за дирижерским пультом недавно перенес тяжелейший инсульт. Вернулись прежняя пластинка, легкость движений. Вернулась жизнь. Вскоре состоялись гастроли оркестра в другой город. А в 1982 году Бориса Викторовича пригласили в Хабаровск. В ту пору наш симфонический оркестр переживал не лучшие времена. Старожилы Хабаровска до сих пор вспоминают, какую удивительную встречу с большой музыкой подарил им Бабенко. Но эта встреча стала и прощанием. Когда окрыленный успехом дирижер вернулся в Томск, он узнал, что на его место назначен другой человек. Объяснение: заключение врачей, которые категорически запретили Бабенко дирижировать. Разумеется, чтобы подсластить пилюлю, ему предлагали занять руководящую должность в музыкальном училище, потом где-то еще, но он отказался. «Я не могу без музыки, — жаловался он жене, — мир стал бесцветным». Пошел работать к ней в музей экскурсоводом, читал лекции по истории искусства, ездил по селам, казалось, был в гуще жизни. Но... «без музыки мир стал бесцветным».

В бесцветном мире художнику невозможно существовать, как без воздуха. Он задыхается, чахнет. В 1984 году после второго инсульта Бориса Бабенко не стало, словно он улетел вслед за музыкой, куда-то далеко-далеко.

Хочется верить, что Там, в обществе своих любимых композиторов, писателей, поэтов ему не так одиноко. Вместе с Пушкиным и величайшей гармонией звуков, которую мы слышим иногда в шуме дождя и прикосновении к лицу душистого ветра. Смерти нет, кажется, шепчут в такие минуты листья, пока есть память и любовь. Наша память и наша любовь.

Борис Бабенко во время военной переподготовки

Лев Вланенко, Сергей Зеленкан, Борис Бабенко во время репетиции Томского симфонического оркестра

Текст должен принадлежать автору

Судьба одной народной песни

Сергей КРАСНОШТАНОВ, профессор

Песня «По долинам и по взгорьям» долгое время бытовала как безымянная, хотя известно, что написал ее П.С.Парфенов в 1920 г. во Владивостоке. В 1921-1922 гг. она становится популярной в Приморском крае, а в 1923 – 1924 гг. ее можно было уже услышать во многих городах страны.

Текст песни подвергался изменениям, следы которых обнаруживаются в массовых песенниках 30-х годов, а фольклористы до сих пор записывают во время экспедиций народные редакции «По долинам, по загорьям».

Автор популярной народной песни «По долинам и по взгорьям» Петр Семенович Парфенов. Владивосток. 1919 – 1920

Композитор А.В. Александров записал эту песню в 1920 году в красноармейских лагерях под Киевом. В том же году Ансамбль красноармейской песни под его руководством совершил поездку в Забайкалье и на Дальний Восток, где выступал с концертной программой — ораторией С.Я. Алымова «Особая Дальневосточная в песнях». В ораторию была включена и песня «По долинам...» С этого времени она прочно вошла в репертуар ансамбля.

Московское музыкальное издательство в 1933 году выпускает отдельный листок с песней «Партизанская». Автором песни назван С.Алымов. Так впервые в печати появилось имя С.Алымова рядом с этой песней. Судя по словам С.Алымова, издание осуществлялось без его участия. «Я отсутствовал в Москве до конца 1932 года, — говорил он на заседании комиссии Союза писателей, — когда приехал в Москву и пришел в ПУР и ЦДКА, они мне сказали, что дали текст в Музгиз за подписью С. Алымова». К сожалению, он не отказался от песни и тогда, когда стал известен ее автор.

Публикация Музгиза 1933 года, приписывающая авторство С.Алымову, определила многие издания песни.

Только в июле 1934-го П.С. Парфенов случайно узнает, что его песня публикуется под фамилией другого автора. В ноябре этого же года в журнале «Красноармеец и краснофлотец» появляется его статья «Как создавалась песня «По долинам, по загорьям» с приложением текста песни. По просьбе П.С. Парфенова комиссия СП СССР начала рассматривать дело об авторстве «Партизанской», которое не было завершено. В нескольких массовых сборниках 1935 года появляется имя П.С. Парфенова и текст его песни. Примечательно, что с парфеновским текстом в Москве в 1935г. вышел сборник «Песни» под редакцией Н.Н.Асеева и Ю.М. Соколова и одноименный сборник под редакцией Ю. Лукина. В 1936-м дан парфеновский текст и названо имя автора в сборниках «Песни к Первомайским дням» (Архангельск) и «Песни к 1 Мая» (Калинин), целиком повторяет парфеновский текст без упоминания имени автора сборник «Песни» (Ташкент). В этом же году в Киеве на украинском языке вышла большая книга «Украинская народная песня» (сост. Андрей Хвиля). В сборнике есть и «Песня приамурских партизан» в переводе М. Скубы. Автор не назван, но характерно, что переведен текст П.С. Парфенова с сохранением второго куплета «Чтобы выгнать интервентов...». Этот перевод переиздавался и в других украинских песенниках. Позднее утвердился перевод Г. Плоткина.

Сборники после 1936 года повторяют текст первого музгизовского издания, а авторство на мно-

гие годы закрепляется за С.Алымовым. В таком виде песня издавалась почти во всех массовых сборниках 40–50-х годов, вплоть до 1962 г. Были и исключения. В 1938-м В.М.Сидельников помещает в книге «Красноармейский фольклор» парфеновский текст как безымянный, в 1948 г. в Казани издан «Сборник песен к 30-летию комсомола», в котором, хотя автором «Партизанской песни» назван С.Алымов, текст дается целиком парфеновский.

В 1957г. по решению Союза писателей СССР выходит книга «Песни нашей Родины» (Редколл. Л.Ошанин, М.Светлов, А.Новиков, Р.Коренев, А.Фатьянов; сост.: М.Лисянский, Я.Шведов), в которой печатается текст П.С.Парфенова и названо имя автора. Этот текст перепечатывается в нескольких сборниках. Таким образом, уже до 1962 года, когда Московский городской суд вынес официальное решение признать автором песни «По долинам, по загорьям» Петра Семеновича Парфенова и не считать правомерным изменения в тексте, произведенные С.Алымовым, выходили песенники с авторским текстом.

Как же обстоит дело с песней П.С.Парфенова в наши дни? Сам П.С.Парфенов не признавал вмешательства С.Алымова в текст своей песни. Об этом он заявил на заседании комиссии СП СССР в 1935 году, а в «Авторской справке», хранящейся в архиве Московского городского суда, писал, что С.Алымов опубликовал в Музгизе его песню «с некоторыми изменениями не в лучшую сторону».

К сожалению, и после 1962 года появляются сборники, где по-прежнему С.Алымов называется автором песни. Упомянем хотя бы «Песни трех поколений» (Воронеж, 1964), «Лирические песни» (Волго-Вятское книжное изд-во, 1967), наконец, «Календарь школьника на 1969 г.» тиражом в три миллиона экземпляров (лист за 20 ноября).

Но в 60–70-е годы стали чаще появляться сборники с сохранением имени и текста автора. С 1963 года Военное издательство в своих песенниках систематически печатает «По долинам, по загорьям» с указанием авторства П.С. Парфенова. В 1970 году Апрельским заводом выпущен комплект пластинок «Песни революции и гражданской войны». «По долинам, по загорьям» записана в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени А.В.Александрова. В одном из серьезных изданий «Русские советские песни, 1917–1977гг.» (сост. Н. Крюков, Я.Шведов) публикуется авторский текст за подписью П.С.Парфенова.

Иногда автором песни называется П.С.Парфенов, а текст печатается с алымовской правкой, например, в сборниках «Мы твои, революция» (Москва, 1968), «Красные зори» (Киев, 1968).

В последующие годы все чаще наблюдаются случаи, когда в песенниках стоит: «Слова П.Парфенова (в ред. С.Алымова)». Из многих сборников хотелось бы назвать «Этих лет не смолкнет слава. Народные песни Советской армии и Военно-морского флота» (М.:Музыка, 1974) уже потому, что книга вышла под авторитетнейшей редакцией: музыкальный редактор-консультант Е.В.Гиппиус, литературный редактор-консультант Е.А.Долматовский. Тот же составитель

А.А.Тищенко подготовил хрестоматийное издание к 60-летию Октября «Этапы большого пути. Песни для хора, в сопровождении фортепьяно, баяна», (М.: Сов. композитор, 1977), где сохраняется та же формула: «Слова П. Парфенова (в ред. С.Алымова)».

Казалось бы, мы знаем волю П.С.Парфенова, который возражал против изменений текста, кроме того, есть решение суда, подтвердившего авторское право. Но песня продолжает публиковаться с алымовской правкой.

Книговед С.А.Рейсер в своем труде «Основы текстологии» относительно песни «По долинам, по загорьям» замечает, что с решением суда, по которому изменения в текст могут вноситься только наследниками, текстолог никогда не согласится. Текст художественного произведения суд принципиально приравнивает к имуществу. Но, добавим мы, ни один текстолог не будет выступать и против авторского текста.

И тем не менее даже текстология не оправдывает упоминания С.Алымова как автора литературной обработки. По тексту, представленному им в секретариат Союза писателей в 1934 году, видно, что некоторые исправления не прижились в песне. Вместо «белой армии оплот» предлагалось «белой гвардии оплот». Неудачным оказалось выражение «Партизанские отавы поднимали города». «Отавы» понадобились С.Алымову явно для рифмы. По справедливому замечанию М.В. Исаковского, этот «изыск» не был воспринят народом. С.А.Рейсер ошибочно приписывает П.С.Парфенову эту алымовскую правку.

Какие изменения принадлежат С.Алымову в публикуемом тексте песни? В первой строке «По долинам, по загорьям» второе слово он заменил близким по смыслу «по взгорьям», в последнем куплете «всех господ» заменил на «воевод». И наконец фраза «Становились под знамена, создавали ратный стан» стала звучать: «Наливались знамена кумачом последних ран...»

Эту алымовскую правку в печати неоднократно оценивали как неудачную. А.Сурков в статье «Песенник на середину» (Знамя, 1934, №8) писал, что массовый исполнитель устраняет усложненную метафору и поет по-своему: «Наливались знамена кумачом последний раз»...

О том же говорил М.В.Исаковский в докладе «Песня в дни Отечественной войны» на творческом совещании писателей в сентябре 1944г.: «Кумач последних ран не совсем вразумительный образ...» Действительно, во многих изданиях 30-х годов, в том числе в известном сборнике М.С.Друскина «50 русских революционных песен» (Л., 1938), мы встречаем фразу: «кумачом последний раз», а в примечании составитель замечает, что стихотворный текст С.Алымова он заменил народной редакцией.

Таким образом, за С.Алымовым остаются два слова, близкие по смыслу к авторским, и метафорический оборот, не всеми признаваемый. Можно ли это принять за литературную обработку песни? Думается, что здесь уместнее говорить о незначительной правке. И если упоминать имя С.Алымова, то не в массовых сборниках, а в специальных филологических исследованиях, посвященных истории песни «По долинам, по загорьям».

Солнечный дом в половинке тыквы

Светлана ФУРЦОВА

Музыкантов оркестра народных инструментов не зря называют народники. Потому что все эти баяны, балалайки, домры и были придуманы для народа. Чтобы немного веселей жилось простым людям, чтобы в минуту отдыха, когда душа просит песен, можно было и подыграть мелодии на гармошке, и пуститься в пляс под незатейливый мотив. Так уж устроен русский человек, что не может он без музыки. Хоть на балалаечке побренчать тихонько, хоть на домре. Глядишь, и просветлеет на душе немного.

Запись на радио

С домрами

Домра, старинный народный щипковый инструмент, известна на Руси с XVI века. Согласно словарю музыкальных терминов слово «домра» состоит из двух слогов — дом и ра, что означает Дом солнца или Солнечный дом. Может, это название возникло потому, что первоначально корпус домры изготовлялся из круглого оранжевого бока тыквы, в котором выдалбливалась сердцевина, натягивались струны, и чистый яркий звук зывал к чему-то солнечному и радостному. Но это было давно, когда музыканты бродили по свету, веселили народ. Ни один праздник не обходился без народных инструментов. Потом домра была запрещена церковью, уж очень раздражали служителей культа скоморохи, которые не только играли, но и распевали под веселый аккомпанемент свои крамольные песни, в которых высмеивались церковные догматы. Также подвергалась домра гонению и со стороны государства. Инструмент топили в речке, разбивали, сжигали. Но народ не хотел расставаться с полюбившимся инструментом и из четырех дощечек соорудил балалайку. Сделанная по образу и подобию домры, балалайка звучала тише, интимней, но и под нее тоже хорошо было собираться на зеленой опушке леса, водить хороводы, петь.

Так что на долгое время домра была забыта, и только в конце XIX века инструмент реконструировал В.В. Андреев. Хотя этимология названия домры и названий инструментов, бытующих ныне у народов Средней Азии: домра, думбра, домбур, говорит о восточном происхождении домры. После реконструкции домра мало что унаследовала от своего восточного прототипа, звук приобрел тембр, свойственный русскому мелосу, и в современном виде инструмент считается чисто русским.

«Очень хочется возродить былые традиции, — говорит преподаватель домры Хаба-

Раиса Янкина, заслуженный работник культуры РФ

ровского колледжа искусств заслуженный работник культуры РФ Раиса Васильевна Янкина, — вернуть первоначальное значение домры, показать всю красоту и своеобразность этого инструмента. Ведь игра на домре требует от исполнителей импровизации, виртуозного владения техникой, внутренней свободы. В Хабаровске, пожалуй, только Матвея Журавлева можно было назвать продолжателем традиций, восходящих к народной музыке. Сейчас на домре играют в основном классику, романсы, исполнителями утрачен сам принцип импровизации».

Раиса Янкина родилась на Урале в городе Миассе Челябинской области. Музыка в их семье любили, девочка с детства помнит, как, бывало, хорошо пела мать. Сначала Раиса занималась в самодеятельности, пробовала играть на духовых, но была настолько мала и хрупка, что преподаватель посоветовал ей перейти на домру.

По окончании Магнитогорского музыкального училища Раиса поступила в Новосибирскую консерваторию на отделение народных инструментов. Закончив консерваторию, работала на радио и телевидении в Новосибирске в оркестре народных инструментов, потом коллега пригласил во Владивосток преподавать в институте искусств. «Девять лет я там проработала, — продолжает Раиса Васильевна, — потом вышла замуж и переехала вместе с мужем в Хабаровск, где в колледже искусств тридцать лет учу студентов игре на домре». К сожалению, сегодня в нашем городе народные инструменты не столь востребованы, сетует Янкина, все меньше желающих поступать на отделение домры. Правда, когда талантливый педагог сама идет в школы и рассказывает детям, какой это интересный и сложный инструмент, поток желающих учиться на отделении народных инструментов замет-

но увеличивается. Вот так, подобно древним скоморохам, ходит она, играет, рассказывает, а где и подпоет своей любимой домрочке. Не зря ее домра занимала призовые места на многочисленных зональных и прочих конкурсах, о чем свидетельствуют дипломы, грамоты, призы.

Параллельно с преподавательской деятельностью Раиса Янкина всегда работала с известными городскими ансамблями — «Коробейники», «Хабар-квинтет». Вместе они побывали в Канаде, Сан-Франциско, Японии, Южной Корее, где интерес к русской музыке неиссякаем. Характерно, что наши восточные соседи — японцы — очень заинтересовались домрой. Выходит, не чужд старинный русский инструмент загадочному восточному менталитету, права история.

Заметила: все народники настолько любят свои инструменты, что называют их уменьшительно — домрочка, балалаечка. При колледже искусств давно существует оркестр народных инструментов, которым уже восемь лет руководит Ася Георгиевна Фурта, ученица Раисы Янкиной. Разумеется, раньше оркестр был более многочисленный, тогдашний его руководитель Борис Константинович Ушаков составлял большие сложные программы, и деятельность оркестра, не в пример сегодняшнему дню, была востребована. Но и сегодня, уверяют его руководители, творческий потенциал и возможности оркестра немалые. Оркестр принимает участие не только в городских и краевых мероприятиях, но и в международ-

ных проектах. Руководители стараются, чтобы их коллектив отвечал всем требованиям большого оркестра. «Мы надеемся, что городские власти повернутся к нам лицом и по примеру других городов присвоят оркестру статус муниципального», — говорит Раиса Васильевна.

Наверное, это закономерно, когда история творческого коллектива, как и история отдельного инструмента, на протяжении времени претерпевает различные периоды: интерес сменяется равнодушием, равнодушие забвением, чтобы потом, словно птица Феникс, восстать из пепла и зазвучать во всем великолепии и многообразии звуковой палитры. На радость себе и окружающим.

Вместе с «Хабар-квинтетом»

Выступает ансамбль колледжа искусств

Чеховский театр с острова Сахалин

Летом 2005 года в Хабаровске с гастрольями побывала труппа Сахалинского Международного театрального центра им. А.П. Чехова. Последняя встреча хабаровского зрителя с ним состоялась больше десяти лет назад, и причины понятны: уже долгое время гастрольная деятельность для многих дальневосточных театров – непозволительная роскошь. И тем ценнее театральные визиты из соседних регионов Дальнего Востока.

Юбилейный сезон, а в 2005-м Сахалинскому театру исполнилось 75 лет, решили отметить большими гастрольями. В афише – «Прибайкальская кадрили» В. Гуркина, «Дорогая Памела» Д. Патрик, «Шум за сценой» М. Фрейн, «Шестой этаж» А. Жери, «Дети Ванюшина» С. Найденова и под занавес – «Женитьба» Н. Гоголя.

Елена ГЛЕБОВА

Фото из архива театра

Сахалин называют островом Чехова, и это не случайно. Кажется, что все здесь пронизано энергетикой русского писателя: крупнейшая библиотека Сахалинской области названа его именем, создан музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», в свет выходят уникальные издания, связанные с ним. Но вот театр стал жить под звездой Антона Павловича лишь с 1954 года, хотя к этому времени ему уже минуло 24 года.

Судьба Сахалинского театра, как, впрочем, и других его провинциальных собратьев, тесно переплетается с судьбами русского театра XX века, но в то же время имеет свои неповторимые черты. Впервые профессиональная труппа возникла на острове в 1930 году в городке Александровске. Эту дату сахалинские театроведы и считают отправной точкой. Актерский коллектив (23 человека) был сформирован в Москве. Известно, что самый первый театральный сезон открылся 14 декабря 1930 года. На сцене пограничного отряда играли спектакль «Разлом» по пьесе Б. Лавренева. К 1946 году центр театрального искусства переместился в Южно-Сахалинск (до 4 июня 1946 года этот город носил название Тоехара). К новому сезону драматический театр подготовил «Старых друзей» Л. Малюгина, «Под каштанами Праги» К. Симонова, «Платона Кречета» А. Корнейчука и др. Первым художественным руководителем

и организатором был известный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Н.И. Уралов, сыгравший большую роль в формировании дальневосточных театров. К примеру, в истории того же Амурского драматического была целая эпоха Уралова.

Словом, все начиналось прекрасно, спектакли шли с аншлагами, но... случилась беда — во время пожара сгорел весь театральный реквизит. Следствие, которое завели по этому поводу, результатов не дало, и нужно было продолжать жить. В январе 1947 года театр переехал в здание бывшего японского кинотеатра, к труппе присоединились актеры Александровского театра, причем они привезли пострадавшим от пожара коллегам часть костюмов, париков, бутафории и театральный инвентарь.

1954 год. Театру присвоено имя Чехова. Следующие этапы его жизни были наполнены интересными постановками, театральными экспериментами и всем тем, что составляет пульс любого театра. И, конечно же, во всем этом творчество А.П. Чехова занимало не последнее место. 1990-е годы оказались самыми сложными. Кризис, настигший нашу страну, уменьшенной моделью отразился на театрах, в особенности — провинциальных. И, быть может, произошло бы самое худшее (во всяком случае, театр переживал тяжелейший период), если бы не случай, счастливое стечение обстоятельств — можно назвать как угодно. Удача пришла в лице Анатолия Полянкина — деятельного москвича, генерального директора театра «Сатирикон». Это была его идея преобразовать драматический театр в Международный театральный центр им. А.П. Чехова (Чехов-центр). В новую структуру входил драматический театр, театр для детей и молодежи, киноконцертный комплекс и театральный колледж. Создание Чехов-центра позволило не только выжить, но, как говорят сами актеры, подняться из руин.

Были налажены долгосрочные творческие связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, и сахалинцы увидели спектакль «С любовью к Чехову», представленный театром «Михаро-Дзюку» из Токио (режиссер Сиро Михара). Итогом международной творческой акции Чехов-центра и университета Аляски в Анкоридже стал спектакль по пьесе американского сценариста, режиссера и актера Сэма Шэпарда «Настоящий Запад» в постановке режиссера Майкла Худа и художника Френка Биби. Чуть позднее его представили на региональном театральном фестивале, посвященном 100-летию театрального искусства в Хабаровске, а через год сахалинские актеры получили приглашение Московского государственного театра наций для показа в столице спектакля «Настоящий Запад». В 1996-м труппа сахалинского театра во главе с главным режиссером Павлом Цепенюком отправилась в США для участия в театральной конференции, которая проходила под патронажем известного американского драматурга Артура Миллера. К слову,

на Аляске, в рамках фестиваля, проходили творческие семинары, и один из них был посвящен драматургии Чехова.

Время летит очень быстро. Уже театральному колледжу Чехов-центра 10 лет, и многие его выпускники тоже стали частью театра. Они работают с яркими мастерами сцены, народными артистами России Кларой Кисенковой (Клару Константиновну называют легендарной чеховского театра, потому что вся ее жизнь прошла здесь), Владимиром Абашевым, Александром Ульяновым, артисткой Анной Антоновой, Екатериной Гвоздевой и др.

Заметный след в жизни театра оставил режиссер, заслуженный деятель искусств России Игорь Гуревич. Но сегодня у Чехов-центра новый художественный руководитель — Андрей Бажин, владивостокский режиссер, который приехал на Сахалин и даже привез с собой пятерых актеров. По его словам, очень не просто балансировать между классикой и «легкими», кассовыми спектаклями. Но, тем не менее, эти незатейливые комедии, собирающие полные залы, позволяют осуществлять серьезные театральные постановки по произведениям Островского, Гоголя, Чехова. Хорошо, если это равновесие сохранится.

Ощущение Белого театра

Наталья ЛЕПЕТУХИНА

Есть в Хабаровске театр – Белый. Перед спектаклями здесь какая-то особая тишина, а за кулисами не происходит театральных интриг. Все актеры в Белом наперечет, все любимы и незаменимы.

Основной состав — семейная пара: режиссер и актриса Ольга Кузьмина и актер Андрей Трумба, а также художник театра Андрей Тен, и он же осветитель и звукооператор. Вся эстетика театра внутри и снаружи сделана им. Это как бы театр в театре, только молчащий. Его прочитываешь глазами: всевозможные зверушки с человеческими выражениями на мордочках бегают, ползают, смеются, грустят и даже плачут. А в настоящей клетке сидит деревянная птица — с одной стороны, она воплощает отчаяние, с другой — вызывает улыбку... Сценография каждого спектакля — это еще один «актер» — органичный и цельный. Здесь нет ничего лишнего, все на своем месте.

Вообще-то, Белый театр основывался на когда-то новом «театре абсурда». Начиналось это 15—16 лет назад. Тогда режиссеру Аркадию Раскину отдали помещение под творческие мастерские, он организовал молодых актеров в труппу, и они энергично принялись за дело. Занимались ремонтом, шили костюмы, ставили спектакли. Потом все резко изменилось. Режиссер уехал в Москву, труппа распалась. И неизвестно, как бы все закончилось, не появились настоящие хозяева театра — Ольга и Андрей. Жизнь стала налаживаться. Они и администраторы, и режиссеры, и актеры, и рабочие сцены.

Тогда спектакли ставили втроем: была еще веселая и оптимистичная Катя Кузьминская. Появились замечательные детские новогодние спектакли, а по вечерам те, о которых мечталось, — бессюжетные, похожие на поток сознания. Именно такой подход казался наиболее правдоподобным по отношению к нашей абсурдной жизни. Только эмоции, чувства и впечатления. «1900 иен за услугу», «Урок», «Роза — это роза, это роза, это роза, это роза...»

Вначале премьеры проходили с аншлагами, но потом интерес к театру упал. Впрочем, это неудивительно: зритель любит, чтобы все было «понятно». Но тайна-то исчезает... А в театре, как и в жизни, нельзя без тайны. Только в реальности временные рамки растянуты, а на сцене актер проживает жизнь за полтора-два часа, и тогда тайна обостряется до невероятного. Но зритель должен быть думающим, чувствующим, сопереживающим.

Когда проходили Дни испанской культуры, прямо из Каталонского театра в Хабаровск залетела пьеса испан-

ского драматурга «Раздетые» — глубокая, серьезная и невероятно актуальная. Суть ее в том, что мы долго носим в себе глубоко запрятанные пороки, но наступает момент, когда они вырываются наружу в виде ужасных поступков. Спектакль получился непростым, обнажающим внутренний мир героев и тех, кто сидел в зрительном зале. Но никто не уходил...

Это был важный этап в жизни Белого театра, он окреп, стал нарабатывать творческий потенциал. По-новому зазвучали другие его постановки: «Пейзаж», «Контрабас», «Счастливые дни», «Концерт по заявкам». В репертуаре появляются новые спектакли, причем, как заметила режиссер Белого театра Ольга Кузьмина, пьесы словно бы сами приходят. Так родилась идея яркой постановки по пьесе Е. Харитонова «Дзень» в рамках фестиваля Дни российско-немецкой культуры, осуществлен спектакль по произведению В. Набокова «Short stories» («Короткие истории»).

В разное время Белый театр был участником фестивалей Перспектива комнаты (Комсомольск-на-Амуре) и Фестлаборатория Сиб. Альтера (Красноярск, 2002 г.).

Андрей Трумба убежден, что аналогов такому театру, как Белый, в нашей стране нет. Его мир строится по своим законам, наполняя театральное пространство Хабаровска особыми ощущениями и эмоциями.

Город любви, или Пять романтических историй из прошлого

Несмотря на то что Владивосток изначально строился как пост, как крепость-порт, среди военных мундиров и кителей на его улицах вскоре появились грубые платья ссыльных каторжанок, поселенок, затем модные европейские шляпки и ажурные зонтики офицерских жен. Можно лишь догадываться, как необходимы были в той суровой, полной тягот и невзгод первопроездческой жизни споры на работу и ласковые женские руки, их нежные сердца. Здесь, на диком пустынном берегу Великого океана, могло родиться только дитя любви.

Известно, что первой русской женщиной, добровольно поселившейся в посту Владивосток, была г-жа Рейтер, жена пехотного капитана, прибывшего сюда на службу. Все ее любовно звали «матушка Рейтер». Она кормила местное холостяцкое офицерство, выступала в роли посаженной матери на всех свадьбах. А скольких ребятишек перекрестила матушка Рейтер! К слову, первым ребенком, появившимся на свет во Владивостоке, была девочка. У поселенки Евдокии Гарелко 27 сентября 1863 года родилась дочь. Ее нарекли Надеждой. Это имя стало добрым талисманом города. Впрочем, как и Любовь. Так назвали вторую владивостокскую малышку. В прошлые времена женщин во Владивостоке было намного меньше, чем мужчин. Даже спустя почти четверть века со дня его основания, в 1884 году, на одну представительницу прекрасного пола приходилось четверо мужчин. В свое время в салоне модного предпринимчивого фотографа появился специальный альбом со снимками немногочисленных невест. Известно, что его услугами воспользовался и польский ссыльный Михаил Янковский, когда решил жениться. Он выбрал Ольгу Лукиничну, сироту, племянницу Киркутова (начальника канцелярии порта). Пройдут годы, и эта семья станет одной из самых известных и состоятельных во Владивостоке.

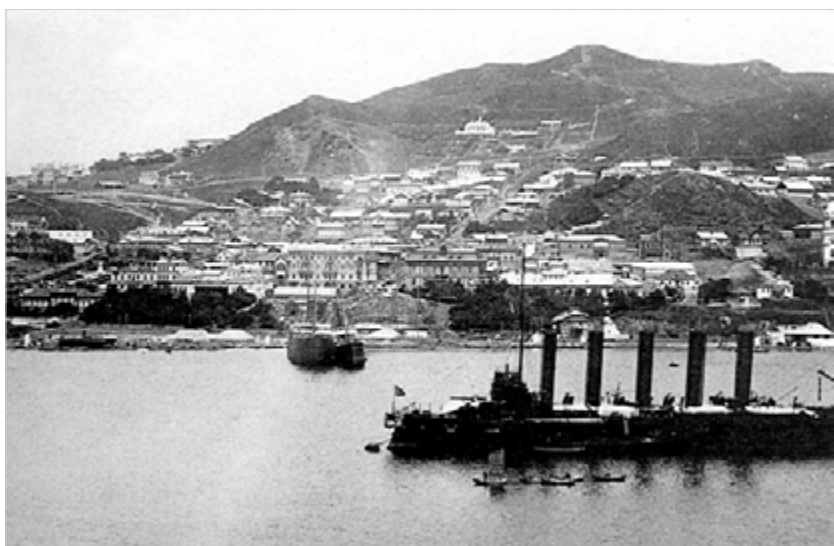
Действительно, летопись города хранит немало романтических историй. Ведь где женщина — там любовь. Сегодня хочется рассказать лишь некоторые из них.

Семейный альбом Владивостока

Тамара КАЛИБЕРОВА
(Владивосток)

Согласитесь, что есть что-то притягательное в старом семейном альбоме. Время на его страницах словно поворачивает вспять, и жизнь повторяется сначала. За каждым оставленным мгновением, за каждым выхваченным из толчеи жизни лицом своя история, своя судьба. Но ведь давно уже доподлинно известно, что самым интересным для человека во все времена остается только человек.

В «Семейном альбоме Владивостока» хочется вспомнить тех, кто жил когда-то в нашем городе у моря: любил, мечтал, страдал и...умирал, оставив отсвет своей судьбы в каменной ряби горбатых улочек, в порывистом танце легкого флюгерка, в старом доме, где сейчас живем мы. Это и есть то, что зовется памятью. И да не прервется ее нить...

1. Бухта Золотой Рог.
Рисунок первой половины 1860-х годов

2. Вид на город с бухты Золотой Рог

1

Красная роза от амазонки

Это была любовь с первого взгляда. Маргарита Шевелева, дочь известного во Владивостоке предпринимателя и мецената, увидела Юрия Янковского на ипподроме. Он считался непревзойденным наездником и брал почти все призы на скачках. После очередного победного заезда юная Маргарита в костюме амазонки подошла к своему избраннику и подарила ему красную розу. Вскоре они поженились. В 1906 году Маргарита переехала в имение Янковских на Сидеме. Она стала душой большой и дружной семьи.

Свою любовь Маргарита и Юрий сумели пронести через все невзгоды, обрушившиеся на них после октября 17-го. В семье родились четверо детей: Юрий, Валерий, Муза и Виктория. После революции Янковские переехали в Корею, бросив все нажитое долгим трудом. Там, в чужой стороне, Маргарита умерла. Было это в 1936 году.

Она была необыкновенной женщиной. Писала пьесы, ставила спектакли, была дружна с Бальмонтом. Они познакомились в Москве. Маргарита во время учебы жила у своей тетки Агнии Сабашниковой, сестра которой, Екатерина Андреевна, была первой женой известного поэта. В музее им. Арсеньева хранится копия последнего письма Бальмонта к Маргарите Шевелевой-Янковской. «Милая Дэзи! (Так звали Маргариту друзья. — Прим. автора). Никогда не забываемая крепкая и нежная моя сибирская любовь! Я подобрал лучшие из весенней моей жатвы и посылаю Вам и Вашей дочери, поэтессе (Виктории. — Прим. автора), заманчивый и чарующий образ, который так жив в моем сердце, что как будто уже не однажды мы были вместе и не близко, и не холодно взглянули друг другу в глаза.

Напишите мне подробно, прошу, как откликнутся в вашем сердце мои стихи. Сердцем Ваш К. Бальмонт».

Средь шумного бала

1882 год для 36-летнего Николая Соллогуба, телеграфиста, прибывшего в распоряжение штаба главного командира портов Восточного океана, стал памятным на всю жизнь.

Решив организовать во Владивостоке собственную газету и заручившись поддержкой начальства, он на крейсере «Москва» отправился в Одессу за типографским оборудованием. У берегов Африки корабль потерпел крушение. Исключительно благодаря выдержке и находчивости Н. Соллогуба удалось спасти весь экипаж и пассажиров. Наградой ему стала золотая медаль на Владимирской ленте «За спасение погибающих». Но не только этим отблагодарила судьба Соллогуба в тот год. В Одессе, на шумном блистательном балу, Николай Варламович познакомился с юной гимназисткой Сонечкой Андрущенко, ставшей его верной спутницей на всю жизнь.

Во Владивосток Соллогуб вернулся уже с молодой женой. Для нее возвел он на берегу бухты Золотой Рог замок. Этот дом оригинальной архитектуры с затейливыми зубцами башни жив и поныне, хотя облик его во многом переменялся. Дряхлеет каменная красота, но живет в этих стенах память о прекрасной любви. У супругов родилось пятеро детей: Георгий, Вера, Ольга, Анатолий, Александра.

Николай Соллогуб добился своего — создал газету «Владивосток», «открытую для всякого правдивого слова». Первый ее номер вышел в свет 17 апреля 1883 года. Трудностей и сложностей, особенно в начале, хватало с лихвой. И всегда рядом с Николаем Варламовичем была его верная Сонечка. Она не только вела дом, смотрела за детьми, но была также и корректором, и «верстальщицей». И каждое воскресенье выходил в свет «Владивосток». Так продолжалось десять счастливых и трудных лет.

2

3

1. Маргарита Шевелева
2. Юрий Янковский
3. Первый редактор и издатель газеты «Владивосток» Николай Варламович Соллогуб (1846-1893)
4. Здание бывшего Собрании приказчиков и Пушкинского театра

4

1. Семья Бурачеков.
Владивосток, начало XX века

2. Открытка, посланная из Владивостока Ольгой Бурачек в Петербург

3. Открытка, посланная В.Е. Бурачеком невесте в Петербург

В своем доме-замке, за рабочим столом, с чернильной ручкой в руке нашла Николая Соллогуба его жена, когда сердце его уже остановилось... Ему исполнилось только 47.

**Лодочка «юли-юли»
и французская грамматика**

Эту пачку открыток с видами старого Владивостока мне показали в музее им. В.К.Арсеньева. На обороте каждой из них – маленький штрих из жизни молодой женщины, попавшей с мужем в далекий дикий край из блистательного Санкт-Петербурга. Их отсылала в Северную столицу своей матушке, Ее Превосходительству Марии Трофимовне Костюриной и сестре Ирине Оленька Бурачек, жена Владимира Бурачека, морского офицера. Он был сыном первого начальника поста Владивосток Евгения Степановича Бурачека.

Владимир после окончания морского корпуса и службы на крейсере «Адмирал

Макаров» спустя полвека после его отца попал во Владивосток. В город, который сохранил добрую память о Бурачке-старшем в названии одной из местных сопок. Так же, как и отец, он провел здесь два года, с 1910-го по 1912-й. Служил на миноносцах «Властный» и «Тревожный».

Рядом с ним все это время была жена Ольга, юная, восторженная, выросшая в комфорте и величии большого города. Стоит прочесть эти коротенькие письма-записки, чтобы понять, как велика должна быть любовь, чтобы не порушил ее неустроенный быт, долгие дни одиночества в далеком порту, когда муж был на службе в море.

6 апреля 1911г.

Дорогая, родная мамуся! Пожалуйста, после получения открытки пишите мне по адресу: Владивосток, 2-я Порттовая, дом Грейсь номер 6, так как с 15 апреля Володя будет уходить... в море и тогда я буду скучать без него и без ваших писем, чего мне конечно очень не хочется.

19 апреля 1911г.

...К пасхе я получила порядочно много цветов от офицеров – трое прислали мне букеты. Ужасно трогательно.

6 мая 1911г.

...Вчера вечером Володе надо было обязательно съездить на миноносец, он стоит теперь в глубине бухты. Был маленький тайфун. Я с Володей поехала тоже на «юли-юли» (так называется китайская лодочка). Покачало изрядно. Ужасно хорошо проехались!

19 мая 1911г.

...Дорогая мамуся! Наклеивается мне тур уроков. Буду рада. Без дела сидеть очень скучно.

16 сентября 1911г... Опять одна я, дорогая мамуся! Если бы ты знала, как надоело мне мое одиночество, но теперь уже недолго...

20 февраля 1912г.

Хотела, дорогая мамуся, написать тебе письмо, да приходится ограничиваться открыткой. А то опоздаю и не увижу процессий, которые китайцы устраивают по случаю своего Нового года. Говорят, будут нести огромного дракона на шесте...

22 марта 1912г.

Знаешь, мамуся, вчера целый день проходили в поисках шляпы и ни одной подходящей не нашли. Тут они все ужасно безвкусные и дорогие... Мама, попроси Иру написать подробную выписку, как называется та французская грамматика, по которой она занималась. Если можно, пусть напишет скорее...

2

3

Американец Купер и крещеная китаянка Мария

Эта пара привлекала к себе всеобщее внимание во Владивостоке прошлого века. Он — Генри Купер — процветающий предприниматель, в 70-х годах позапрошлого века прибыл в Россию на Дальний Восток, принял русское гражданство. Во Владивостоке поселился одним из первых. Скупил за бесценок несколько больших земельных участков, которые впоследствии перепродавал вновь прибывшим горожанам за немалые деньги. Имел в городе несколько гостиниц и трактиров.

Она — китаянка, умная, утонченная, повосточному загадочная. Существовал театр Мэри Купер. Именно в нем состоялась первая театральная постановка. Это произошло в 1872 году, когда труппа Бакушева ставила «Гамлета».

Как вспоминали очевидцы, под театр была приспособлена большая фанза, примерно в том месте, где находится сейчас клуб имени Ф. Дзержинского. В 80-е годы, когда в городе свирепствовала чума, ее снесли. Позже на этом месте было построено новое здание, которое чаще всего называли театром-кабаре. А имен у него было много: «Модерн», «Аквариум» и даже «Мулен Руж».

Это была счастливая пара. У другой китаянки, владелицы магазина «Зеленые кирпичики», судьба сложилась не так солнечно. Она была безответно влюблена в другого русского предпринимателя. И поэтому вскоре покинула Владивосток навсегда. Увы, сердечных драм во Владивостоке хватало во все времена...

Вальс на память

Вальс «Амурские волны», полный задушевной прелести и очарования, без преувеличения можно сказать, известен во всем мире. Но вряд ли кто знает, что родился он во Владивостоке на заре двадцатого века. Капельмейстер военного духового оркестра Макс Кюсс написал вальс в порыве большой и светлой любви к Вере Кирилленко, чужой жене.

Они познакомились в поезде, который отправлялся из Петербурга во Владивосток. Вера Яковлевна ехала к мужу, который командовал первым батальоном 11-го Восточно-Сибирского полка. Марк Авельевич Кюсс был откомандирован туда же капельмейстером. Ему было 29 лет. В прошлой жизни остались трудное полуголодное одесское детство — отец, рабочий пуговичной фабрики, не мог достойно обеспечить семью и, что самое печальное, дать сыну достойное образование. Неудачная женитьба на дочери владельца антикварного магазина.

Единственное, что он хотел бы взять с собой на Дальний Восток — первый свой вальс «Грезы любви»... Это была судьба. Кюсс с первой встречи полюбил эти зеленые глаза, полные затаенной грусти. Этот легкий, едва уловимый запах духов Брокара «Персидская сирень». Этот тихий чарующий голос... Мелодия нового вальса пришла не сразу.

Он сыграл его несколько лет спустя в доме Кирилленко. Как только растаял последний аккорд, Вера Яковлевна подошла к роялю, взяла листок с нотами и написала название «Амурские волны». Ей автор и посвятил этот вечно юный и прекрасный вальс. Вообще за свою жизнь Кюсс создал около 300 произведений, среди них «Разбитая жизнь», «Моя тайна», которые в свое время пользовались большой популярностью.

Во Владивостоке капельмейстер прослужил 11 лет. Он покинул город в 1914-м, семья Кирилленко уехала двумя годами раньше. М. Кюсс сменил еще не одно место, прежде чем вернулся жить в свою родную Одессу. Там он погиб в 1942 году от рук фашистов. Рассказывают, что перед смертью у него было одно желание — услышать вальс «Амурские волны»...

Фото из собрания Приморского государственного Обьединенного музея имени В.К. Арсеньева

«Старый Владивосток». Издательство «Утро России», 1992

1. Вокзальная площадь зимой

2. Кафедральный собор

3. Улица Петра Великого с Триумфальной аркой. Первоначальное название Прудовая

*Настоящий труд
не предназначался к печати
и появляется в свет случайно.*
К. Случевский

К инициативам и частной жизни исторических лиц всегда особый интерес. Мы предоставляем уникальную возможность познакомиться с записками ее превосходительства Варвары Федоровны Духовской (урожденной княжны Голицыной), жены выдающегося приамурского генерал-губернатора, действующего во славу короны, своего сословия и Отечества.

Она детально и с совершенной искренностью описывает самое-самое житейское в высшем слое хабаровского общества конца XIX века. Перепечатываются места, касающиеся пребывания Духовских на Дальнем Востоке, особенно в Хабаровске, из части 2-й ее «случайно» опубликованных воспоминаний (С-Пб, 1900). Воспоминания Варвары Духовской были выписаны из Санкт-Петербургской библиотеки краеведом, почетным гражданином Хабаровска Зосимом Васильевичем Востоковым в начале 1990-х годов. Воспоминания были присланы в виде микрофильма и в настоящее время хранятся в зале краеведения Дальневосточной государственной научной библиотеки. Мне удалось посмотреть весь микрофильм на специальном аппарате в Государственном архиве Хабаровского края, сканировать нужные главы на компьютер, а затем заняться переводом на современную орфографию. Перевод некоторых выражений В. Духовской с французского языка выполнила сотрудница научной библиотеки А. Воропаева.

Мария БУРИЛОВА

Дневник княгини Варвары Духовской

(печатается в сокращении)

Из первой части¹

Я родилась от второго брака князя Федора Григорьевича Голицына с Евдокией Ивановной Зарудной. У меня была кормилица, в три года появилась няня — бельгийка. Взяли в дом дочь старшего садовника, Зину, хорошенькую девочку моих лет, одели ее, как барышню, которая играла со мной весь день.

Зимы проводили в Харькове в собственном доме, а потом переезжали в имение моего отца в Харьковской губернии. Все баловали меня ужасно, учили меня делать глазки. Меня рано приучили к роскоши, но вышло наоборот, туалетами я не увлекалась. В 4 года выучилась я писать и бегло болтала по-французски. Звонким голосом распевала «Жил-был у бабушки серенький козлик». Любила слушать сказки, но все же больше меня увлекало описание домашней жизни. День моих именин праздновался широко. С малых лет я уже зарубила себе на носу слова: «Моему нраву не препятствуй!». Четырех лет меня повезли в Петербург через Москву. В 6 лет мне взяли гувернантку, пожилую француженку, она мне давала уроки английского языка и музыки.

Сама шила платья куклам.

[Исполнилось 14 лет.] Я предпочитала взять тайком из громадной библиотеки отца сочинения Поль-де-Кока и зачитывалась ими.

Повезли меня за границу для окончания моего воспитания и свет показать. Берлин, Париж, Бельгия, Брюссель. Поехали на море, где научилась хорошо плавать. Я уже в 15 лет любила привлекать внимание молодых людей. Поехали в Англию: Лувр, Лондон, затем снова Париж, потом Штутгарт. Здесь впервые увлеклась молодым шотландцем, 18-летним учеником английской школы <...>, одновременно нравился молодой грек. Посетили Италию: Неаполь, Рим, Милан, Венеция. Через Варшаву возвратились в Россию <...>

Первый выезд на бал состоялся в Харькове. На зиму увезли меня в Петербург. Здесь мне немного понравился саперный офицер. Готовили меня к петербургскому балу, где будет государь. По просьбе императрицы представили ей. Государь, проходя мимо меня, заметил и стал разговаривать, потом обо мне спрашивал у моего дяди. Меня стали возить на балы.

Лето в деревне

Приехала мама и увезла меня в имение Должик. По примеру кузины Нелли захотела я лечить крестьян. Мне казалось, что все болезни проявляются тошнотой, о чем я спрашивала у каждого: «Не тошнит ли?» Однажды при катании я упала с лошади, но удачно <...> Однажды к нам приехал «богатый жених», но я не хотела ему показываться. Очень я любила хлебать деревянной ложкой людские щи, ела я их тайком, чтобы меня не поймали за таким преступлением.

¹ Большие сокращения указаны угловыми скобками с многоточием; пояснения — в квадратных скобках.

Не покушаясь на индивидуальные выражения автора, старинная орфография переводится на современную. — М.Б.

Кавказ

В мае уехали мы с мамой в Тифлис, где зажили приятно и весело. Познакомилась с персидскими принцами. Рассматривая как-то альбомы у Рерберга, мое внимание привлекла карточка, я спросила: «Кто этот офицер?» «Это молодой офицер генерального штаба Сергей Михайлович Духовской, состоит при великом князе Михаиле Николаевиче, брат наших соседей по имениям, самый выгодный жених на Кавказе», — ответила мне Н.Н.Рерберг и объявила, что я непременно должна покорить его сердце, что он часто у них бывает и что я скоро с ним встречусь. Эти слова «выгодный жених» сразу заковали мое сердце в железную броню, и сам С.М. при первом знакомстве показался мне таким серьезным, спокойным, а главное — никакого внимания на меня не обращал, к чему я не привыкла. Мало-помалу С.М. и я стали меньше чуждаться друг друга, ездили часто верхом. Однажды он пригласил к себе на чай и я заметила, «что я не последняя спица в колеснице для ... С.М. в Должике посетил наше имение и познакомился с папой и всем понравился. С.М. вернулся в Тифлис, я глупо с ним себя повела, но после чего написала извинительное письмо. Он приехал к нам, но я избегала встречи с ним, но шаг сделан. Сели мы на кабриолет и поехали по дороге в Коджорью. Тут между нами все и решено. Вернувшись домой, объявили маме, что мы жених и невеста. Папа дал согласие на брак. Я забыла все свои амуретки, один С.М. олицетворял для меня все приятное, радостное в жизни.

Замужество и война

На свадьбу в Должик приехало много гостей, венчались в церкви. Мужа вызвали в Тифлис, и я поехала с ним.

Приезд в Тифлис. Мужу назначили командировку для осмотра артиллерии. В ноябре отправились в Александрополь. Квартиру сняли у армянина. Она состоит из небольшой гостиной, спальни, конурки для горничной и буфета, где спал наш денщик. Не квартира, а острог, но она считается лучшей в городе.

Война с Турцией (1877)

Сергей Михайлович проявил героизм при штурме Ардагана. Под ним была убита лошадь. Он получил Георгия 2-й степени.

Переезд в Карс

В Карсе мужа не застала, он уехал в Эрзерум. Получила письмо, где он пишет о смерти генерала Шелковникова, теперь муж должен заменить его и стать военным губернатором Эрзерумской области. Мир подписан, еду в Эрзерум. Турки удивляются моей смелости <...> Квартира наша одна из лучших в Эрзеруме, роскошная. Из окон виден библейский Ефрат. Турки нас ненавидят <...> В окно квартиры русского офицера стреляли. Действуют разбойничьи шайки. Мы выехали в Тифлис.

Положение неопределенное, останемся ли мы здесь? Выехали в Москву, поселились в «Славянском базаре». Муж получил за войну ленту ордена св. Анны с мечами.

Возвращение в Петербург

Приехали накануне Рождества. Наняли три комнаты над рестораном Дюссо на Большой Морской. Муж ежедневно ходит на доклад к великому князю. В Харькове убит губернатор князь Кропоткин. Стреляли в государя <...> Хотели ехать за границу, но мужа должны назначить начальником штаба Московского военного округа, до приказа об этом мы 17 мая поехали в Должик.

26 мая [1879] приехали в Москву. Поселили нас в кавалерийском корпусе Петровского дворца. У нас целых 15 комнат со старинной обстановкой. Со многими в Москве пришлось знакомиться. 29 августа переехали на квартиру в дом Пегова, состоящую из 25 комнат, и все огромные. Штаб помещается над нами.

Рано встаем, рано ложимся. Занимаюсь музыкой, языками, ухаживаю за растениями в зале. Меня часто застают гости врасплох — в фартуке и с тряпкой в руках. Принялась я ревностно за хозяйство, не позволяю повару обкрадывать нас.

Муж записался в члены английского клуба и по субботам ездит туда обедать. Иногда у нас появляются маленькие размовки. Многие спрашивают, почему я не выезжаю в свет. Но я довольствуюсь своей домашней жизнью.

Присутствовала на репетиции обоих Рубинштейнов, Николая и Антона Григорьевичей. Были на опере «Фиделио». Ездил на фабрику золотых и серебряных изделий Овчинникова. У них в учении 160 мальчиков: устроены классы, дортуары, библиотека, школа живописи, чистота всюду замечательная.

Был взрыв динамита в Зимнем дворце. «В Лориса стреляли возле самого подъезда его квартиры, но он не растерялся и схватил собственноручно негодяя, который через день был повешен». Предупредили графа Шувалова, что дом его будет взорван.

12 мая скончалась императрица Мария Александровна.

1880 год. В конце мая мы переехали в Петровский дворец, где квартира удобнее прошлогодней.

6 июня открытие памятника Пушкину. Мы наблюдали из окна квартиры Бутовских. Были на приеме у митрополита Макария.

500-летие Куликовской битвы <...> Муж поехал на празднества, а я в Должик. Ехавший с нами в вагоне историк Иловайский прочитал нам свою приготовленную речь. Речи мужа на празднестве напечатаны во многих газетах.

Тревожное время

[Убийство Александра II. Александр III получает анонимные угрожающие письма.] <...>

Начались избиения евреев. Ротшильд пожертвовал 20000 франков на разоренных соплеменников.

Высочайшие приезды

В июле в Москву приехал государь, он делал смотр войскам на Ходынском поле. Государь пригласил всех начальников частей на завтрак в Петровский дворец. Скобелев зашел к нам, поцеловал мою руку.

Московские развлечения. С нетерпением ждем приезда Сары Бернар. Познакомилась с артисткой театра Гламой Мещерской. Интересен был концерт в манеже в честь Глинки <...>

Большая поездка за границу (1883). Муж командировается в Италию для присутствия на летних маневрах. 18 июня выехали из Москвы. [Лондон. Дъепп. Париж. Швейцария. Люцерн. Интерлакен и ледники. Путь ... Женева. В Италии: через озеро четырех кантонов. Милан. Комо. Белладжю. Лекко.] <...>

Назначение на Амур

Давно уже ходят слухи о том, что мужа прочт генерал-губернатором на Амур, на место покидавшего скоро эту должность барона Корфа. Вдруг получается из Петербурга депеша от военного министра, вызывающая мужа в Петербург. Я совсем перепугалась, уж не назначение ли?.. Условилась я с мужем, что если речь будет идти о назначении, то он должен мне протелеграфировать два слова «но-

ности есть». Понятно, с каким нетерпением ждала я его телеграммы, и вот какую получила: «Новости есть, решение отложено до совещания с тобой!» Тут у меня руки совсем опустились, но я дала себе слово не мешать карьере мужа и на все согласиться. Вернувшись из Петербурга, муж сообщил мне, что им хотят непременно заручиться на Амуре, и поэтому утверждается новая должность помощника генерал-губернатора, которую и предлагают ему. Пригласили мы к себе генерала Свечина, служившего помощником начальника окружного штаба на Амуре, и попросили его дать нам побольше сведений об этом далеком крае, ближайший путь к которому — через Америку. Сведения эти оказались настолько благоприятные, что муж решил написать военному министру свое согласие на временную должность помощника, но только с тем условием, чтобы его оставили в Петербурге до ухода барона Корфа. Как все это нас волнует, ни о чем другом думать не могу — ведь это второй Эрзерум!

В апреле поехали мы для окончательного решения в Петербург. Военный министр сообщил мужу, что барон Корф возвращается еще на два года на Амур. Это совсем меняет дело; но для очистки совести мы решились сделать визит Корфам. Барон Корф первым делом сказал мне: «Вы должны отказаться в Хабаровке от всякой роскоши, квартира у вас будет маленькая, неудобная. Вот когда ваш муж будет генерал-губернатором... Тогда другое дело!» Вернувшись в отель, муж написал Корфу решительный отказ. И так — мы остаемся в Москве! Какое счастье!..

Стала я брать уроки на мандолине у синьорины Чарлони — солистки (на арфе) Большого театра. Ее отец, типичный толстый итальянец, привозит ее к нам и по окончании урока опять за ней приезжает. Один молодой человек предложил аккомпанировать мне на гитаре, но ничего из этого не вышло; он, оказывается, даже нот не знает, сидит в позе картины «Жестокие романсы», обнявши огромную гитару, и напевает цыганские песни, бросая на себя в зеркало влюбленные взгляды. Ревностнее, чем когда-либо, занимаюсь пением с Марией Осиповной. У меня развилось колоратурное сопрано: мне легко дается ария Розины из «Севильского цирюльника», и вообще весь репертуар Ван-Зандт.

Шлецер, мой первый учитель музыки, который давал мне уроки, когда мне было двенадцать лет, приглашен профессором в Московскую консерваторию; он слышал мое пение и одобрил его, но сожалеет, что я забросила рояль.

Живем мы себе в Москве тихо, спокойно — вдруг получает муж телеграмму от генерала Величко, извещающую его, что скорострительно скончался барон Корф. Значит, суждено нам ехать на Дальний Восток! Сильно взволновалась я. Целую неделю мы находимся в полной неизвестности о нашей дальнейшей судьбе. По Москве ходят всевозможные слухи, говорящие pro и contra — назначения мужа вместо Корфа. В Петербурге этим также очень интересуются и называют много конкурентов мужу.

6-го марта ночью получает муж телеграмму от генерала Обручева: «Военный министр вызывает вас немедленно в Петербург по делам службы». На другой же день выехали мы в Питер. Муж с вокзала поехал прямо к военному министру и узнал от него, что государь остановился на нем. Итак, мы едем на Амур!.. Военный министр уже отвез приказ о назначении мужа на подпись государю, и на следующий день он был напечатан в «Инвалиде». Вот как величается теперь муж: «Приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа и наказной атаман Приамурских казачьих войск». Быстрый скачок сделал он — из начальников штаба в генерал-губернаторы!

Муж уже начал заниматься делами Приамурского края. Заседает он также в комитете, под председательством наследника, по постройке Сибирской железной дороги.

Все приходят нас поздравлять с новым назначением. Муж получает массу телеграмм с Амура от его новых подчиненных; адъютанты и чиновники телеграфируют ему благодарность за то, что муж оставляет их при себе.

Заняли мы почти целую половину нижнего этажа в Гранд-отеле. В двух комнатах помещается канцелярия мужа; дежурят в ней новые чиновники, адъютанты и ординарцы. Много является амурцев представляться мужу, в мундирах и треуголках.

17 марта, в день Амурского праздника¹ был молебен в Исаакиевском соборе; муж в первый раз надел свой новый казачий мундир с желтыми кантами и лампасами и атаманскую папаху. В этот же день муж пригласил к обеду всех амурцев, находящихся теперь в Петербурге...

В конце марта мы должны были ехать в Москву укладываться. Наняли укладчиков за 800 рублей, по этой сумме можно судить, какую массу вещей мы берем на Амур. Зала вся наполнена громадными ящиками; адъютант Шелашников повезет эти вещи на пароход Добровольного флота. Муж взял себе офицером для поручений Л.И. Серебрякова. Как счастлива я, что Анастасия Константиновна едет с нами на Амур! М-е-Beurgier (мадам Бержье), бывшая гувернантка моей подруги Мими Трубецкой также решается нам туда сопутствовать. 8 апреля, по случаю нашего отъезда, в штабе был отслужен молебен; многие собрались помолиться вместе с нами. Провозглашено приамурскому генерал-губернатору и его супруге: «многая лета!» После молебствия А. Л. Шанявский, товарищ мужа по Академии Генерального штаба, вручил мне 3000 рублей, пожертвованные им для женской гимназии в Благовещенск. Московские хоругвеносцы благословили мужа образом; греческий архимандрит также прислал образ. Муж, в свою очередь, пожертвовал московскому окружному штабу образ преподобного Сергия, писанный в Сергиевской лавре, с кусочком раки. В 8 часов вечера дорогой на вокзал заехали мы приложиться к Иверской Божией Матери и зашли проститься с епископом Александром, который остался в Москве за митрополита: благословил он нас двумя образами. В газетах было напечатано о часе нашего отъезда, и мы застали в парадных комнатах Николаевского вокзала многочисленное общество. Получила я пять букетов, один из них перевязанный эксельбантами — от офицеров генерального штаба. Розы мои нарасхват брались на память: всю меня измяли и растрепали. Платформа также была полна любопытными. Прощай, Москва!..

Открытие первого участка железной дороги и путешествие в Хабаровку

22-го. Муж с большой свитой поехал в село Никольское за 100 верст от Владивостока — делать смотр войскам и открыть движение по железной дороге. Путь этот соединит в скором времени Хабаровку с Владивостоком. Прием в Никольском сделали мужу блестящий — поднесли ему два серебряных блюда с хлебом-солью. Меня также ожидали в Никольское, и жены инженеров просили мужа передать мне приготовленный ими букет. Муж очень доволен Никольскими войсками: через пять минут после произведенной тревоги артиллерия уже начала пальбу. Расположенные около Никольского войска состоят из стрелковой бригады (в ней пять стрелковых батальонов, и в каждом стрелковом батальоне 1000 человек) и трех батарей. Никольское — огромное зажиточное русское село, каждая крестьянская семья имеет здесь минимум сто десятин земли. Удивительное стечение обстоятельств: мужу попался тот са-

¹ Амурские обеды деятелей Амурского края, начало которым было положено графом Муравьевым-Амурским с 1861 года. Обычай затухал, с 1872 года обеды проходили ежегодно для участников освоения Амурского края. — *Прим. М.Б.*

мый вагон, который принадлежал его брату Евгению Михайловичу на Харьковско-Николаевской дороге.

Муж поехал в Никольское в воскресенье, а я в этот день назначила прием, на котором заметила, что климат здешний очень старит, — одному полковнику я дала все восемьдесят лет, а ему оказывается только сорок пять; все говорит за то, чтобы долго тут не засиживаться. Пришлось отдавать мне много визитов; чистой пыткой для меня было ехать на горячей тройке, которая возила наследника в бытность его во Владивостоке, кучер нарядный в синей шелковой рубашке и при часах, подаренных ему наследником. Город очень разбросан, дороги ужасные, все крутые подъемы и спуски. Наш поезд совсем триумфальное шествие, народ кланяется мужу, извозчики снимают шапки.

Населен Владивосток преимущественно китайцами и корейцами, торговля почти вся в руках китайцев. Пришел как-то раз русский портной с жалобой к мужу, просит выселить двух его соперников — портных — китайцев, поселившихся с ним рядом и дешевизной отбивающих у него клиентов. Владивосток — город довольно большой: на главной улице — Светланской — очень оживленно, много катающихся дам, офицеров, но русского простонародья совсем не видно. Извозчики очень порядочные, парные с пристяжкой; — летят они с горы сломя голову; местные лошади не крупные, но очень бойкие. Тут же рядом на Светланской невообразимая безурядица, посреди улиц свиньи купаются в грязи. Климат здешний с вечными туманами и сыростью навеивает тоску, процент самоубийц и умалишенных очень велик.

Пришли ко мне с визитом оба адмирала и командир «Корнилова» просить меня назначить день для бала в морском собрании. Желая мною заручиться, они говорят, что моряки перед балом специально для меня устраивают концерт. Пришлось ехать. В передней встретил нас адмирал Эгнелъм с букетом и повел меня под руку в залу, освещенную электричеством. Все перед нами расступаются. Как только мы уселись, начался концерт. На эстраде играл хор сибирской флотилии, сначала на духовых инструментах, а потом на струнных. Капельмейстер дирижирует умело и музыкально. Затем поочередно пели три дамы и играл на виолончели офицер. Когда концерт кончился, Эгнелъм повел показывать нам военное собрание; помещение его огромное — с чудной библиотекой и читальней. Меня сильно тянуло домой, но надо было еще остаться на танцы. Уселась я на эстраде, в качестве лишь наблюдательницы. Эгнелъм подошел ко мне, говорит, что моряки поручили ему спросить, могут ли приглашать меня танцевать, я поблагодарила.., но — отрицательно.

Получена депеша от Шалашникова из Маската (в Аравии); жестокий муссон занес их так далеко в сторону и раньше октября «Нижний» не может прибыть во Владивосток, а в октябре прекращаются всякие сообщения с Хабаровкой, так что ранее декабря людей наших с необходимыми вещами нечего ждать. Приятное положение! Нет у нас ни теплого платья, ни самого необходимого для первоначального устройства в Хабаровке. Я еще более упала духом. Как понятно теперь для меня слово «Spleen» (хандра).

2-го сентября. К неопisanному моему удовольствию выехали мы сегодня в восемь часов утра из угрюмого Владивостока. На вокзале собралась масса провожающих. Главный строитель Уссурийской железной дороги Вяземский вручил мне букет. Путь до нашего вагона весь устлан коврами. Для нас приготовлен экстренный поезд с буфетом, внимательные инженеры запаслись даже горничной. Кроме свиты мужа нас сопровождают еще Вяземский, начальник дистанции, генерал Кукель, правитель канцелярии — тайный советник Тумковский, генерал Унтербергер и окружной медицинский инспектор Радаков. Едем тихо, делая не более двадцати верст в час. Дорога напоминает «Corniche», такие же крутые зигзаги, с одной стороны море, с другой — высокие скалы. Говорят,

Сергей Михайлович Духовской

что в этой местности водятся тигры; в экипаже встретиться с ними не особенно-то приятно, ну а на железной дороге — байдуже¹. На станции Раздольная была приготовлена мужу большая встреча, построена арка с его вензелем, всюду развеваются флаги. На платформе депутация крестьян подала мужу хлеб-соль на полотенце, на котором вышито: «Будь здоров на многие лета». От железнодорожных рабочих я получила букет. Муж обошел выстроенный батальон, поздоровался с солдатами, побеседовал с крестьянами, и затем мы тронулись дальше — почти шагом, так как насыпь от сильного дождя села, и балласт еще не положен. Муж велел ранее трех месяцев движения для публики не открывать. Случайно узнала я, что вчера на этом месте служебный поезд сошел с рельсов, причем жена одного из служащих выскочила и сломала ногу. На насыпи видны следы, по которым скатились вагоны. Масса рабочих — манзы² и солдат — исправляют путь. Едем с большой осторожностью, на ступеньках вагонов стоят инженеры и солдаты-кондуктора.

В пять часов вечера приехали в Никольское. Здесь пока предельный пункт железной дороги, отсюда уже придется ехать на лошадях. Встреча тут еще торжественнее, все начальники частей стоят во фронт на платформе. Командующий войсками Уссурийского округа, генерал Копанский, довез меня в коляске до своей квартиры. Село Никольское отстоит в пяти верстах от вокзала. У волостного правления собралась толпа крестьян с прошениями; одна ветхая старушка стоит на коленях с оригинальным прошением, положенным на голову, — просьба указать ей путь в Иерусалим. Село Никольское огромное, улицы широчайшие. Семьи офицеров помещаются по большей части в простых хатах. Проезд наш производит здесь сенсацию, дамы смотрят на нас в бинокли.

¹ (Укр.) — все равно, безразлично. — М.Б.

² Манзы — местное название китайцев, в буквальном переводе «беглые», «бродяги» — китайцы, жившие на русской территории в пределах Южно-Уссурийского края П.Ф. Унтербергер. Приамурский край 1906—1910 гг. С.-П. 1912. С. 70.

Дом генерал-губернатора

Возле дома генерала Копанского был выставлен почетный караул.

4-го. В шесть часов утра подали нам дорожный тарантас, купленный мужем у барона Корфа. Сиденья в нем нет; втащили в него сундуки, покрыли соломой — вот и сиденье готово, вообще насчет его удобства — лучше умолчу. В нашем поезде едет семь экипажей. Проезжаем через лагерь; все войска выстроились, приветствуют мужа, с разных сторон гремит музыка. Две сотни казаков, провожают нас на полных рысях до первой станции — одна сотня впереди нас, другая сзади. Командир кавалерийской бригады Бернов также конвоирует нас верхом. Третья сотня разослана вперед по всему нашему пути. На каждой станции сопровождают нас шесть конвойных казаков: два казака едут впереди нашего экипажа, два сзади и два по бокам. Скачут они, к великому моему беспокойству, по оврагам и кочкам, не разбирая дороги <...>

Хабаровка

От станции Казакевичи всего лишь два часа ходу до Хабаровки. Вышли мы поздно и идем очень тихо, чтобы не прийти раньше назначенного часа — к полудню. Хабаровка расположена на трех холмах [почти] при слиянии Усури с Амуром, который здесь шириной в несколько верст. На повороте увидали мы высоко на горе собор и большой генерал-губернаторский дом, с развевающимся над ним генерал-губернаторским флагом. Проезжаем мимо китайского и малороссийского поселков и приближаемся к пристани, изукрашенной зеленью и флагами. На горе с батареей салютуют мужу из пушек. Вся пристань битком набита народом, и войска расставлены шпалерами до самого нашего дома — совсем царская встреча. Когда мы сошли на берег, городской старшина, сосланный повстанец¹, поднес мужу хлеб-соль на роскошном серебряном блюде, сказав при этом длинную речь, в которой и на мою долю досталось несколько слов, а именно, что и от моей особы хабаровцы ожидают многого... Депутации от китайского и корейского обществ также поднесли хлеб-соль. Муж получил шесть серебряных блюдец, несколько металлических, деревянных и хрустальных. Мне надавали много букетов с разноцветными лентами, большей частью с надписями. Ужасно раскраснелась я от жары, а главное, от волнения и радехонька была, когда все подношения кончились и мы двинулись в сопровождении всей толпы к собору. Ддя нас был приготовлен экипаж от стрелкового батальона, так как купленная мужем у баронессы Корф тройка разбила вчера коляску, испугавшись музыки на репетиции нашей встречи. Я упростила мужа идти лучше пешком. От пристани поднялись мы круто в гору. На всем пути муж здоровался с войсками, со всех сторон греме-

ла музыка. Подошли мы, наконец, к собору, где благочинным с двумя священниками и двумя дьяконами был отслужен молебен по случаю нашего приезда. Один из дьяконов просто оглушил меня своим необыкновенно ревущим басом. Благочинный отец Александр был раньше миссионером, он состоял при наследнике во время его путешествия через Сибирь и имеет от наследника золотой наперсный крест, богато украшенный изумрудами. Собор очень большой, иконостас металлический, весь посеребренный; певчие на хорах чудно пропели концерт Бортнянского. Еще в Москве муж заказал серебряный веночек барону Корфу, похороненному в соборе, и сам положил теперь веночек на его могилу. При выходе из собора, почти вплоть до нашего дома, были расставлены воспитанники разных учебных заведений, а именно: два женских училища, мужская прогимназия и малолетнее отделение кадетского корпуса (один лишь третий класс). Из каждого училища выбран самый маленький человек для подношения мне букета, под ноги бросали мне цветы. Но все впечатление радужной торжественной встречи испортил чиновник В.: в ту самую минуту, когда вступали мы в дом, подсакивает он ко мне и с радостным лицом говорит: «А вы знаете, пароход «Нижний» погиб!» Ужасная эта весть совсем меня огорошила; ничего не вижу, не слышу, что кругом меня делается, с трудом удерживаю слезы. Видя мое волнение, муж послал скорей за офицером, от которого В. слышал о гибели наших людей и всего нашего багажа. Оказывается, что о несчастье с «Нижним» и разговора не было, а только прошел слух, что «Нижний» близ Адена попал в сильный шторм. Муж послал телеграмму во Владивосток агенту Добровольного флота, прося его навести справки о том, где находится в настоящее время «Нижний»; к вечеру получился ответ, что «Нижний» вышел из Colombo. Слава Богу! Я снова воспрянула духом.

Чувствую себя точно в гостях — в громадном чужом доме, не знаю, куда голову приклонить. Долго просидела в грустном раздумье в неудобной спальне, не снимая шляпы. Вечером в честь нас была устроена иллюминация. Как раз против нашего дома горел разноцветными огнями огромный щит с буквами «С. В. Д.» Весь бульвар иллюминирован огненными гирляндами. После обеда мы вышли на веранду и долго любовались восхитительным видом на Амур. На бульваре под нами — большое оживление, масса гуляющих. Муж подбил и меня пройти по бульвару. С трудом протискиваясь в толпе, дошли мы до памятника Муравьеву-Амурскому, который стоит на высоком пьедестале и господствует над всем городом. На возвратном пути послушали мы великолепный хор музыки, игравший в павильоне близ военного собрания. Публика этим временем успела узнать, что мы находимся среди нее, и — все перед нами начали расступаться и кланяться, что побудило меня скорее вернуться домой. Долго еще сидели мы на балконе мезонина, где поместились Серебряковы, — слушали музыку. Ночь провела я очень дурно, так как воздух в Хабаровке зимой и осенью сух до невозможности, — совсем дышать нечем.

Зима 1893 – 1894 гг. и лето 1894 г.

С каким нетерпением ожидаем мы прибытия «Нижнего»! Так трудно обходиться без своей прислуги. В доме у нас остались два денщика барона Корфа и прачка-каторжница, отравившая своего мужа и живущая теперь гражданским браком с садовником, также каторжником, сосланным за утопление своей любовницы. Вся прислуга в Хабаровке — или каторжные, называющие себя «обязанными», или родственники их. Слесарь-татарин Шахбеков, поправляющий у нас замки, воспитывался в первом кадетском корпусе одновременно с мужем, он зарезал своего отца, почему и попал в здешние негостеприимные края. Лучший здешний брдобрей именуется

¹ Городской староста — дворянин Станислав Исидорович Бахалович.

Барвара Духовская за столом справа

себя круглым сиротой совершенно правильно: он отправил собственноручно *ad patres* обоих своих родителей.

Комнат в нашем доме пропасть — легко даже заблудиться. Передняя наполнена ординарцами, вестовыми и казаками. Огромный атаманский зал разделен аркой на две части; на передней стене, над большими портретами государя и наследника, прибита доска с надписью, гласящей, что в этом доме наследник пробыл несколько дней. В малом желтом зале стоит престарелый, разбитый эраровский рояль; настройщик приезжает сюда лишь раз в год из Благовещенска и берет 20 рублей за настройку. Сад небольшой, с маленькой оранжереей и теплицами. Круглый год у нас цветы и овощи, за обедом, ежедневно, перед каждым прибором ставится букетик. Провизия здесь очень дорога, особенно молочные продукты: бутылка сливок стоит рубль. Нам привели из Благовещенска двух коров с телятами — здешние коровы без телят не доятся, но молока дают они очень мало. За конюшней и за конвойной командой присматривает ординарец мужа — хорунжий Бодиско, а за домом — чиновник Орлов. Тройка, купленная у Корфа, совсем не выезжена, постоянно носит и рвет постромки, ни за что не решусь на ней ездить.

На третий день нашего приезда муж принимал всех начальников частей и чинов окружного штаба, а на следующий день — все гражданское ведомство. Я назначила приемные дни по четвергам от 3 до 5. Каждый четверг являются все новые личности: но между ними, увы, нет друзей и царит ненавистный для меня официальный дух. Общество здесь очень большое, но для всех я — жена начальника. Так тяжело, так недостает мне мамы, Юлии Бутовской и Марии Осиповны Коган! В первый же четверг была у меня начальница женского училища Рамзайцева с пятью учительницами (все жены офицеров). Рамзайцева — собственно и учредительница этого женского училища, которое началось с шести девочек, приходивших к ней на дом заниматься. Когда учениц у нее стало больше, занятия начали происходить в адъютантском доме. Теперь строится новое здание для училища, которое, мы надеемся, скоро переименуется в женскую прогимназию; очень бы хотелось нам устроить в ней интернат. В настоящее время в трехклассном училище на-

ходится 38 учениц; все учительницы преподают безвозмездно. Министерством народного просвещения отпускалось прежде на пособие лишь 1000 рублей в год, а муж выхлопотал теперь 37000 ежегодно на пособия всем учебным заведениям, в вверенном ему крае. Я только что избрана почетной попечительницей училища, и вслед за тем получаю по почте официальное письмо от мужа с просьбою принять председательство в комиссии, собранной для обсуждения о преобразовании училища в четырехклассную прогимназию.

Ворвалась ко мне раз гольдячка, принявшая христианство, жалуется, что при размене у кабатчика 1500 рублей тот дал ей пачку денег, но кредитки оказались только сверху, а внутри пустые бумажки:

Оказывается же, что она сама вошла в сделку с кабатчиком, который за 250 рублей должен был дать ей 1500 рублей фальшивыми кредитками, вот он и надул ее зело, и она поделом наказана.

Избрали меня также председательницей драматического кружка. В нашей зале происходила баллотировка директоров, суфлера и членов, в состав которых попало и несколько дам. На заседании музыкального общества происходил выбор трех директоров, хормейстера и секретаря. В один день у нас было три заседания: военный совет, заседание тюремного комитета и музыкальное заседание.

Муж, осматривая подробно тюрьму, увидел в ней поселенца, который был арестован за кражу осетра. Целых три года тянулось его дело, и только теперь приговорили его к девятимесячному заключению; жена его успела умереть за это время, и с ним в тюрьме в одной камерке живут четверо его малолетних детей, совсем зачахших от спертой тюремной атмосферы. На сумму благотворительного общества нанята теперь женщина для присмотра за этими несчастными малютками, которых перевели в собственный домик их отца.

Ровно в 12 часов против нашего дома раздается пушечный выстрел; в это время у нас садятся к завтраку, но я не схожу вниз — все утро провожу наверху в спальне, читаю, играю на мандолине. К обеду муж оставляет всегда дежурного адъютанта и чиновника. По вечерам я часто музици-

рую в 4 руки с М.О.Шанявским. Почта приходит из России три раза в месяц; как только завидится издали почтовый приход, на каланче вывешивают один флаг — для почты, проходящей из Владивостока, два флага — из Благовещенска и три флага — из Николаевска; часто случается, что старая почта приходит после новой. Письмо от моей матери, посланное 1-го июля, я получила лишь 26 сентября. Поддерживать сношения с Россией можно только телеграммами, — вопросы в письмах не стоит делать, так как получивши ответ, уже забудешь, о чем спрашивала.

Приходится мне отдавать много визитов, причем я всякий раз донельзя взвнчиваю себе нервы, так как дороги убийственные. Улицы немощеные — грунт здесь крепкий, как камень. В Хабаровке существует лишь одна прямая улица Муравьевская, а по обе стороны ее все горы и овраги; улицы эти так и называются: Артиллерийская Гора, Средняя Гора, Военная Гора. Город совсем не освещен и по ночам ездить не безопасно, того и гляди угодишь в яму. Здешние извозчики совсем бары: от 12 до двух они изволят отдыхать, и в эти часы надо обходиться без извозчиков — ни одного не найдешь. Лучшие магазины здесь Чурина, Богданова, Плюснина, Эмери и китайца Тифонтия — в них все можно достать, начиная от гвоздя до дамской шляпы, имеются также закуски и колониальный товар.

Шайка поджигателей; у Радакова злоумышленники облили крыльцо керосином и ночью его подожгли, но примчавшаяся в несколько минут вольная пожарная команда скоро потушила пожар.

<...> Получена телеграмма, что по выбору мужа назначается ему в помощники генерал Гродеков. Я так этому рада! Теперь нам легче будет отсюда уехать. Муж просит Гродекова приехать весной с первым пароходом.

Продолжаю сильно хандрить, решительно никого видеть не хочется: когда выхожу из дому, еще грустнее становится, лучше дома, я забываю тогда, что нахожусь на конце света. В октябре реки здесь начинают замерзать, и почта приостанавливается на несколько недель, изредка только, на выюках и на лодках, доставляется корреспонденция, но в каком виде! — письма подмочены и разорваны, ни одного слова разобрать нельзя.

(...) Как долго не доходят сюда известия! Адъютант мужа Алсуфьев, пробывший больше года в командировке, только вернувшись в Хабаровку, узнал, что Корф умер и что у него теперь новый начальник. Здешний край так велик, что, прожив несколько времени в его трущобах, можно совсем одичать. Двоюродный брат мужа Осколков (монах) приехал сюда с Афона строить монастырь, но он предъявляет слишком много требований — не меньше десяти тысяч десятин земли, — и поэтому постройка монастыря затягивается.

Военное собрание отделано заново, и лакеи облачены в либреи; два раза в неделю устраиваются там карточные вечера с музыкой. В зале общественного собрания странствующая труппа дает теперь ежедневно представления. Нам прислали две афиши на белом атласе, но я ни за что не пойду, боюсь расплакаться! Всякое напоминание общественной жизни действует на меня в здешнем заточении очень тяжело.

Как-то раз в воскресенье, после обедни, пятнадцать гольдов-христиан, в одежде из рыбьей кожи, пришли к мужу с челобитной; ужасный запах распространился от них по всему дому. Гольды эти всему удивляются, пальцем показывают на картины и на мебель, особенное внимание обратили они на паркет. Трудно будет мужу приручить этих дикарей, которые кочуют зимой в дремучих лесах, живут охотой на зверя, убивая его стрелами, ездят на собаках и счет ведут не на деньги, а на соболи. На днях у гольдов большой праздник (медведя); целый год они кормят косолапого Мишку и в конце концов съедают его. Напоили мы гольдов чаем в буфете, уходя, они забрали с собой весь оставшийся хлеб и сахар; из окон нам видно, как они мчатся карьером по льду на двух нартах, запряженных собаками.

Генерал Гродеков телеграфирует из Петербурга, что по Высочайшему повелению Хабаровка переименовывается — в город Хабаровск. Вот уж шаг вперед! Надо также надеяться, что скоро будут проложены колесные дороги между Хабаровском и соседними селами, тогда баснословные цены на разные продукты немного поубавятся.

Холода стоят лютые, каждый день — более двадцати градусов мороза, по этому случаю муж приказал поставить часовых в передней. Несмотря на сильный мороз, холод не особенно чувствителен благодаря полному отсутствию ветра. У нас в доме пятьдесят печей, и топка начинается с четырех часов утра.

Вот уже несколько дней по улицам Хабаровска ходит ночью высокое белое привидение и пугает горожан; полиция наконец его сцапала, это оказался солдат на ходулях, завернутый в белую простыню. Так и недоискались причины, побудившей его изображать из себя ходячее пугало.

Донауров подарил мне свою обезьяну макаку, с которой его денщик никак не мог справиться; она была привязана к ручке кухонной двери и делала всегда пробу блюд, которые мимо нее проносились; особенно полюбила она котлеты и прыгала прямо в блюдо, забирая в каждую руку по котлете и тем же временем захватывая несколько картофелин ногами, затем проворная мартышка моментально вскакивала на самый верх двери и доканчивала свой обед. Устроили мы для макаки большую проволочную клетку в комнате рядом с ванной, первый день она приходила в настоящее бешенство, а потом притихла, но стала тосковать; тогда мы дали ей в компанию щенка, с которым она нежно нянчилась, обнимала его, целовала, но все не переставала кричать и рваться из клетки. Мы ее выпустили из заточения и заперли дверь на ключ; на другой день, прибирая комнату, лакей вложил ключ в свое обычное место, а хитрая макака вынула его и спрятала наверху перегородки, отделяющей эту комнату от ванной.

Напала я здесь на отличную портниху, вдову артиллерийского офицера, сосланного в Сибирь за растрату казенных денег и служившего капитаном на каком-то пароходе, после его смерти вдова осталась без куска хлеба и стала заниматься сначала акушерством, а потом обшиванием здешних модниц.

26 ноября — праздник сибирского чудотворца Иннокентия. Большая партия гольдов приехала поздравить мужа с местным праздником и привезла ему в подарок губы лося. Утром у нас в столовой был отслужен молебен перед киотом с образами, которыми перед нашим отъездом благословили мужа в Москве. Собралась помолиться с нами вся наша многочисленная дворня, состоящая из двадцати человек.

Идут у нас деятельные приготовления для лотереи-аллегри. Много частных лиц и почти все магазины присылают мне вещи для выигрышей, которые будут также щеголять у нас живностью, а именно: лошадь, корова, два теленка, медвежонок, двенадцать поросят и пара кроликов. Я просила полковника Александрова упомянуть об этом в анонсах об аллегри, которые будут развешаны у входа общественного собрания, любезно предложенного городом для разыгрывания аллегри. В атаманском зале несколько длинных столов покрыты выигрышами, с утра до вечера их сортируем. Александров прислал мне крутить десять тысяч билетов; во всем Хабаровске не оказалось колечек и пришлось перевязывать билетки ниткой.

В городе появилась эпидемия кори, по случаю чего Рамзайцева просила распустить на две недели училище. Аллегри откладываем до Рождества, приходится опять закупоривать все выигрыши в ящики.

Перед самыми моими именинами мама телеграфирует, что вызван в Должик по случаю болезни брата моего Мити, который схватил воспаление легких на охоте. Вслед за тем получена депеша, что брат скончался. Как-то не верится, что нет больше на свете этого жизнерадостного, в полном расцвете жизни человека. На третий день праздников муж уст-

роил бег гольдов на лыжах и на собаках. Десять нарт по двенадцати собак каждая скакали по Амуру на призы. На берегу реки сооружен павильон, весь украшенный флагами, где мы сидели во время бега. Я не выдержала искушения и прокатилась с Тумковской в нарте. Трудно было усидеть на низеньких узких санках; собаки наши скакали во весь карьер, а сзади наезжали на нас другие нарты, и я все боялась, что задние собаки схватят меня за ноги и старательно прятала их. В тот же вечер мы пошли в военное собрание. В зале разбросаны столики, вокруг которых сидела публика, на эстраде пел любительский хор, затем сыгран был струнный квартет и в заключение Шанявский прелестно воспроизвел Шопена.

26 декабря, в половине двенадцатого утра, я поехала с Анастасией Константиновной в общественное собрание на аллегри. Началось оно ровно в двенадцать часов, а в три часа уже все билеты в пяти колесах были распроданы. Аллегри дал чистого сбору около 2800 р. Я сама выдавала выгрыши, молодежь, состоящая при муже, помогала мне. Народу было очень много, преимущественно солдаты и китайцы, играл хор военной музыки. Вечером мы отправились на любительский спектакль в военном собрании; публика состояла лишь из членов драматического кружка и военного собрания. Я поразила нарядному виду залы и изяществом дамских туалетов. В антракте мы пили чай в гостиной.

30 декабря в нашем атаманском зале была устроена елка для гимназисток и для кадет; мы обедали по этому случаю в три часа, а в пять стали уже собираться дети с их родителями. Сначала мальчики и девочки попарно прошлись по залу полонезом, а затем я начала раздавать девочкам подарки, разложенные кругом елки, а муж наделял ими кадет.

Новый 1894-й год большая часть хабаровцев встретила в военном собрании, а мы, по обыкновению, в постели. Приема у нас в этот день не было. Вечером я музицировала с М. И. Шанявским и с Дзярским, батальонным офицером, окончившим Варшавскую консерваторию. Мы засели за наше трио с семи часов вечера до полуночи, я совсем замучила своих кавалеров, и муж уверяет, что к концу вечера они даже похудели и что после окончания каждой пьесы они умоляющими глазами смотрели на меня, не пора ли кончить. Дзярский занимается также композиторством и посвятил мне серенаду для мандолины, скрипки и рояля.

В продолжение зимы я два раза принимала участие в концертах в военном собрании в пользу благотворительного общества; играла на мандолине под аккомпанемент Мечислава Иосифовича и участвовала также в квартете.

Каждое воскресенье бывают у нас парадные обеды с хором музыки. На одном из них присутствовал приезжий важный китайский генерал. Перед обедом Бодиско ударил в там-там, и мы торжественно, под звуки марша, пошли к столу. Китаец все присматривался, как едят европейцы; он принял ломтики белого хлеба также за блюдо и старательно разрезывал их на тарелке ножом и вилкой. Этот генерал считается в своей стране пророком, в противоположность пословице: «Nul n'est prophete dans son pays»¹. Он изучил мистическую индийскую науку у факиров. Через переводчика китаец этот сказал мужу, что у нас будет сын, что он это видит по моим глазам. Уезжая, он оставил нам свою фотографию и на ее обороте китайскими иероглифами написал, что жена его — самая высокопоставленная дама в Китае, а он — самый храбрый генерал китайской армии (скромностью, как видно, не блещет).

Японская комната преобразована теперь в мой «студио», который прислуга называет студень. Стоит тут наш рояль, привезенный из Москвы. Занимаюсь я также здесь итальянским языком, который мне легко дается, и я читаю уже без диктионера, принимаюсь теперь за испанский язык. Вообще здешняя жизнь без занятий была бы нестерпима. Я так благодарна всем тем, которые помогают мне коротать здешние дни. Один

из наших знакомых нагадал нам по картам, данному ему факиром в Америке, что в продолжение недели у нас в доме будет покража, и что же — муж заметил, что в его письменном столе не хватает несколько сот рублей; уж месяц тому назад исчез ключ от этого стола, сделали новый, но муж давно не проверял кассы, и вот что оказалось. Пришлось производить обыск у нашей прислуги, и в кармане сюртука нашего вестового Филимона нашелся ключ; он сознался, что крал деньги, понемногу, и всегда во время нашего обеда. Бухнул он, бедный, в ноги, но простить его не было возможности, из-за примера для остальной прислуги, и его увели на гауптвахту. Военный следователь производил следствие, и Филимона присудили на два года в исправительную роту. У нас снова начало пропадать столовое серебро и многие другие вещи; подозрение этот раз пало на нашего ламповщика, и действительно, в квартире нелегальной избраницы его сердца найдено много нашей столовой посуды, но серебро она успела уже распродать.

Только раз за всю зиму выпал глубокий снег и продержался до самой весны. Чудная здесь зима, без единого пасмурного дня, но в комнатах ужасно сухой воздух; на ночь мы развешиваем мокрые простыни, но это мало помогает.

По воскресеньям хожу к обедне в собор и стараюсь стать как можно незаметнее, за колонной; мне решительно не молится, когда на меня смотрят. Очень звучный в соборе колокол, за который заплачено 4500 р. Протоиерей Александр служит в соборе очень торжественно, а в общезитии он большой весельчак и балагур. Дьякон — личность совсем романтическая, родился в Америке от белого отца и черной матери, в юности был мичманом на американском судне и два раза перетерпел кораблекрушение; после первой морской аварии он очутился во Владивостоке. В непрекрасный день сидит он в отрепьях на пристани и раздумывает о своей горькой доле; несчастный вид его привлек внимание проходившего мимо коммерсанта-американца, который, узнав, что мичман умеет стрелять, нанял его к себе поваром; но волк все в лес глядит, так и моряк на воду, удрал он от своего коммерсанта опять в Америку. Второе кораблекрушение было еще более фантастическое: просидел он восемь дней с двумя товарищами на льдине без всякой пищи; голод заставил этих несчастных съесть сапоги, но этого мало, было решено, что один из них должен пожертвовать своей собственной персоной для съедения; жребий пал на будущего дьякона, которому было предоставлено застрелиться. Только что собирался он спустить курок, как видит — что-то большое черное ползет на льдину, это оказался морж, которого тут же убили и питались его мясом, пока не были спасены проходящим мимо пароходом. Мичман в благодарность за чудодейственное спасение дал клятву принять духовное звание. Судьба вторично забросила его во Владивосток, где он и исполнил свое обещание.

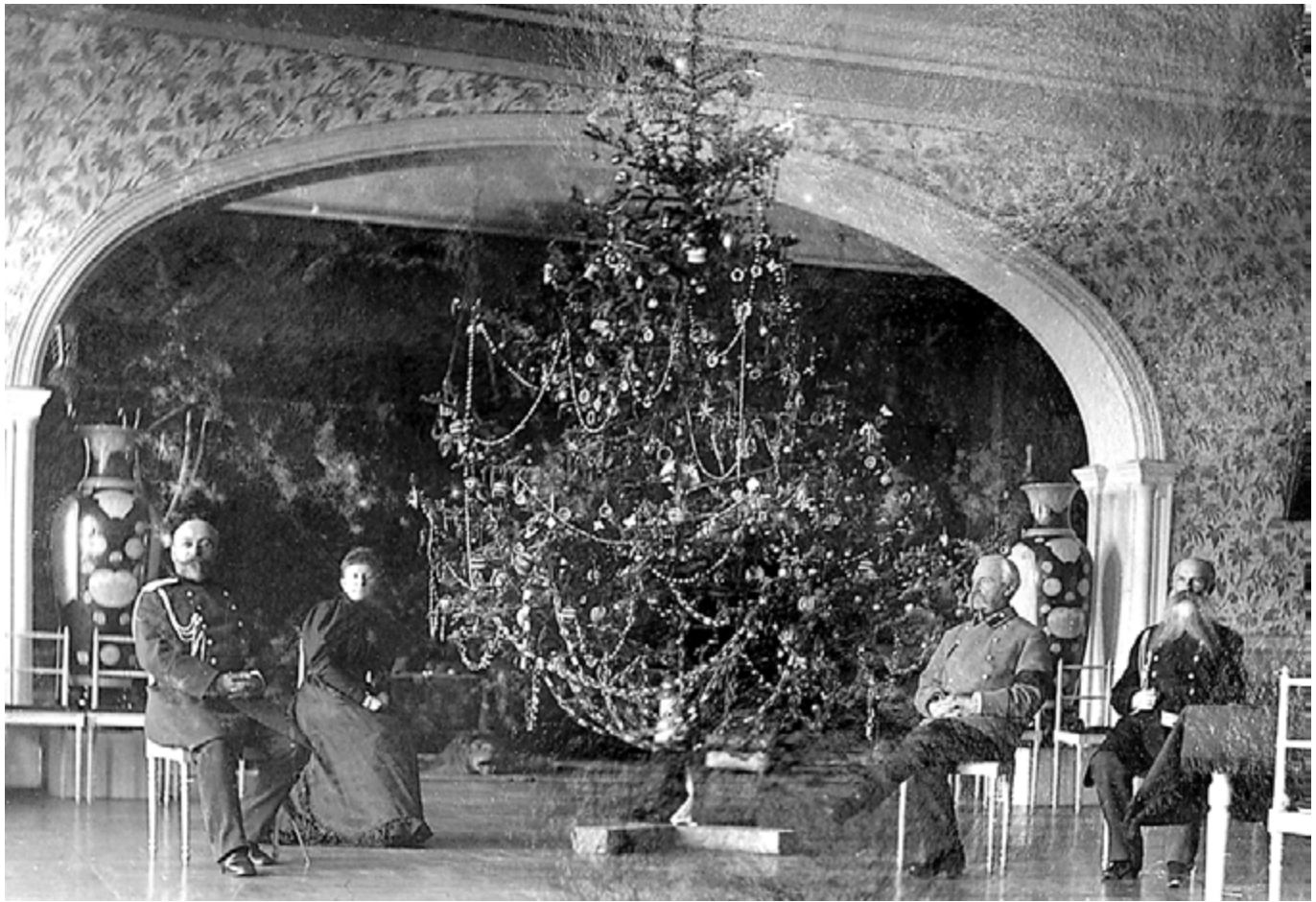
С первого января стала выходить в Хабаровске газета «Приамурские ведомости», созданная мужем, до сих пор здесь не было печатного слова. Зарождается также экономическое общество, где цены гораздо ниже, чем в магазинах, сахар, например, вместо 25 к. стоит — 17 к.

Муж издал приказ о том, что солдаты, окончившие здесь службу, могут оставаться еще на три года в крае, занимаясь по разным работам, а затем они будут отправляемы на родину на казенный счет. Этим можно будет вытеснить каторжную и китайскую прислугу.

Масленица прошла очень оживленно; в один и тот же вечер в военном собрании и в общественном давались маскарады. В прощальную субботу в военном собрании была *folle jounee*;¹ днем, после блинов, многочисленное общество ездило на тройках за восемь верст пить чай, на Красную Речку, а вечером в общественном собрании лектор Лапин читал назидательную лекцию о любви. На плацу для народа

¹ «Нет пророка в своем отечестве»

¹ Безумный день (фр.)

Варвара Духовская у елки. Напротив справа – С.М. Духовской

устроены качели. Я всю Масленицу просидела дома — нигде не тянет. Чтения в военном собрании привлекают много публики; я тоже поинтересовалась пойти послушать, как доктор Перфильев трактует о бактериях и микробах.

На Страстной неделе мы говели, а к заутрене пошла в собор. Разговлялись у нас более восьмидесяти человек; во всю длину атаманского зала был накрыт обильный пасхальный стол. Рамзайцева преподнесла мне подушку, вышитую ее ученицами, и два яйца, на которых искусно вырезаны имена всех учительниц училища. На второй день Пасхи представлялись мужу все офицеры гарнизона, и я, как любопытная дочь Евы, смотрела на них в дверную скважину. Наружностью выделялся между всеми красивый, совсем еще безусый мальчик, и в этот же день меня поразила весть, что он застрелился из-за каких-то денежных недоразумений.

...Проездом с Сахалина заехал сюда английский беллетрист De Windt, большой друг Пьера Лоти; за обедом он сидел рядом со мной. В память о нашем кратковременном знакомстве он прислал мне из Лондона интересный автобиографический роман своего сочинения.

Познакомилась я также с проезжим морским офицером Клопфелем, который играет на Cornet a piston,¹ на мандолине и отлично рисует; в два дня он написал мне картину масляными красками, изображающую угрюмое Берингово море. Получила я в подарок от гольдов двух живых соболей и енота; соболи злющие, так и норовят укусить через решетку клетки, которую мы поместили во дворе, напротив окон спальни. Енот делается совсем ручным, весь день находится у Феоктисты, а на ночь его также запирают в клетку. Макака стала так буяннить, что ее пришлось спровадить в

людскую, но и там она не унимается, сцарапала со стен все фотографические карточки, вынула весь пух из подушек и, к довершению всего, вытащила из кармана сюртука одного из вестовых портсигар и искрошила его на куски. Мы решили отдать ее обратно Донаурову.

Проездом в Америку давал здесь концерт тринадцатилетний скрипач, донской казак, Костя Думчев, ученик Ауэра. Он весь вечер играл один в двух отделениях; смычок у него чудный, тон богатый и беглость поразительная. Перед отъездом из Петербурга этот мальчик-феномен играл в Ливадии, во дворце, и удостоился получить в подарок от государя часы с бриллиантами.

В марте начались у нас палы (лесные пожары) — весь горизонт в огне. Весной все ожило; с пристани нового пароходного общества поминутно раздаются свистки пароходов. По вторникам, четвергам и воскресеньям в киоске против нас играет военная музыка; приятно слушать ее, сидя в удобной качалке на веранде (невидимкой), и смотреть на проходящую мимо публику — совсем заграничный курорт.

В саду у нас настоящий зверинец. Тифунтай (Тифонтай) подарил мне оленя, генерал Копанский прислал двух белых лебедей, гольд принес молодого орла, которого мы тут же выпустили на свободу, но он все назад прилетает и садится на крышу, выжидая ежедневной порции — большого куска сырого мяса, посреди двора ставится тарелка с водой, в которой он купается. Генерал Какурин, уезжая в Россию, подарил мне совсем дикую козочку, совсем ручную, днем она ходит по саду, а на ночь ее загоняют в ограду во дворе.

17 мая мы поехали на акт в женское училище. На подъезде ждала меня Рамзайцева с букетом, она преподнесла мне большую фотографическую группу всего интерната, с персоналом учительниц, вделанную в плюшевый бювар с моим вензелем. После молебна я раздавала ученицам на-

¹ Корнет-а-пистон (фр.) — духовой мундштучный инструмент с поршневым механизмом

грады. Из училища поехали на экзамен в городскую женскую Алексеевскую школу.

В конце мая к большому моему ликованию приехала М. О. Коган с детьми; я опять принялась с ней за пение.

Зима 1894 – 1895 годов

Пришел в Хабаровск пароход, везший на барже сто шесть каторжных женщин. Переселяют их на Сахалин, где женщин, сравнительно с мужчинами, очень мало.

Из России прибыло сюда тридцать семей переселенцев-хохлов. С первой партией приехали только женщины и дети. Поместили их пока в бараках. Переселенцы здесь перезимуют, а затем начнется раздача им земли. В России на семью редко дается более полутора десятин, а здесь — целых пятьдесят. Муж желает населить переселенцами деревни вокруг Хабаровска — в надежде, что они будут снабжать город разными продуктами, которые здесь баснословно дороги. В настоящее время нельзя достать свежего молока, а в замороженном виде оно стоит по пяти копеек за фунт.

С проведением железной дороги Хабаровск сильно развивается, понаехало множество инженеров. Теперь уж можно доехать во Владивосток в четыре дня.

Стараниями мужа женское училище наконец преобразовано в прогимназию. 30 августа было освящение нового, только что достроенного здания. По окончании торжественной обедни в соборе мы отправились в гимназию пешком, на всем нашем пути стояли шпалерами войска. Строитель прогимназии, инженер Монковский, приветствовал меня у входа с букетом, самая маленькая из воспитанниц интерната также поднесла мне цветы. На освящение приглашены были родители и родственники учениц, которые облеклись уже в форменные коричневые платья. Молебен служили перед образом св. великомученицы Варвары, заказанным Рамзайцевой одному художнику, который написал лицо св. великомученицы с моей фотографической карточки.

Монковский затем вошел на кафедру и прочитал отчет о постройке здания; за ним Маргаритов, попечитель учебного округа, сказал речь. Муж также произнес несколько прочувствованных слов. Перед нашим уходом священник окропил все комнаты святой водой. Интернат устроен на двадцать две девочки, все очень чисто и уютно; в дортуарах перед каждой кроватью лежит на столике Евангелие. В собор обратно мы пошли крестным ходом с новыми хоругвями, заказанными через маму в Петербург. В этот день у нас был парадный завтрак в атаманском зале на сорок пять персон, во время которого телеграфом получено известие, что мужу пожалована Александровская лента. Вечером муж уехал на целый месяц во Владивосток и в Посыет. Я ежедневно получаю казенные телеграммы, уведомляющие меня о месте нахождения мужа. 11 сентября была годовщина нашего пребывания в Хабаровске, и муж телеграммой благодарил меня за совместное наше здесь житье.

Во время отсутствия мужа я поехала одна на приемный экзамен в гимназию. Интернатки привезены большей частью издалека, даже некоторые с Сахалина. Одна семилетняя девочка, уроженка Усурийского края, совсем с ума сходит от тоски по дому; у нее это доходит до галлюцинаций — она разговаривает с отсутствующей матерью и жалуется ей, что с нее головку сняли и спрятали в шкаф; доктор обещает, что острый период тоски скоро пройдет.

На заседании благотворительного общества решено строить детский приют, и постройка здания предложена полковнику Александрову. Тифунтай пожертвовал на это доброе дело 1000 р., а богатая жительница Верхнеудинска Голдоби-на, находившаяся в это время в Хабаровске, дала на постройку приюта шесть тысяч рублей; в благодарность ее избрали в пожизненные члены благотворительного общества.

Строится также Александро-Ксенинский приют на десять инвалидов, благодаря великому князю Александру Михайловичу, который пожертвовал навсегда свое годовое офицерское жалованье на это богоугодное заведение. Наших четырех инвалидов мы сдали Красному Кресту и поместили их пока в госпитале. Бывшее их помещение перестраивается в публичную Николаевскую библиотеку, в которую государь пожертвовал множество книг; из Петербурга прислано уже 8000 томов. 6 декабря было открытие библиотеки, по окончании молебна муж послал государю благодарственный телеграмму и на другой день получил милостивый ответ.

Были мы на открытии народных чтений в городской мужской школе; доктор Перфильев читал с туманными картинками о крушении царского поезда близ Харькова в 1888 году. Перед началом чтения на полотне показан портрет государя, ученики пропели «Боже, Царя Храни!», и публика стала кричать «ура!»

Митрополит Палладий собрал в Петербурге большое пожертвование на сельские церкви в Приамурском крае. Прислано нам несколько огромных ящиков с церковной утварью, образами, лампадками, ризами; для сортирования этих вещей выбрана особая комиссия.

Государь опасно заболел в Крыму; в дежурной у нас висят ежедневные бюллетени. 21 октября мы узнали горькую весть о кончине государя.

После панихиды в соборе происходила присяга императору Николаю II и наследнику — великому князю Георгию Александровичу. Присутствовали мы также на панихиде в женской гимназии и в городском училище. Креп весь раскуплен, и в магазинах не осталось больше ни одного аршина.

...Ужасно сильные были в этом году морозы; ночью доходили они до тридцати градусов по Реомюру.

В первый день Рождества пять молодых хохлушек-переселенок пришли к нам колядовать по малороссийскому обычаю. 26 декабря аллегри прошел у нас еще удачнее, чем в прошлом году.

Хунхузы (китайские разбойники) стали наводить панику на железнодорожных служащих; напали они на одну станцию и перерезали всю семью старосты, по потерянному ими знамени узналось, что это были китайские солдаты. Вообще что-то стало смутно на китайском горизонте.

1 января [1895] у нас опять была елка для кадет и гимназистов, собралось до ста пятидесяти детей; в антрактах между танцами один из учителей городской школы показывал им волшебный фонарь. Накануне елки Рамзайцева одела дворника гимназии Дедом Морозом, каждая девочка должна была передать ему билетик, на котором написано, какой она желает получить подарок на елке. Многие писали: «Милый Дед, я хочу куклу», но были и такие, которые пожелали зеркало.

На крещенское водосвятие зимующие в Хабаровске хохлы-переселенцы вырубili во льду громадный крест, выкрасили его и поставили стоймя на реке.

У китайцев каждый месяц начинается новолунием, следовательно, один год имеет двенадцать месяцев, а следующий тринадцать; месяцы названия не имеют, а прямо: первая луна, вторая луна, и так далее. Празднуют они теперь свой новый год 14 января, всю ночь расхаживают по улицам на ходулях, с разноцветными фонарями в руках.

На Масленице опять появились нарты с собаками для катания по Амуру; на берегу устроен теперь павильон с тепловой комнатой для отогревания и дамской уборной.

Уморительное случилось приключение с хохлами-переселенцами в пасхальную ночь: возвращаясь к себе домой после заутрени, слышат они с кладбища крики: «Спасите!» Одни говорят, что это нечистая сила, а другие, что надо идти на помощь кричащему. Оказывается, что в выкопан-

ную пустую могилу упал пьяный бродяга вместе с козлом, которого он где-то стащил. Храбрая партия хохлов, связав кушаки, бросили один конец в могилу и кричат пьянице вылезать, велел ему первоначально прочитать «Отче наш» и «Верую», дабы убедиться, что это не приворотень. Пьяный сначала привязал к кушкам козла, и когда хохлы увидели козью бороду и рога, то со всех ног бросились бежать, и пьяный был вытащен только утром.

В Хабаровске вышла вся белая мука, и мы должны пить чай с черным хлебом. Появился разносчик с гипсовыми фигурами на лотке, их мастер — итальянец работает тут же в Хабаровске. Продавец-китаец навез из Сингапура большую партию ананасов и продает их по 70 к. за штуку.

В конце марта началась езда на колесах, а потом снова выпал снег, Амур тронулся только 11 апреля.

Приехала в наши отдаленные места оперная труппа, делающая *tournee* по Сибири. Импресарио г-жа Корбут-Каминская — пианистка и заменяет своей игрой оркестр. Желая ознакомить публику со своими артистами сначала в концерте, она была у нас с просьбой посетить устраиваемый ею музыкальный вечер в военном собрании. Мне понравились тенор Васильев, баритон Тальзатти, сопрано Станиславская (певица в петербургской «Аркадии») и *mezzo soprano* Морелли. Дали они затем на сцене общественного собрания по одному акту из «Фауста», «Фаворитки» и целую оперетку. Каминская в ужасном горе, что дорогою у Мефистофеля испортилось трико и что нового в богобоязненном граде Хабаровске добыть нельзя. В первый раз за два года я была в театре, на бенефисе Станиславской и Васильева, давали оперу «Галька». Бенефицианты получили массу цветов и несколько ценных подарков, между которыми был и выигранный билет. Публики было очень много, надо было за неделю записываться на билеты, некоторым пришлось даже стоять вдоль стен.

Баритон Тальзатти вместе с тем и рояли умеет настраивать; несколько дней сряду занимался этим он у нас.

<...> В новой богадельне помещается уже десять инвалидов, одному из них 109 лет, но на вид ему не более семидесяти, выглядит он моложе своих товарищей, совсем еще бодрый, живой и ходит один по улицам; в двенадцатом году он ездил форейтором¹ у одного богатого помещика.

В городском музее прибавилось много интересного; оттапливающее впечатление производят гипсовые бюсты разных убийц, окончивших жизнь на каторге. Особенно ужасен бюст каторжника, убившего и съевшего своего товарища; его присудили к ударам плетью, после которых он через два дня умер.

Взяли мы к себе в дом четырнадцатилетнего гольда Буцона, который служит за столом в оригинальном гольдском костюме; его отец привел представить нам своих двух жен, принесших мне в подарок вышитые ими богатые гольдские костюмы. Опять стали пропадать деньги у наших денщиков, и мы решили устроить ловушку домашнему вору: сделали на бумажном рубле черточку и оставили его на ночь на буфетном столе, а на другой день нашли этот рубль в кармане гольдской рубашки Буцона — пришлось его спровадить.

Между Японией и Китаем начала разыгрываться кровопролитная война. Полковник Соковнин послан в Токио, откуда он доносит мужу все сведения о войне. Японцы при первой же стычке разбили китайцев и потопили несколько китайских броненосцев. Двадцать тысяч китайцев побросали ружья и перешли в неприятельскую армию. Говорят, что японцы страшно истязают пленных, в Порт-Артуре они вырезали всех женщин и детей.

Между Японией и Китаем наступило трехнедельное перемирие, но это не помешало тому, что китайский вице-король Лихунчан, посланный в Японию для мирных перегово-

ров, был ранен в лицо выстрелом из пистолета. Он ни за что не соглашался, чтобы его лечил японский доктор, и для него специально выписали немецкого врача.

Только что обрадовал нас Соковнин извещением о том, что протокол мира подписан, как получается от него новая депеша, гласящая, что Япония отказывается ратифицировать мир. Россия вместе с Германией и Францией требует, чтобы японские войска освободили занятую ими Маньчжурию, но японцы кобенятся, поднимают нос. Вот как один из живущих в Хабаровске японцев выразил свое мнение о могуществе японского войска: «Для одного японца надо четырех русских и десять китайцев». Ходят слухи, что Россия займет Маньчжурию. Муж получил шифрованную депешу из Петербурга от главного интенданта, спрашивающего, сколько потребуется фуражу на случай войны. У нас большой переполох; муж ужасно озабочен, по ночам не спит — вся ведь ответственность на нем. Если наши войска уйдут в Маньчжурию, мы останемся здесь совсем беззащитными. Муж получил приказание подготовить Приамурский округ к военному положению, к двадцатому апреля должна быть готова мобилизация. Я лью обильные слезы, вспоминаю Эрзерум, и на сердце становится еще тяжелее.

На заседании благотворительного общества признано необходимым устроить курсы для приготовления сестер милосердия, врачи взялись читать им лекции даром. Придется сформировать общину сестер.

Приехали сюда три губернатора: Унтербергер, Мациевский и Арсеньев, каждый вечер они совещаются у нас. С семи часов утра до одиннадцати ночи в нашем доме огромное сборище генералов и офицеров; в обеих залах за отдельными столами идет усиленная работа, пишут и разбирают шифрованные телеграммы, которые так и летают между Хабаровском и Петербургом. Телеграфная линия так не выдержала, испортилась, и несколько дней мы были без депеш; важная шифрованная телеграмма, посланная Ванновским, шла целых шесть дней.

Муж устроил у себя ночные дежурства: дежурные, то есть деночные, ночуют в персидской на тахтах. Наступила всеобщая дамская паника; многие служащие отправляют свои семьи обратно в Россию, но я ни за что не двинусь отсюда, хотя муж и поговаривает, что я могла бы уехать сухим путем (морем это невозможно из-за японских военных судов, крейсирующих близ Владивостока).

Китайцы, живущие в Хабаровске, также заволновались, распродают свои дома, лавки. Муж, желая их успокоить, созвал сорок двух китайских старшин и объявил им, что Россия не даст их в обиду, и заставил их вместе с собой кричать «ура» русскому царю.

У всех жителей отбираются лошади для артиллерии и обоза, а офицерам выдаются пособия для покупки верховых лошадей и разных необходимых походных вещей. На уличных столбах появились объявления, что если кто из запасных не явится, то будет предан военному суду. На плацу протоиерей служил молебен, после которого муж сказал войскам несколько слов о предстоящем походе; толпа запасных как один человек кричала: «Мы готовы, мы пойдем!»

Составлен уже полевой штаб, Суботич назначен дежурным генералом, Серебряков комендантом главной квартиры, Шанявский — дипломатическим чиновником.

Наша эскадра пришла в Чифу; в случае надобности она может отрезать сообщение японской армии, находящейся теперь в Маньчжурии.

Получен, наконец, ответ Японии, который рассматривается и будет, верно, признан неудовлетворительным; но, ура! 25 апреля [1895] морской министр Чихачев телеграфирует мужу, что Япония уступила всем нашим требованиям и объявила уже Китаю, что уступает ему Маньчжурию. Итак,

¹ Всадник на передней лошади. — Прим. М.Буриловой

мир подписан, но округ наш остается еще на военном положении, вероятно, бояться вероломства Англии.

В Японии сильное возбуждение против России, все русские посольства и консульства охраняются войсками. Из Николаевска получено известие, что два английских крейсера спустились у берега шлюпки. Неужели опять наступит тревожное время?

Наконец, мы совсем успокоились, муж получил распоряжение распускать запасных, расформировывать полевой штаб и снимать всюду мины: дежурства ночные также окончены, и мы вздохнули свободно.

В Петербурге распространился ложный слух, что муж будто бы приказал выселять всех японцев из Приамурского края; на запрос об этом он ответил генералу Обручеву, что не только японцы не выселяются, но, напротив того, едут к нам целыми артелями, более шестисот человек, на железнодорожные работы.

Государь разрешил мужу приехать осенью по делам службы в Петербург — ликую! Усиленно занялась я укладкой; интересно смотреть, как аккуратно исполняют свое дело трое нанятых японцев, укладчиков, но работают они ужасно медленно — все надо их подталкивать. В июле полили непрерывные теплые дожди, сырость в воздухе ужасная, волосы, лицо, платье — все влажное. После дождя здесь совсем не чувствуется освежение воздуха, все так же парит, и зелень и цветы не издают никакого аромата, уж, действительно, каторжная страна! Недалеко от нас, на Амуре, устроена купальня, но муж предпочитает ездить купаться в артиллерийский лагерь. Городской сад все украшается, кругом него построена новая красивая железная решетка, а в начале бульвара поставлены солнечные часы. Два раза в неделю в павильоне играет хор музыки и поет хор песенников. Около девяти часов вечера музыканты бьют повестку, пускаются три ракеты и хор музыкантов проходит с одного конца сада до другого, играя «Зорю» и «Коль славен»; вернувшись обратно в беседку, они поют «Отче наш» и оканчивают зарю гимном. Для разнообразия устроили раз зарю на воде; наняли маленький пароход, тащивший на буксире баржу, разукрашенную цветными фонарями, на которой играл хор музыки, вышло совсем феерично: Амур, освещенный полной луной, раздающиеся на нем звуки музыки, вся эта обстановка так напоминала мне далекую Венецию.

Прибыл во Владивосток на итальянском крейсере «Христофор Колумб» племянник короля Гумберта герцог Абрुццкий и пробыл там два дня, но до нас не доехал, зато посетили нас два француза — М-г Lalo — корреспондент журнала L'Illustration, возвращавшийся в Париж из Японии, и французский военный агент в Токио — Le Vicomte de Labry, в красивом голубом мундире (Chasseur d'Afrique).

Из Баку прислано мужу кресло, в котором он сживал двадцать пять лет тому назад, в бытность свою начальником штаба на Кубани, уезжая оттуда, он оставил это кресло молодому казачьему офицеру, прося его при первой возможности переслать — и вот через двадцать пять лет офицер этот, уже генерал, исполнил просьбу мужа.

Морской министр телеграфирует, что до Кобе в распоряжение мужа дается пароход добровольного флота «Хабаровск», построенный специально для морских поездок приамурского генерал-губернатора.

[Выехали из Хабаровска торжественно, 24 августа 1895 года. С ними — Серебряковы, Шаняевский и Донауров. Морские праздники во Владивостоке. Японское море и Шанхай. Гонконг. Сайгон. Сингапур. Суэцкий канал. Европа: Ницца, Марсель, Париж. Участие в коронации Николая II. Духовской представляет императору две депутации из Хабаровска — гражданскую, в основном купеческую, и казачью. В обратный путь засобирались в июне 1896 года.]

По железной дороге до Имана и на пароходе в Хабаровск

1 августа. Туман, проливной дождь, грязь невылазная. С вечерним экстренным поездом едем сегодня в Хабаровск. До вокзала дошли пешком по проложенным дощечкам, темнота кромешная, солдаты фонарями освещают нам путь. С нашим поездом едет вагон-столовая и кухня.

3-го. Дождь продолжает лить как из ведра и размывает все больше и больше путь, шпалы тут уж совсем под водой, из-под них брызгают фонтаны, мы идем точно по жидкому тесту. На Имане мы пересели на пароход «Граф Путятин», присланный сюда специально для мужа. В станции Графской нас встретил целый линейный батальон с хором музыки, а также многочисленная толпа китайцев.

На пароходе с нами едет конвойная команда из опасения хунхузов, которые что-то начали пошаливать. На днях к станции Покровской подплыла китайская шаланда с разными товарами; казак с женою и два корейца имели неосторожность зайти в нее. Купцы оказались разбойниками, связали несчастных покупателей и вознамерились тут же их и пристрелить, но один из хунхузов вступился за них, напугав тем, что за убийство русских им не сдобровать. На розыски пропавшей казачьей парочки была послана охотничья команда, которая начала перестрелку с хунхузами, семь из разбойников убито, семнадцать взято в плен, а остальные пять-десять со своим атаманом разбежались. С нашей стороны убит один солдат и один ранен. Эти хунхузы большею частью китайские солдаты, бежавшие во время японской войны; все они вооружены ружьями и кинжалами. На пойманных разбойников надеты кандалы; в Покровское ожидается прибытие из Мохо китайского генерала Джао Мьяна, которому их и сдадут.

В станции Казакевичевой, в маленькой церковке, отслужили мы молебен и ровно в шесть часов вечера «Граф Путятин» под генерал-губернаторским брейт-вымпелом полным ходом подошел к Хабаровской пристани нового пароходного общества. Приближение наше было возведено раскатами пушечных выстрелов, заиграл хор музыки 3-го Сибирского батальона и раздалось громкое «ура». Густые толпы народа покрывают всю набережную и пристань, вдоль улиц до самого нашего дома вытянуты шпалерами войска в новом обмундировании, кажущиеся издали выющейся лентой. Выстроен весь саперный батальон, две батареи и другие войска. Я получил множество роскошных букетов, а муж — хлеб-соль на серебряном блюде. Сотня уссурийского дивизиона должна была сопровождать наш экипаж, но мы направились к нашему дому пешком, с многочисленной свитой; за нами густой сплошной толпой следовало городское население. На всем пути, кроме войск, выставлены техническое и железнодорожное училища, два городских и кадетский корпус. У нашего дома муж пропустил церемониальным маршем почетный караул с хором музыки и казачью сотню. Все крыльцо усыпано цветами, по одну сторону его стоят приютские дети с попечительницей m-me Куколь-Яснопольской, вручившей мне букет из роз и хлеб-соль на вышитом полотенце, а с другой стороны гимназия, воспитанницы бросают мне под ноги цветы. Начальница гимназии дала мне букет, обвязанный широкой розовой лентой, на которой напечатано золотыми буквами: «Ура! Вы опять с нами». Помощница моя по благотворительному обществу Е.З. Зиновьева вручила мне букет из белых роз, в середине его из аниотинных глазок сделаны мои инициалы «В.Д.» На ленте букета, поднесенного мне городом, напечатана надпись: «Городское общество приветствует Вас». В этот раз приезд мой в Хабаровск носит совсем другой характер: я приезжаю домой, в среду знакомых мне приветливых лиц.

Атаманский зал весь наполнен чинами гражданских управлений. Первым делом мы отслужили молебен в новой нашей домовый церкви, устроенной в мезонине, в той комнате, где помещался государь, бывши еще наследником, в 1891 году. Вечером весь Хабаровск был иллюминирован, в городском саду играла музыка и пели песенники.

Жизнь в Хабаровске

10 августа, накануне освящения нашей домово́й церкви, была отслужена всенощная в присутствии всех состоящих при муже; православные, католики и лютеране подходили к кресту. Церковь прелестная, вся с иголочки, иконостас деревянный, резной, сахалинской работы, пожертвованный сахалинскими мастерами; рисунок и работы его замечательны. Паникадило, сделанное из разноцветных стеклянных лампадок, и такие же стенные канделябры проливают мягкий ласкающий свет. В алтаре два больших окна с прозрачным изображением на стекле Явления Божией Матери святому Сергию и Вознесения Христова. На аналое стоят образы св. Сергия и великомученицы Варвары, благословение преосвященного Георгия, архиепископа Забайкальского. К освящению церкви прибыл из Благовещенска архиерей Макарий; с ним вместе служили обедню несколько священников в богатых светлых ризах и два голосистых дьякона. Служба продолжалась с девяти часов утра до часу, пели архиерейские певчие. Макарий и священники, опоясавшись белыми передниками, мыли престол и жертвенники перед началом литургии, а затем покрыли их кисеей. По окончании богослужения у нас был ранний обед на тридцать персон; во время тостов за здоровье духовенства вместо обычного туша певчие пели «многие лета». После обеда от двух часов до четырех у меня был прием, на котором пребывала масса новых лиц, между прочим, весь состав прибывших офицеров саперного батальона.

Здесь теперь много молодежи благодаря тому, что офицерам позволено жениться до двадцати семи лет без реверса¹ с тем условием, чтобы они ехали служить на Амур. Да, без золочения пилюли мало кого приманишь в здешние благодатные края!

Каждое воскресенье у нас бывает обедня, поет хор саперных солдат. Во время урагана на Красном море Феоктиста дала слово, если только наше плавание окончится благополучно, пожертвовать занавес на царские врата нашей домово́й церкви; она исполнила теперь свое обещание. Муж получил из Московско́й Сергиевско́й лавры чудный образ преподобного Сергия, почти до потолка вышиной. За хору́гви, пожертвованные мужем в хабаровский собор, которые заказывала в Петербурге мама, он получил бумагу с благословением от синода.

В начале сентября стало очень холодно, так что надо было замазать все окна. Полили непрерывные дожди. В Никольском большое наводнение; злой тайфун пригнал море на 50 верст на сушу, много домов снесено, и вода поднялась на четыре сажени, люди спасаются на крышах; нам дали знать, что погиб один офицер. В Раздольном также все потоплено и много китайцев потонуло. Крестьяне совсем разорены; хлеб, дрова — все унесено водой. Станица Полтавка буквально находится под водой; стоящая там сотня казаков вплавь гнала лошадей на гору, после чего казаки взобрались на крышу казарм; вода в комнатах поднялась на четыре аршина, и командир сотни, потеряв всякую надежду на спасение, бросил в воду бутылку с запиской, извещавшей об их гибели. Государь пожертвовал десять тысяч пострадавшим от наводнения.

В Хабаровске усердно даются спектакли и концерты с этой же благою целью. Рамзайцева устроила в военном собрании интересный концерт с участием лучших здешних музыкальных сил; пели m-me Ивановская, жена инженера, и сапер Викентьев, Дзярский играл на скрипке, военный инженер Жеребцов на рояле, доктор Романовский на виолончели, полковник Осовский великолепно прочитал стихи.

¹ Реверс — денежное обеспечение, которое требовалось российскими законами от молодых офицеров при вступлении в брак.

Одна только m-me С... играла на рояле по нотам и, перевернув нечаянно две страницы разом, замерла, закрыв лицо руками. Концерт этот завершился хором саперных солдат, одетых в богатые малороссийские костюмы, которые пропели стройно несколько хохлацких песен.

15 августа было большое гуляние в городском саду, с двумя хорами музыки и тремя хорами песенников. Вечером вдоль берега ездил по Амуру пароход, буксирующий иллюминированную разноцветными фонарями баржу, на которой играл оркестр.

Китайский праздник прошел также очень оживленно; ночью, при полной луне, китайцы спускали с крутой горы на Амур несколько тысяч плавучих огоньков всех цветов радуги: вся набережная китайской слободки ярко была иллюминирована и пускались ракеты. Мимо нашего дома, при сильной перестрелке, прошла оригинальная китайская процессия огненных драконов.

В Хабаровске поймано несколько хунхузов из разбежавшейся разбойничьей шайки, взято также в полицию 900 беспаспортных китайцев. По этому поводу приезжал наш знакомый китайский генерал Джао Мян, поднесший мне в подарок несколько кусков шелковой китайской материи и чудные вазы; мне как раз снился перед этим прибыльный сон, будто у меня выросли усы.

Военное собрание отделано совсем заново, и устроено несколько комнат для приезжих. Экономическое общество только что получило большую партию товаров прямо из-за границы, между которыми много модных дамских вещей. Товары были выставлены несколько дней в зале военного собрания; на этой выставке пребывало почти все хабаровское дамское население и я в том числе. По расчету экономического общества за первый год его существования было раскуплено товара на 31 тысячу рублей, а в этом году уже на 107 тысяч.

В магазине Чурина и Эмери получен большой выбор парижских шляп, и цены сравнительно очень недорогие. У купца Плюснина, старосты собора, случилось большое несчастье: его сын с двумя приказчиками поехал кататься на парусной лодке по Амуру, и налетевший неожиданно ветер перевернул их суденышко, все они погибли, через три дня только найдены их тела.

Тифонтай привел к нам с визитом свою новую жену, привезенную им из Шанхая; она довольно миловидна, но страшно накрашена, и ноги изуродованы в кулачок, совсем копытца; с трудом может она ходить, да и то лишь с помощью своего мужа. Совсем животные, без мысли, эти китайки: ноги у них изуродованы, дабы они меньше ходили, и ногти на руках опущены как когти, дабы они не могли работать. Наряд у жены Тифонтая очень богатый, а на голове убор из изумруда (ее имя в переводе означает изумруд). У Тифонтая много жен, между ними есть и русская девица девка; самую старую жену японку он недавно отправил назад, на родину, в полную отставку. Сначала первой женой у него считалась китайка, но когда от второй жены, японки, родился сын, она стала первой; от китайки у него много дочерей, одна из них поступила в нашу женскую гимназию.

Несколько гольдов (христиан) приходили к мужу просить его благословить в соборе молодого гольда из стойбища Джонара и невесту его, взятую из стойбища Агбейбища. Последнее время многие гольды стали принимать христианство.

В Хабаровске часто стали мелькать туристы со всех концов мира; прибыла французская ученая экспедиция, вслед за ней явился французский военный инженер, который встретился у нас за завтраком со старостой Парижской русской церкви — Сабашниковым.

7 октября было у нас два торжества: день именин и рождения мужа и храмовой праздник нашей домово́й церкви, союженной мужем во имя мучеников Сергия и Вакха. Обедню служили два священника, один из них совсем молодой, родившийся на Сахалине от ссыльного поляка, женатого на

православной; он только что посвящен, волосы у него еще не обросли, и вид он имеет католического патера.

Правительство ассигновало на Амурский округ 12 миллионов для постройки казарм и для усиления Владивостокской крепости, возведенной из третьеклассной во вторую классную. Муж назначен председателем этой строительной комиссии, а помощником его — генерал Турбин, приехавший в Хабаровск с дочерью Натальей Николаевной. Выписала я из Петербурга, по его примеру, концертино и самоучкой скоро выучилась играть на этом мелодичном инструменте. С Мечиславом Иосифовичем успешно занимаюсь итальянским и испанским языком; взялся он также безвозмездно преподавать в женской гимназии английский язык и музыку. В окружном штабе открыты курсы китайского языка, Мечислав Иосифович делает большие успехи.

В середине октября сделался поворот к зиме, и в конце этого месяца пошла шуга по всей ширине Амура. В середине ноября Амур стал, выпал снег, и началась езда на санях. В городском ночлежном доме в холодные ночи собирается до ста бездомных бедняков.

Новый приют наш, наконец, открыт, помещается в нем теперь восемь девочек и два мальчика: один из них лежит недвижим в креслице, разбитый параличом. Дети сами прибирают комнаты, стирают белье и присматривают на кухне. При выходе из приюта у них, по крайней мере, будет готовый кусок хлеба, всякий с удовольствием наймет их в прислугу. Попечительница приюта, т-те Куколь-Яснопольская, прикладывает много старания, и порядок у нее прямо образцовый.

В приюте на елке муж спросил одну из девочек, как она назовет полученную в подарок куклу, и та, подумав немного, сказала: «Варей». В такие годы и уже дипломатка! Много было увеселений на праздниках: в кадетском корпусе танцевальный вечер с живыми картинами, в 10-м батальоне солдатский спектакль, а в общественном собрании огромная елка для двух городских училищ, на которой детям давались подарки и обильное угощение с замороженными мандаринами на первом плане.

В середине января, в день китайского нового года, представлялись мужу более сорока китайцев с двумя приезжими китайскими офицерами. Вечером мимо нашего дома проходила большая китайская процессия: несли громадного бумажного дракона, величиной в 15 сажен, освещенного внутри китайскими фонарями, это страшилище извивалось во все стороны и раскрывало огромную пасть. Как раз перед нашими окнами остановились два китайца, костюмированные зелеными львами, при звуках дикой музыки начали между собой драку. Проносились также паланкины, будто бы с сидящими в них китайками, а это китайцы, одетые в женские костюмы, несут на плечах паланкины, и устроено так, что ног их не видно.

На Военной Горе в открытом балагане любители-китайцы дают драматические представления; пьесы по большей части исторические, действия происходят три тысячи лет назад. Актеры денег за представление не берут, считая это за бесчестие, и перед этим балаганом стоит несметная толпа китайцев.

В конце января производилась перепись хабаровских жителей, оказалось, что много китайцев живут на лодках, не имея никакого пристанища.

На Муравьево-Амурской улице существует вывеска «Театральный парикмахер», а самого-то здания театрального нет, спектакли изредка даются наезжими труппами в общественном собрании.

Прибыла сюда малороссийская труппа и наняла себе сборный оркестр, состоящий из шести человек. На одном из представлений, на котором присутствовал муж, оркестр должен был сыграть во время антракта: «*Songe apres une nuit de bal*»¹, а виолончелист внезапно исчез. Это оказался беглый каторжник, сосланный на Сахалин за убийство и бежавший уже один раз, бросившись в кандалах в реку. Он был пойман

вторично в Петербурге, на Невском, разъезжающий в карете, переодетый барыней. Бежал он вторично, но уже по направлению к Сибири, и нанялся во Владивостоке кочегаром на пароходе, перевозившем каторжников; по ночам он незаметно отлучался и пел куплеты в местном кабаке. Убийца этот очень красив, эlegantен и говорит на нескольких языках. Владивосток ему скоро надоел, он перебрался в Хабаровск и с фальшивым паспортом унтер-офицера Измайловского полка нанялся музыкантом в хор окружного штаба. Играл он на малороссийском спектакле в двух шагах от мужа, сзади которого сидел Таскин, бывший сахалинский окружной начальник. Каторжнику показалось, что Таскин его узнал (на воре и шапка горит) и указывает на него полицмейстеру, он и удрал. Ночевал он в деревне близ Хабаровска, а утром вернулся обратно в город с крестьянином, у которого нашел пристанище, и пока тот делал покупки на базаре, он укатил в его санях, а куда неизвестно. Так и след его простыл!

Получила я в подарок от одного чиновника, только что вернувшегося с Сахалина, почтовую передовую собаку с кличкой Кай, что по-гиляцки означает пес, очень большая она, белая с черными пятнами, а глаза светло-голубые, надет на ней оригинальный хомут с надписью на бляхах: «Сахалинская почтовая собака». Прибежала она сюда из Николаевска в семь суток, сделав 1100 верст; из Александровска (на Сахалине) она везла в Николаевск почтовую нарту в двадцать пудов, впереди одиннадцать собак. Кай этот оказался весьма неблаговоспитанным, и мы поспешили отдать его обратно.

Сгорела дотла Хабаровская почтово-телеграфная контора: несчастье это случилось ночью, и я до утра просидела на окне в буфете, следя за ходом пожара, а муж до пяти часов утра пробыл на самом пожаре. Почту перенесли пока в общественное собрание, и через два часа телеграф уже работал. Убытку этот пожар наделал на двадцать тысяч, не считая самого здания. Сгорели также все почтовые марки, хорошо, кто заблаговременно ими запасся.

Приехал на службу в наши дальние края родственник мужа, полковник Алымов с женой и маленькой дочкой, в которой души они не чаяли; дорогою на Великом океане девочка заболела и по прибытии во Владивосток — умерла. Отец недолго пережил ее, всего лишь на несколько недель, он скончался в Раздольном, и несчастная вдова его должна была вернуться в Россию одна-одинешенька.

Жена командира саперного батальона М. Н. Третьякова — отличная музыкантша, ученица Годара. Играла она в концерте на двух роялях с Мечиславом Иосифовичем, репетиции происходили в нашей зале и доставляли нам истинное наслаждение.

Умер отец Мечислава Иосифовича, который очень не ему грустит; я так рада, что мы хоть немного можем заметить ему семью.

Говели мы на первой неделе Великого поста в нашей домово́й церкви. Муж разрешил всем, лично состоящим при нем, говеть у нас, а также и интернату женской гимназии; приобщающихся собралось много, около ста человек. Проездом из Канады в Европу прибыл в Хабаровск петербургский военный английский агент полковник Waters; при нем муж делал смотр войскам в зимней амуниции; солдаты облачены в полушубки, а на ногах у них неуклюжие боты, приняла было передового барабанщика за эскимоса.

[С 20 апреля 1897 года Духовской с ближайшими чиновниками — М.П.Щербиной, М.И.Шанявским и адъютантом Страдецким — совершил объезд Сахалина, Камчатки и Командорских островов. По Амуру плыли на пароходе «Атаман», затем путешествовали на пароходе «Хабаровск».

Поздней осенью Духовские расстались с Хабаровском. 7 декабря выехали из Владивостока с ледаколом. А там, в Питере, — «назначение мужа в Туркестан. По правде сказать, я очень счастлива покинуть навсегда Сибирь».]

¹ «Приснился бал» (фр.)

Фото И. Симонова

Ирина Никифорова. Монологи при свечах

Жизнь человека подобна свече. Создатель вдыхает в свое творение душу и зажигает огонек, давая тем самым редкий дар – светить и согревать. Ирина Викторовна Никифорова, заслуженная артистка России. Ее творческая карьера началась со Слова. Его и сегодня дарит нам артистка на концертах Дальневосточного симфонического оркестра, где уже 47 лет она является ведущей, на своих сольных программах открывает глубины поэзии и музыки. Семь лет существует литературно-музыкальный салон Ирины Никифоровой, и неудивительно, что главным его символом стала все та же свеча. Судьба Ирины Викторовны теснейшим образом связана с Хабаровском. Уверена, что ее воспоминания, облеченные в форму монологов, станут еще одной правдивой и интересной страницей в истории нашего города.

Елена ГЛЕБОВА

Картины детства сквозь дымку времен

Очень разные были семьи моих родителей. Папина семья – интеллигенты. Дед Павел Петрович Пастаногов – отец отца – был студентом горной академии в Санкт-Петербурге. Потом он и его друг женились на дочках своего профессора Андреева. Две эти сестры закончили институт благородных девиц также в Санкт-Петербурге. И вот молодой горный инженер Павел Пастаногов вместе с женой уехал на Ленские прииски. Позднее они жили в Якутске, потом переехали в Алма-Ату – тогда еще город Верный. Там и обосновались.

А мой прадед Петр, дед моего отца, был управляющим графов Строгановых и жил в Перми. Именно из Перми дед Павел поехал учиться в Петербург. Портрет моего прадеда по линии бабушки профессора Андреева висит и сейчас на втором этаже горной академии. Говорят, я на него похожа...

Я помню второго моего прадеда – Петра Пастаногова. Мне было лет пять, и жили мы тогда в Алма-Ате. Он был очень стар и болен. Ходил в черном суконном пальто даже в жару. Светлая борода, вихры в разные стороны, а из-под пальто всегда торчали завязки от белых кальсон. Таким был в старости бывший управляющий графов Строгановых. Мы, дети, его дразнили и даже кидались в него камнями. А он скрипучим голосом говорил: «Ирина, иди сюда, я дам тебе теребачку!». Поймает за темечко и даст теребачку. Не любили мы его.

А вот дедушку Павла Петровича мы все просто обожали. Красивый, интеллигентный. Да и бабушка, бывшая воспитанница института благородных девиц, была ему подстать. Она любила поэзию, читала много стихов на память – Бальмонта, Сологуба, Лермонтова, Пушкина. В нашем доме часто собирались гости – и на даче, и в городской квартире. Я помню керосиновую лампу в 32 свечи под зеленым абажуром, которая висела наверху, круглый стол. Был у нас беккеровский рояль – маленький такой, кабинетный. Моя тетка Зинаида играла на гитаре, дядя Зая – младший брат отца – тоже владел музыкальной грамотой. Отец мой играл на гитаре, на балалайке, на мандолине. Словом, в доме находился целый оркестр. Приходили гости, среди которых были доктора Языков, Губанов (до сих пор помню эти фамилии). Тетя Валя Губанова читала Бальмонта под музыку «Умиравший лебедь». Тогда мелодраматические были в моде. Меня, конечно, отправляли спать, но все равно из соседней комнаты было все видно и слышно. Наблюдала, вслушивалась, впитывала.

Я родилась во Фрунзе – ныне Бишкек. Но почти сразу отец с матерью переехали. Отец учился в Туркестанском университете на артиллерийском отделении, где, кстати, деканом был Троцкий. Потом отец стал начальником особого отряда по борьбе с басмачами, и мы очень долго жили в Чилике – райцентре на границе Киргизии и Казахстана. Мама работала в ГПУ машинисткой. У отца был свой конь Рашид, который трижды выносил его раненого из боя. Рашида не-

Семья отца В.П. Пастаногова

сколько раз воровали, уводили в Китай, но красавец-коть вновь возвращался к отцу.

Это картины детства, которые остались в памяти. Словно смотришь сон и видишь все сквозь какую-то дымку. Тридцатые годы, мне не было еще трех лет. Как-то вечером кто-то прибегает к маме и говорит: «Привезли! Пошли!». И мама берет нас с братом за руки, и мы куда-то бежим. Потом оказываемся во дворе ГПУ, туда привозят после боя раненых. Кто мертвый, кто живой, кто без ног, кто без рук. И вздох облегчения: «Слава Богу, наш живой...». А вокруг стоит вой, плач.

Еще одна картина. Мне три года. Мама на дежурстве в ГПУ, отец — где-то на задании. Нас с братом отправили ночевать к учительнице Анне Вячеславовне Золотовой, но мне там почему-то страшно не нравится, я хочу домой. А у меня была нянька Лена. Как говорила мама, она ходила к баптистам. И вот, когда все легли спать, я решила уйти. А это 1933 год, время страшное, когда был голод по всей стране, когда говорили, что появилось даже людоедство. А я встала и сквозь ночной Чилик пошла домой. В полной темноте. Пришла и стала стучаться в дверь. Знаю: нянька дома. Стучу, а она не открывает. Я кричу: «Нянька, миленькая, отпри! Нянька, голубушка, любименькая, отпри! Нянька, дура, гадюка, отпри!». В общем, плакала и кричала, пока не распахнулась дверь. Нянька в клетчатом платке и красном платке. У нее дико болит голова. Потом выяснилось, что своим приходом я спасла ее. Оказывается, она слишком рано закрыла печь и чуть не угорела. А утром маму колотило, когда она представила, как я шла одна через страшный ночной город.

Яркая картина детства связана с тем, как я научилась ходить. Причем никто из взрослых не видел, как это произошло. Отец был заядлым охотником («Я выросла среди собак и лошадей!» — смеется Ирина Викторовна. — *Прим. ред.*), держал охотничьих собак. Причем давал им такие звучные клички, как Цезарь, Граф, Лорд, Милорд. Мне запомнился спаниель Граф — очень злой, не любивший детей. А вот Цезарь, рыжий сеттер, был добрейшим существом. Я сидела на полу, играла с игрушками. Он подходил, подставлял мне бок, я вцеплялась ему в шерсть, и он меня вел. Хорошо помню: собака и я — идем вместе. Мне было девять месяцев. Однажды, мама уже рассказывала, на постоялом дворе, когда мы переезжали из Чилика в Алма-Ату, все расположились у казанка на кошме. Я сидела с мамой, и вдруг она видит, меня рядом нет. Она туда-сюда, потом смотрит, а я стою возле колодца и заглядываю внутрь. Она закричала: «Ирка!», и вдруг на глазах у изумленной мамы я от колодца пустилась бегом. Она ведь не знала, что я уже самостоятельно хожу.

Я очень рано начала говорить. Запоминала, говорила целыми фразами. Да еще и нянька, наверное, учила всяким пакостям! Мама вспоминала, что местные бабки говорили: «Старуха она у тебя, не жилища!» Мол, долго жить не будет. «А почему?» — «Да шибко умная, шибко много говорит!»

Отцовские родственники были людьми интеллигентными. А вот семья мамы — сугубо рабочая. Мама сама ивановская, Волкова ее фамилия. Ее отец был мастером на меланжевом комбинате в Иванове. Мама рассказывала, что когда началась революция, бабуш-

ка спрашивала: «Отец, мы за кого с тобой будем-то? За большевиков или за меньшевиков?» — «Мы с тобой, мать, люди маленькие, значит, за меньшевиков». Так они и жили в своем доме. Дед умер рано, бабушка не работала — воспитывала детей. Четырех девок, да еще сводных маминых сестер, по всей вероятности, от первого брака деда.

Когда мои родители уехали в Иваново, мне было три года, я осталась у родителей отца в Алма-Ате. Мое увлечение книгами, литературой пошло именно из дома бабушки. Я жила у них года три, почти до 1937-го.

Помню, как в Алма-Ате ходила милостыню просить. У нас во дворе жила очень бедная семья. Мать болела туберкулезом, отец хорошо выпивал, в семье брат и сестра. Дети всегда куда-то вечерами уходили. И вот как-то мы с бабушкой собирались погулять, на мне — розовое платье, сумочка через плечо, на голове бант и красивые лакированные туфельки. Брат с сестрой вышли с холщовыми сумками. Я спросила, куда они собрались. Говорят: «Милостыню Христа ради просить» — «А меня возьмете?» — «Ты не годишься!» — «Но я буду хорошо просить, только я не знаю, как». Тогда девочка меня научила. Говорит, что нужно руку протянуть и сказать распевно: «П-а-а-да-й-те милостыню Христа ради сироткам на пропитание!». Я повторила. Получается, да еще и со слезой. Артистка ведь была! Мальчик взял пыль дорожную, помазал мне лицо и платье, и мы пошли. Останавливались под окнами и в три голоса вопили: «Па-а-дайте...» Но что-то ничего не подавали, и мальчик обвинил во всем меня. Но потом кто-то подал мне яблочки сушеные, и я положила их в свою сумочку. Потом мы подошли к большому особняку с бронзовым колокольчиком на воротах. Позвонили и начали просить милостыню. Дверь распахнулась, и раздался удивленный голос: «Иришка, а ты что здесь делаешь?» Оказалось, это доктор Языков, который был другом нашей семьи и который играл на рояле. Мальчишка соседский схватил меня за руку и пустился наутек. А уже темнело. И мы неслись через какие-то заборы и крыши, а когда вернулись домой,

Дед Павел Петрович Пастаногов

Мама Анна Ивановна Пастаногова. 1920

Чиликский партизанский отряд. 1930

было уже совсем темно. Бабушка в ужасе, тем более что Языков уже сообщил ей, как я Христа ради милостыню просила. Долго же меня отмывала бабушка!

На другой день я вышла на улицу в бархатном пальтишке горчичного цвета с булкой, намазанной вареньем. Встречаю вчерашнего мальчишку и с гордым видом заявляю ему: «Христа ради просить неприлично!». А он мне врезал, отобрал булку с вареньем и убежал. Так закончилось мое «Христа ради».

Из алма-атинского детства помню еще, как бабушка водила меня в кукольный театр на какие-то представления. А еще были выступления агитбригад: молодые люди в синих комбинезонах, девушки — в красных косынках. Они пели какие-то частушки. До сих пор помню припев: «Чистим, чистим, начищаем, umpa-ра-ра!». Но бабушка с этого «umpa-ра-ра» меня увела, и мы отправились в гости к ее знакомой. Она принимала нас на кухне, бабушка сидела поджав губы, почти не разговаривала, а мне было страшно скучно. И когда мы уже возвращались, она сказала, что в этот дом она больше никогда не придет и за стол не сядет. Почему, спросила я? Ну, во-первых, принимали нас на кухне. Хотя даже не это главное. Стол должен быть покрытым скатертью, а на кухонной клеенке принимать гостей неприлично.

Бабушка сама очень строго следовала правилам этикета. Кто бы к ней ни приходил, всегда была накрахмаленная скатерть, кольца с салфетками, даже если кушать особо нечего. Или, к примеру, бабушка говорила: «Паша, обедать!». А дед сидит в своем кабинете, читает. Он встает, снимает домашнюю толстовку, надевает сюртук, причесывает свои кудри и только после этого садится за стол.

Пяти лет мне еще не было, как научилась читать. Половину из дедушкиной библиотеки, где была целая полка с «Золотой детской библиотекой», перечитала, тайно была влюблена в Лермонтова. Мне выписывали журналы «Еж» и «Чиж», где печатались Маршак, Хармс, Барто. А первым стихотворением, которое я выучила не с голоса, а сама, оказалось с шоколадки, которую мне подарили. Там был нарисован кот и написаны стихи:

Вот кот раз шесть моет лапкой на морде шерсть.
И все с уважением относятся к коту
За то, что кот любит чистоту.

Однажды приехал мой двоюродный брат Витя из Иванова. Решили, что мы, дети, расскажем стихи. Я к тому времени уже Оливера Твиста прочитала, «Мцыри» читала фрагментами, а Витька старше был года на два. Он сказал: «Тобуретку довай!» Встал по струнке и на окающем наречии выдал какую-то скороговорку. А в финале протянул руку: «Давай копейку!»

Спустя тридцать лет я приехала в Алма-Ату, пошла на улицу Амангельды Иманова, где мы жили, стала искать наш дом. Он сохранился, правда, был старым, полуразрушенным...

Отец Виктор Павлович Пастаногов. Северо-Двинская губерния. 1928

Ирина Никифорова со своей няней Леной. 1932

Путь на Дальний Восток, ставший судьбой

Отец уже после университета (а до этого он получил горное образование) по направлению ГПУ был отправлен на лесосплав — он стал начальником лесосплава по речке Или в Казахстане. Местные называли его «маленький большой начальник Постановка» — он был маленького роста, но большим начальником. Отец организовал женщин-казашек на работу, он совершенно свободно разговаривал на уйгурском, узбекском, казахском, киргизском. Дома практически не бывал, мы его редко видели. Отец был добрейшим человеком, интеллигентным, очень музыкальным. Потом его отправили в Иваново, а в 1937 году — в Хабаровск. А время уже наступало страшное, и даже в недрах НКВД пошла волна репрессий, стали своих собственных сотрудников расстреливать. Поэтому начальник управления НКВД в Иваново, которого я знала как дядю Васю, всех своих подчиненных, кого мог, подальше от греха растолкал на край земли. По сути, спас им жизни. Таким образом отец и попал на Дальний Восток. А самого дядю Васю, как я потом узнала, расстреляли...

В Хабаровске отец работал в управлении лагерей в оперативно-чекистском отделе. Мы с мамой и двумя братьями два года жили в Иваново, и отец приехал за нами в 1939 году. Я к тому времени уже закончила первый класс, и 31 августа 1939 года мы выехали в Хабаровск. 11 суток поездом тащились. А в Чите отец от нас отстал — в гимнастерке, без портупеи, без документов, в тапочках. Мы приехали в Хабаровск, никого там не знаем, а у мамы только листок с адресом, где отец снимал квартиру на улице Московской.

Первое впечатление от города: булыжная мостовая, а посередине бегут три поросенка. И деревянные тротуары — такого я еще никогда не видела, потому что в Иваново был только асфальт. Семья Пройдисветов тепло нас приняла, у них мы прожили три дня, а потом приехал отец — в тапочках, обросший. Еще через три дня Пройдисветы уехали в Николаевск-на-Амуре, и мы остались в их комнате. В этом доме на улице Торговой (район нынешних улиц Ким Ю Чена и Московской) впятером в одной комнате жили до 1941 года. Мама работала машинисткой в УЛАГе.

В 1941 году отец уехал в Умалыту (Верхнебуреинский район), где открыли месторождение молибдена. Там организовали рудник, а отца назначили маркшейдером — он ведь был горным мастером. А в июле мы собирались возвращаться в Иваново. Ехали ведь сюда всего на два года, да и маме в Хабаровске не очень нравилось. Но тут началась война...

В лагерь для заключенных в Умалыте уже стали ссылать немцев со всего Советского Союза. Тесен мир. Из Ленинграда отправили директора Ленгосконцерта Рудольфа Краузе — очень популярную в то время личность. В Умалыте он организовал драматический кружок, и отец у него играл. Потом, когда война кончилась, Краузе отправили в Чегдомын. Он не стал возвращаться в Ленинград. В Чегдомыне много лет работал директором Дома культуры, был извест-

Старшина Анна Ивановна Пастаногова в годы войны

ным деятелем культуры. Отец вместе с Краузе играл в любительских спектаклях, а муж мой, В.Г. Никифоров, работал с Краузе до войны в Ленгосконцерте!

Всю войну отец работал в Умалыте, а мы с мамой жили в Хабаровске. В лагере мало было уголовников, в основном политзаключенные. И когда надзиратели видели, что человек собирается умирать и что не стоит его «зазря кормить», комиссовали и отправляли домой. Давали документы на проезд, и добирайся, как знаешь. Отец писал записки, и эти обреченные, по сути, люди приезжали к нам в Хабаровск. У нас была не квартира, а «караван-сарай». Постоянно кто-то проходил через наш дом. Я все время поражаюсь, как это маме сходило с рук в такое страшное время, когда достаточно было лишь одного доноса?

Помню очень хорошо музыканта, который приехал со своей виолончелью. У него был рак желудка, и он ехал умирать. Мы с ним пошли на базар, купили замороженного молока и решили его вскипятить. В итоге — замыкание, сгорел кипятильник, и молоко испортилось. Была женщина с двумя детьми, она привезла от отца сухое молоко. Оно пахло бензином, но мы его все равно съели. Люди, ехавшие из лагеря, жили у нас подолгу, так как билеты на поезд было достать очень трудно. Спали на полу.

Отца мы не видели всю войну. Мама работала, была очень деятельной активисткой. Как наш дальневосточный поэт Павел Халов когда-то сказал: Анна Ивановна была самым важным человеком в нашем доме. Она не занимала никаких важных должностей, но она была всем очень нужна. Мама была членом МК профсоюза, писала письма солдаткам. Они приходили к ней плакаться, она помогала им составлять разные заявления, выбивала для них валенки, ботинки, одежду. До самой смерти у нее была, как раньше говорили, активная жизненная позиция.

Трудная маме жизнь досталась. Всю войну прожила одна. Садила картошку на островах и на своих плечах по 17 мешков перетаскивала. Нас она бергла. Хотя в УЛАГе снабжение было довольно приличное, давали паек. В магазине осуществлялось обслуживание по 1-й, 2-й и 3-й ступеням. Первая ступень — для начальства. Это белый хлеб, колбаса. Вторая ступень для сотрудников среднего уровня, а третья — для простых работников — машинисток, портных и т.д.

В нашем доме жила семья будущего писателя Павла Халова. Его мать Антонина Николаевна не работала сначала. Она была очень хорошей портнихой и обшивала весь наш дом, всех ребятшек. Шила все — от трусиков до пальто. Отец Павла — очень крупный инженер-строитель. Он умер очень рано — в 33-м или 34 году. Антонина Николаевна осталась одна с двумя детьми, совершенно не приспособленная к жизни. Была она женщиной романтической, стихи читала. И вот моя мать за нее взялась. «Ты че сидишь? Давай ноги в руки, тебе детей надо кормить! На картошки, начисти, свари!» В общем моя мама взяла ее к себе. Мы с Павлом спали на одной кровати валетом под солдатскими одеялами. А потом мама устроила Антонину Николаевну на работу в пошивочную мастерскую.

Мы очень дружно жили, все друг друга поддерживали. Тем более, все под одной бедой ходили, да еще и страх репрессий. Но мама говорила, что в те годы они многого просто не понимали. А какие-то вещи воспринимали как свершившийся факт. Бывало так, что начальник вдруг превращается в заключенного. Да что там, весь Хабаровск был в зонах. Это стало обыденностью...

Летом нас выручал пионерский лагерь имени товарища Берии для детей сотрудников УЛАГа. Лагерь был очень богатый, и кормили нас как на убой. Детство, конечно, трудное, но все равно интересное. Были какие-то тимуровские команды, вечно что-то придумывали, организовывали. А сколько находилось интересных людей среди заключенных! Родион Родионович Орлов — художник. С ним мы познакомились в пионерском лагере, где он работал художником. Его, молодого, подающего надежды, постигла участь многих невинно осужденных. Был еще среди заключенных мхатовский режиссер Яков Савельевич Хавис, повар Илья Лукич Касатадзе. И врач у нас был из заключенных. Кстати, очень многие заключенные и по городу ходили без конвоя. Помню, нам нужно было дома печку переложить, и маме давали заключенных. Печку перекладывали три симпатичных парня, один из них, Андрей, бывший лейтенант, работник этой же системы УЛАГа. Мы с ним потом часто в городе встречались. После 1953 года с него сняли судимость, он ушел в геологи, в тайге все время пропадал. Когда мы с ним виделись, он всегда говорил: «Ирочка, ваш дом, ваша мама Анна Ивановна всегда были такой отдушиной, такой отрадой для нас!»

Сложное время. Сейчас, когда начинают одной только черной краской красить прошлое, это неправильно. Все равно в людях оставалась человечность. Я запомнила много добрых, хороших людей...

Детство и юность на фоне войны...

Великая Отечественная... С одной стороны, она стала для нас полной неожиданностью, но с другой — нас усиленно готовили к возможным военным событиям. Мы, школьники, сдавали спортивные нормативы на значки ГТО и ГСО — «Готов к труду и обороне» и «Готов к санитарной обороне». Я тоже сдавала нормативы на эти значки. Существовало добровольное Общество содействия армии и флоту — ОСАВИАХИМ, члены которого должны были уметь стрелять, быть спортивно подготовленными. Были даже такие стихи:

Мы войны не хотим, но себя защитим.
Оборону крепим мы не даром.
Если завтра война, если завтра в поход —
Будь сегодня к походу готовым!

И такие походы нередко устраивали в 1939—1940 годах в наших пионерских лагерях.

Когда началась война, мне было 11 лет. В этот момент я как раз отдыхала в пионерском лагере, и на 22 июня у нас было намечено торжественное открытие смены. Мы заехали за неделю до этого, готовили концерт, вечерний костер. А в этот день к нам приехали родители, было очень весело и здорово. Конечно же, мы ничего не знали, ведь мы находимся с Москвой в разных часовых поясах. В 11 часов утра по нашему времени там началась бомбежка, а в лагере был самый разгар праздника...

Вечером вожатые пошли на планерку, и уже чувствовалась какая-то нервозность. Начальник лагеря, конечно же, уже знал о начале войны.

Нам объявили об этом на следующее утро. Сказали, что фашисты нарушили пакт о ненападении и что началась война. И еще что мы должны быть готовы к обороне. И тут же все отряды пошли в лес, рубили и пилили деревья, ветки и прикрывали этой маскировкой корпуса. Нет, мы не боялись. Только чувство тревоги. А трудности были еще впереди...

Первое, что исчезло из магазинов, — соль, мыло и спички. Я не могу сказать, что мы сильно голодали, но было голодно. Система МВД, где работала моя мама, как-то еще снабжалась, но у меня были друзья, семьям которых приходилось очень трудно.

Из-за близости японской квантунской армии в Хабаровске была очень напряженная обстановка, почти прифронтовая. Мы со дня на день ждали, что здесь могут начаться военные действия. И потому с нами все время проводилась политическая работа, вроде того, что «держи язык за зубами» или «болтун — находка для шпиона». Естественно, что в школах усилились уроки военного дела: нас учили кидать гранаты, стрелять. А в пионерских лагерях, как самое обычное дело, — пятикилометровые походы в противогазах. А я была такая идейная! Маленькая, не очень сильная, но упорно шла со своим отрядом, изо всех сил стараясь не отставать. Помню, как старший пионервожатый Анатолий Иванович Сафронов втихаря брал мой рюкзак и нес.

вроде нынешних коммерческих, открылся Центральный гастроном, перестав быть столовой, и там появилось множество продуктов по безумно высоким ценам. Но к празднику всегда выкраивали из семейного бюджета и брали 100–200 граммов конфет или чего-то вкусного. Но на этом фоне была дешевая рыба и, кстати, красная икра — всего 1 рубль 70 копеек за килограмм. Она в те времена не считалась таким уж деликатесом. А в доме, где позднее появилось кафе «Даурия», располагался фирменный рыбный магазин. Там стоял огромный аквариум, в котором плавали толстолобы, желтощеки, верхогляды, и продавец захватывал их сачком. И вообще с каждым годом становилось все легче и легче.

Запомнились еще первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. Это был всенародный праздник, и на всех избирательных участках целый день шли концерты, которые давали и профессиональные артисты, и самодеятельные.

Еще в 1945 году я перешла в школу № 5, где существовала мощная самодеятельность под началом Андриана Исидоровича Агафонова. А вообще-то он руководил оркестром народных инструментов, который выступал на краевом радио. Яркая личность в музыкальном мире. Очень интересный человек, оставивший немало учеников, тоже народников.

Это было очень трудное время, но радостное. Каждый день приносил какую-то радость, хоть и жили мы не богато. У меня было всего два платья — школьное и выходное.

А после 9-го класса я сбежала из школы в ТЮЗ, где открыли театральную студию. Совершила, в общем-то, отчаянный поступок, а через две недели студия закрылась. Для родителей, конечно, это стало шоком. Я ведь еще долго скрывала, что ушла из школы. Правда, довольно быстро поняла, что без образования в театре делать нечего.

В ТЮЗе в то время работало много интересных актеров — таких старых интеллигентов. Вера Павловна Веннади, Галина Александровна Посербская. Кстати, ее дочь с мужем — Арбенины — были первыми актерами ТЮЗа. Эти люди имели за плечами хорошую театральную школу и обладали высокой культурой. Со мной часто занималась Галина Александровна Посербская и дала мне очень многое. Именно она познакомила меня с Галиной Александровной Роден — известным режиссером, руководителем радиотеатра. К слову, она была одним из первых преподавателей Хабаровского института культуры.

Я пошла в педучилище, а уже на третьем курсе мне предложили работать на краевом радио. Владимир Иванович Диордиенко, председатель Хабаровского радиокomiteта, взял меня в драмгруппу, и я даже стала получать зарплату — 840 рублей. Должность моя звучала так: артистка драмгруппы 3-й категории. Читала я в основном детские передачи. Правда, директор педучилища поставил мне условие: если хоть раз опоздаю на занятия, он запретит мне работать. И я ни разу не опоздала! Да и педагоги шли мне навстречу. В общем грех жаловаться: я всегда находила в людях доброту и поддержку. Просто удивительно везло. Я все время вспоминаю строчку из стихотворения Михаила Асламова: «Жизнь щедра на людей хороших. Может, мне везет? Не скажу...»

Ирина Никифорова с Александром Свешниковым на концерте его хора в Хабаровске. Начало 1960-х

После окончания педучилища меня сразу пригласили работать на радио, хотя были заявки из крайкома комсомола, из начальной школы, но меня больше всего интересовало радио.

После смерти Сталина в радиокomiteте произошла реорганизация, драмгруппу упразднили, и меня перевели в дикторы. Вот тут-то у меня и начались неприятности. Голос мой был звонким, тонким и «прозрачным». Очень хорош для «Пионерской зорьки», но абсолютно не подходил для официальных материалов. В общем и слез было много, и обид...

Лекция-концерт «Людвиг ван Бетховен». Хабаровск. 1970

Я года три сидела на одних концертах и передачах на сельскохозяйственную тему. Но мне очень здорово помогали дикторы Ирина Гавриловна Игнатенко, Ирина Николаевна Михайлова, Дмитрий Александрович Сугробкин. Вообще дикторская группа в Хабаровске была потрясающая — необыкновенно красивые голоса, высочайшая культура. Причем отличить хабаровское радио от московского было невозможно. Еще во время войны на радио работали сильные дикторы. К примеру, Казимир Шишкин — наш местный Левитан. Правда, его я уже не застала.

А потом на хабаровское радио пришел работать Виктор Иванович Балашов из Москвы, и с его приходом в моей жизни произошел перелом. К нам в город приехал известный диктор Юрий Ярцев (вел концерты певицы Марии Максаковой), и его пригласили на радио, чтобы он провел с нами занятия. И вот он с каждым диктором индивидуально позанимался, нашел, конечно же, все мои недостатки, подсказал, что нужно делать, а когда подводил общий итог, то совершенно неожиданно для всех сказал, что на радио есть молодой диктор, но по логике чтения он всех за пояс заткнет. Не хватает только уверенности и смелости. И вдруг называет мое имя. Все ахнули! И вот после отъезда Ярцева мне уже стали доверять серьезные передачи.

Как раз в это самое время — 1958 год — начались гонения на Пастернака. И вот эти «обличительные» материалы по поводу Бориса Леонидовича мне приходилось «вещать». Доярка такая-то, инженер такой-то требуют выгнать его вон из Советского Союза... Но тогда, скажу честно, я мало во всем этом разбиралась. Я стала продуктом советского воспитания — пионерка, комсомолка. И с творчеством Пастернака практически не была знакома. Так, читала отдельные стихи, строчки.

Шестидесятые – годы романтики и ярких встреч

Начались 1960-е годы — оттепель, бесконечные споры физиков и лириков. Мы поверили во что-то лучшее. А я из дикторской группы была переведена в режиссеры детских и юношеских передач. Это было благословенное время. Я попала в круг интереснейших журналистов, к тому же к нам часто приезжали интересные, яркие люди из Москвы. Помню приезд Виктора Славкина и Марка Розовского, которые познакомили нас с творчеством Булата Окуджавы, привезли его записи. Я помню это первое потрясение от его песен! А Дмитрий Исаевич Маленкович сказал: «Ребята, а ведь это настоящая поэзия!»

Приезжал Шукшин. Пришел на радио в литературную редакцию мужичок в кепке и плаще. Твардовский был. Ему очень понравилось, как его «Василия Теркина» читал Дмитрий Александрович Сугробкин. Твардовский говорил, что это лучшее исполнение.

Конечно, работа в детской редакции для меня незабываемое время. А вместе с нами в одном кабинете находилась молодежная редакция «Факел», вокруг которой тоже сплотилось очень много интересных людей. Помню, как приходил никому тогда еще не известный рабочий сцены ТЮЗа Валерий Шульжик и приносил свои первые стихи, записанные в тетрадку. Стихи потрясли, и уже бук-

«Говорит Хабаровск!» Конец 1950-х

вально через неделю они звучали в эфире. Я была первым чтецом стихов Валерия Шульжика, первым режиссером, и когда в свет вышла первая книга его стихов «Два арбуза», он подписал ее для меня так: «Почти соавтору...» Часто к нам в редакцию приходили поэты Роальд Дороненский, Борис Копалыгин, писатель Анатолий Вахов, выступали на радио. Здесь же я познакомилась со Степаном Смоляковым, Арсением Семеновым. Словом, целая плеяда ярких, талантливых литераторов.

У радио тогда были крепкие связи с ТЮЗом и театром драмы. В те годы наши хабаровские театры были на взлете. ТЮЗ называли лабораторией искусства. Там был интересный режиссер Август Балтрушайтис, который потом уехал на киностудию в Питер, работал с Козинцевым. Он поставил пьесу Кедрина «Рембрандт», где необыкновен-

Ирина Никифорова с сотрудниками радиокомитета. 1958

но работал Михаил Кон, «Необыкновенное чудо» Шварца, и каждый его спектакль был событием. После Батрушайтиса в ТЮЗ пришел Анатолий Дмитриевич Никитин и тоже сделал в театре революцию. Его спектакль «Ревизор» вызвал такие бурные дебаты, что даже крайком партии заинтересовался им. А в театре драмы главным режиссером был Ян Цициновский — личность неординарная, яркая.

Шестидесятые годы интересны тем, что тогда открылось множество имен. Иосиф Бродский, Марина Цветаева, Борис Пастернак. Стихи Бродского привезла в Хабаровск из Питера Клара Васютинская. Вообще молодежная диссидентская среда тех лет оказала на меня благотворное влияние. Может быть, поэтому до сих пор многие события я воспринимаю не так, как мои сверстники.

В те годы творческий люд как-то очень дружно жил — артисты, писатели, художники, поэты. Особенно когда открылся Дом актера по улице Комсомольской. Там мы смотрели фильмы, которые нигде больше не показывали, там проходили концерты наших первых джазовых музыкантов — Славы Захарова, Вадима Горовца, Александра Фишера.

Надо сказать, что мое окружение было необыкновенно интересным — своего рода образовательная школа жизни. Так сложилось, что я, человек, в общем-то, далекий от музыки, оказалась в музыкальной среде. В 1958 году художественный руководитель краевой филармонии Владимир Чернин и композитор Юрий Владимиров предложили мне вести концерты Новосибирского симфонического оркестра, который приехал к нам на 100-летие Хабаровска. Дирижировали тогда яркие дирижеры — Кац и Кондрашин.

С появлением самолета ТУ-104 путь в Хабаровск из Москвы стал не таким утомительным. Ведь до этого около трех дней приходилось добираться до нас с бесконечными взлетами и посадками. И вот стали приезжать лауреаты международных конкурсов, известнейшие мастера, яркие исполнители — дирижер Натан Рахлин, пианисты Мария Юдина, Святослав Рихтер. Помню, как Натан Рахлин сказал мне, дав, по сути, установку на всю жизнь: «Деточка, ведущая — это камертон для музыкантов, дирижера и слушателя».

Вообще с хабаровским симфоническим оркестром я начала работать еще тогда, когда он был на радио — с 1952 года, а на открытую концертную эстраду вышла 28 мая 1958 года. С тех пор вся моя жизнь оказалась связанной с Дальневосточным симфоническим. В 1970-м я пришла работать в филармонию, но отношений с родным радио не порывала...

Несколько слов о Хабаровске

Хабаровск — это город, в котором прошла практически вся моя жизнь. Сейчас нередко его ругают, говорят, что здесь не ценят людей, но мне кажется, что это общая тенденция в стране. Но сам по себе Хабаровск — добрый город, и люди всегда здесь были добрые и отзывчивые. А сегодня так замечательно меняется его облик, строятся соборы, красивые дома, и всякий раз я испытываю радость, словно сама буду жить в том или ином великолепном доме.

Конечно, прошлое всегда кажется лучше, чем оно было на самом деле. И это понятно. Мы были молоды, воспринимали все иначе, жили с надеждой. Сейчас я в том возрасте, когда приходится оглядываться назад, но при этом все равно очень хочется смотреть вперед!

Ирина Никифорова и художник Родион Орлов.
Встреча через полвека

Ирина Никифорова с Виталием Вульфом и Алексеем Плаксием
в Москве в Доме-музее М. Цветаевой. 2001

Ирина Никифорова с правнучкой Настенькой. 2005

Глеб МОРДОВЦЕВ, хабаровчанин. В свои тринадцать лет уже объехал немало удивительных по красоте мест в Хабаровском крае. Неизменный спутник своей мамы в этнографических экспедициях и журналистских командировках, в результате чего стал знатоком быта и культуры коренных малочисленных народов Севера – ульчей, нанайцев, нивхов. Любит театр, пьесы Антона Павловича Чехова и песни Виктора Цоя. Пишет стихи и рассказы с самого раннего детства. В будущем мечтает связать свою жизнь со Словом.

Хотелось бы все до конца изменить...

Михаил Мильянович

Отрывок из былины

Во далекой земле да Приамурской,
Да в деревеньке во славной во Хабаровке,
Во том беленьком-зелененьком домишечке,
Да во убранной и чистенькой-то комнатке
Начиналась наша славная история,
Та история, которая правдивая.

Одевал свои то латы величайшие
Богатырь высокий, Михаил Мильянович.
Собирался он дорожкой прямоезжею
На ту гору черно-красную Лукьянову.

Ай советовала мать ему в дороженьку:
«Тот опасен путь на гору ту Лукьянову,
И не меч тебе поможет, а смекалка,
И не руки ты используй, а да голову».

И послушал Михаил да эти речи,
Мать поцеловал он в стару щеку,
Да и вышел он из дверцы деревянной,
Да из домика из белого-зеленого,
Из деревеньки из славной из Хабаровки,
На ту гору черно-красную Лукьянову.

А зачем же он идет на ту то гору?
А затем, чтоб отомстить за старых мертвых,
Тех, убил которых старый змей Лукьян,
Он живет на черно-красной горе.

Тут увидел Михаил малую хижину,
Что белеет меж деревьев высочайших.
Подошел он осторожно к двери светлой,
Он толкнул рукою сильною вовнутрь,
И предстала пред ним чудная картина:
За столом сидит седой старик
перед картами,

Младой юноша пол подметает чистый,
А девица красная готовит ужин.

Подошел да Михаил к седому деду,
По колено поклонился головою
И сказал он: «Здравствуй, старец,
ты прими меня

На ночлег в своем уютном теплом доме,
А как солнце яркое взойдет на небо,
Я иду от тебя с покоем».

Ай ответил ему старец, да с улыбкою:
«Ой ты гой еси да Михаилушка,
Оставайся на ночлег в своем домишечке,
Мы накормим и напоим тебя досыта,
Погадаю я тебе на картах пламенных,
Ведь нелегко будет воевать с Лукьяном».

Удивился Михаил да этим речам:
«Да откуда этот старец меня знает!»
Но, однако, промолчал и сел он рядом
Со старым дедом, тот гадал ему на картах.
«О, Михаил, твоя судьба тяжелая,
Ты будешь воевать не только со змеем,
А настоящий враг все ждет тебя».
Собрал он карты и пошел в покои.

Утром да собрался Михаил
В дальний путь на гору ту Лукьянову.
Распростился он со старцем,
вышел за дверь
И пошел неспешно прямо чрез лесок,
Чтобы встретиться
со страшным змеем важным.

2003

Комментарии автора.

Эта былина вводит в курс других былин о Михаиле Мильяновиче. Возможно, змей символизирует монголо-татарское иго, а само действие – хитростное отражение нападения. Старец выходит как предсказатель. Он говорит, что немало времени пройдет времени, прежде чем они победят монгол и татар. Сам я постарался сделать былинку более интересной, но не очень фантастической, так как это затмило бы самохождение героя.

Ледяная скульптура

Песня

Выход из подъезда, серая улица,
Сыро, и людей – ни много ни мало.
Стылый ветер за воротник ломится,
Ты этого не хочешь, но это так надо.

Автомобили лезут в мозги,
Забирают память, сжимают нервы.
Первая мысль – все враги,
Вторая – ты лучше них, ты для них первый.

Асфальт топчут стальные лошади,
Запоминаешь их цвет, аппаратуру...
А маленький мальчик стоит на главной площади,
Он с жалостью смотрит на ледяную скульптуру...

Люди что-то бормочут под нос,
Придумывают шифры, кодируют знаки.
Они вяжут язык, как спасательный трос,
Несуществующих зерен сажают злаки.

Недоброжелатели на каждом углу,
Ты смотришь на них, они на тебя.
Зрительный контакт, раскрываешь натуру,
И вскоре понимаешь, что видишь себя.

Толпа молча кричит пошлости,
Кричит и молчит, отвергая культуру...
А маленький мальчик стоит на главной площади,
Он с жалостью смотрит на ледяную скульптуру...

По каждой из улиц подъемы и спуски,
Взлеты, падения человеческой жизни,
Но им все безразлично, им сильны нагрузки,
Да, впрочем, как и тебе – их жизни.

Ты кровожаден, ты беспощаден,
Ты знаешь, умеешь, ты хочешь так жить.
Мир в темных оттенках и, будь он неладен,
Хотелось бы все до конца изменить.

Изречения гениев повторяешь в точности,
Внимаешь бессмысленному каламбуру...
А маленький мальчик стоит на главной площади,
Он с жалостью смотрит на ледяную скульптуру...

2005

Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры

Загадочное искусство коренных малочисленных народов Амура: замысловатые орнаменты традиционной одежды аборигенов, ковров и декоративных панно, деревянные сэвэны и обереги, выполненные по древнейшим канонам.

Старинные народные промыслы России: чистые цвета гжели, яркие краски хохломы, изысканность палеха, тепло изделий из бересты, красота традиционной русской игрушки.

Творческий центр «Тайны ремесла» - это путешествие в мир красоты

Произведения дальневосточных художников: индивидуальный взгляд на окружающий мир, философия красок, линий и форм, живопись, графика, керамика.

www.khv.ru/art
vvb@fk.khv.ru

«Русская деревня» в селе Бычиха - это возможность окунуться в мир ремесел и самому стать творцом.

Мастер-классы по живописи, декоративно-прикладному искусству, знакомство с русской культурой.

Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17. Тел. 32-73-85